Вестник Челябинского государственного университета

Филологические науки

Выпуск 146

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1991 году

№ 9 (515) 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Главный редактор
Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; **Scopus Author ID**: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь
Саломатова Оксана Ивановна
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович,** доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Е. И. Минина**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбов); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук (Челябинск), **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **У. А. Жаркова**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **М. Р. Желтухина**, доктор филологических наук, профессор (Волгоград), **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Ю. С. Замышляева**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям: экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного направления «Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск, пр. Победы, 162-в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре.
Реестровая запись ПИ № ФС77-91039 от 03.03.2026 г.

Индекс 33077 в каталоге «Пресса России»

Корректура *С. В. Ястребовой*
Верстка *С. В. Ястребовой*

Подписано в печать 18.11.26.
Выход в свет 24.11.26.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 26,5.
Уч.-изд. л. 23,0.
Тираж 500 экз. Заказ 572.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского государственного университета
Россия, 454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

12+

Bulletin of Chelyabinsk State University

Philological Sciences

Issue 146

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 1991

№ 9 (515) 2026

The journal is published 12 times per year

FOUNDER
Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief
S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary
O. I. Salomatova

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPA, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. I. Minina**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **N. N. Boldyrev**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Tambov); **T. V. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **U. A. Zharkova**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **Yu. S. Zamyshlyaeva**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i Umiversity, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences" editorial office's addres:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements are available on the web-site http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSUu

The Editorial Board may not share the views of the authors

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation

Academic periodical is registered in Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications
Registry entry ПИ № ФС77-91039 (dated 03.03.2026)

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *S.V. Yastrebova*
Imposition by *S.V. Yastrebova*

Approved for printing 18.11.26.
Date of publication 24.11.26.
Format 60×84 $^{1}/_{8}$. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 26,5.
Ac.-publ. sh. 23,0.
Circulation 500 copies.
Order 572. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА, ДИСКУРС И ПРАГМАТИКА

Иванова Ю. М., Мальцева Н. Г. Речевое действие упрека: интерактивный аспект (игровые и неигровые реакции) 7

Мамонова Н. В. Лингвосинергетическая объективация массмедийного концепта «дети-мигранты» в российских telegram-каналах 16

Тармаева В. И., Раднаев Э. Г. Стратегии и тактики в стендап-дискурсе 26

Тисленкова И. А. Характеристики «новой демонстративности» в коммуникации метамодернизма 35

ИСТОРИЧЕСКОЕ, СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОД

Будейко В. Э., Герасимова К. Е. Церковнославянская диакритика в экзегезе как средство уточнения смысла 43

Лазаревич Д. В., Хомутова Т. Н. Стратегии перевода политического дискурса 52

Мехраби К. Прагматический подход при переводе русского грамматического термина «Причастие» на персидский язык 66

Петрова Е. М. Контрастивное исследование средств реализации лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе 76

Тиллоева С. М., Енани А. А. А. А. Функционально-семантические соответствия арабских глагольных пород и русских префиксальных глаголов (на материале избранных сур Корана). 86

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ЛЕКСИКОЛОГИЯ И НЕОЛОГИЯ

Беляев А. Н. Субстантивные композиты в системе немецкого словообразования. 95

Замышляева Ю. С. Перспективы появления и роста использования феминитивов-неологизмов в связи с расширением списка профессий, доступных женщинам 104

Схаляхо Е. Н., Сасина С. А., Бричева М. М. Антропоцентризм как системообразующий фактор возникновения неологизмов сферы туризма (на материале английского языка). 111

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ, ОНОМАСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Данилина Н. И., Шевцова Ю. В. Культура эпонимии в науке 119

Даулетова А. Б. Спортивное прозвище как индикатор оценочности в спортивном дискурсе (сопоставительный анализ на материале русского и английского языков) 129

Шафиков С. Г. Перевод топонимов, языковой национализм и критика языка 139

Демидов М. А. Комбинированная металингвистическая схема для многодисциплинарной разработки проблем прикладного терминоведения на современном этапе 146

ЦИФРОВАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Степанов А. В. Модели формулирования англо- и русскоязычных промптов к генеративному ИИ 157

Малахова Е. В., Шустова С. В. Фреймовый анализ каузативности: на материале ресурса FrameNet 166

Мамаев И. Д. Стилометрические различия в переводах «Баллады Редингской тюрьмы» 175

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, СЕМИОТИКА

Миронова А. А., Чуносова И. А. Инфографика как инструмент визуализации информации в структуре церковных летописей Южного Урала XIX в. 184

Савченко А. А., Кодрле С. В. Каламбур в заголовках англоязычных медийных текстов, посвященных актуальным вопросам использования современных технологий . . 192

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Иванов С. С. Стихотворение в прозе «Еда» Гертруды Стайн как многомерный текст 201

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Редькина О. Ю., Попова Л. К. Адаптация аутентичных текстов для использования на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере оригинального и адаптированного рассказов В. Ю. Драгунского) 211

Шарафутдинова О. И., Хелал Я. Л. Репрезентация туристических объектов городов УрФО: речевой и лингводидактический аспекты 220

CONTENTS

TEXT LINGUISTICS, DISCOURSE, AND PRAGMATICS

Ivanova Yu. M., Maltseva N. G. The Speech Act of Reproach: Interactional Perspective (Playful vs. Non-Playful Reactions). 7

Mamonova N. V. Linguasynergetic Objectification of Mass Media Concept «Migrant Children» in Russian Telegram-Channels. 16

Tarmaeva V. I., Radnaev E. G. Strategies and Tactics in Stand-Up Discourse 26

Tislenkova I. A. Characteristics of the «New Demonstrativeness» in Metamodernism Communication 35

HISTORICAL AND COMPARATIVE-TYPOLOGICAL LINGUISTICS AND TRANSLATION

Boudeyko V. E., Gerasimova K. E. Church Slavonic Diacritics in Exegesis as a Means of Clarifying Meaning 43

Lazarevich D. V., Khomutova T. N. Political Discourse Translation Strategies 52

Mehrabi Q. A Pragmatic Approach to Translating the Russian Grammatical Term “Participle” into Persian 66

Petrova E. M. A Contrastive Study of Hedging Realization in English and Russian Spoken Discourse 76

Tilloeva S. M., Enani A. A. A. A. Functional and Semantic Correspondences of Arabic Verb Breeds and Russian Prefixed Verbs (Based on Selected Surahs of the Quran). 86

WORD FORMATION, LEXICOLOGY, AND NEOLOGY

Belyaev A. N. Substantive Compounding in the German Word-Formation System 95

Zamyshliaeva Yu. S. The Prospects for the Emergence and Growth in the Use of Feminatives-neologisms in the Context of the Expanding List of Professions Open to Women 104

Skhalyakho E. N., Sasina S. A., Bricheva M. M. Anthropocentrism as a System-Forming Factor in the Emergence of Neologisms in the Tourism Sphere (Based on the English Language) 111

TERMINOLOGY STUDIES, ONOMASTICS, AND SOCIOLINGUISTICS

Danilina N. I., Shevtsova Y. V. The Culture of Eponymy in Science 119

Dauletova A. B. Sports Nickname as an Indicator of Evaluation in Sports Discourse (a Comparative Analysis Based on Russian and English) 129

Shafikov S. G. Translation of Toponyms, Linguistic Nationalism and Critique of Language 139

Demidov M. A. A Combined Metalinguistic Framework for Multidisciplinary Problem-Solving in Modern Applied Terminology 146

DIGITAL LINGUISTICS AND COMPUTER-BASED TEXT ANALYSIS

Stepanov A. V. Models of English- and Russian-Language Prompt Formulation for Generative AI 157

Malakhova E. V., Shustova S. V. A Frame Analysis of Causation: a Study Based on the Framenet Resource 166

Mamaev I. D. Stylometric Variations Across Translations of "The Ballad of Reading Gaol" 175

LINGUOCULTUROLOGY, SEMIOTICS, AND MEDIA LINGUISTICS

Mironova A. A., Chunosova I. A. Infographics as a Tool for Visualizing Information in the Structure of Church Chronicles of the Southern Urals of the 19th Century. 184

Savchenko A. A., Kodrle S. V. Pun in Headings of English-language Media Texts Related to the Use of Modern Technologies 192

ANALYSIS OF A LITERARY TEXT

Ivanov S. S. Gertrude Stein's Prose Poem "Food" as a Multidimensional Text. 201

LINGVODIDACTICS

Redkina O. Yu., Popova L. K. Adaptation of Authentic Texts for Use in Classes of Russian as a Foreign Language (Based on the Example of the Original and Adapted Stories of V. Yu. Dragunsky) 211

Sharafutdinova O. I., Khelal I. L. Representation of Tourist Attractions in the Cities of the Ural Federal District: Speech and Linguodidactic Perspectives 220

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА, ДИСКУРС И ПРАГМАТИКА
TEXT LINGUISTICS, DISCOURSE, AND PRAGMATICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 7–15.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):7-15.

Научная статья

УДК 808.56

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-7-15

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ УПРЕКА: ИНТЕРАКТИВНЫЙ АСПЕКТ (ИГРОВЫЕ И НЕИГРОВЫЕ РЕАКЦИИ)

Юлия Михайловна Иванова[1], Наталия Геннадиевна Мальцева[2]

[1]Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, julivanova@yandex.ru, 0000-0003-2321-7037

[2]Саратовское высшее артиллерийское командное училище, Саратов, Россия, NMalts@yandex.ru, 0000-0002-2763-560X9

Аннотация. Статья исследует диалогические реакции на речевое действие упрека в свете лингвистической прагматики на материале опроса 314 респондентов, которым было дано задание продолжить короткий диалог, как если бы они были его участниками. Таким образом, в общей сложности было собрано 628 диалогических реакций на два стимула. Эксперимент носил ненаправленный характер, респонденты никак не ограничивались в выборе реакции. В полученном материале наблюдаются как неигровые, так и игровые реакции на упрек. Неигровые реакции демонстрируют важность степени эксплицированности обоснования упрека: чем она выше, тем выше вероятность конструктивного речевого поведения со стороны респондентов (встречные предложения, извинения, оправдания). Если же воспринимаемая обоснованность упрека низка, то повышается вероятность ответных упреков, речевой агрессии, отказа от продолжения общения. Статистически значимыми смежными (адъяцентными) парами с участием упрека в нашем материале оказались следующие: «упрек — конструктивное предложение» (33,7 %), «упрек — извинение» (16 %), «упрек — грубость, отказ от общения» (9 %), «упрек — ответный упрек» (9 %), «упрек — оправдание» (7 %). Игровые реакции на речевое действие упрека следуют двум стратегиям: метаязыковой (обыгрывание формы и конвенционального значения стимула) и миметической: прием «речевой маски» (Е. А. Земская), притворство, пародирование и т. п. Наличие в речевом стимуле маркеров игровой интенции само по себе не является решающим фактором включения игрового коммуникативного фрейма, поскольку в зависимости от контекста речевая игра может быть воспринята как средство эмоционального воздействия, без игровой провокации.

Ключевые слова: упрек, речевой акт, речевое действие, смежная (адъяцентная) пара, метаязыковая рефлексия, мимесис, игровой коммуникативный фрейм, (не)игровая диалогическая реакция, анализ дискурса

Для цитирования: Иванова Ю. М., Мальцева Н. Г. Речевое действие упрека: интерактивный аспект (игровые и неигровые реакции) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 7–15. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-7-15.

Original article

THE SPEECH ACT OF REPROACH: INTERACTIONAL PERSPECTIVE (PLAYFUL VS. NON-PLAYFUL REACTIONS)

Yulia M. Ivanova[1], Natalia G. Maltseva[2]

[1]Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, julivanova@yandex.ru, 0000-0003-2321-7037

[2]Saratov Higher Artillery Command School, Saratov, Russia, NMalts@yandex.ru, 0000-0002-2763-560X

Abstract. The article examines dialogical responses to the speech act of reproach in the light of linguistic pragmatics, based on a survey of 314 respondents who were asked to continue a short dialogue as if they were its participants. Thus, a total of 628 dialogical responses to two stimuli were collected. The experiment was non-directive

© Иванова Ю. М., Мальцева Н. Г., 2026

in nature, and respondents were not in any way restricted in their choice of response. The material obtained shows both playful and non-playful responses to being reproached. Non-playful responses to reproach demonstrate the importance of the perceived validity of the reproach: the higher it is, the higher the probability of constructive speech behavior on the part of the respondents (counterproposals, apologies, excuses). If, however, the perceived validity of the reproach is low, the likelihood of counter-reproaches, verbal aggression, and refusal to continue communication increases. The following statistically significant adjacent pairs involving reproach as their 1PP were found in our material: "reproach - constructive suggestion" (33,7 %), "reproach – apology" (16 %), "reproach – rudeness, refusal to communicate" (9 %), "reproach – counter-reproach" (9 %), "reproach – excuse" (7 %). Playful reactions to reproach follow two strategies: metalinguistic (playing on the form and conventional meaning of the stimulus) and mimetic: the technique of "speech mask" (E. A. Zemskaya), pretense, parody, etc. The presence of markers of playful intention in a verbal stimulus is not in itself a defining factor in the decision whether or not to switch to the playful communicative frame, since, depending on the context, verbal playfulness can be perceived as sincerely emotional rather than provocatively playful.

Keywords: reproach, speech act, speech action, adjacency pair, meta-language reflection, mimesis, playful communicative frame, (non-)playful dialogical reaction, discourse analysis

For citation: Ivanova YuM, Maltseva NG. The Speech Act of Reproach: Interactional Perspective (Playful vs. Non-Playful Reactions). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):7-15. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-7-15.

Введение

Упрек как структурная единица диалога в полной мере подчиняется постулатам межличностного общения, сформулированным основателями прагмалингвистики и теории речевых актов. Это принцип кооперации П. Грайса [13], условия успешности речевого акта Дж. Серля [19], требования учета социальной обусловленности вербального общения, сформулированные Д. Хаймсом [14]. Понятие упрека является центральным для ряда исследований последних десятилетий, которые при разнообразии подходов позволяют описать функционирование упрека с достаточной степенью полноты.

Все авторы понимают под упреком в разной степени выраженную конфликтную форму речевого обмена, вид или структурную единицу агрессии. Оценочность и напряженность эмоционального фона, свойственные упреку, также не подвергаются сомнению; в терминологии Дж. Серля упрек относится к речевым актам экспрессивного типа [19].

Исследуя упрек, авторы расставляют различные теоретические акценты в зависимости от выбранной проблематики. Чаще других цитируется работа Н. А. Каразии, подробно описавшая дискурсивные функции упрека и специфику их языковой реализации на примере американской речевой культуры. Упрек понимается автором как «выражение неодобрения по отношению к действиям и поступкам собеседника с целью воздействия на его эмоциональную сферу и стимулирования чувства вины/стыда» [7, с. 3].

Терминологическая неоднородность в вопросах изучения упрека отмечается Р. И. Шмураком, чья работа представляет детальное обсуждение таксономического статуса упрека в русскоязычных исследованиях [10, с. 34–45]. В отличие от свойственной большинству исследователей общей ориентации на семантику явления, автор следует структурному принципу выделения и делимитации упрека. Согласно его подходу, облигатная структура упрека содержит два компонента — обвинительную составляющую и указание на эмоциональную «уязвленность» субъекта высказывания. Именно указание на эмоциональный ущерб, наносимый субъекту упрека, позволяет отнести высказывание к «ингерентным» (контекстонезависимым) упрекам [10, с. 24–31]. Остальные упреки в русском языке условно могут быть отнесены к «контекстуальным» (являющимся упреками только в соответствующем контексте).

С субъективностью семантического принципа интерпретации речевых феноменов связан дискуссионный вопрос о явности/косвенности упрека. Обычно противопоставляют два вида способов его выражения, так называемые «прямые» и «косвенные». Современные представления о прямых и косвенных речевых актах представлены в монографии Е. В. Ерофеевой [3, с. 40–54]. Согласно общепринятой точке зрения, за прямые принимаются наиболее типичные, конвенциональные средства выражения целеустановки. Так, Н. А. Каразия относит к прямым упрекам высказывание, в языковой структуре которого содержится эксплицитное выражение недовольства, дейктические единицы, обозначающие адресата, и описание проступков адресата, послуживших причиной упрека [7, с. 11]. Косвенные же способы выражения могут содержать показатели иного иллокутивного значения, а речевая целеустанов-

ка выражена в пресуппозиции. Однако, как отмечает автор, «существуют такие ситуации общения и такие речевые акты, в которых говорящий не имеет возможности выразить целевую установку «прямо» в силу того, что ни одна грамматическая форма предложения функционально не специализируется на выражении иллокутивной информации в них» [3, с. 41]. Иными словами, в узусе любого языка могут отсутствовать конвенционально принятые формы выражения того или иного речевого акта, что справедливо, в частности, и для акта упрека, для которого отсутствует стандартная перформативная формула [5, с. 41].

Таким образом, точнее было бы говорить не о прямых и косвенных упреках, а о разных способах выражения упрека, эксплицированных либо не эксплицированных формальным элементом. В одном случае говорящий употребляет в высказывании грамматическую форму, содержащую показатель речевой целеустановки, во втором это значение выводится адресатом из контекста и ситуации [3, с. 42].

Ю. А. Белютина связывает степень эксплицитности упрека с определенными контекстными координатами, а именно с социальным статусом собеседников: речь тем более эксплицитна, чем выше положение субъекта речи, и наоборот [1, с. 150]. И. В. Кожухова, напротив, отмечает более «прямолинейное» выражение упрека в ситуациях с симметричными отношениями (выяснение отношений в семье, между близкими людьми) [8].

Подавляющее большинство исследований лингвистических средств экспликации упрека выполнено на материале художественной литературы, кроме корпусного исследования Р. И. Шмурака и анализа интернет-переписки С. А. Демченкова и Н. Д. Федяевой [2]. Наше исследование стремится компенсировать существующий дисбаланс, обращаясь к экспериментальному материалу.

В последние десятилетия исследователи в области прагматики осознали необходимость выйти за пределы умозрительных логических построений, на которых базируется классическая (философская) прагматика, и обратиться к анализу фактического языкового материала (speaker performance) [16]. Такая исследовательская программа — Р. Копытко формулирует ее как «отход от картезианской парадигмы в прагматике» [16, с. 132] — неизбежно приводит к необходимости ограничить значимость дедукции как в научном анализе, так и в восприятии структуры коммуникативной ситуации. Иными словами, исследователю приходится признать, что лексические, синтаксические, кинесические, просодические и другие выборы говорящих в реальной коммуникации осуществляются не в соответствии с некими заранее заданными, вечными и неизменными законами «природы» коммуникации, а являются проекцией постоянно меняющейся коммуникативной ситуации.

На этом пути исследователь делает ряд важных допущений. Во-первых, в реальном диалоге возможно непонимание или иллюзия понимания (illusory understanding) [16], не говоря уже о том, что и само «понимание» можно оценивать лишь с позиций сравнения со смыслом, который вкладывает в свое высказывание говорящий (speaker meaning), а этот смысл недоступен нам в наблюдении. Во-вторых, принимаемое по дефолту понятие коммуникативной удачи, реализованное, например, в условиях успешности, формулируемых для различных видов речевых актов [9], требует серьезного пересмотра в связи с упомянутым отходом от картезианской парадигмы [16].

Сегодня интеракциональная прагматика продолжает традиционные исследования дискурса обращением к таким проблемам, как связь эмоциональных реакций со стандартными формами вежливости [12], интеракционально-прагматический подход к изучению просодии в диалоге [21] и др.

Другое важное направление современных прагмалингвистических исследований, которое один из его главных инициаторов И. Кечкеш называет «прагма-диалогом» [15], по-русски можно для удобства назвать *прагматической теорией диалога*. Основные положения этого формирующегося в данный момент теоретического подхода можно сформулировать так: (1) необходимо последовательно различать инициальные и реактивные реплики в диалоге — здесь нельзя не упомянуть понятие «смежной (адъяцентной) пары», введенное теоретиками конверсационного анализа еще в прошлом веке [17], (2) помимо исследования иллокуций речевых действий необходимо также помнить о коммуникативных целях (“communicative agenda”) собеседников и, следовательно, анализировать их высказывания как средство достижения более глобальных целей, (3) наложение проекции коммуникативных целей на последовательность отдельных иллокуций дает диалогическую последовательность (обмен), или секвенцию (“sequence”), причем важно, что эта последовательность понимается как чередование действий и реакций на них, (4) при исчислении смысла, который вкладывал в свои слова говорящий, необходимо помнить о том, что на дизайн реплики влияют две противоположные силы:

стремление к кооперации (выражающееся в использовании конвенционально интерпретируемых прагматических форм) и эгоцентризм говорящего, проявляющийся в феномене салиентности, или выпуклости, используемых языковых средств [15].

В данной статье мы ставим исследовательский вопрос о наиболее типичных способах реакции на упрек, разграничивая реакции игровые и неигровые. Под игровой реакцией на речевое действие мы понимаем попытку переключить коммуникативный фрейм на игровой при помощи различных маркеров игры. Такое переключение ставит своей целью перевести разговор в несерьезное русло, сняв ответственность говорящих за дальнейшие речевые действия. В противном случае разговор остается в серьезном коммуникативном фрейме, что в первую очередь предполагает социальную ответственность за произнесенное. Концепция игрового коммуникативного фрейма принадлежит Г. Бейтсону, который формулирует ее так: в поведении играющего необходимо присутствуют маркеры игры, сигнализирующие о несерьезности происходящего. Эти маркеры «включают» игровой коммуникативный фрейм, который снимает значения и смыслы, конвенционально приписываемые тем или иным действиям [11], таким образом, в случае игровых речевых действий речь идет о снятии иллокуции и превращении ее в знак [6].

В данной статье исследуются серьезные способы реакции на упрек и игровые способы обратить ситуацию упрека в шутку.

Материал и методы исследования

Материалом данного исследования стали **результаты опроса** 314 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, в котором им предлагалось отреагировать на диалогические стимулы так, как если бы они были его участниками. Опрос проводился онлайн, длина и содержание ответов никак не ограничивались экспериментаторами, стимулы подавались в случайном порядке. Упрек давался в минимальном контексте, в разговоре с воображаемым собеседником, находящимся (по условию эксперимента) с респондентом в дружеских отношениях. Стимульные диалоги были синтезированы таким образом, чтобы в одном из них была игровая провокация, а другой был лишен маркеров игровой интенции. Такой выбор стимулов был направлен на проверку гипотезы о том, что наличие игровой провокации увеличивает вероятность игровой реакции.

Приведем здесь предложенные респондентам стимулы. **Стимул № 1** не содержал игровых провокаций:

Ситуация: Вы с другом обсуждаете текущие дела.

Вы: Мы в пятницу вечером хотим пойти в боулинг.

Друг: Вот вечно вы так! Знаете же, что мне в пятницу вечером на пилатес!

Вы: _____

Стимул № 2 содержал игровую провокацию в виде метафоры *(«ты ломаешь мои выходные пополам»)* и повтора *(«Понимаешь… Понимаешь?»):*

Ситуация: Вы с своим другом/подругой обсуждаете текущие дела.

Вы: Слушай, я не смогу в эти выходные поехать...

Друг: Понимаешь, ты просто ломаешь мне выходные! Пополам! Ты понимаешь?

Вы: _____

Распределение реакций по типам проходило на основании двух прагматических критериев: какие речевые действия были использованы и каковы импликатуры данного ответа. Все реакции были поделены на три группы: игровые, неигровые и условно игровые в зависимости от наличия / отсутствия признаков игрового коммуникативного фрейма [11]. К условно игровым причислялись реакции, не содержащие формальных признаков игры, но допускающие как игровую, так и неигровую интерпретацию.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Столкнувшись с упреком, респонденты выбирают один из двух вариантов: реагировать серьезным или игровым образом. Серьезная реакция чаще всего выражается в построении высоковероятной смежной пары, игровая — в обыгрывании формы и/или значения высказывания-стимула.

Игровой и неигровой способы реагирования на упрек представляют собой противоположные стратегии. Серьезно настроенные респонденты реагировали на содержание упрека, выстраивая ожидаемые смежные пары: упрек — извинение, упрек — оправдание, упрек — ответный упрек, упрек — конструктивное предложение по решению проблемы, послужившей основанием упрека (далее: конструктивное предложение). Что же касается игровых реакций, то они основывались на обыгрывании формы и/или значения стимула. Это обыгрывание касалось формы слов, содержания речевых актов (псевдоаргументация, нарочитое непонимание, метаязыковое комментирование), содержало прецедентные высказывания и/или абсурд. В общей сложности мы получили 628 ответов. Серьезные ответы на упрек

формировали следующие смежные пары: «упрек — конструктивное предложение» (212 из 628, или 33,7 %), «упрек — извинение» (101 из 628, или 16 %), «упрек — грубость, отказ от общения» (59 из 628, или 9 %), «упрек — ответный упрек» (59 из 628, или 9 %), «упрек — оправдание» (46 из 628, или 7 %).

В игровом ответе на стимулы обнаруживаются маркеры игровой интенции:

(1) обыгрывание отдельных слов (сломать, пополам, пилатес): *«Давай попробуем* ***склеить эти половинки*** *на следующих выходных», «Ну* ***скотчем перемотай****», «Да хоть по потолкам…», «Я* ***ломаю твою жизнь пополам****, а ты за выходные переживаешь!», «****Вдоль*** *или* ***поперёк****?», «Иначе* ***я сломаюсь****. Пополам», «А мы устроим тебе* ***ПИВАТЕС****!»*;

(2) метаязыковая рефлексия *«Ха, лови ключи от каламбурочной, я домой!»*;

(3) прецедентность *«(пожимает плечами) «Я раб лампы»», «Шары сами себя не погоняют»*;

(4) абсурд *«Иди сам операцию, тогда делай», «Пока мы будем играть в боулинг, ты пилаться прямо там и нормально», «Можем тогда пойти в бильярд».*

2. Практики серьезного реагирования на упрек наиболее сильно зависят от степени эксплицированности причины недовольства.

Наш анализ практик реагирования на упрек был основан на двух исследовательских вопросах. (1) Какие речевые акты с наибольшей частотностью формируют реакцию на речевое действие упрека? и (2) Каковы импликатуры того или иного ответа?

Число реакций-оправданий на оба стимула почти совпадает: 35 и 37 соответственно. Однако при анализе результатов мы получили разительное несовпадение в числе извинений: если на упрек *«Понимаешь, ты просто ломаешь мне выходные! Пополам! Ты понимаешь?»* мы получили 93 извинения, то упрек *«Вот вечно вы так! Знаете же, что мне в пятницу вечером на пилатес!»* вызвал всего 8 извинений. Это же различие касается и числа реакций, содержащих конструктивные предложения: 57 и 155 соответственно. По-видимому, причина столь явных количественных расхождений кроется в этических оценках респондентов. Так, стимул № 2, содержащий метафору (*«ты ломаешь мои выходные пополам»*), с высокой степенью вероятности предполагает ситуацию форс-мажора (затрагивающую такие ценности, как безопасность, уверенность в своих силах, доверие): выходные давно запланированы, но вновь пришедшая информация резко меняет эти планы. Вероятно, именно в силу этой гипотезы респонденты приносят 93 извинения, но при этом делают всего 54 конструктивных предложения (о переносе и изменении существующих планов и т. п.).

Стимул № 1 *«Вот вечно вы так! Знаете же, что мне в пятницу вечером на пилатес!»* отличается тем, что содержит **эксплицитное обоснование упрека**. Он отсылает к нарушению других ценностей: ценности гибкости и самопожертвования ради интересов группы, а также уважение личного пространства других людей. Здесь мало кто извиняется (8 извинений): большинству так удобнее, значит, нужно подстраиваться, однако с готовностью и в изобилии (155 реакций) предлагаются перенос встречи и другие альтернативные сценарии: давай попробуем успеть до твоего занятия; *давай я за тобой заеду; приходи после пилатеса; сейчас пойдем без тебя, а в другой раз подстроимся под тебя; предлагай свои варианты решения проблемы* и т. п. Несмотря на то, что данный стимул представляется более конфликтогенным, поскольку открывается так называемым «доводом к человеку» (*«Вот вечно вы так!»*) — приемом переключения с предмета обсуждения на личность говорящего [2], он все же вызывает больше конструктивных реакций, по-видимому, именно за счет экспликации обоснования упрека. Большее количество конструктивных реакций может также быть связано с более ярко выраженной семантикой эмоционального ущерба, обиды, который испытывает субъект упрека из-за действий упрекаемого (выражаемой, например, в усилительной частице «же» и др.). Вследствие этого упрекаемый стремится нивелировать негативные последствия своего решения, выражая сожаление и предлагая выход.

3) Анализ игровых практик реагирования на упрек позволяет выделить две категории: метаязыковые и миметические.

Метаязыковые практики игровой реакции на диалогический стимул касаются обыгрывания любых компонентов формы и конвенционального значения стимула. Например, в ответ на стимул № 1 говорящие креативно пародируют звучание слова «пилатес»: *«А мы устроим тебе ПИВАТЕС!», «Лучше на пиратов!», «Ну тогда не пилотируй»* и т. п. Обыгрыванию подвергается и конвенциональное значение слова «пилатес» путем его сближения со словом «боулинг» по признаку «спорт»: *«Твой пилатес один раз может смениться боулингом», «Боулинг – это тоже своего рода спорт», «А чем боулинг не пилатес? Пошли*

с нами!» (импликатура: если и то, и то «спорт», то какая разница?).

Миметические практики игровой реакции на диалогический стимул — то, что Е. А. Земская называет приемом «речевой маски» [4, с. 180] — предполагают элемент спонтанной драматургии в речевом поведении говорящих. Примером такого явления могут послужить: нарочитое непонимание, намеренно ошибочная интерпретация темы разговора, экзальтированная манера говорения, резкое понижение или повышение стиля разговора, фонетико-стилистическое пародирование чьей-либо манеры говорить, говорение внутри воображаемой ситуации, от воображаемого лица и т. п.

Приведем примеры «речевой маски» в нашем материале. В ответ на стимул № 1 респонденты выражали нарочитое непонимание: *«Ты ходишь на пилатес?!», «Ваня, какой пилатес»*, комически путали пилатес со стриптизом (пилон — шест для выполнения акробатических и хореографических элементов): *«Это где на шесте надо крутиться?»*, притворялись впервые слышащими это слово: *«Что такое пи**т**ал**е**с?», «А это что? Может, мне тоже надо?»*, на письме пытались передать нарочитое интонационное выделение части фразы: *«Ок, иди, а мы ПОЙДЕМ НА БОУЛИНГ»*, играли роль рассеянных и забывчивых: *«Ах, да... Прости. Мы ещё и в бар собирались»* или злорадных: *«Да, а ещё тебе назло сходим пива попьём»* и т. п.

Выводы

1. При делимитации речевого действия упрека исследователи выделяют в качестве основных следующие критерии: наличие неодобрительной оценки; обвинительной семантики; указания на эмоциональный вред, наносимый субъекту упрека; попытка вызвать чувства вины и стыда.

2. В данном исследовании упрек рассматривается в интерактивном аспекте, как инициальное речевое действие, первая часть смежной (адъяцентной) пары. Статистически значимыми смежными парами с участием упрека в нашем материале оказались следующие: «упрек – конструктивное предложение» (33,7 %), «упрек — извинение» (16 %), «упрек — грубость, отказ от общения» (9 %), «упрек — ответный упрек» (9 %), «упрек — оправдание» (7 %). Видим, что конструктивное предложение по исправлению ситуации является в нашем материале предпочитаемой реакцией на упрек, а оправдание — наименее предпочитаемой.

3. У реагирующего на любое инициальное речевое действие есть выбор из двух опций: выбрать игровую или неигровую реакцию. Выбор неигровой стратегии реагирования на упрек во многом зависит от степени эксплицированности оснований упрека: чем она выше, тем конструктивнее реакция, и наоборот, чем менее обоснованным представляется упрек, тем выше вероятность ответного упрека и других форм речевой агрессии. На основании нашего материала можно сделать вывод о том, что эксплицитно обоснованный упрек чаще вызывает конструктивную реакцию (конструктивное встречное предложение либо оправдание — 40,7 %), чем агрессивную или куртуазную (18 % и 16 % соответственно). Если же упрек воспринимается как менее обоснованный, например, за счет имплицитности его оснований, то более высока вероятность агрессии, ответного упрека, отказа от дальнейшего обсуждения и т. п.

4. Игровые стратегии реагирования на упрек подразделяются на метаязыковые и миметические. Примером метаязыковых средств реагирования на упрек являются: обыгрывание, метаязыковая рефлексия, прецедентность, абсурд. К миметическим средствам речевой игры, зафиксированным в нашем материале, относятся: разыгрывание какой-либо роли; прием «речевой маски» (термин, введенный Е. А. Земской); притворство; пародирование; наивная драматургия диалогического дискурса и т. п.

5. Наличие в речевом стимуле маркеров игровой интенции само по себе провоцирует лишь незначительное увеличение игровых реакций. Выбор серьезной или игровой реакции происходит на основании более широкого круга факторов, к которым в случае упрека относится воспринимаемая обоснованность этого речевого действия, выражающаяся, например, в эксплицированности претензий.

Список источников

1. Белютина Ю. А. Моделирование коммуникативных актов «упрек» и «обвинение» в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4 (44). С. 149–162. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=yxxnwh

2. Демченков С. А., Федяева Н. Д. Упрек в неграмотности в интернет-коммуникации // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : материалы IV Всероссийской междисциплинарной научной конференции, посвященной 90-летию со дня создания Омского государственного педагогического университета и 300-летию Российской академии наук. Омск, 2022. С. 218–221. URL: https://elibrary.ru/item.asp?Id=50330424

3. Ерофеева Е. В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке: монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2023. 286 с.

4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М. : Наука. 1983. 238 с.

5. Иванкова И. В., Макарова О. С., Толкачева Н. А. Речевой акт упрека в русском и немецком языках // Национальная ассоциация ученых, Ежемесячный журнал. 2015. № 9 (14). С. 41–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-upreka-v-russkom-i-nemetskom-yazykah.

6. Иванова Ю. М. Игровое речевое действие и поэтическая функция языка // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2025. № 1 (9). С. 9–15.

7. Каразия Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Петропавловск-Камчатский, 2004. 21 с.

8. Кожухова И. В. Самоупреки в английском языке: форма и функционирование // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 30–34. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22011399.

9. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. № 17. С. 170–194.

10. Шмурак Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском языке (корпусное исследование). Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва. 2021. 239 с.

11. Bateson G. A theory of play and fantasy // The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology. Cambridge. 2006. P. 314–328. URL: https://www.academia.edu/3630780/Bateson_Gregory_A_Theory_of_Play_and_Fantasy.

12. Beeman W. O. Emotion and instantaneous choice in interactional linguistic pragmatics: Cross-cultural perspectives // Journal of Pragmatics. 2014. Vol. 69. P. 52–62.

13. Grice P. Studies in the way of words. Harvard University Press, 1989. 412 p.

14. Hymes D. Models of the interaction of language and social life. Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication. New York : Holt, Rinehart and Winston; 1972. P. 35–71. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-92299-4_39.

15. Kecskes I. A dialogic approach to pragmatics. Russian Journal of Linguistics. 2016. Vol. 20, no. 4. P. 26–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-dialogic-approach-to-pragmatics.

16. Kopytko R. Interactional pragmatics: Towards a theory of performance // Studia Anglica Posnaniensia. 2000. Vol. 35. P. 117–136.

17. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization for Turn-Taking in Conversation // Language. 1974. Vol. 50, no. 4, Part 1. P. 696–735.

18. Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis, Vol. 1. Cambridge University Press, 2007. 324 p.

19. Searle J. Expression and meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press, 1999. 187 p.

20. Searle J. R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985. 227 p.

21. Ward N., Li Y., Zhao T., Kawahara T. Interactional and pragmatics-related prosodic patterns in Mandarin dialog // Speech Prosody 2016. P. 1230–1234. URL: DOI: 10.21437/Speech Prosody.2016-253.

References

1. Belyutina YuA. Modelirovanie kommunikativnyh aktov «uprek» i «obvinenie» v anglijskom yazyke = Communicative acts patterns “reproach” and “accusation” in the English language. *Izvestia of Smolensk State University = Bulletin of Smolensk State University.* 2018;(4(44)):149-162. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?edn=yxxnwh. (In Russ.).

2. Demchenkov SA, Fedyaeva ND. Uprek v negramotnosti v internet-kommunikatsii = A reproach for illiteracy in online communication. Poznanie i dejatelnost: ot proshlogo k nastojashhemu – materialy IV vserossijskoj mezhdistsiplinarnoj nauchnoj konferentsii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja sozdanija omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta i 300-letiju rossijskoj akademii nauk = Cognition and Activity: From the

Past to the Present– proceedings of the IV All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the Omsk State Pedagogical University and the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Omsk. 2022:218-221. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?Id=50330424. (In Russ.).

3. Erofeeva EV. Pragmaticheskie aspekty rechevyh aktov razlichnoj kommunikativnoj napravlennosti v sovremennom frantsuzskom yazyke: monografija = Pragmatic aspects of speech acts of various communicative orientations in modern French: monograph. Ekaterinburg: USPU, 2023. 286 p. (In Russ.).

4. Zemskaja EA, Kitajgorodskaja MV, Rozanova NN. Russian Colloquial Speech: phonetics, morphology, vocabulary, gesture. Moscow. 1983. 238p. (in Russ.).

5. Ivankova IV, Makarova OS, Tolkacheva NA. Rechevoj akt upreka v russkom i nemetskom yazykah = The speech act of reproach in Russian and German. *Natsionalnaja assotsiatsija uchenyh, Ezhemesjachnyj zhurnal = National Association of Scientists, Monthly Journal.* 2015;(9(14)):41-43. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-upreka-v-russkom-i-nemetskom-yazykah. (In Russ.).

6. Ivanova YuM. Igrovoe rechevoe dejstvie i poeticheskaja funktsija jazyka = The playful speech act and the poetic function of language. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo socialno-pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences.* 2025;(1(9)):9-15. (In Russ.).

7. Karaziya NA. Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoj amerikanskoj rechevoj kultury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskih nauk: 10.02.04 = Pragmalinguistic study of the Act of rebuke in the context of Modern American Speech culture: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.04. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2004. 21 p. (In Russ.).

8. Kozhukhova IV. Samoupreki v anglijskom yazyke: forma i funktsionirovanie = Self-reproaches: form and functioning. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2014;(7(336)):30-34. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=22011399. (In Russ.).

9. Searle J. Klassifikatsija illokutivnyh aktov = A classification of illocutionary acts. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teorija rechevyh aktov = New in foreign Linguistics. Theory of speech acts.* 1986;(17):170-194. (In Russ.).

10. Shmurak RI. Formalnye sredstva vyrazhenija upreka v russkom yazyke (korpusnoe issledovanie). Dissertatsija ... kandidata filologicheskih nauk: 10.02.01 = Formal terms of reproach in Russian (case study). Dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Moscow, 2021. 239 p. (In Russ.).

11. Bateson G. A theory of play and fantasy. The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology. Cambridge. 2006. P. 314–328. Available at: https://www.academia.edu/3630780/Bateson_Gregory_A_Theory_of_Play_and_Fantasy.

12. Beeman W.O. Emotion and instantaneous choice in interactional linguistic pragmatics: Cross-cultural perspectives. *Journal of Pragmatics.* 2014;69:52-62.

13. Grice P. Studies in the way of words. Harvard University Press; 1989. 412 p.

14. Hymes D. Models of the interaction of language and social life. Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 35–71. Available at: https://doi.org/10.1007/978-1-349-92299-4_39.

15. Kecskes I. A dialogic approach to pragmatics. *Russian Journal of Linguistics.* 2016;20(4):26–42. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/a-dialogic-approach-to-pragmatics.

16. Kopytko R. Interactional pragmatics: Towards a theory of performance. *Studia Anglica Posnaniensia.* 2000;(35):117-136.

17. Sacks H, Schegloff E, Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization for Turn-Taking in Conversation. *Language*. 1974;50(4)Part 1:696-735.

18. Schegloff EA. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis, Vol. 1. Cambridge University Press, 2007. 324 p.

19. Searle J. Expression and meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press, 1999. 187 p.

20. Searle JR, Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic, Cambridge University Press; 1985. 227 p.

21. Ward N, Li Y, Zhao T, Kawahara T. Interactional and pragmatics-related prosodic patterns in Mandarin dialog. *Speech Prosody.* 2016:1230-1234. Available at: DOI: 10.21437/Speech Prosody.2016-253.

Информация об авторах

Ю. М. Иванова — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода.

Н. Г. Мальцева — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about authors

Yu. M. Ivanova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Intercultural Communication and Translation.

N. G. Maltseva — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 16–25.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):16-25.

Научная статья

УДК 81’1+ 81’27+ 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-16-25

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ МАССМЕДИЙНОГО КОНЦЕПТА «ДЕТИ-МИГРАНТЫ» В РОССИЙСКИХ TELEGRAM-КАНАЛАХ

Наталья Васильевна Мамонова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, natalya-mamonova@rambler.ru, 0000-0002-3368-3632

Аннотация. Увеличение миграционных потоков порождает проблемы, связанные с интеграцией детей-мигрантов в систему российского образования и в социальную среду. Цифровая среда Telegram как довольно хаотичная, нелинейная среда подходит для выявления социокультурных конфликтов. Целью исследования является изучение лингвосинергетических особенностей репрезентации массмедийного концепта «дети-мигранты» в конструируемой конфликтогенной цифровой социальной реальности. Цифровая текстуальность медиа контента кроссплатформенного мессенджера Telegram в области проблем миграции и ассимиляции обладает значительным конфликтным потенциалом. Автоматический контент-анализ позволяет оценивать корпус медиатекстов с помощью количественных данных и верифицировать их с помощью когнитивно-лингвосинергетического и контекстуального анализа, фокусируясь на когнитивно-лингвосинергетических аспектах порождения конфликтов. Изучаемый массмедийный концепт представлен устойчивыми циклическими повторами конструкций, связанных со знанием русского языка, поступлением в школу, законами, государственными учреждениями, запретами и ограничениями. Чрезмерное количество повторов конструкций, а также негативные коннотации указывают на наличие эмоциональной напряженности в российском обществе и присутствие острых социальных проблем, связанных с ассимиляцией детей мигрантов и незнанием языка принимающей стороны. Результаты исследования показывают, какие лингвосинергетические особенности репрезентации массмедийного концепта в медийных практиках платформы Telegram приводят к увеличению конфликтного потенциала медиаконтента на тему мигрантов, в частности детей мигрантов, и какие гасят его. Полученные результаты вносят вклад в изучение медиалингвистики, теории дискурса и текста, а также могут быть использованы в преподавании медиаграмотности для обучения критическому восприятию цифрового контента в социальных сетях и мессенджерах.

Ключевые слова: миграция, дети-мигранты, массмедийный концепт, ассимиляция, конфликт, медиадискурс

Финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, https://rscf.ru/project/25-28-00134/.

Для цитирования: Мамонова Н. В. Лингвосинергетическая объективация массмедийного концепта «дети-мигранты» в российских Telegram-каналах // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 16–25. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-16-25.

Original article

LINGUASYNERGETIC OBJECTIFICATION OF MASS MEDIA CONCEPT «MIGRANT CHILDREN» IN RUSSIAN TELEGRAM-CHANNELS

Natalya V. Mamonova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, natalya-mamonova@rambler.ru, 0000-0002-3368-3632

Abstract. The increase in migration flows has created challenges related to the integration of migrant children into the Russian educational system and social environment. The Telegram digital environment, as a rather chaotic, nonlinear medium, is appropriate for identifying socio-cultural conflicts investigated through the mass media concept MIGRANT CHILDREN. The research purpose is to study the linguasynergetic features of mass media concepts’ representation in constructing conflictogenic social reality. The semantic and interpretative dimensions of the media concept are organized by the creative attractor (a strategic communicative goal of the channel’s editorial). Telegram’s digital textual media content about migration issues has significant conflict potential. Automatic content

© Мамонова Н. В., 2026

analysis allows evaluating the corpus of media texts through quantitative data and verifying them through cognitive linguasynergetic and contextual analyses. The mass media concept MIGRANT CHILDREN is represented by stable cyclical iterations of constructions related to Russian language proficiency, admission to school, laws, and government agencies. Excessive iterations of constructions and negative connotations indicate emotional tension in society and the challenges of migrant children's assimilation. The results obtained contribute to the study of media linguistics, the theory of discourse and text, and can also be used in the practice of media literacy to teach critical perception of digital content on social networks.

Keywords: migration, migrant children, mass media concepts, assimilation, conflict, media discourse

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 25-28-00134, https://rscf.ru/project/25-28-00134/.

For citation: Mamonova NV. Linguasynergetic Objectification of Mass Media Concept «Migrant Children» in Russian Telegram-channels. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):16-25. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-16-25.

Введение

Рост трансграничных коммуникаций и информационных потоков, которые происходят со скоростью и в количествах, не поддающихся обнаружению ни одним государством, способствует росту международной миграции и распространению культурной глобализации [12, с. 94, 147]. За последнее десятилетие число мигрантов, приехавших на заработки в Российскую Федерацию вместе со своими семьями, значительно возросло, и существенное число мигрантов стали гражданами России. Однако судя по медиадискурсивной активности на данную тему, новые граждане и их дети испытывают трудности интеграции в российскую культуру и общественный уклад.

Возросшая интенсивность миграционных процессов дестабилизирует устоявшиеся нормы и принципы в принимающих сообществах. Перекосы в миграционной политике вызывают нестабильность социальной системы. Наиболее ярким отражением этих процессов являются тематические Telegram-каналы, где обсуждаются проблемы ассимиляции мигрантов в России, в частности, адаптация детей мигрантов к школе и уровень их владения русским языком.

В рамках международного научного сообщества осуществлён комплекс исследований, направленных на анализ миграционных явлений [8; 15; 17]. В русле российской миграционной лингвистики также проведен ряд свободных ассоциативных экспериментов, которые демонстрируют специфику и динамику семантического наполнения концептосферы МИГРАЦИЯ [7]. Однако эта проблема не была должным образом исследована в рамках цифрового миграционного медиадискурса в Telegram-каналах.

Объектом исследования выступает цифровая социокультурная среда российских Telegram-каналов, формирующая медиаобраз детей-мигрантов. Предмет исследования — лингвосинергетические механизмы объективации массмедийного концепта «дети-мигранты» в Telegram-каналах.

Целью данного исследования является изучение лингвосинергетических особенностей, лежащих в основе репрезентации массмедийного концепта «дети-мигранты» при конструировании конфликтогенной цифровой социальной реальности. В гипотезе предполагается, что во фрагментированной, неравновесной среде Telegram процесс объективации массмедийного концепта «дети-мигранты» через медиадискурсивные практики ведет к доминированию конфликтогенного медиаобраза, способствующего поляризации.

В рамках когнитивной лингвосинергетики *массмедийный концепт* определяется как динамичная, но относительно стабильная когнитивно-семантическая модель, возникающая в результате рекурсивного взаимодействия медиатекстов и социальных практик, специфичных для конкретной аудитории. Массмедийный концепт функционирует под действием креативного аттрактора и способен влиять на медиадискурс. Креативный аттрактор представлен стратегической коммуникативной целью коллективного автора (редакции, алгоритмов платформы, др.). *Креативный аттрактор* выступает в качестве руководящего принципа при структурировании семантических и интерпретационных полей массмедийного концепта. *Точка бифуркации* трактуется как момент неустойчивости, когда языковая система оказывается перед выбором дальнейшего пути развития. В этот момент особо значимы *флуктуации* (случайные отклонения в интерпретации концепта). После выбора языковая система переходит в новое качественное состояние.

Использование некоторыми исследователями терминов «концепт-доминанта» и «когнитивный аттрактор» направлено на привлечение

внимания читателя и формирование текстовой картины мира [5]. В нашем исследовании креативный аттрактор действует как семантический архитектор, сознательно выбирая темы, приемы обрамления, лексические регистры и визуальные коды для построения доминирующего повествовательного вектора. Исследование направлено на изучение когнитивных и лингвосинергетических репрезентативных структур концепта «дети-мигранты» в конфликтогенных ситуациях на примере российского медиадискурса.

Обзор литературы

Феномен ассимиляции не нов. В каждом государстве этот вопрос решается по-разному. П. Орениус описывает опыт ассимиляции детей-мигрантов в США и успешный метод «плавильного котла», используемый в образовательных учреждениях [19]. Интеграция мигрантов в общество обычно осуществляется в рамках школьных программ. Содержание учебных программ и подходы к преподаванию в школах ориентированы на национальный язык принимающей страны, главным образом на национальный дискурс и мировоззрение принимающей страны, особенно на уроках истории [10, с. 421].

Многие исследователи приходят к выводу, что владение языком является наиболее важным этапом в ассимиляции мигрантов. Последующие этапы адаптации эффективны при знании языка принимающей стороны, и не имеет значения, достигается ли языковая грамотность в результате структурированного обучения на языковых курсах или в результате неформального общения в повседневной среде [16, с. 20]. Исследования уровня владения языком в принимающей стране по прибытии и последующего повышения уровня владения среди вновь прибывших мигрантов показывают более высокую адаптивность уже владеющих языком принимающей стороны [21].

Проведя ряд исследований, выявлено, что существует связь между гибким гражданством и образованием транснациональных иммигрантов: пересечение культурных границ приводит к проблемам самоидентификации и классовому переходу в погоне за лучшей жизнью [22]. Мигранты также могут нарушать правила поведения, пренебрегать культурными нормами и традициями местных жителей и навязывать свои собственные ритуалы [7, с. 43]. Вот почему знание языка принимающей страны так важно для мигрантов и детей-мигрантов.

С конца XX в. наблюдается активизация миграционных процессов в России и бывших советских республиках. В связи с этим возникает вопрос об актуальности понятия геополитической идентичности, которое трактуется как целостная структура, включающая в себя «элементы национальной идентичности, которые не противоречат друг другу в государствах, осуществляющих совместную внешнеполитическую деятельность» и связанное со способностью осуществлять как экспансию, так и противостоять экспансии иных политических образований [1, с. 17]. Идентичность неразрывно связана с представлениями об отличительных особенностях той или иной общности, выраженными в культурных нормах и правилах поведения.

Национальная идентичность и менталитет в восточных обществах обладают большей степенью стабильности [2]. В процессе истернизации западное социокультурное пространство способствует созданию множества диаспор, удовлетворяя желание мигрантов изолировать себя в привычной культурной среде [2, с. 114; 6, с. 58].

Данный комплекс проблем приводит к росту национализма и негативного отношения к мигрантам [15; 17]. Появление антимигрантских настроений в обществе объясняется неоднозначностью в отношении последствий миграции и мотивов мигрантов.

Мигранты часто изображаются как источник опасности [15; 16]. Эти проблемы рассматриваются через призму интеграции мигрантов в общество. Исследователи российского миграционного дискурса отмечают плохое владение мигрантами русским языком [11]. Слабое знание русского языка не позволяет мигрантам должным образом ассимилироваться. Проблема знания русского языка особенно остро стоит перед детьми мигрантов, которые испытывают большие трудности с адаптацией к российской школьной программе и школьной среде. Эти факторы определяют актуальность данной проблематики для российского сообщества.

Материалы и методы

В соответствии с поставленной целью определены 3 задачи:

1. Выявить семантические компоненты массмедийного концепта «дети-мигранты», определив доминирующие биграммы и триграммы, формирующие его базовые когнитивные признаки.

2. Определить средства вербализации концепта «дети-мигранты» в контекстуальных фрагментах изучаемого корпуса.

3. Определить механизмы лингвосинергетической объективации концепта «дети-мигранты» в конфликтогенной среде.

Для формирования корпуса (268 текстов, 01.07.2024–31.12.2024) используется стратегия целевой выборки, основанная на ключевом слове «дети-мигранты» и алгоритмической популярности (количество подписчиков, просмотров и вовлеченности в Telegram-каналы), определяемой с помощью платформы Telegramstat (https://tgstat.ru/). Такой подход позволяет выявить доминирующие представления, которые оказывают значимое воздействие на социальную реальность и имеют существенное значение для исследования российских медиадискурсивных трендов. Репосты и удаленные посты не учитываются. Количество просмотров более 100000. В этот период ассимиляция детей мигрантов становится главной и часто обсуждаемой темой в прессе. В табл. 1 представлены Telegram-каналы с частотными публикациями о детях-мигрантах.

Первая задача решена с помощью применения методов корпусной лингвистики и автоматизированного анализа данных платформы MiraText с автоматизированной лемматизацией и очисткой [13; 14; 18]. Единицами анализа являются слова, биграммы, триграммы. В стоп-слова входят числительные, служебные слова, союзы, предлоги, частицы. Контекстуальный анализ и контент-анализ позволяют решить вторую задачу. Когнитивно-лингвосинергетический подход позволяет рассматривать медиадискурс как сложно организованную, сбалансированную семантическую систему и решить третью задачу [21; 22]. Ранжирование коннотаций производится на отрицательные (не < 70 % его объема за счет единиц со значением угрозы или неблагополучия), нейтральные (не > 30 % эмоционально нагруженной лексики), положительные (> 60 % конструкций, положительно оцениваемых).

Анализ данных и обсуждение

Общая статистика по корпусу исследованных медиатекстов представлена ниже в табл. 2. На рис. 1 представлен сравнительный график распределения повторений для текстового корпуса и рекомендуемого распределения с акцентом на 20 наиболее часто встречающихся словах.

Таблица 1
Table 1

Рейтинг Telegram-каналов
Telegram Channel Ranking

№ п/п	Telegram-каналы, ранжированные по частоте использования ДЕТИ-МИГРАНТЫ	
	Telegram-канал (кол-во подписчиков)	**Кол-во публикаций**
1	Readovka (2914028)	16
2	Топор Live (4170209)	16
3	Раньше всех. Ну почти (1868933)	14
4	RT на русском (1032751)	12
5	Ньюсач/Двач (549919)	10
6	ND — Новости Дня (278045)	9
7	Ateo Breaking (574674)	9
8	РИА Новости (3381329)	9
9	Иван Утенков | КУРСК (400321)	8
10	Мигранты — всё как есть (247826)	7

Таблица 2
Table 2

Количественные данные по параметрам исследуемого корпуса
Quantitative Data on the Parameters of the Studied Corpus

Параметр	Значение
Количество символов с пробелами	161442
Количество символов без пробелов	137596
Количество слов	23847
Количество уникальных слов	2856
Качество текста в соответствии с законом Ципфа	38 %

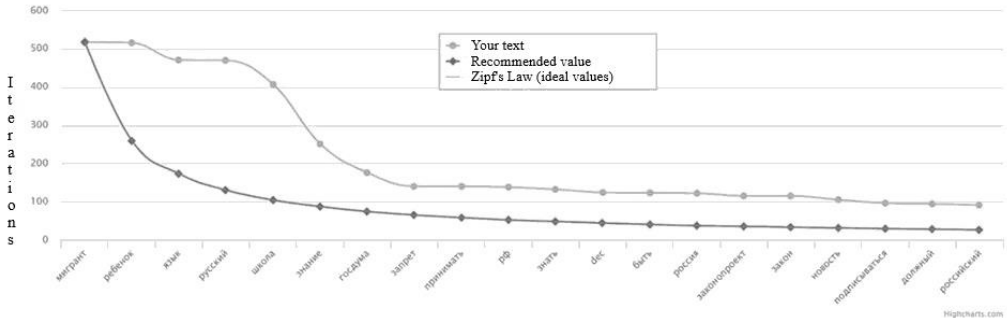


Рис. 1. Анализ корпуса медиатекстов по закону Ципфа
Fig. 1. Analysis of the Media Texts Corpus according to Zipf's Law

Текстовый корпус составляет 38 % по закону Ципфа (вместо 50 %), что указывает на высокую плотность лексем, формирующих ядро исследуемого массмедийного концепта. На рис. 1 верхняя строка показывает текущее состояние текста, нижняя строка — целевое распределение. В словарном запасе с высокой частотой встречаются лексемы: *мигрант, ребенок, язык, русский, школа, знание, Госдума, запрет, принимать, РФ, знать, быть, Россия, законопроект, закон.*

Частота биграмм составляет: русский язык — 406, ребенок-мигрант — 336, знание русский — 229, школа ребенок — 162, мигрант знание — 112, знать русский — 86, брать школа — 60, принимать школа — 57, российский школа — 50, мигрант знать — 48, закон запрет — 44, др.

Частота триграмм включает следующие сочетания: знание русский язык – 223, школа ребенок мигрант — 177, мигрант знание русский — 112, ребенок мигрант знание — 111, знать русский язык — 76, брать школа ребенок — 57, ребенок мигрант знать — 46, принимать школа ребенок — 44, мигрант знать русский — 41, запрет брать школа — 41, др.

На рис. 2 лексическое облако, созданное платформой MiraText. Лексемы, встречающиеся чаще всего, расположены ближе к центру облака и отображаются с увеличенным размером шрифта и более ярким цветом.

В центре лексического облака лексемы *мигрант, ребенок* вербализуют массмедийный концепт «дети-мигранты», образуя циклические семантические связи. Применение множественного числа вместо единственного при описании детей-мигрантов указывает на проявление «бессознательной виктимизации». Такой подход позиционирует ребенка как «жертву» обстоятельств, беззащитный объект, вынужденный перемещаться в поисках лучших условий. Отсутствие детализации причин миграции способствует формированию обобщенного, преимущественно негативного образа.

В околоядерной зоне массмедийного концепта «дети-мигранты» на рис. 2 четко видны лексемы *русский язык* и *школа*. Частотные триграммы представлены следующим образом: *знание русского языка, поступление в школу, знать мигрант, закон о запрете, принятие в Государственную Думу.*

Лексема *школа* задает институциональную рамку, биграмма *русский язык* — маркер идентичности, триграмма *знать русский язык* — нормативный подход к владению русским языком, что способствует институционализации медиадискурса. Триграмма *запрет на поступление* приводит к увеличению конфликтного потенциала. Лексемы *законопроект, Госдума* легитимизируют социальные практики.

Конструкции отрицания и запрета проистекают из субъективной интерпретации ситуации индивидом, сформированной его личными ценностями, мнениями, оценками и ожиданиями. Преобладание негативных конструкций создает множественные точки бифуркации (точки выбора). В результате наблюдается недостаточная способность к синтезу, что ведет к поляризации в медиадискурсе.

Рис. 2. Лексическое облако, созданное на платформе MiraText

Fig. 2. A Lexical Cloud Generated on the MiraText Platform

Например, интенсивная ассимиляция детей-мигрантов или полное вытеснение из общественной жизни. Ср.:

«Утром деньги — вечером стулья»: Дети мигрантов должны знать русский язык до приезда в Россию (Царьград, 21.07.2024);

Дети мигрантов больше не попадут в российские школы без знания русского языка (Mash, 11.12.2024);

Российские учителя пожаловались на детей мигрантов в школах; В первом классе школы № 7 в Калининграде учатся 6 детей мигрантов, абсолютно не знающие русского языка. Первоклашки начали жаловаться родителям, что иностранцы мешают им учиться, отвратительно ведут себя на уроках и обзываются (Readovka, 29.09.2024).

По мере усиления колебаний наиболее заметными становятся такие характеристики медиадискурса, как неустойчивость и эмерджентность. *Семантическая флуктуация* — это случайное отклонение в интерпретации фрагмента мира, представленного массмедийным концептом.

Негативные, отрицающие и запрещающие выражения обычно служат семиотическими маркерами усиления процессов флуктуации. Эти процессы проявляются в нестабильности, кризисе норм, растущей неопределенности и потенциале глубоких изменений в обществе. Ср.: *больше не попадут, без знания, абсолютно не знающие*. Семантические сдвиги свидетельствуют о накопившихся системных противоречиях в коллективном мировоззрении. Они проявляются в виде бинарных оппозиций (*Утром деньги — вечером стулья*). Негативные коннотации в глагольных конструкциях подсказывают реципиентам СМ совместные алгоритмы действий, направленные на реализацию конкретных целей.

Неприятие мигрантами культурно-ценностных норм принимающей страны неизменно вызывает конфликты. Система переживает период значительных преобразований, характеризующихся размыванием устоявшихся норм. Критичность, присущая этому переходному этапу, точно передается с помощью выбора глагольных конструкций. Ср.: глаголы принуждения — *должны знать русский язык до приезда в Россию*, глаголы недовольства — *пожаловались на детей мигрантов в школах, начали жаловаться родителям*, глаголы, обозначающие нарушение установленного порядка – *иностранцы мешают им учиться, отвратительно ведут себя на уроках и обзываются*.

В околоядерной области облака присутствуют лексемы: *Россия, РФ, запрет, принимать, закон, школа, должный, законопроект, знать, Госдума.* Они отражают важные элементы поведенческих и ценностных алгоритмов, тиражируемых медиа. Частота и плотность употребления лексем *Россия, РФ* указывают на государственную значимость данного вопроса, актуализируют восприятие государства как социальной ценности.

Языковые единицы *закон, школа, законопроект, Госдума* подчеркивают непростой характер ассимиляции детей-мигрантов. Сложность, присущая этой проблеме, указывает на необходимость решения на федеральном уровне. Ср.:

Детей мигрантов не будут принимать в школы без знания русского языка — голосование в Госдуме. 409 депутатов высказались за, и лишь один — против (Иван Утенков | КУРСК, 11.12.2024);

Ситуация с детьми мигрантов в школах стала катастрофической, считает зампредседателя комиссии по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции Общественной палаты России Маргарита Лянге. По ее словам, одобренный Совфедом закон о запрете зачисления в школы детей иностранных граждан, не владеющих русским языком, поможет «выровнять» такое положение (Раньше всех. Ну почти, 24.12.2024);

Госдума РФ приняла закон о запрете брать в школы детей мигрантов без знания русского языка (Топор LIVE, 11.12.2024);

Тестирование по русскому языку перед зачислением в учебное заведение теперь будет обязательным, его будут проводить бесплатно (Топор LIVE, 28.12.2024).

В Госдуме предложили перестать бесплатно обучать детей мигрантов в школах.

Частое использование лексемы запрет наглядно иллюстрирует проблему в общении между различными социальными группами, а именно между принимающим обществом и мигрантами. В средствах массовой информации описываются практики, в которых мигранты и их дети демонстрируют неприятие культурной системы и ценностей принимающей страны. Низкая мотивация к изучению языка принимающей стороны детей-мигрантов подтверждает это.

Вербальные конструкции, используемые с негативными или двусмысленными коннотациями, иллюстрируют значительный общественный резонанс и семантическую нестабильность. Ср.: *ситуация с детьми мигрантов в школах стала катастрофической; детский омбудсмен …*

выступил с предложением приравнять детей мигрантов к инвалидам и др.

С помощью таких механизмов противодействия, запрета и отрицания реализуется столкновение культурных и ценностных матриц между принимающей стороной и мигрантами, что порождает семантические флуктуации в виде различных интерпретаций ранее стабильных, однозначных семантических конструкций. Самоорганизация медиадискурса осуществляется посредством циклических повторений.

Наиболее частотные циклические повторения указывают на необходимость аккультурации мигрантов путем изучения языка принимающей страны, в нашем исследовании — русского языка. Заявления в СМИ о серьезности проблемы мигрантов в школьном секторе подкрепляются цифрами. Ср.:

41 % обучающихся в российских школах детей мигрантов не знают или плохо знают русский язык (Мигранты – все как есть, 10.12.2024);

Также депутаты отметили, что количество детей-мигрантов достигает 30–50 % состава класса и они почти не говорят на русском языке, — поэтому они должны обучаться за свой счет (Топор Live, 06.09.2024).

Устоявшиеся дискурсивные практики СМИ подчеркивают необходимость овладения детьми мигрантов русским языком. Ср.: *не знают или плохо знают русский язык, почти не говорят на русском языке, детей иностранных граждан, не владеющих русским языком в школе, в школы детей иностранных граждан, не владеющих русским языком.*

Жесткость позиций на федеральном уровне РФ может оказывать влияние на креативный аттрактор, представленный в виде коммуникативной стратегической цели редакции Telegram-каналов. *Креативный аттрактор* задает тон дискуссии и формирует общественное мнение по вопросам, которые чрезвычайно важны для государства и общества. Изменение направления дискурса власти может инициировать каскады бифуркаций в понимании многих семантических компонентов, потенциально приводящих к изменению интерпретационных полей массмедийных концептов, например, «дети-мигранты».

Флуктуационные процессы более выражены в первом примере и менее выражены во втором. Ср.:

Семьям нетрудоустроенных мигрантов могут запретить въезд в Россию, детей будут брать в школы после базового экзамена по русскому языку, а набирать на работу мигрантов будут с помощью единой системы «управляемого найма» (Baza, 10.07.2024);

Именно русский язык во многом определяет духовную и национальную идентичность России — Путин (Readovka, 05.11.2024).

Наличие негативных конструкций и бинарных оппозиций наблюдается в первом примере. Во втором примере конструктивная подача информации гасит флуктуации при освещении проблем мигрантов.

Заключение

1. Анализ исследуемого корпуса медиатекстов показывает, что 72 % контекстов, связанных с детьми-мигрантами, содержат негативно окрашенные лексемы (*запрет, преступление, анклав, незаконный, угроза, нагрузка*, др.), причем 3 из 5 наиболее частотных биграмм включают конструкции с акцентом на состоянии лишения и отсутствия, с указанием негативного эффекта последствий (*не знают русский, не могут учиться, запрещено принимать* и др.). Полученные данные согласуются с выдвинутой гипотезой.

2. Феномен распространения высказываний, содержащих отрицательные коннотации в отношении детей-мигрантов, имплицитно указывает на тенденцию к когнитивному упрощению. Приоритет узкого набора эмоционально заряженных слов облегчает понимание сложных социальных проблем. Когнитивное упрощение реализуется через когнитивные механизмы противопоставления (построение бинарной оппозиции *свои — чужие*), запрета (подавление альтернативных интерпретаций), отрицания легитимности. Эти механизмы совместно подавляют семантическую вариативность, но в то же время порождают семантические флуктуации — не как разнообразие интерпретаций, а как псевдоразнообразие: одни и те же стереотипные конструкции (*они не знают русского языка*) многократно воспроизводятся с минимальными вариациями (*они не говорят, они не учатся*), создавая иллюзию дискуссии, в то время как ядро массмедийного концепта «дети-мигранты» остается стабильным и преимущественно конфликтным.

3. Исследование закладывает основу для дальнейшего изучения медиадискурса о детях-мигрантах в цифровой среде. Перспективные векторы развития включают расширение сравнительной базы Telegram-каналов, лонгитюдный анализ конфликтогенных концептов, мультимодальное исследование стереотипизации, выявление дезинформации через сетевой анализ, влияние пользовательской активности на конфликтогенность.

Список источников

1. Гребнев Р. Д. Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 1. С. 10–19.

2. Думнова Э. М. Социокультурная адаптация мигрантов и новые виды идентичности // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 111–116.

3. Мамонова Н. В. Когнитивно-лингвосинергетические особенности медиадискурсивных практик (на материале газеты «Аргументы и факты» 1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.) // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 218–228.

4. Мамонова Н. В. Особенности репрезентации медиаобраза науки (на материале регионального новостного сетевого издания 1obl.ru) // Медиалингвистика. 2023. Т. 10, № 3. С. 376–393.

5. Огнева Е. А. Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» в свете интерпретативного моделирования // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 2. С. 78–94.

6. Стародубровская И. В., Ситкевич Д. А. Северокавказские мигранты в Санкт-Петербурге: специфика адаптации в мегаполисе // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 3. С. 43–61.

7. Шустова С. В., Костева В. М., [и др.]. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: лингвокультурный, социолингвистический и лингвоисториографический аспекты / Пермь : АНО ВО, Пермский институт экономики и финансов. 2022. 192 с.

8. Alba R. The great demographic illusion: Majority, minority, and the expanding American mainstream. Princeton University Press, Princeton, NJ, 2020. 336 p.

9. Antonsich M. The diversity continuum: Blurring the boundaries between internal and external others among Italian children of migrants // Political Geography. 2022. 96 (7).

10. Arphattananon T. Education of Migrant Children from Myanmar in Thai Government Schools // Manusya: Journal of Humanities. 2022. 24 (3). P. 409–425.

11. Dave B. H. Becoming ‘Legal’ through ‘Illegal’ Procedures: The Precarious Status of Migrant Workers in Russia // Russian Analytical Digest. 2014. 159.

12. Fiedler, R. Andrew Heywood, Global Politics, Palgrave Macmillan 2011, pp. 560 // Przegląd Strategiczny. 2012. (2). P. 193–194.

13. Günther E., Quandt T. Word counts and topic models: Automated text analysis methods for digital journalism research // Digital Journalism. 2016. 4 (1). P. 75–88.

14. Hase V. Automated Content Analysis // Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft [Standardized Content Analysis in Communication Research]. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2023. P. 23-36.

15. Kaufmann E. Ethno-traditional nationalism and the challenge of immigration // Nations and Nationalism. 2019. 25 (2). P. 435–448.

16. Kosyakova Y., Kristen C., Spörlein C. The dynamics of recent refugees’ language acquisition: how do their pathways compare to those of other new immigrants? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021. 48.

17. Kushneruk S. L. Framing labour migration as a social problem on Russian Telegram // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2024. 10 (1). P. 31–46.

18. Lewis S. C., Zamith R., Hermida A. Content analysis in an era of big data: A hybrid approach to computational and manual methods // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2013. 57 (1). P. 34–52.

19. Orrenius P. Immigrant assimilation: is the U.S. still a melting pot? // The Southwest Economy. 2004. P. 1–5.

20. Ruget V., Usmanalieva B. Media Coverage of Labor Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic // Problems of Post-Communism. 2021. 69 (1). P. 48–57.

21. Spörlein C., Kristen C. Educational Selectivity and Language Acquisition among Recently Arrived Immigrants // International Migration Review. 2018. 53, 019791831879834.

22. Yang M., He M. The dark shadow of flexible citizenship: The social costs of translocalism and transnationalism. An anthropological case of Chinese educational migration // Regional Science Policy & Practice. 2024. Vol. 16. Iss. 9, 100050.

References:

1. Grebnev RD. Geopolitical Subjectivity and Geopolitical Identity. *Post-Soviet Studies.* 2023;1(6):10-19. (In Russ.).

2. Dumnova EM. Socio-cultural adaptation of migrants and new types of identity. *Gumanitarnyi vector.* 2021;16(2):111-116. (In Russ.).

3. Mamonova NV. Cognitive and Linguo-Synergetic Features of Media Discourse Practices (On the Materials of the Newspaper "Argumenty I Fakty", 1985-1987 and 2015-2017). *Political Linguistics.* 2024;4(106):218-228. (In Russ.).

4. Mamonova NV. The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication 1obl.ru). *Media Linguistics.* 2023;10(3):376-393. (In Russ.).

5. Ogneva EA. Architectonics of the popular science concept dominant — Geographical Discoveries in the light of interpretative modeling. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics.* 2021;7(2):78-94. (In Russ.).

6. Starodubrovskaya IV, Sitkevich DA. North Caucasian migrants in St. Petersburg: the specifics of adaptation in a megalopolis. *Demographic review.* 2023;10(3):43-61. (In Russ.).

7. Shustova SV, Kosteva VM, et al. Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: lingvokul'turnyy, sotsiolingvisticheskiy i lingvoistoriograficheskiy aspekty [Migration linguistics in modern scientific paradigm: Linguocultural, sociolinguistic and linguohistorical aspects]. Perm Institute of Economics and Finance Press, Perm, Russia, 2022. P. 192. (In Russ.).

8. Alba R. The great demographic illusion: Majority, minority, and the expanding American mainstream. Princeton University Press, Princeton, NJ, 2020. 336 p.

9. Antonsich M. The diversity continuum: Blurring the boundaries between internal and external others among Italian children of migrants. *Political Geography.* 2022;96(7).

10. Arphattananon T. Education of Migrant Children from Myanmar in Thai Government Schools. Manusya: *Journal of Humanities.* 2022;24(3):409-425.

11. Dave BH. Becoming 'Legal' through 'Illegal' Procedures: The Precarious Status of Migrant Workers in Russia. *Russian Analytical Digest*. 2014;159.

12. Fiedler R. Andrew Heywood, Global Politics, Palgrave Macmillan 2011, pp. 560. P*rzegląd Strategiczny.* 2012;(2):193-194.

13. Günther E, Quandt T. Word counts and topic models: Automated text analysis methods for digital journalsm research. *Digital Journalism.* 2016;4(1):75-88.

14. Hase V. Automated Content Analysis //Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft [Standardized Content Analysis in Communication Research]. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2023. P. 23-36.

15. Kaufmann E. Ethno-traditional nationalism and the challenge of immigration. *Nations and Nationalism.* 2019;25(2):435-448.

16. Kosyakova Y, Kristen C, Spörlein C. The dynamics of recent refugees' language acquisition: how do their pathways compare to those of other new immigrants? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021;48.

17. Kushneruk SL. Framing labour migration as a social problem on Russian Telegram. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics.* 2024;10(1):31-46.

18. Lewis SC, Zamith R, Hermida A. Content analysis in an era of big data: A hybrid approach to computational and manual methods. *Journal of Broadcasting & Electronic Media.* 2013;57(1):34-52.

19. Orrenius P. Immigrant assimilation: is the U.S. still a melting pot? *The Southwest Economy.* 2004;1-5.

20. Ruget V, Usmanalieva B. Media Coverage of Labor Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Problems of Post-Communism.* 2021;69(1):48-57.

21. Spörlein C, Kristen C. Educational Selectivity and Language Acquisition among Recently Arrived Immigrants. *International Migration Review.* 2018;53:019791831879834.

22. Yang M, He M. The dark shadow of flexible citizenship: The social costs of translocalism and transnationalism. An anthropological case of Chinese educational migration. *Regional Science Policy & Practice.* 2024;16(9):100050.

Информация об авторе

Н. В. Мамонова — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры теории и практики английского языка, доцент кафедры делового иностранного языка

Information about the author

N. V. Mamonova — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Senior Researcher of the Theory and Practice of the English Language Department, Associate Professor of the Business Foreign Language Department

Статья поступила в редакцию 02.06.2026; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 02.06.2026; approved after reviewing 29.06.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 26–34.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):26-34.

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-26-34

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СТЕНДАП-ДИСКУРСЕ

Виктория Ивановна Тармаева[1], Этигил Гомбоевич Раднаев[2]

1 Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, vitarmaeva@gmail.com, 0009-0000-1375-9495

2 Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, emwat579@gmail.com, 0009-0001-5564-110X

Аннотация. Статья посвящена коммуникативно-прагматическому анализу стратегий и тактик, реализуемых в современном стендап-дискурсе. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью стендап-комедии как формы публичной речи, в которой соединяются развлекательная, критическая и социально-аналитическая функции. Целью работы является выявление и системное описание базовых коммуникативных стратегий и речевых тактик, формирующих прагматический потенциал современного стендапа посредством взаимодействия юмора и сатиры в перформативной коммуникации. Методологическую основу составляют теория невежливости Дж. Калпепера, перцептивные модели сатиры, социолингвистические теории П. Браун и С. Левинсона, а также принципы последовательной организации выступления и интеракционного анализа. Материалами исследования послужили выступления англоязычных (Д. Шаппелл, Г. Оуэн, Дж. Дероса) и русскоязычных (А. Касымхан, Н. Шевчук, И. Раевский) комиков, что позволило выявить как универсальные, так и культурно специфические особенности жанра. В ходе анализа описаны юмористические стратегии вежливости, когнитивного несоответствия и социальной идентификации, а также сатирические тактики преувеличения, использования имён собственных, гротеска и ложной вежливости. Результаты исследования демонстрируют, что успешность стендап-выступления зависит от балансирования между развлекательной и критической функциями, а также от способности комика устанавливать эмоциональный контакт со зрителем. Установлено, что юмористические стратегии ориентированы на создание комического эффекта и формирование общности с аудиторией, тогда как сатирические тактики выполняют функцию социального обличения и проблематизации актуальных явлений. Полученные выводы применимы в области медиадискурса, социолингвистики, теории речевого воздействия и анализа перформативных жанров.

Ключевые слова: стендап-дискурс, юмор, сатира, стратегия неприличия, прагматика, социальная критика, комический эффект

Для цитирования: Тармаева В. И., Раднаев Э. Г. Стратегии и тактики в стендап-дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 26–34. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-26-34.

Original article

STRATEGIES AND TACTICS IN STAND-UP DISCOURSE

Viktorya I. Tarmaeva[1], Etigil G. Radnaev[2]

[1]Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, vitarmaeva@gmail.com, 0009-0000-1375-9495

[2]Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, emwat579@gmail.com, 0009-0001-5564-110X

Abstract. The article presents a communicative-pragmatic analysis of strategies and tactics employed in contemporary stand-up discourse. The relevance of the study is determined by the growing role of stand-up comedy as a form of public speech combining entertainment, critical, and socio-analytical functions. The aim is to identify and systematically describe the basic communicative strategies and speech tactics that shape the pragmatic potential of contemporary stand-up through the interaction of humor and satire in performative communication. The methodological foundation is provided by J. Culpeper's theory of impoliteness, perceptual models of satire, the face management theory of P. Brown and S. Levinson, and principles of sequential organization of performance. The research

© Тармаева, В. И., Раднаев Э. Г., 2026

material consists of performances by English-speaking (D. Chappelle, G. Owen, J. DeRosa) and Russian-speaking (A. Kasymkhan, N. Shevchuk, I. Raevsky) comedians, which allowed identifying both universal and culturally specific features of the genre. The analysis describes humorous strategies of face management, cognitive incongruity, and social identification, as well as satirical tactics of exaggeration, use of proper names, grotesque, and false politeness. The results demonstrate that the success of a stand-up performance depends on balancing entertainment and critical functions and on the comedian's ability to establish emotional contact with the audience. Humorous strategies are oriented toward creating a comic effect and forming a sense of community with the audience, while satirical tactics serve as instruments of social denunciation and problematization of current phenomena. The findings are applicable in media discourse, sociolinguistics, speech influence theory, and the analysis of performative genres.

Keywords: stand-up discourse, humour, satire, impoliteness strategy, pragmatics, social criticism, comic effect

For citation: Tarmaeva VI, Radnaev EG. Strategies and Tactics in Stand-Up Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):26-34. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-26-34.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена следующими факторами:

1) стендап-комедия (далее — стендап) как жанр комедийного дискурса в настоящее время является популярным и востребованным жанром развлечения.

2) современный стендап, выступая доминирующей формой публичного дискурса, выполняет не только развлекательную, но и социально-критическую, терапевтическую и культурно-рефлексивную функции. Это делает его уникальной лабораторией для лингвопрагматического исследования.

3) до сих пор не представлено комплексное коммуникативно-прагматическое описание стендапа как дискурсивной практики. Существующие работы либо сосредоточены на отдельных аспектах (структура шутки, расовый или гендерный дискурс, переводческая проблематика), либо выполнены в рамках смежных дисциплин без системного лингвопрагматического анализа.

Целью работы является выявление и системное описание базовых коммуникативных стратегий и речевых тактик, формирующих прагматический потенциал современного стендапа посредством взаимодействия юмора и сатиры в перформативной коммуникации.

Материалы и методы

Для решения конкретных задач были использованы следующие методы:

1. Дискурсивный анализ применялся для рассмотрения выступления как целостного события и выявления его структурно-смысловой организации.

2. Сравнительно-сопоставительный метод позволил вычленить универсальные и культурно-специфические прагматические паттерны у разных комиков.

3. Контекстуальный анализ и элементы семиотики обеспечили учет экстралингвистических факторов (социальный контекст, невербальные компоненты) при интерпретации речевых интенций и комического эффекта.

Материалом исследования послужили видеозаписи живых сольных стендап-выступлений современных англоязычных и русскоязычных комиков. К англоязычному корпусу относятся: Джо ДеРоза («I Never Promised You A Rose Garden», 2025), Дэйв Шаппелл («The Unstoppable», 2025), Гэри Оуэн («No S», 2025). К русскоязычному корпусу относятся выступления: Абылайхана Касымхана («Я ненавижу жирных», 2026), Никиты Шевчука («Бессовестный», 2024) и Ильи Раевского («Записки офицера», 2024). Общий объём материала составил около 5 часов звучащей речи; для лингвопрагматического анализа отобраны примеры, в которых наиболее отчётливо реализуются юмористические и сатирические стратегии и тактики стендап-дискурса.

Исследования и результаты

1. Определение стендап-дискурса: смешение юмора и сатиры. Стендап-комедия на сегодняшний день ушла далеко от исходной развлекательной функции[1]. За жанром закрепилась роль особой дискурсивной площадки, где сходятся личное повествование, общественная критика и живой контакт со зрителем[2]. В американской и британской традиции стендапер давно перестал быть только конферансье: он берёт на себя функцию социального наблюдателя и комментатора[3]. Принципиально, что комик работает в зале «лицом

[1] Rosmaria R. Language and Identity in Stand-up Comedy: A Discourse Analysis of Humor // Journal of Linguistica. 2025. Vol. 2. P. 29–37. DOI: 10.62872/tf3xdp51.

[2] Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.

[3] Orji B. E. Humour, Satire and the Emergent Stand-up Comedy: A Diachronic Appraisal of the Contributions of the Masking Tradition // European Journal of Humour Research. 2018. Vol. 6, № 4. P. 24–38.

к лицу», и именно эта непосредственность создаёт ту атмосферу доверия, в которой допустимы темы, обычно табуированные в публичной речи[1].

Прежде чем переходить к описанию стратегий, разведём два понятия, которые в реальной речи комика обычно сплавлены — юмор и сатира. На сцене они звучат «в один голос», однако по интенции и по механизму воздействия принципиально расходятся. Юмор в стендапе мы вслед за традицией трактуем как средство производства комического — реакции смеха и удовольствия. А. Бергсон в своё время писал о смехе как о социальном корректоре, мягко наказывающем индивида за негибкость и косность[2]. В этой логике юмористическая составляющая стендап-выступления работает на разрядку, на установление «своего круга» между сценой и залом и на коллективное узнавание абсурдности повседневного опыта[3].

Сатира работает по-иному. Здесь всегда присутствует социально-критическая или политическая компонента. К. Куйпер в своей перцептивной теории настаивает на том, что сатира — не вопрос формы и не вопрос функции, а вопрос восприятия в конкретной ситуации. Чтобы фрагмент был прочитан как сатира, должны сойтись три условия: реципиент должен «считывать» намерение автора изменить его взгляд на положение дел; форма сатирического текста должна узнаваемо отсылать к иному артефакту; и, наконец, всё это должно восприниматься как смешное[4]. В стендап-выступлении сатира выполняет функцию социального контроля. По характеристике Б. Е. Оржи, сатира оперирует остроумием, иронией и преувеличением, направляя смех против объекта, лежащего вне самого художественного произведения, и именно этим отличается от «чистой» комедии[5].

Отсюда наше рабочее определение: стендап-дискурс — это гибридная коммуникативная форма, в которой юмор обеспечивает контакт и эмоциональный отклик, а сатира берёт на себя смысловую нагрузку, рефлексию и критику действительности. Такое сочетание и даёт комикам возможность говорить о политике, религии, этничности, гендере, не подставляя себя под прямой удар: критика «упакована» в развлечение[6]. От того, насколько комику удаётся удерживать равновесие между этими двумя полюсами, и зависит результат: чрезмерная дидактика делает выступление тяжёлым, а юмор без второго плана — поверхностным.

2. Юмористические стратегии: создание комического эффекта. Под юмористическими стратегиями в стендап-дискурсе мы понимаем комплексные коммуникативные установки, ориентированные на основную цель — реакцию смеха. Базовой теоретической рамкой здесь служит модель неприличия Дж. Калпепера. В его исходной формулировке неприличие — это коммуникативные стратегии, нацеленные на атаку «лица» собеседника, и в обычной интеракции они приводят к конфликту[7]. В комедийном контексте, однако, тот же набор приёмов меняет знак: атака считывается аудиторией как «безопасный» конфликт и провоцирует смех вместо обиды[8].

Калпепер выделяет несколько супер-стратегий неприличия: прямое, позитивное, негативное, сарказм или ложную вежливость и удержание вежливости. В стендапе эти стратегии адаптируются под игровую рамку: атака на «лицо» воспринимается как часть конвенции жанра. Так, прямое неприличие[9] нередко используется комиком открыто против самого себя или против зала, и эффект здесь возникает именно за счёт нарушения ожидания «вежливого по умолчанию» общения.

Отдельный механизм — наблюдение за неприличием как источник удовольствия. Калпепер описывает пять типов такого удовольствия: эмоциональное, эстетическое, вуайеристское, удовольствие от превосходства и удовольствие от чувства безопасности[10]. В выступлениях стендап-комиков, по нашим наблюдениям, доминирует первый тип: зритель получает катарсическую разрядку от того, что комик публично озвучивает

[1] Mintz L. E. Stand-up Comedy as Social and Cultural Mediation // American Quarterly. 1985. Vol. 37, № 1. P. 71–80.

[2] Bergson H. Laughter: An Essay on the Meaning of the Comic. London : Macmillan, 1911. 200 p.

[3] Carrell A. Historical views of humour // The Primer of Humour Research / ed. by V. Raskin. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2008. P. 303–332.

[4] Kuiper K. The Nature of Satire // Poetics. 1984. Vol. 13, № 5. P. 459–473.

[5] Orji B. E. Указ. соч.

[6] Schwarz J. Linguistic Aspects of Verbal Humor in Stand-up Comedy : PhD thesis. Saarbrücken : Saarland University, 2010. 256 p.

[7] Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. 1996. Vol. 25, № 3. P. 349–367.

[8] Hafisa A., Hanidar S. Impoliteness Strategies in Trevor Noah's Afraid of the Dark Stand-up Comedy Show // Lexicon. 2020. Vol. 7, № 2. P. 215–223.

[9] Arlivia Z., Sembodo T. J. P. Impoliteness Strategies in John Mulaney's Stand-Up Comedy // Lexicon. 2024. Vol. 11, № 1. P. 63–72.

[10] Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 292 p.

раздражение по поводу общеразделяемой бытовой ситуации. Жалоба на повседневные неудобства[1], поданная в агрессивном регистре, и работает как такой разделяемый аффект — зритель чувствует, что он не один в своём недовольстве.

Ещё одна важная стратегия — стратегия несоответствия. В классических теориях юмора этот термин используется широко; применительно к стендапу удобнее описывать её через нарушение коммуникативных максим Г. П. Грайса, как это делается в работах по прагматике юмора. Комик намеренно нарушает принцип кооперации — даёт ложную, избыточную или нерелевантную информацию, — и аудитория вынуждена «пересчитать» высказывание уже как шутку. Этот когнитивный скачок — необходимое условие смеха. Стратегия нарушения ожиданий, как мы видим, перекликается с перцептивной теорией Куйпера[2].

Если обобщать, юмористические стратегии в стендапе строятся на управляемом нарушении социальных норм. Комик берёт инструменты неприличия, иронии и когнитивного несоответствия и создаёт условия, в которых агрессия конвертируется в удовольствие. Это требует мастерства: граница между шуткой и оскорблением проходит очень близко, и где именно она пройдёт — определяется контекстом и характером отношений между сценой и залом[3].

3. Юмористические тактики: реализация стратегий на практике. Если стратегии задают общее направление воздействия, то тактики — это уже конкретные языковые и нарративные приёмы, через которые стратегии реализуются. Тактики стендап-дискурса можно классифицировать по разным основаниям; для нашего анализа важны два — последовательная организация выступления и тип используемого речевого акта. Ф. Скарпетта и А. Спаньоли[4] предлагают модель последовательной организации, выделяющую несколько узловых этапов: установление контакта со зрителем, переход к новой шутке, расширение удачно «зашедшего» материала и, собственно, панчлайн.

Исследования показывают, что успешные комики чаще обращают шутки на себя, а не на аудиторию. Речь идёт о тактике самоуничижения: она сокращает дистанцию между сценой и залом. Так, в анализе материала Джимми О. Янга[5] показано, что все его панчлайны направлены на собственный опыт, зритель воспринимает такой режим как более «безопасный» и вежливый. Эта тактика снимает риск прямой конфронтации.

Тактика расширения «успешной» шутки[6] — это построение каскада панчлайнов с одной отправной точки. Комик добавляет к ней новые детали, варьирует ракурс, эскалирует образ. Между шутками комики обычно расставляют лингвистические «маркеры перехода», такие как вокализованные паузы, риторические вопросы; впрочем, часть исполнителей предпочитает обходиться полными предложениями, прошивая последовательности нарративом, а не служебными элементами.

«Я плохой человек. Я завистливый. <...> Нет ничего проще, чем выбрать очки слепому. Ты просто берёшь любые очки, надеваешь, говоришь: «Серёж, ну прекрасно». Можно даже взять вот эти картонные, для кинотеатра. <...> Если бы что-то случилось с моим зрением — думаю, мне купили бы очки из магазина приколов. <...> были бы очки, чтобы у меня вот так выпадали глаза. А вместо трости у меня была бы шпага» (Никита Шевчук, «Бессовестный», 2024).

В этом фрагменте тактика самоуничижения сочетается с тактикой расширения шутки. Здесь материал разворачивается в каскад абсурдных образов: картонные очки для кинотеатра, очки с выпадающими глазами, шпага вместо трости. Демонстративное занижение собственной репутации работает на кредит доверия у зала.

В рамках классификации Калпепера в негативном неприличии частотны пренебрежение, презрение и осмеяние, ими комик пользуется, когда высмеивает социальную группу или явление. Сюда же относится тактика «ассоциирования с негативным аспектом»[7]: комик демонстративно сцепляет объект шутки с чем-то заведомо неприятным. В позитивном неприличии своя продуктивная тактика — «диссоциация от другого»[8]: комик подчёркнуто отстраивает себя от той или иной группы, акцентируя различие.

---

[1] Arlivia Z. Указ. соч.

[2] Kuiper K. Указ. соч.

[3] Lockyer S., Mills B., Peacock L. Analysing Stand-up Comedy // Comedy Studies. 2011. Vol. 2, № 2. P. 99–100.

[4] Scarpetta F., Spagnolli A. The Interactional Context of Humor in Stand-up Comedy // Research on Language & Social Interaction. 2009. Vol. 42, № 3. P. 210–230.

[5] Sausina C. N. Self-Punch Lines as Successful Jokes: Analyzing the Stand-up Comedy Performance of Jimmy O. Yang // Lexicon. 2022. Vol. 4, № 1. P. 61–70.

[6] Там же.

[7] Arlivia Z. Указ. соч.

[8] Там же.

Особое место занимает тактика сарказма — приём, при котором вежливая форма используется заведомо неискренне и обслуживает атаку на «лицо» адресата[1]. В стендапе она реализуется через подчёркнуто любезные обращения, ироничные благодарности, преувеличенно церемонные оценки в адрес объекта критики; зазор между формой и содержанием и порождает комический эффект. На практике все перечисленные тактики работают в связке.

*«If you work Monday to Friday, you are a victim of the greatest quality hustle that has ever existed. Friday night rolls around, you feel blessed. That›s how utterly sh*tty they make your work week» (Joe DeRosa, «I Never Promised You A Rose Garden», 2025).*

Приведенный отрывок демонстрирует синтез тактики самоуничижения и социальной сатиры, где личный опыт используется для легитимизации критики системы. На начальном этапе высказывания комик вовлекает аудиторию в общую ситуацию и формирует коллективную идентичность «жертвы системы».

*«Quality is a hustle, but it›s not the filthiest hustle. Victoria›s Secret made headlines a few years back because they hired the first-ever female model with Down syndrome. And it was sh*t. It was a hustle. <...> They didn›t go out and find any old gal with Down syndrome. They went out and found the hottest gal with Down syndrome. And that meant one thing: she didn›t look like she had f*cking Down syndrome» (Joe DeRosa, «I Never Promised You A Rose Garden», 2025).*

В данном примере реализуется тактика расширения успешных шуток (термин из[2]), как создание каскада панчлайнов, опирающихся на единую идею. Нарративная структура отрывка строится по принципу нисходящей градации: от глобального утверждения к частному случаю.

«Моя жена верит во все вот эти аффирмации... <...> Если это работает, то получается, когда-то в прошлом я сидел и такой: ипотека — это для меня. Кредит, чтобы закрыть кредит, — это для меня...» (Абылайхан Касымхан, «Я ненавижу жирных», 2026).

В русскоязычном корпусе аналогичная конфигурация тактик обнаруживается у А. Касымхана. Комик заимствует у медиадискурса узнаваемую формулу аффирмаций и подставляет в неё сниженные референты. Это тактика абсурдизации в связке с когнитивным несоответствием: пафосная форма при сниженном содержании создаёт прагматический сбой. Каждая следующая «аффирмация» работает как самостоятельный панчлайн, реализуется тактика расширения в духе модели Скарпетты и Спаньоли. Параллельно действует и тактика самоуничижения: помещая себя в позицию объекта шутки, комик снижает дистанцию с аудиторией.

4. Сатирические стратегии: риторика социального обличения. Сатирические стратегии работают на критику и обличение. Условие, без которого фрагмент не будет прочитан как сатирический, считываемое аудиторией намерение автора изменить отношение реципиента к некоему положению дел в негативную сторону[3]. Применительно к стендапу это означает, что комик целится в общественное мнение: ставит под сомнение авторитеты, действующие институты, устоявшиеся нормы.

Сатира исторически выполняет роль механизма проверки социальных, групповых и индивидуальных «излишеств». В традиционных культурах этот механизм работал через маскарадные представления: участник, скрытый под маской, мог критиковать старших или вождей, оставаясь при этом анонимным[4]. В современном стендапе функцию маски берёт на себя сценическая персона комика — она же даёт ему относительную свободу слова и снижает риск прямых санкций за критику.

Ещё одна стратегия — атака на позитивное или негативное лицо социальных институтов. В терминологии П. Браун и С. Левинсона сатирик метит либо в желание общества быть одобряемым (позитивное лицо), либо в его право на свободу действия (негативное лицо)[5]. Реализуется такая атака через те же стратегии неприличия, но в сатирическом регистре они работают на разоблачение.

Стратегия пародирования также играет значительную роль в сатирическом дискурсе. Куйпер указывает, что сатира всегда имеет сходство формы с другим артефактом. В стендапе это может проявляться в имитации стиля речи политиков, копировании рекламных слоганов или пародировании известных культурных текстов. Это сходство позволяет аудитории быстро идентифицировать объект критики и понять контекст шутки. Однако, в отличие от чистой пародии, сатира обязательно содержит критический компонент, направленный на изменение отношения к объекту[6].

[1] Hafisa A. Указ. соч.

[2] Sausina C. N. Указ. соч.

[3] Kuiper K. Указ. соч.

[4] Orji B. E. Указ. соч.

[5] Там же.

[6] Kuiper K. Указ. соч.

«My name is Douglas Krauss. I am the CEO of Panera Bread. And I got to tell you, that 60 minutes I spent with you today changed everything for me. <...> So tomorrow morning we›re going to put two more raisins in every cookie, and we›re now going to guarantee a raisin in every bite, thanks to you.» (Gary Owen, «No S», 2025)

Тут Г. Оуэн реализует тактику пародии, воспроизводя формат финального монолога CEO из реалити-шоу «Undercover Boss». Сходство формы обеспечивается дословной имитацией корпоративной риторики и каноничного жанрового жеста крупного благотворительного пожертвования с «круглой цифрой».

5. Сатирические тактики: инструменты критики. Сатирические тактики представляют собой конкретные приемы, с помощью которых реализуются стратегии социального обличения: преувеличение и гротеск. Оржи отмечает, что сатира использует остроумие, иронию и преувеличение для обличения пороков и безрассудства[1]. В стендапе комик может гиперболизировать черты характера политика или абсурдность закона, доводя их до крайности, чтобы сделать пороки более очевидными и смешными. Это делает критику более наглядной и запоминающейся.

Тактика иронии и сарказма является неотъемлемой частью сатирического арсенала. Ирония позволяет сказать одно, подразумевая другое[2], что создает слой смысла, доступный только той части аудитории, которая разделяет взгляды комика. Это создает чувство принадлежности к группе «посвященных», которые понимают истинный смысл высказывания. В исследованиях неприличия сарказм классифицируется как стратегия ложной вежливости, где форма вежливости используется для нанесения ущерба лицу. В сатире это работает как инструмент дистанцирования от критикуемого объекта.

Важной тактикой также является использование конкретных имен и сценариев. В отличие от абстрактной критики0 сатира в стендапе часто опирается на актуальные события и реальных персонажей. Оржи приводит примеры нигерийских комиков, которые напрямую критиковали президента Обасанджо, используя его имя и конкретные детали его поведения[3]. Это повышает ставки выступления и делает сатиру более острой, но также требует от комика осторожности, чтобы не перейти грань дозволенного.

Тактика «маскировки» под развлечение также является ключевой. Комик может начать шутку как безобидное наблюдение, но завершить ее острым сатирическим выводом. Это позволяет смягчить восприятие критики и донести мысль до аудитории, которая могла бы отвергнуть прямое назидание. Куйпер отмечает, что восприятие сатиры зависит от контекста, и оптимальные прагматические условия включают знание аудиторией объекта критики[4]. Поэтому комики часто используют тактику «сетап», подготавливая аудиторию к восприятию сатирического удара.

«There›s no unity left. People don›t even stand by their families anymore. People throw their own family members under the bus on social media so strangers will like them. "My mom voted for Trump, so we›re done." Jeffrey Dahmer could have been my uncle. The worst I would have said about him in public would have been, "We all hope Uncle Jeff gets the help he needs. He›s having a tough time. He›s a good guy"» (Joe DeRosa, I Never Promised You A Rose Garden, 2025)

В данном примере тактика преувеличения реализуется через гротескное сопоставление социальных сценариев. Гиперболизация достигается через абсурдное сравнение масштаба «проступков», что создает диссонанс. Ироническая ремарка «He›s a good guy» в адрес серийного убийцы активирует тактику ложной вежливости, усиливая сатирический эффект. Согласно Оржи, такое преувеличение делает порок, лицемерие социальных сетей, более очевидным[5].

Дэйв Шаппелл в своем дискурсе системно реализует общую стратегию невежливости, а комбинация позитивных и негативных стратегий невежливости позволяет усиливать сатирический эффект, не разрушая комического контракта с аудиторией[6]. Имена собственные выполняют функцию создания «круга посвященных», аудитория должна знать контекст отмены Киммела, деятельность фонда Кирка и историческую фигуру Мартина Лютера Кинга, чтобы понять сатирический диссонанс. Это соответствует тезису Оржи о том, что прямая критика с использованием имен делает сатиру более острой, но требует осторожности[7]:

[1] Orji B. E. Указ. соч.

[2] Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness. Указ. соч.

[3] Orji B. E. Указ. соч.

[4] Kuiper K. Указ. соч.

[5] Orji B. E. Указ. соч.

[6] Jovanović L. Impoliteness Strategies Used in Stand-up Comedy by Dave Chappelle // Philologia Mediana. 2025. Vol. 17. P. 579–589. DOI: 10.46630/phm.17.2025.40.

[7] Orji B. E. Указ. соч.

«Jimmy Kimmel got canceled. Let me tell you something too. Not only did they cancel Jimmy Kimmel, this guy Carr that runs the FCC had the nerve to say that Kimmel, if he wanted to get back on television… I don't know if Carr said this, but somebody said this. They said this has to pay Charlie Kirk's Turning Point USA Foundation money to get back on. You know, they both got murdered in a terrible fashion. They both got shot in the neck, but that's about where those similarities end. 'Cause Charlie Kirk is an internet personality. No, by design. Fundamentally, he can't function like Dr. King». (Dave Chappelle, The Unstoppable, 2025).

Сходная конфигурация сатирических тактик представлена в русскоязычном корпусе у А. Касымхана:

«И ещё, слово „жирный» вообще это описание тела. Но почему-то в обществе оно превратилось в какое-то универсальное оскорбление. Знаете, вот же все помнят дело с Бешимбаевым. Не касаемо преступления, осуждаю на 100 %. Мне не понравилась реакция блогеров после дела. Они запустили такой тренд, где писали: „Давайте воспитаем нормальных сыновей, а не жирных кабанов». Человек жену убил. Вы [зачем] его жирным называете? Мы жирные, вам что сделали? Сами за свой счёт хаваем. Весь этот жир потом сами носим. Он убил жену, я переел — и мы оба жирные кабаны, что ли? Запомните: он убийца. Я жирный кабан» (Абылайхан Касымхан, «Я ненавижу жирных», 2026).

Тактика «маскировки» под развлечение последовательно реализуется в выступлении Н. Шевчука, где шутливый бытовой сетап перерастает в рефлексивный тезис о природе психологического насилия:

«Мне как-то сказали — это глупо, надеяться на удачу, потому что женщине станет лучше и она поймёт, что ты ей не равен. И меня так обидело это замечание, потому что — с чего взяли, что ей станет лучше? Я же могу это контролировать. Я могу по ночам подстригать её, чтобы её волосы не отрастали. Абьюз — это на самом деле сохранять человека в том состоянии, в котором ты его получил» (Никита Шевчук, «Бессовестный», 2024).

Заключение

Стендап-дискурс представляет собой сложную систему коммуникации, в которой переплетаются стратегии развлечения и социальной критики. Анализ теоретических источников позволяет утверждать, что юмор и сатира в стендапе выполняют разные, но взаимодополняющие функции. Юмор служит инструментом создания эмоциональной связи с аудиторией и обеспечения развлекательной ценности выступления. Тактики самоуничижения, расширения шуток и использования сарказма позволяют комику управлять вниманием зала и генерировать смех через управляемое нарушение социальных норм.

Юмористическая стратегия стендапа, направленная на создание комического эффекта как первичной и самодостаточной цели, реализуется через следующие тактики: тактику самоуничижения, снижающую дистанцию между комиком и аудиторией; тактику расширения шутки, создающую каскад панчлайнов на единой посылке; тактику когнитивного несоответствия, основанную на нарушении максим Г. П. Грайса и нарушении ожиданий слушателя; тактику осмеяния и ассоциирования с негативным аспектом, восходящую к под-стратегиям негативного неприличия Дж. Калпепера; тактику диссоциации от другого, реализующуюся в позитивном неприличии; тактику ложной вежливости, при которой вежливая форма обслуживает агрессивное содержание; а также тактику абсурдизации, доводящую исходную посылку до логически невозможного предела. В материале русскоязычной стендап-комедии эти тактики реализуются, в частности, в выступлениях Никиты Шевчука и Абылайхана Касымхана, что демонстрирует культурную универсальность юмористического инструментария.

Стратегии сатиры направлены на изменение взглядов аудитории и обличение социальных пороков. Тактики преувеличения, иронии и использования актуальных референтов делают сатиру в стендапе эффективным инструментом общественного диалога. Важно отметить, что граница между юмором и сатирой часто размыта: одна и та же стратегия неприличия может служить как для развлечения, так и для критики, в зависимости от намерений комика и восприятия аудитории.

Сатирическая стратегия стендап-комедии, направленная на воздействие на ценностные установки аудитории через смех, реализуется через следующие тактики: тактика преувеличения и гротеска, выводящая критикуемое явление в плоскость абсурда; тактика иронии и сарказма, эксплуатирующая разрыв между формой и содержанием высказывания; тактика использования имён собственных и актуальных референтов, формирующая «круг посвящённых»; тактика пародии, опирающаяся на формальное сходство с объектом

критики; тактика дискурсивного моделирования социальных ситуаций, при которой сценический образ комика выполняет функцию маски, легитимизирующей критику; а также тактика «маскировки» под развлечение, при которой острый сатирический вывод подаётся через нейтральный нарративный сетап. В русскоязычном корпусе указанные тактики наиболее последовательно представлены в выступлениях Абылайхана Касымхана, Никиты Шевчука и Ильи Раевского, что подтверждает их продуктивность за пределами англоязычной традиции стендапа.

Успешность стендап-выступления зависит от мастерства комика в балансировании между этими полюсами. Использование теоретических моделей, таких как таксономия неприличия и модель последовательной организации, позволяет систематизировать понимание механизмов воздействия стендапа на аудиторию. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на анализ культурной специфики восприятия сатиры и юмора, а также на изучение этических границ использования стратегий неприличия в публичном дискурсе.

Список источников

1. Arlivia Z., Sembodo T. J. P. Impoliteness strategies in John Mulaney's stand-up comedy // Lexicon. 2024. Vol. 11, № 1. P. 63–72.

2. Bergson H. Laughter: an essay on the meaning of the comic. London : Macmillan, 1911. 200 p.

3. Brown P., Levinson S. C. Politeness: some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.

4. Carrell A. Historical views of humour. In: Raskin V., (ed.). The primer of humour research. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2008. P. 303–332.

5. Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. 1996. Vol. 25, № 3. P. 349–367.

6. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offence. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 292 p.

7. Hafisa A., Hanidar S. Impoliteness strategies in Trevor Noah's Afraid of the Dark stand-up comedy show // Lexicon. 2020. Vol. 7, № 2. P. 215–223.

8. Jovanović L. Impoliteness strategies used in stand-up comedy by Dave Chappelle // Philologia Mediana. 2025. Vol. 17. P. 579–589. DOI: 10.46630/phm.17.2025.40.

9. Kuiper K. The nature of satire // Poetics. 1984. Vol. 13, № 5. P. 459–473.

10. Lockyer S., Mills B., Peacock L. Analysing stand-up comedy // Comedy Studies. 2011. Vol. 2, № 2. P. 99–100.

11. Mintz L. E. Stand-up comedy as social and cultural mediation // American Quarterly. 1985. Vol. 37, № 1. P. 71–80.

12. Orji B. E. Humour, satire and the emergent stand-up comedy: a diachronic appraisal of the contributions of the masking tradition // European Journal of Humour Research. 2018. Vol. 6, № 4. P. 24–38.

13. Rosmaria R. Language and identity in stand-up comedy: a discourse analysis of humor // Journal of Linguistica. 2025. Vol. 2. P. 29–37. DOI: 10.62872/tf3xdp51.

14. Sausina C. N. Self-punch lines as successful jokes: analyzing the stand-up comedy performance of Jimmy O. Yang // Lexicon. 2022. Vol. 4, № 1. P. 61–70.

15. Scarpetta F., Spagnolli A. The interactional context of humor in stand-up comedy // Research on Language & Social Interaction. 2009. Vol. 42, № 3. P. 210–230.

16. Schwarz J. Linguistic aspects of verbal humor in stand-up comedy [PhD thesis]. Saarbrücken: Saarland University, 2010. 256 p.

References

1. Arlivia Z, Sembodo TJP. Impoliteness strategies in John Mulaney's stand-up comedy. *Lexicon*. 2024;11(1):63-72.

2. Bergson H. Laughter: an essay on the meaning of the comic. London: Macmillan, 1911. 200 p.

3. Brown P, Levinson SC. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

4. Carrell A. Historical views of humour. In: Raskin V, editor. The primer of humour research. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. p. 303-332.

5. Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics.* 1996;25(3):349-367.

6. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offence. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 292 p.

7. Hafisa A, Hanidar S. Impoliteness strategies in Trevor Noah's Afraid of the Dark stand-up comedy show. *Lexicon*. 2020;7(2):215-223.

8. Jovanović L. Impoliteness strategies used in stand-up comedy by Dave Chappelle. *Philologia Mediana*. 2025;17:579-589. DOI: 10.46630/phm.17.2025.40.

9. Kuiper K. The nature of satire. *Poetics*. 1984;13(5):459-473.

10. Lockyer S, Mills B, Peacock L. Analysing stand-up comedy. *Comedy Studies*. 2011;2(2):99-100.

11. Mintz LE. Stand-up comedy as social and cultural mediation. *American Quarterly.* 1985;37(1):71-80.

12. Orji BE. Humour, satire and the emergent stand-up comedy: a diachronic appraisal of the contributions of the masking tradition. *European Journal of Humour Research.* 2018;6(4):24-38.

13. Rosmaria R. Language and identity in stand-up comedy: a discourse analysis of humor. *Journal of Linguistica*. 2025;2:29-37. DOI: 10.62872/tf3xdp51.

14. Sausina CN. Self-punch lines as successful jokes: analyzing the stand-up comedy performance of Jimmy O. Yang. *Lexicon*. 2022;4(1):61-70.

15. Scarpetta F, Spagnolli A. The interactional context of humor in stand-up comedy. *Research on Language & Social Interaction.* 2009;42(3):210-230.

16. Schwarz J. Linguistic aspects of verbal humor in stand-up comedy [PhD thesis]. Saarbrücken: Saarland University, 2010. 256 p.

Информация об авторах

В. И. Тармаева — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник многопрофильного центра экспертиз.

Э. Г. Раднаев — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

Information about authors

V. I. Tarmaeva — Dr. Sci. (Philology), Professor, leading research fellow of the multidisciplinary center of expertise.

E. G. Radnaev — postgraduate student of the Department of Russian Language and General Linguistics.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: В. И. Тармаева — разработка концепции исследования, формулирование выводов, доработка текста.
Э. Г. Раднаев — отбор и анализ материала, подготовка первой версии текста, доработка текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Viktorya I. Tarmaeva — developed the methodology and approach, making conclusion, preparing the final draft of the article.
Etigil G. Radnaev — selected and analyzed the material, preparing the first draft of the article, preparing the final draft of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 35–42.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):35-42.

Научная статья

УДК 81.11

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-35-42

ХАРАКТЕРИСТИКИ «НОВОЙ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ» В КОММУНИКАЦИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА

Ирина Александровна Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия, tislenkova@bk.ru, 0000-0002-7202-2773, SCOPUS 57214837728

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям функционирования коммуникативной демонстративности в межличностном общении. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые описывается феномен новой демонстративности и анализируются его базовые характеристики. Целью исследования является раскрытие сути феномена «новой демонстративности», выявление механизма ее актуализации и функций в современном взаимодействии. В результате анализа устанавливается, что в эпоху метамодернизма отмечается беспрецедентная свобода выбора коммуникантами средств представления собственной личности. Особенностями данной культурно-исторической эпохи являются методы и нормы самопрезентации, продиктованные необходимостью совместить искреннее самовыражение со стратегическим выстраиванием публичного образа через набор идентичностей со своими стилями, визуальными образами и нарративами, вызывающими культурно закрепленные ассоциации и встраиваемые в личную историю для повышения статусности субъекта речи. Определяются такие ведущие коммуникативные феномены метамодернизма, как новая искренность, новая этика, полигибридность, неоромантическая эстетика и новая демонстративность. Подчеркивается, что в процессе автопрезентации самоповествование, механизм самоподачи, семиотика визуальных образов в настоящее время приравниваются к биологическим характеристикам субъектов интеракции. В самопрезентационной речи эпохи метамодернизма присутствует взаимодействие поликультурных кодов, синтез разнородных традиций и мировоззренческих позиций, выражаемых в перформативных коммуникативных актах. Лингвопрагматический анализ речи представителей разных возрастных групп и социальных слоев, содержащей коммуникативную демонстративность, выявил единицу выражения «новой демонстративности» – лингвистический гештальт, а также тенденцию коммуникантов в процессе самоподачи к отказу от своего возраста, пола, биологической и культурной принадлежности, социального статуса. Определяются функции новой демонстративности: автопрезентационная, имиджевая, аттрактивная и регулятивная. Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование способствует развитию прагмалингвистики и теории дискурса, описывая лингвистический статус феномена новой демонстративности. Практическая ценность заключается в последующем применении результатов исследования в курсах семиотики, прагмалингвистики, теории межличностной и деловой коммуникации. Перспективу исследования составляет выявление и описание перлокутивных типов новой демонстративности и классификация коммуникативных ситуаций ее функционирования.

Ключевые слова: демонстративная тональность, самопрезентация, коммуникативный демонстратив, языковая личность, демонстративная коммуникация

Для цитирования: Тисленкова И. А. Характеристики «новой демонстративности» в коммуникации метамодернизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 35–42. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-35-42.

Original article

CHARACTERISTICS OF THE «NEW DEMONSTRATIVENESS» IN METAMODERNISM COMMUNICATION

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, tislenkova@bk.ru, 0000-0002-7202-2773, SCOPUS 57214837728

© Тисленкова И. А., 2026

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of communicative demonstrativeness in interpersonal communication. For the first time the phenomenon of new demonstrativeness and its basic characteristics are analyzed. The purpose of the study is to reveal the essence of the phenomenon of «new demonstrativeness», to identify the mechanism of its actualization and functions in modern interaction. In the era of metamodernism, there is unprecedented freedom to choose the means of representing one's own personality. Self-presentation nowadays is dictated by the need to combine sincere self-expression with strategic building of a public image through a set of identities with their own styles, visual images and narratives that evoke associations and are embedded in personal history to enhance the status of the subject of speech. New sincerity, new ethics, polyhybridity, neo-romantic aesthetics and new demonstrativeness are defined as leading communicative phenomena of metamodernism. Self-proclamation and the semiotics of visual images are currently equated with the biological characteristics. An interaction of multicultural codes, diverse traditions and worldview positions are expressed in performative communicative acts. The unit of expression of the «new demonstrativeness» is linguistic gestalt. There is a tendency in the process of self-presentation to reject one's age, gender, biological and cultural affiliation, and social status. New demonstrativeness has self-presentation, image, attractive and regulatory functions. The research contributes to the development of pragmalinguistics and the theory of discourse. The results can be used in semiotics and pragmalinguistics academic courses, theory of interpersonal and business communication. The research perspective is to identify the perlocutionary types of new demonstrativeness and classify communicative situations of its functioning.

Keywords: demonstrative tonality, self-presentation, communicative demonstrative, linguistic personality, demonstrative communication

For citation: Tislenkova IA. Characteristics of the «New Demonstrativeness» in Metamodernism Communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):35-42. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-35-42.

Введение

В настоящее время демонстративная коммуникация в персональном и институциональном взаимодействии становится главным свойством повседневной интеракции. Опосредованное взаимодействие кардинально изменило подходы человека к предъявлению своей идентичности, сместив фокус на перформативные коммуникативные стратегии [4]. Возрастающая роль коммуникативной демонстративности в различных областях общения обуславливает актуальность ее прагмалингвистического анализа, а многогранность феномена требует всестороннего изучения его функций и способов актуализации.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые анализируется новая демонстративность и ее свойства.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении способа выражения и функции «новой демонстративности» в современной коммуникации.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели используются методы теоретического анализа научной литературы, общенаучные методы, дискурсивный анализ текста (выявляет лингвистические средства актуализации демонстративной тональности) и психолингвистический анализ речи (предусматривает установление взаимосвязи между мотивами индивида и демонстративными единицами их языкового выражения в коммуникативном поведении).

Материал анализа представлен 10 интервью из документальных телесериалов «Совершенно одержимый» 2004 г., длительностью 220 мин.; 51 интервью «Моя странная зависимость» 2010–2015 гг., объемом 1530 минут; 16 интервью «Экстремальная любовь» 2018–2019, продолжительностью 688 минут, а также фрагментами прямой речи и описаний коммуникативного поведения субъектов из статей периодической печати, социальных сетей за 2015, 2021–2025 гг., содержащих коммуникативную демонстративность.

Результаты исследования

Демонстративность представляет собой эмоционально-стилевой способ взаимодействия, направленный на интенсивную самопрезентацию, преувеличение личных качеств и акцентированность определенной эмоции, реализуемый полимодальными единицами коммуникации. Демонстративная тональность присутствует во всех формах взаимодействия, где каждый коммуникант является «человеком демонстрирующим» [8]. В разные культурно-исторические периоды в ходе взаимодействия индивид репрезентовал собственную личность окружающим посредством символов и знаковых систем, кодирующих его социально-демографические параметры. Знаки, маркирующие идентичность в коммуникации, претерпевали значительные изменения на протяжении разных исторических эпох. Тем не менее, ни в один из предшествующих этапов не существовало столь широкого спектра возможностей и свободы для подбора выразительных средств самопрезентации, как в эпоху метамодернизма.

Особенности периода метамодернизма и его ведущие коммуникативные феномены.

Социокультурный феномен метамодернизма зародился в начале XXI в. как реакция на актуальные вызовы времени: стремительные трансформации, глобальные кризисы и бурное развитие технологий. Суть явления заключается в постоянном балансировании между полярными началами: между идеалистическими установками модернизма и скептическим настроем постмодернизма, между подлинной искренностью и ироничной отстранённостью, между созиданием и разрушением. Метамодернизм находит отражение в коммуникативных практиках, архитектурном проектировании, музыкальных течениях, кинематографе, изобразительном искусстве, а также оказывает существенное воздействие на массовую культуру, медийные нарративы и политическую сферу [12].

В эпоху метамодернизма складываются новые способы и стандарты самопрезентации, обусловленные потребностью сочетать подлинное самовыражение с продуманным формированием публичного имиджа. При этом субъект вынужден утверждаться в контексте множества идентичностей и непрерывной конкуренции за внимание аудитории, как в цифровом, так и в реальном пространстве [7].

Несколько значимых коммуникативных явлений ознаменовало эпоху метамодернизма: новая искренность, новая этика, полигибридность, неоромантическая эстетика, демонстративность [10].

Феномен «новой искренности» состоит в желании возродить в искусстве, культуре и общении прямую, правдивую, эмоционально глубокий личностный текст-историю. Наблюдается отказ от постмодернистской иронии и скептицизма в пользу утверждения искренности и взаимного доверия. В межличностной коммуникации на первый план выходит чувственное восприятие и живой отклик, а не холодная отстраненность [9].

«Новая этика» делает акцент на внимательном отношении к индивидуальности и уникальному жизненному опыту субъектов, оформив современные паттерны общения, среди которых ключевое место занимает толерантность [11].

В парадигме метамодернизма синтез разнородных культурных и художественных традиций, внедрение инновационных технологий и медиаформатов, а также соединение разноплановых стилей, исторических периодов и жанровых форм порождают сложные полисемантичные произведения. Возрождается романтическая тематика в идеализации одинокого героя, его противостоянии массе и устремлённости к «значимой цели» [16]. Коммуникативная демонстративность стала механизмом актуализации этих культурных парадигм.

Отмечается появление феномена «новой демонстративности» — манипулятивной формы коммуникации, нацеленной на акцентированное воплощение личностных психологических потребностей и демонстрацию мировоззренческих установок говорящего субъекта.

Для метамодернизма характерно придание смыслу и мифу онтологического веса: искусство и культура фокусируются теперь на концептах (инсталляции); компании продают образы товаров (молодость), общественные движения организуются вокруг идей (Via Campesina, Extinction Rebellion, Human Rights Watch и др.), формирующих жизненный уклад, а не только его дополняющих. Причина состоит в том, что современные технологии делают возможным абстрагирование информации от материального носителя: человеческое тело воспринимается как набор данных, сознание — как облачная сущность. Благодаря глобализации и медиапространству формируются виртуальные среды, в которых ценность мысли превосходит значимость пространственных и физических параметров [15]. Поскольку великие нарративы прошлого, крупные идеологии и исторические рассказы утрачивают силу, уступая место плюрализму «малых нарративов» — локальных историй без претензии на универсальность, коммуниканты находят смыслы за пределами материального. Онтологические вызовы приводят к тому, что субъект переоценивает собственное место в мире и становится элементом комплексных систем, в которых концепция задает самовыражение.

Появление и распространение искусственного интеллекта выявило несовершенство человека на фоне искусственных организмов. В культуре все чаще возникают размышления о симбиозе тела и технологий, призванных увеличить человеческие способности для преодоления социальных и технологических вызовов. Тема поднимается в известных кинокартинах «Особое мнение» (2002), «Я, робот» (2004), «Аватар» и «Суррогаты» (2009), «Превосходство» (2014), «Из машины» (2014), «Призрак в доспехах» (2017), «Апгрейд» (2018) и во франшизе Marvel о сверхлюдях (2008–2025 гг.). Между тем технологические фирмы Neuralink, Synchron, Luna Labs, Beijing Xinzhida Neurotechnology, Сенсор-Тех, Моторика и другие ведут работу по практической реализации этих замыслов.

Метамодернистская реальность характеризуется переносом основных видов жизненной активности в цифровую среду, в которой общение сводится к обмену сообщениями и образами в соцсетях, работа протекает в облачных сервисах, а потребление сосредоточено на цифровых продуктах. На этом фоне возникают метавселенные — полноценные виртуальные миры.

Идентичность в период метамодернизма все реже соответствует физическому телу: её основу составляют цифровые следы и визуальные коды. Приоритет отдается не телесным характеристикам, а тому, как человек конструирует себя в медиа через стиль, визуальный образ и персональный бренд [15]. Ценностью становится не сам объект, а связанная с ним история и культурные ассоциации, которые интегрируются в личностный нарратив, повышая значимость говорящего [14]. Тело является объектом проектирования: его преобразуют посредством разнообразных технологий, физической активности и изменения режима питания. Протезирование, киборгизация, использование нейроинтерфейса стирают грань между биологическим и технологическим. В цифровой среде тело замещается аватаром, не имеющим реального аналога. Таким образом, телесность сегодня предстает как пластичная форма, подчиненная мысли. Индивид представляет её во взаимодействии с другими с помощью коммуникативной демонстративности.

Коммуникация эпохи метамодернизма

Межличностное общение метамодернизма становится площадкой для самопознания и характеризуется сочетанием «новой искренности» и «новой демонстративности», знаменуя переход от статичного человека как текста к динамичному человеку как перформансу.

Нарративы о себе, стиль самоподачи, визуальный код в настоящее время имеют такое же значение, как и биологические характеристики [5]. В разных цифровых средах человек презентует свои множественные идентичности, имея возможность экспериментировать с образами, не ограничиваясь одной ролью. Виртуальные аватары, цифровые двойники коммуникантов позволяют общаться в метавселенных, расширяя возможности самовыражения [1]. В этом им помогают эмодзи, стикеры, AR-эффекты, создающие новые формы невербальной коммуникации и частично замещающие кинетические сигналы. Отмечается отсутствие боязни осуждения, готовность показывать свои уязвимые стороны, делиться глубоко личными переживаниями, сомнениями, автобиографическими эпизодами, не маскируя их под цинизм [3].

В самоповествовании эпохи метамодернизма присутствуют поликультурные коды, пересечение разных традиций и взглядов. Ценностью является интерпретация сообщаемых о себе фактов, когда важно не просто сообщить информацию, а рассказать её как сюжет с развитием, конфликтом и выводом [13]. Диалоговое общение является совместным творческим процессом его участников, в котором субъекты дополняют и переосмысляют значимость друг друга. Через диалог коммуниканты показывают окружающим собственные установки, ценности, эмоциональные реакции, занимаются экзистенциальным поиском [6].

Особенности «новой демонстративности» метамодернистской коммуникации.

В коммуникативных практиках метамодернизма доминирует демонстративная тональность, реализуемая лингвистическим гештальтом — социосемиотическим комплексом, состоящим из образа, мысли, чувства, моторной и речевой деятельности человека, фрейма, схемы и сценария в одной единице речевого общения, предъявление которой позволяет реципиентам сразу воспринимать весь объем содержащейся в ней информации [7].

В настоящее время, осознавая масштаб возможностей искусственного интеллекта и сравнивая себя с ним, человек испытывает чувство собственной неполноценности и дистанцируется от всего, что связывает его с человеческой природой: физического тела и социальной природы, реализуя это в коммуникации с помощью манипулятивной отрицательной коммуникативной демонстративности.

Самопрезентация все чаще строится на отказе от фундаментальных идентификационных категорий: возраста, пола, биологической и культурной принадлежности, социального статуса — некогда традиционных элементов конструируемого образа себя. Например,

(1) – *(20-летняя девушка в образе и одежде трехлетней девочки)* Меня зовут Макс, и мне 20 лет. Но вообще-то это не совсем так, потому что мне — пять *(ползает на четвереньках среди игрушек, говорит тонким голосом).* Я маленькая, а он *(показывает на своего тридцатилетнего партнера Джона)* — мой «папа»: «Папа, пойдем гулять в парк? Я хочу взять с собой Моанну *(берет куклу)*». <...> Для меня это абсолютно бесполый образ жизни. Мой «папа» заботится обо мне, но я также забочусь о нем. Фактически я взрослая.

Мне двадцать. Я оплачиваю все счета, плачу налоги. Моя идентичность в этом мне не мешает[1].

В примере (1) девушка осознанно выбирает самопрезентацию ребенка в общении с партнером как манипулятивную стратегию, позволяющую ей получить безусловное принятие и выстроить с ним особые доверительные отношения. С помощью лингвистического гештальта, реализуемого образом малолетней (в одежде трехлетней девочки), моторной деятельностью ребенка (ползает на четвереньках среди игрушек) и соответствующей речевой деятельностью (демонстративной просодикой — говорит тонким голосом), фреймом (подготовка к прогулке), схемой (параллелизмом — Мой «папа» заботится обо мне, но я также забочусь о нем) и сценарием (режимными моментами типичного дня малыша — прогулка в парке) она транслирует Джону свою потребность в безопасности и доверии. Отказ от возрастной идентичности помогает создать пространство, где важны взаимная искренность.

(2) В 12 лет А. Т. получила диплом педагога-дефектолога, что позволило ей обучать детей с нарушениями слуха[2].

(3) — *(девочка А. Т. 12 лет, одета и накрашена как взрослая женщина*) Я проходила практику по олигофренопедагогике. Занималась с выпускным классом в школе для умственно отсталых детей. Они, мой выпускной класс, любимый, сдали экзамены ЕГЭ[3].

В примерах (2) и (3) говорящая, презентуя себя взрослой посредством коммуникативной демонстративности смешанного типа, заявляет свою значимость для получения признания.

(4) — В этой семье никто не считает себя человеком определенного пола. Члены семьи уверены, что пол изменчив. Они убеждены, что человек не ограничен половой принадлежностью или неизменной идентичностью.

Мать (*за рулем автомобиля в мужской одежде*): Я чувствую себя мужчиной, и я чувствую себя женщиной. Я люблю мужскую одежду, и я люблю женскую одежду. Я не мужчина и не женщина[4].

В примере (4) гендер понимается коммуникантом как социальный конструкт без универсальных норм. Говорящая осуществляет самопрезентацию с помощью манипулятивной отрицательной коммуникативной демонстративности, реализуемой гештальт-конструкцией, элементами которой являются: 1) образ визуальной амбивалентности (женщина в мужской одежде); 2) фрейм (моторная и речевая деятельность, связанная с экспериментами с одеждой и ролями); 3) сценарий (везет домочадцев по делам как глава семьи), который освобождает ее от гендерных ожиданий общества, скрывая нереализованность.

(5) (*статья в газете, включающая фотографию чиновников-мужчин в женских образах*) Эпатажные чиновники: В руководство США впервые наняли людей, не определившихся со своим полом[5].

Публичное отрицание биологической половой принадлежности также наблюдается и в привилегированных слоях общества, например, американского (5). Коммуникативная демонстративность используется не только как символический жест разнообразия, но и как знак отличия от идеологии других партий.

Коммуникативная демонстративность, основанная на лингвистическом гештальте, является стратегическим механизмом, позволяющим говорящему контролировать эмоциональный фон взаимодействия и сознательно конструировать имидж, который провоцирует у собеседника необходимые реакции. Такая разновидность демонстративной тональности встречается во всех социальных слоях. Например,

(6) (*36-летний мужчина, внешность которого модифицирована под образ тигра после множества пластических операций*) Дэнис живет в сарае скобяной лавки последние шесть лет. Он перенес десять экстремальных пластических операций на сумму 200 тысяч долларов, чтобы выглядеть как тигр. <...> Дэнис никогда не считал себя человеком.

— Меня называют Говорящий Кот, как в фильме «Тайком». <...> В*се, что я делаю и как я выгляжу, я делаю по-кошачьи. Я говорю вам, я даже мурлыкаю во сне. <...> Мой рацион включает преимущественно сырое мясо с кровью*[6].

(7) (*30-летний мужчина в деловом костюме, изображающий робота*) Это Николай — живой робот. Его работа состоит в том, чтобы

[1] Экстремальная любовь, 2018-2019. Реж. A. Duran, J. Stramowski. Barcroft Studios, TCB Media Rights, WE tv.

[2] vokrugsveta.ru. 23.07.2024. URL: https://www.vokrugsveta.ru/articles/kuda-propala-i-chem-zanimaetsya-seichas-alisa-teplyakova-5-faktov-ob-izvestnoi-devochke-vunderkinde-id5759273/

[3] Нас раскрыли! Все тайны ЕГЭ! 09.02.2025. URL: https://yandex.ru/video/preview/18095725633154491261

[4] Моя странная зависимость, 2010-2015. Реж. Joseph R. Fitzgerald Exit Four, Violet Media, 20 West Productions.

[5] life.ru. 21.08.2022. URL: https://life.ru/p/1517453

[6] Совершенно одержимый, 2004. Серия 8. E. N, Catman and more. Реж. S. Hall. VH1 Classic.URL: https://myshows.me/view/episode/1871741/

представлять известных персонажей кино и мультипликации. Но ему так понравился процесс, что это перестало быть только работой. В этом образе он проживает каждую минуту своей жизни. В сети есть большое количество видео, показывающих, как *он «обесточившись» застывает в неестественных позах в самых разных общественных местах. Владельца магазинов приходится выносить его на улицу, чтобы не пугать покупателей. После чего он снова включается, только когда кто-нибудь подключает к нему зарядное устройство*[1].

(8) В США преподобный Люк Уолтерс представился членам Совета по психическому здоровью штата Орегон *как Люк Падающая звезда*[2].

(9) Американский бизнесмен Илон Маск, выступая по видеосвязи на 74-м Международном астронавтическом конгрессе, проходящем в Баку, заявил, что *сам является инопланетянином*[3].

(10) <...> идет инаугурация Трампа, а его ближайший советник (Илон Маск — *прим. авт.*) *несколько раз как будто зависает, запрокинув голову*[4].

В примерах (6)–(10) описана концептуальная самоидентификация и ее демонстративная трансляция. Посредством образов животного, робота, киногероя, внеземного существа обычные люди и люди публичного статуса озвучивают личное самовосприятие, которое не укладывается в традиционные понятия, что создает их исключительность. Коммуникативный демонстративный лингвистический гештальт способствует утверждению их самобытного жизненного опыта через его интеграцию в профессиональную и повседневную реальность (коммуниканты не просто носят костюмы животных и персонажей, а перенимают их поведенческие модели), чтобы добиться одобрения со стороны профессионального круга и общества, а также признания своего индивидуального выбора жизненного пути.

(11) Британский миллионер Грэм Пендрилл, разбогатевший на торговле антиквариатом, решил кардинально изменить жизнь после поездки в Африку в 2004 году (в возрасте 52 лет — *прим. авт.*). Оттуда бизнесмен вернулся *с титулом старейшины племени масаи*. Чтобы пройти обряд посвящения, Пендриллу пришлось *пить мочу буйвола и присутствовать при принесении в жертву коровы*. Вернувшись в Англию, *новоиспеченный член африканского племени даже приходил на деловые встречи и в пабы в наряде масаи*[5].

(12) После 45 лет Николас осознал, что счастье не в деньгах. Распродав имущество, он <...> официально *числился бездомным, путешествовал по всему миру, жил в отелях и редко появлялся в офисе. Берггрюен не ассоциирует себя с бизнесом и коммерцией*[6].

Манипулятивная коммуникативная демонстративность, используемая Г. Пендриллом и Н. Берггрюеном (11) и (12), является перформансом, в котором отказ от социального статуса становится манифестом. Эксцентричные образы старейшины племени масаи и бездомного привлекают общественное внимание, укрепляя самооценку в период возрастного экзистенциального кризиса.

Эпоха метамодернизма породила также особую форму самовыражения через субкультуры, которые органично соединяют традиционные течения с современными цифровыми и эстетическими влияниями [2]. Последователи субкультур идентифицируют себя посредством предлагаемых ими лингвистических гештальтов.

Заключение

Представленный паттерн игровой самоидентификации, реализуемый лингвистическим гештальтом, в современном дискурсе образует коммуникативную практику «новой демонстративности» и применяется коммуникантами всех возрастов и социального статуса, выполняя автопрезентационную, имиджевую, аттрактивную и регулятивную функции. В то же время следует подчеркнуть, что гештальт-структуры в повседневном общении характеризуются ритуализированностью и шаблонностью. Их повсеместное функционирование в качестве основного способа самопрезентации указывает на сомнение в своей ценности и ощущение собственной несостоятельности современного человека. Личность в эпоху метамодернизма пребывает в постоянном поиске

[1] Man who acts like a robot @GravityDreams. 15.08.2025. URL: https://youtube.com/shorts/8OlrYep7q78?si=5bXaicweXciritUh

[2] westernjournal.com. Oregon Mental Health Advisory Board Member Identifies as Turtle. 14.03.2025. URL: https://www.westernjournal.com/oregon-mental-health-advisory-board-member-identifies-turtle-not-joking/

[3] kp.ru. 05.10.2023. URL: https://www.kp.ru/online/news/5485959/

[4] dzen.ru. 12.06.2025. URL: https://dzen.ru/a/aENCpQpKtVTrsymy

[5] forbes.ru. 28.08.2015. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/dosug/295015-zhizn-posle-millionov-kto-promenyal-sostoyanie-na-rai-v-shalash

[6] dzen.ru. 09.02.2021. URL: https://dzen.ru/a/YB6wnPKlbw6q6dr8

ответов на экзистенциальные вопросы о собственной природе и уникальности, что свидетельствует о наличии кризиса идентичности в социуме. Как когнитивно-поведенческий инструмент, коммуникативные стереотипии становятся для неё опорой, структурируют ее жизнь, создают иллюзию контроля, помогают регулировать эмоциональное состояние.

Список источников

1. Авдеева И. А. Мораль и коммуникативное действие в эпоху трансформации социальных практик // Философия и общество. 2017. № 4 (85). С. 58–69.

2. Гусельцева М. С. Субкультуры: культурно-психологические трансформации современности в свете методологии латентных изменений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9, № 3. С. 229–242.

3. Захарченко Н. А., Карелова Т. В., Мещерякова Е. Ю. Постирония как феномен современной массовой коммуникации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1, № 4 (39). С. 114–122.

4. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.

5. Кудряшова Е. А. Новая визуальная культура в медиапространстве // Век информации. 2019. Т. 3, № 3 (8). С. 135–148.

6. Назарова Т. Б. От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 107–115.

7. Тисленкова И. А. Демонстративность как коммуникативная тональность: функции, жанры, способы выражения: монография. Волгоград: Прин Терра-Дизайн, 2025. 328 с.

8. Тисленкова И. А. Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42, № 3. С. 576–584.

9. Чемодурова З. М. Аффективный поворот в метамодернистской литературе и «новая искренность» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23, № 2. С. 84–97.

10. Bunnell N. Oscillating from a distance: A study of metamodernism in theory and practice // Undergraduate Journal of Humanistic Studies. 2015. Vol. 1, № 1. P. 1–8.

11. Hale D. J. Aesthetics and the new ethics: Theorizing the novel in the twenty-first century // PMLA. 2009. Vol. 124, № 3. P. 896–905.

12. Hallila M., Sandbacka K. Metamodernism in Contemporary Culture and Literature // Acta Philologica. 2025. № 63. P. 5–11.

13. Melnichuk M. S. Gameplay and Its Meaningful Fullness from the Perspective of Metamodern Ceberculture // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Філософські науки. 2023. № 94. С. 119–129.

14. Nothhaft H., Overton-de Klerk N. Strategic communication and metamodernism. Shall we dance? Towards complexity beyond linear compromise // Communicare: Journal for Communication Sciences in Southern Africa. 2025. Vol. 44, № 1. P. 4–23.

15. Shabanova Y. O. Metamodernism man in the worldview dimension of new cultural paradigm // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2020. № 18. P. 121–131.

16. Veselý T. We Are All Metamoderns: An Introduction to Metamodernism: Master´s Thesis, Charles University. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav anglofonních literatur a kultur, 2024. 89 p.

References

1. Avdeeva IA. Moral’ i kommunikativnoe dejstvie v epohu transformacii social’nyh praktik = Morality and communicative action in the era of transformation of social practices. *Philosophy and Society*. 2017;4(85):58-69. (In Russ.).

2. Guseltseva MS. Subkul’tury: kul’turno-psihologicheskie transformacii sovremennosti v svete metodologii latentnyh izmenenij = Subcultures: cultural and psychological transformations of modernity in the light of the methodology of latent changes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology.* 2019;9(3):229-242. (In Russ.).

3. Zakharchenko NA, Karelova TV, Meshcheriakova EIU. Postironiya kak fenomen sovremennoj massovoj kommunikacii = Post-irony as a phenomenon of modern mass communication. *Vestnik of Volzhsky University named after VN Tatishchev.* 2022;4(39):114-122. (In Russ.).

4. Karasik VI, Slyshkin GG. Tendencii razvitiya sovremennogo diskursa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki = Trends in the development of modern discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics.* 2021;1:14-31. (In Russ.).

5. Kudriashova EA. Novaya vizual'naya kul'tura v mediaprostranstve = A new visual culture in the media space. *Age of Information.* 2019;3(8):135-148. (In Russ.).

6. Nazarova TB. Ot tipologii vidov obshcheniya k tipologii kommunikantov: dinamika kommunikativnogo povedeniya i kommunikativnoj lichnosti = From the typology of types of communication to the typology of communicants: the dynamics of communicative behavior and communicative personality. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology.* 2023;29(2):107-115. (In Russ.).

7. Tislenkova IA. Demonstrativnost' kak kommunikativnaya tonal'nost': funkcii, zhanry, sposoby vyrazheniya: monografiya = Demonstrativeness as a communicative tonality: functions, genres, ways of expression: monograph. Volgograd: Prin Terra-Dizain; 2025. 328 p. (In Russ.).

8. Tislenkova IA. Samoprezentaciya kak vedushchij priznak kommunikativnoj demonstrativnosti = Self-presentation as a leading sign of communicative demonstrativeness. *Issues in journalism education, linguistics.* 2023;42(3):576-584. (In Russ.).

9. Chemodurova ZM. Affektivnyj povorot v metamodernistskoj literature i «novaya iskrennost'» = The Affective Turn in Metamodernist Fiction and «New Sincerity». *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2024;23(2):84-97. (In Russ.).

10. Bunnell N. Oscillating from a distance: A study of metamodernism in theory and practice. *Undergraduate Journal of Humanistic Studies.* 2015;1(1):1-8.

11. Hale DJ. Aesthetics and the new ethics: Theorizing the novel in the twenty-first century. *Pmla*. 2009;124(3):896-905.

12. Hallila M, Sandbacka K. Metamodernism in Contemporary Culture and Literature. *Acta Philologica*. 2025;63 5-11.

13. Melnichuk M. Gameplay and its meaningful fullness from the perspective of metamodern cyberculture. *Zhytomyr ivan franko state university journal.* 2023;2(94):119-129.

14. Nothhaft H, Overton-de Klerk N. Strategic communication and metamodernism. Shall we dance? Towards complexity beyond linear compromise. *Communicare: Journal for Communication Sciences in Southern Africa*. 2025;44(1):4-23.

15. Shabanova YO. Metamodernism man in the worldview dimension of new cultural paradigm. *Anthropological Measurements of Philosophical Research.* 2020:18:121-131. (In Russ.).

16. Veselý T. We Are All Metamoderns: An Introduction to Metamodernism: Master´s Thesis, Charles University. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav anglofonních literatur a kultur, 2024. 89 p.

Информация об авторе

И. А. Тисленкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

I. A. Tislenkova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

ИСТОРИЧЕСКОЕ, СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОД
HISTORICAL AND COMPARATIVE-TYPOLOGICAL LINGUISTICS AND TRANSLATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 43–51.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):43-51.

Научная статья

УДК 811.163.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-43-51

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ДИАКРИТИКА В ЭКЗЕГЕЗЕ КАК СРЕДСТВО УТОЧНЕНИЯ СМЫСЛА

Валерий Эдуардович Будейко[1], Ксения Евгеньевна Герасимова[2]

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, boudeyko@gmail.com, 0000-0002-2706-8051

[2] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, doctor-river@mail.ru, 0009-0005-5171-8064

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о том, что одним из направлений, по которому проходило становление и развитие церковнославянского языка и его письменности, было развитие такого коммуникативного качества как точность, именно точность выразилась в сложной разработке диакритики и эстетики письма. Грамматика церковнославянского языка совершенствуется, разрабатывается до сих пор, и правила использования надстрочных знаков, точную систему использования которых во времена рукописных книг исследователи пока не разгадали, однако правила эти уточняются и определяются таким образом, чтобы привести эту систему письменности в непротиворечивое и ясное для современного понимания представление. И несмотря на то, что ещё в XVI в. система надстрочных знаков могла восприниматься и трактоваться как факультативная, и, следовательно, её исправления должны были в основном внести грамматическую ясность, логическую стройность в языковую систему и в письменный текст в частности, вместе с тем в статье рассмотрено предположение, что в ходе книжной справы XVII в. с течением времени представление о диакритических знаках как о необязательных изменилось на понимание их прямого смыслоразличительного предназначения. Таким образом, изучая историю книжной справы библейских книг и сравнивая надстрочные знаки, использованные в Острожской Библии (1581 г.) и Елизаветинской Библии (1751 г. и далее согласно последней редакции 1900 г.), можно убедиться в том, что их стали исправлять и использовать для уточнения смысла, необходимость которого обусловлена целями экзегезы, то есть символического понимания и доступного толкования.

Ключевые слова: диакритика, экзегеза, церковнославянский язык, Библия, Ветхий Завет, Елизаветинская Библия, Острожская Библия, анти́стих

Для цитирования: Будейко В. Э., Герасимова К. Е. Церковнославянская диакритика в экзегезе как средство уточнения смысла // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 43–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-43-51.

Original article

CHURCH SLAVONIC DIACRITICS IN EXEGESIS AS A MEANS OF CLARIFYING MEANING

Valeriy E. Boudeyko[1] , Kseniya E. Gerasimova[2]

[1] Chelyabinsk State University; Chelyabinsk, Russia, boudeyko@gmai.com, 0000-0002-2706-8051

[2] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, doctor-river@mail.ru, 0009-0005-5171-8084

© Будейко В. Э., Герасимова К. Е., 2026

Abstract. The article hypothesizes that the formation and development of the Church Slavonic language and its written form tended towards accuracy, the accuracy found expression in the complex elaboration of diacritics and aesthetics of writing. The grammar of the Church Slavonic language is still being developed, and the rules for the use of diacritical marks, the precise usage system of which in the era of manuscripts has not yet been fully decoded by researchers, but these rules are being clarified and defined to bring this writing system into a consistent and clear form for modern understanding. And despite the fact that in the 16th-century, the system of diacritical marks could be perceived and interpreted as optional, therefore, its corrections were intended to bring grammatical clarity and coherence mainly to the language system and specifically to the written text. The article also considers the assumption that during the 17th-century book revision, the perception of diacritics as optional gradually evolved into an understanding of their direct meaning-distinguishing function. Thus, by studying the history of the book revision of biblical books and comparing the diacritics used in the Ostrog Bible (1581) and the Elizabeth Bible (1751, and further according to the last revision in 1900), we can see how the diacritical marks began to be corrected and used to clarify the meaning. The necessity is driven by the goals of exegesis, that is, symbolic understanding and accessible interpretation.

Keywords: diacritics, exegesis, church Slavonic language, The Bible, the Old Testament, the Elizabethan Bible, the Ostrog Bible, antistoikhon / *англ.* antistichos

For citation: Boudeyko VE, Gerasimova KE. Church Slavonic Diacritics in Exegesis as a Means of Clarifying Meaning. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):43-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-43-51.

Введение

В истории книг Библии на церковнославянском языке можно проследить изменения в использовании диакритики, правила применения которой вырабатывались и продолжают вырабатываться до сих пор. Разработка правил использования надстрочных знаков может быть обусловлена разными целями, поскольку такие правила способствуют упорядочиванию грамматики церковнославянского языка, приданию красивого вида письменному тексту. Если проследить историю становления диакритики, то возможно увидеть, что со временем не только формальная сторона текста благодаря единой грамматике, но и стремление к точности в выражении смысла стало одним из основных направлений, в соответствии с чем производились исправления и изменения в системе надстрочных знаков.

Точность текста важна для осуществления экзегезы, а достижения экзегезы отражаются в переведённом тексте. Экзегеза — это разбор, объяснение или истолкование каких-либо текстов, в особенности Библии. В нашей статье под экзегезой понимается именно толкование текста Священного Писания. Экзегеза является одной из ступеней изучения Библии, среди которых есть текстология, исагогика и перевод. Для достижения высокого уровня понимания экзегеза пытается проникнуть в суть текста разными методами: буквально-историческим, нравственным, теоретическим, типологическим и аллегорическим [19].

Известно из истории Священного Писания, что текст на древнееврейском языке был частично испорчен или утрачен во время Вавилонского плена, уцелевшие фрагменты были собраны, исправлены иудейским священником Ездрой в V в. до Р. Х., а в III в. до Р. Х. древнееврейский текст был переведён на древнегреческий [1]. Таким образом, труды и толкования учёных проводятся уже на основе восстановленного текста, поэтому могут возникать различные трудности понимания, начиная с того, что значение одного и того же слова со временем может измениться, а разные части Библии были написаны в разное время. Возможен и неправильный перевод с языка оригинала [9; 14, с. 37–55]. По этой причине распространённым и общепринятым методом экзегезы является историко-грамматический или историко-филологический метод, устанавливающий смысл библейского текста в историко-культурном влиянии с учётом мировоззрения автора на основании лингвистического анализа. Для осуществления такого метода экзегезы от учёного требуется знание истории и «жизненного контекста», с которыми связаны библейские рукописи, а также учёт филологических исследований, приближающих к пониманию того, что именно хотели выразить словами составители священных книг [19].

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления имеющегося текстологического и эмпирического материала через призму диалектического единства статики и динамики в процессе становления церковнославянской письменности русского извода. Этой задачей подчёркивается необходимость обобщающей методологии, учитывающей статические и динамические характеристики Библейского

текста на церковнославянском языке в его соответствии тексту церковной греческой Библии.

Цель статьи — обосновать целесообразность использования церковнославянской диакритики, применяемой для уточнения смысла в текстах, изобилующих символизацией, выявить диалектическую связь синхронического и диахронического аспектов исследования Библейского текста.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу исследования составляют работы А. А. Алексеева, А. Д. Большакова, В. Э. Будейко, А. С. Десницкого, М. С. Крутовой, Е. А. Кузьминовой, Т. А. Левшенко, В. А. Саврей. Современная библейская экзегетика рассматривает синхронический и диахронический методы как основополагающие подходы лингвистического исследования наряду со сравнительным, сравнительно-историческим, структурным, функциональным и графико-семантическим методами [5; 6]. В основу исследования положено понимание церковнославянского текста как сложной системно-структурной совокупности, характеризующейся одновременно стабильностью и относительной динамичностью, что предполагает важность изучения языковых явлений в синхронии и в аспекте диахронического становления. Принципиальное значение имеет утверждение, что диахронические изменения носят системный характер и не могут быть адекватно поняты вне учёта синхронического состояния текста.

В области экзегетического понимания методологической основой исследования служит работа, заложившая основы анализа и синтеза смыслов Библейского текста [1; 9], а также труды по теории знакового анализа буквенной многозначности и диакритических знаков в церковнославянском письме [7]. Существенное значение для разработки методологии исследования имеют принципы описания текстового, графического материала, предложенные В. Э. Будейко, в частности понятие многозначности буквы как меры приложения смысла к основным и факультативным значениям буквы как письменного, очевидного знака [7]. Учитывая сложный, многомерный характер объекта исследования, методологическая основа нашей работы включает положения В. В. Колесова о системном подходе в изучении знака, связанного со словом [10].

В работе используются следующие общенаучные методы: **описательный метод** для первичной систематизации текстового материала; **сравнительно-сопоставительный метод** (для выявления сходств и различий в графике текстов разных исторических периодов); **метод графико-семантического предметного значения** для понимания цели использования графического знака или графического материала по различным основаниям; **метод обобщения** для формулирования выводов на основе анализа излагаемых фактов.

Результаты исследования и их обсуждение

Диакри́тика — это система надстрочных знаков, включающая в церковнославянском языке акцентные знаки и титла. Как пишет А. Д. Большаков, диакритические знаки использовались в среднегреческом языке, основой же для составления славянской азбуки стал церковный греческий опыт Византийского периода (330–1452 гг.), поэтому эти единицы греческого письма были заимствованы, но заимствование несло и калькирующий, и творческий характер [2, с. 251–266]. Эти знаки из среднегреческой письменности перенесли в восточнославянскую чрез южнославянские рукописи в начале XV в., но даже в XVI в. строгая норма их использования так и не была кодифицирована, ибо:

а) у этих рукописей не было единой системы использования диакритики, принципы использования в разных скрипториях были разные;

б) на Руси было несколько мест книгописания и книгоиздания, у каждого сформировались свои традиции, свои правила, принципы, зависящие от писцов и справщиков;

в) система надстрочных знаков воспринималась как дополняющая основной буквенный текст.

Это привело к тому, что длительно в церковнославянском языке в отдельных центрах книгоиздания слагались свои системы диакритики, а первые грамматические руководства вместо правил приводили перечень примеров использования, при этом в разных руководствах было разное количество знаков [14, с. 22–29].

Проследить процесс происхождения и становления диакритики можно благодаря истории переводов, редакций богослужебных книг и книг Священного Писания на церковнославянском языке.

Среди славянских языков первым языком, на который была переведена Библия, — церковнославянский. Первыми переводами IX в. были «Евангелие Апракос», «Апостол», Псалтирь, Паремийник, а основой для перевода, как пишет М. С. Крутова, стал текст среднегреческой Септуагинты в редакции, выполненной Лукианом Антиохийским (кон. III — нач. IV вв.), где эллинизмы были исправлены аттикизмами [11, с. 236–280]. В дальнейшем перевод текстов Священного Писания исправлялся, и в большинстве своём древнерусская библеистика

сосредоточилась на переводах и исправлениях списков священных книг[1].

Процесс переиздания и исправления церковнославянских переводов Священного Писания сопровождался и совершенствованием церковнославянской грамматики, но в период первых рукописных книг она ещё не отличалась системностью. С одной стороны, при подготовке нового варианта перевода Библии могли особо готовиться теоретические пособия по грамматике, а с другой стороны, в ходе перевода справщиками вносились грамматические изменения, не предусмотренные грамматикой, но оказавшиеся необходимыми на практике. Таким образом, новые правила церковнославянского языка вырабатывались не только в теории, но и на основе письменного применения.

В период рукописных книг Священного Писания совершались ошибки, переводческие неточности, которые при дальнейшем переписывании исправлялись. И тем не менее тексты отдалялись от первоначальных, так что в 1518 г. князь Василий III для редактуры вызвал Максима Грека, а позднее, в 1551 г. на дело книжное обратил внимание Стоглавый собор, который, не одобряя исправления Библии, возлагал надежды на старые книги, дабы, сверяя новые книги с древними и греческими церковными, избегать искажений. Церковнославянская первопечатная Библия 1581 г. была подготовлена князем Острожским и напечатана Иваном Фёдоровым, и, как пишет Е. А. Кузьминова, в ней постановка надстрочных знаков была неупорядоченной (без акцентных знаков над полноударными словоформами, над словами иной раз стоят одновременно оксия и вария, встречаются варианты диакритического оформления одной словоформы) [14, с. 21–28], позднее на данном тексте основывалась Московская Библия 1663 г., издание, поддержанное царём Алексеем Михайловичем и осуществлённое справщиками во главе с Епифанием Славинецким (ок. 1600 – † 19.11.1675). Благодаря этому тексту переиздаётся грамматика Мелетия Смотрицкого на Московском печатном дворе в 1648 г., на основе её должны были проводить книжную справу. И хотя в распоряжении справщиков была грамматика, большую часть из представленных Мелетием Смотрицким правил пришлось переделать, включая главу, объясняющую правила титлования. Итак, в Московской Библии провели перестройку графико-орфографической системы Острожской Библии, в том числе и диакритики: в новом тексте регулярно используются камора (◌̂), знак придыхания (◌̓ звательце), удвоенный знак над ижицей («двоточие») и простое титло (◌̿), здесь их использование пытались обосновать и систематизировать.

Так, камора в Московской Библии используется для обозначения родительного падежа мужского, женского и среднего родов, а также для раскрытия родительного падежа множественного числа в титлованных написаниях существительных *несакральной* семантики. Московские справщики отказались от использования каморы над частицами, союзами и формами местоимений, после коих стоит самостоятельная словоформа со знаком ударения того или иного вида, отказываются и от использования каморы в формах местоимений, где по грамматике была предусмотрена вария, знак придыхания убирают в средине слова после гласной, используют двоеточие (кендему) над ижицей (◌̈) для обозначения звука [и], восстанавливают этот знак там, где он не применялся ранее, но заменяют на оксию, если ижица является ударным звуком (◌́). В Острожской Библии много слов, написанных под титлом, в Московской же Библии убирают титла над словами так называемой *несакральной* семантики [13, с. 392–393]. Так, книжная справа Московской Библии направила свои усилия на грамматическую обусловленность и уточнение значения слов.

Если одна часть исправлений проводилась на основе грамматики 1648 г., то другая часть с ней не была связана. В грамматике Мелетия Смотрицкого 1648 г. не сказано про использование а́построф (◌̓) в антистихе. В Острожской Библии в книге Бытия, гл. 1, стих 22 подобный знак используется как совпадение тяжёлого ударения со звательцем: Ѳ҃бл҃вн ѧ̓ бг̿ гл҃ѧ , рдстѝтесѧ̓множѝтесѧ; заметим, что анти́стих — это принцип орфографической дифференциации омонимов разных уровней: от различения грамматических признаков до частей речи и лексем. А. Д. Большаков указывает, что в XV в. Константин Костенецкий / Констенческий [8, с. 10] взял этот принцип из среднегреческой системы письма, где антистих сохранял указание на этимологию слов-омонимов, и перенёс в русло семантики. Хотя, как уже было отмечено, в грамматике 1648 г. об использовании апострофа для образования антистиха не сказано, он используется в данном значении уже начиная со Служебника 1655 г. Часто апостроф используется для различия числовой омонимии в формах двойственного или множественного числа,

[1] Мень, А. В. Библиологический словарь / Протоиер. А. Мень. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2002. Т. 3 (Р–Я). С. 63–70, 82–88, 98–99.

а также для различения частей речи. Данный знак-апостроф появился непосредственно в трудах справщиков Московского печатного двора; следовательно, при возникающей неопределённости редакторы руководствовались собственными языковыми представлениями, выработанными практикой. Часть правил разрабатывалась справщиками в богослужебных книгах, а потом была закрепляема в грамматиках, то есть пришла в теорию из практики. Возможно, что потребностью справщиков для перестройки системы надстрочных знаков было представление, что буквы, являясь знаками, должны обеспечивать надёжное закрепление смысла [4, с. 88–125; 5, с. 111–118].

Текст Елизаветинской Библии, изданной в 1751 г., сложился благодаря дальнейшему движению книжной справы на основе никоно-иоакимовской редакции, и работа над исправлением грамматики продолжалась.

Предполагаем, что в становлении правил применения диакритики потребность в уточнении была одной из важных задач, которую решали справщики, переиздавая Священное Писание, поэтому на материале этих текстов есть возможность проследить, как диакритика, помимо иных коммуникативных задач, работает на уточнение смысла.

В качестве примера рассмотрим текст книги Бытия из Острожской Библии[1], где в стихах 1–3 главы 1 читаем:

И҆ско́ни сътворѝ бг҃ъ нб҃о и҆зе́млю . землѧ́же бѣ̀ неви́дима и҆неоу҆краше́на . и҆тмѝ ве́рхꙋ безд҃ны . И҆дх҃ъ бж҃їи ноша́шесѧ ве́рхꙋ водѝ . и҆рѣ̑ бг҃ъ , ˝ дабꙋ́детъ свѣтъ , и҆бы́сть свѣтъ .

Отметим, что в Острожской Библии ещё отсутствуют разделения на стихи в главах, поэтому ссылаемся на разделение в Елизаветинской редакции. Две косых чёрточки с наклоном влево указывают на сноски, печатающиеся на полях, как параллельные места в иных главах Библии. Иначе, по сравнению с текстом Елизаветинским, выглядит буква-знак «твердо», состоящий из трёх вертикальных мачт, прикрытых прямой крышкой. Над словом **свѣтъ** нет знака острого ударения (оксии), поскольку предполагается, что «ять» имеет двоегласное произношение [ⁱе]. Над глаголом «**бѣ**» стоит знак «**камо́ры**», т. е. знак ударения, подобный знаку в среднегреческой письменности (как циркумфлекс / облечённое ударение, *грч.* ἡ περισπωμένη). По техническим причинам мы не можем воспроизвести точное место в оригинале (где он стоит между согласной и конечной гласной буквою), за ним же закреплено фонетическое значение восходяще-нисходящего удлинения конечной гласной слова. Между знаками препинания есть небольшие пробелы (как знаки пауз), чего не будет в Елизаветинской редакции[2]. Знак (каморы) в последующих стихах встречается не однажды: **ꙗ҆́же бѣ̑ на̑тве́рдїю** [Быт. 1: 7]; **И҆сътворѝ бг҃ъ двѣ̑ свѣти́лѣ** [Быт. 1: 16]; **и҆всѧ̑ га́ды землѝ поро́дꙋ и҆̑** [Быт. 1: 25]; **се̑ да́хъ ва́мъ всѧ́кꙋ травꙋ̀ сѣмен́нꙋю сѣю̑ще сѣмѧ** [Быт. 1: 29] и т. п.[3] Синтагмы набраны без пробелов: **и҆зе́млю , землѧ́же , и҆неоу҆краше́на , И҆дх҃ъ , и҆рѣ̑ , дабꙋ́детъ**[4]. Набор знаков составлен так, словно это руководство для особого чтения с паузами, указанными графическими пробелами и знаками препинания. В Елизаветинской Библии, редакции 1900 г., видим иную графическую картину:

Въ нача́лѣ сотворѝ бг҃ъ не́бо и҆ зе́млю. Землѧ́ же бѣ̀ неви́дима и҆ не_ꙋстро́ена, и҆ тмѝ верхꙋ̀ бе́здны, и҆ дх҃ъ бж҃їй ноша́шесѧ верхꙋ̀ водѝ. И҆ речѐ бг҃ъ: да бꙋ́детъ свѣ́тъ. И҆ бы́сть свѣ́тъ.

В этом тексте[5] есть замены: **Въ нача́лѣ** вместо древнего наречия **И҆ско́ни.** Вместо причастия **не оу҆краше́на – не_ꙋстро́ена** (со слитным написанием частицы и причастия), используется буква **и҆**, двоеточие и прописные буквы там, где в Острожской редакции идут строчные буквы. В качестве знака ссылки используется шестиконечная звёздочка (*). Употребление камо́ры / варі́и в данном случае образует форму аориста глагола **бы́ти**, то есть глагола 3-го лица ед. числа, когда временные границы действия соединены с настоящим временем, выражая единовременное или мгновенное творение. Глаголы **бѣ̀** и **бы́сть** противопоставляются по виду: несовершенный и совершенный вид аориста, чего невозможно передать по-русски.

[1] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

[2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1.

[3] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

[4] Там же.

[5] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1.

Обратим внимание на соответствие этого символического и многозначного начала тексту Септуагинты[1] [Быт. 1: 1–3]: [1]. Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. [2] ἡ δὲ γῆ ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος, καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου, καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπεφέρετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος. [3] καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς. — здесь аористному глаголу **бѣ̀** соответствует ἦν, глагол «быть» (εἰμί) в форме единственного числа 3-го лица прошедшего времени имперфекта. Очевидно, что у глагола среднегреческого языка и церковнославянского из Елизаветинской Библии совпадает форма времени, вида и лица, следовательно, использование варии в Елизаветинской Библии помогло уточнить смысл глагола бы1ти, однако не в полной мере, так как глагол ἦν — это форма имперфекта, а не аориста, но значение имперфекта ἦν «указывает на длительное вневременное существование и противопоставлен ἐγένετο» [18, с. 307], именно поэтому присутствует такое грамматическое и переводческое несоответствие аориста и имперфекта, восходящее к древнему переводу IX в., кирилло-мефодиевской редакции, где перевод глагола аористом точнее, так как аорист в церковнославянском языке подразумевает временные границы мгновенного действия, не определяемые и соединяемые с настоящим временем, уточняя временные границы действия.

Рассмотрим стих 9 первой главы Книги Бытия[2]: **И҆ собра́сѧ вода̀, ꙗ҆́же под̾ небесе́мъ, въ собра̑нїѧ своѧ̑, и҆ ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша.** [Быт. 1: 9].

В Елизаветинской Библии над словами **въ собра̑нїѧ своѧ̑** стоят каморы, в то время как в Острожской Библии[3] читаем:

И҆събра́сѧ вода̀ ꙗ҆́же по̑нб҃семъ въсонмы своѧ̀ , і҆ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша . Своѧ̑ — это притяжательное местоимение, над ним в Острожской Библии стоит варі́я, предположительно, согласно правилу о произношении: ударение падает на последнюю гласную в слове, так что звук при чтении удлиняется. Редакторы Елизаветинского текста использовали камору, дабы чрез неё отличить форму вин. п. мн. ч. ср. р., так как буквенное написание этого слова совпадает во многих формах и необходимо их отличать от им. п. ед. ч. ж. р. (**своѧ̀**), так как местоимение согласуется со словом **собра̑нїѧ.** В Септуагинте используется форма родительного падежа множественного числа αὐτῶν, отличаемая от определительного местоимения αὐτός, выражая невозвратную притяжательность, что можно перевести словом «их»: καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν, καὶ ὤφθη ἡ ξηρά [Быт. 1: 9][4].

Подобным образом в Елизаветинском тексте[5] камора служит различению форм числа в словах: **свѣти̑ла** (им. п. двойственного числа) и **вели̑кїѧ** (вин. п. множественного числа), отличая их от форм **свѣти́ла** (им. п. множественного числа) и **вели́кїѧ** (род. п. единственного числа ж. р.). В Острожском тексте в данных словах употреблена оксия (Книга Бытия, гл. 1, стихи 14, 21), а её постановка не несёт понимания текста, ибо в главе указано, что Бог создал именно два светила, а не множество, а слово **вели̑кїѧ** характеризует слово **ки́ты**, которых было создано больше одного или двух. Однако в Острожской редакции слово тв. п. **«не́бо»** с предлогом **«подъ» по̑нб҃семъ** титлуется как священное слово.

Ещё примером может быть различие в написании **ꙗ҆̀же** (Елизаветинская Библия) / **ꙗ҆́же** (Острожская Библия). Читаем стих 21 главы 1 Книги Бытия Елизаветинской Библии: **И҆ сотворѝ бг҃ъ ки́ты вели̑кїѧ, и҆ всѧ́кꙋ дꙋ́шꙋ живо́тныхъ гадѡ́въ, ꙗ҆̀же и҆зведо́ша во́ды по родѡ́мъ и҆́хъ, и҆ всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ по ро́дꙋ.** [Быт. 1: 21][6]. Где **ꙗ҆̀же** — относительное местоимение, над коим в Острожской Библии стоит исо (ˇ), а в Елизаветинской редакции а́построф создаёт антистих, помогающий различать форму вин. п. мн. ч. **ꙗ҆̀же** (согласование со словом **гадѡ́въ**) от формы им. п. ж. р. ед. ч. **ꙗ҆́же (вода̀ ꙗ҆́же)**..

Этот же текст в Острожской редакции выглядит так: **Исътворѝ бъ ки́ты вели́кїа , и҆всѧ́кꙋ дш҃ꙋ живо́тны̑х гд҃а ꙗ҆́же и҆зведо́ша во́ды поро́дꙋ и҆́хъ , и҆всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ поро́дꙋ .** Заметим, что слово **дш҃ꙋ** титлуется простым титлом [Быт. 1: 21][7].

---

[1] Septuaginta. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη κατὰ τοὺς Ο΄/ Ἐπιστημονικὴ ἐπιμέλεια prof. D. Dr. Alfred Rahlfs. Ἀθήνα: Ἑλληνικὴ Βιβλικὴ Ἑταιρία, 1979. Vol. I. P. 1.

[2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1–2.

[3] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

[4] Septuaginta. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη κατὰ τοὺς Ο΄/ Ἐπιστημονικὴ ἐπιμέλεια prof. D. Dr. Alfred Rahlfs. Ἀθήνα: Ἑλληνικὴ Βιβλικὴ Ἑταιρία, 1979. Vol. I. P. 1–2.

[5] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведеніе Елизаветинскія ред. изд. 1900 г. Москва: Российское Библейское Общество, 2001. С. 1–2.

[6] Там же.

[7] Острожская Библия [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaja-biblija/1genesis.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

В церковномъ греческом печатном тексте (ср. современные редакции) слова не титлуются, и этому слову ꙗ҆̀же соответствует относительное местоимение ἃ[1]:

[21]καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὰ κὴτη τὰ μεγάλα καὶ πᾶσαν ψυχὴν ζῴων ἑρπετῶν, ἃ ἐξήγαγεν τὰ ὕδατα κατὰ γένη αὐτῶν, καὶ πᾶν πετεινὸν πτερωτὸν κατὰ γένος [Быт. 1: 21][2].

[1] Вейсманъ, А. Д. Греческо-русскій словарь. Репринт 5-го изданія. / А. Д. Вейсманъ. Санкт-Петербург: Изданіе автора, 1899. 1370 ст.

[2] Septuaginta. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη κατὰ τοὺς Ο΄/ Ἐπιστημονικὴ ἐπιμέλεια prof. D. Dr. Alfred Rahlfs. Ἀθήνα: Ἑλληνικὴ Βιβλικὴ Ἑταιρία, 1979. Vol. I. P. 1–2.

Заключение

Таким образом, наше предположение подтверждается: если сравнить между собою диакритические знаки, использовавшиеся в текстах Острожской и Елизаветинской Библии, опираясь на греческую Септуагинту, то очевидно, что одним из направлений, по которому проходило становление, исправление и систематизация правил использования диакритики, было движением к точности грамматического смысла, выражаемого посредством графики надстрочных знаков (диакритики), сама же необходимость подобного становления была обоснована требованиями экзегезы Священного Писания.

Список источников

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии / А. А. Алексеев; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом), Славян. библейс. фонд. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
2. Большаков А. Д. Дифференциация омоформ единственного и неединственного числа склоняемых частей речи в церковнославянском языке: к формулированию общего правила // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 251–267.
3. Большаков А. Д. Апостроф как средство устранения числовой омонимии по принципу антистиха // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. С. 5–20.
4. Будейко В. Э. Церковнославянский язык: начальный курс. Часть I. История. Письмо: азбука, графика. Элементы фонетики и орфоэпии : учеб. пос. Изд. 10-е, доп., исправ. Челябинск : Издатель Валерий Будейко, 2024. 158 с.
5. Будейко В. Э. Церковнославянский язык: В҃ – вѣ́ди. Начала словообразования и морфологии : учеб. пос. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. 146 с.
6. Будейко В. Э. О некоторых аспектах исследования графики церковнославянских и русских слов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 125. 2021. № 7 (453). С. 22–32.
7. Будейко, В. Э. Модель описания церковнославянской / русской буквы // Филология и теология: актуальные вопросы междисциплинарных исследований: материалы V Юбилейной международной научно-практической школы-конференции «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» (Москва, 1–3 ноября 2023 г.): коллективная монография ; отв. научный ред. и сост. С. В. Феликсов. Москва : Перервинская духовная семинария, 2024. С. 74–88 [Электронный ресурс]. URL: https://ppds.ru/elib/filologia-i-theologia-pds-2024.pdf.
8. Гамановичъ іеромонахъ Алипій. Грамматика церковно-славянскаго языка. Репринтное воспроизведеніе изд. 1964 г. Москва : Художественная литература, 1991. 271 с.
9. Десницкий А. С. Типичные ошибки экзегетов // Альфа и Омега. 2009. № 56.
10. Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка : монография. СПб. : Logos, 2007. 384 с.
11. Крутова М. С. Библейские переводы текстов Священного Писания в России: важнейшие списки и типы // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 236–281.
12. Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В. Грамматические предписания и их рекомендации в церковнославянской книжности второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 4. С. 175–188.
13. Кузьминова Е. А. Диакритика как объект книжной справы (на материале псалтыри в составе Московской Библии 1663 г.) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 392–393.
14. Кузьминова Е. А., Чан Юйнай. Московская Библия 1663 г.: тенденции справы знаков препинания и диакритики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 20–30.
15. Кузьминова Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.

16. Кузьминова Е. А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 2. С. 40–49.

17. Левшенко Т. А. Графико-орфографическая система богослужебных книг. Справочные материалы и методические рекомендации // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 1, 2, 6, 7, 9, 10, 12.

18. Роджерс-младший К. Л., Роджерс III К. Л. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2001. 1007 с.

19. Саврей В. А. Экзегеза Библии в церковной традиции // Современная библеистика и Предания Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/ 4# source (дата обращения: 26.09.2025).

References

1. Alexe'ev AA. Textology of Slavonic Bible. RAS. In-t Russ. Lit. (Pushkin. Dom), Slav. Bibl. Fund. Sanct-Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 254 p. (In Russ.).

2. Bolšakov AD. Differentiation of homoforms in singular and non-singular number of declinable parts of speech in Church Slavonic language: to the formulation of general rule. *Sibirskiy filologičeskiy žurnal [Siberian philological journal]*. 2022;(1):251-267. (In Russ.).

3. Bolšakov AD. Apostrophe as means for elimination the numerative homonymy according to principle of antistoikhon. *Vestnik VolGU [Bulletin of the Volga State University]. Series 2. Linguistics.* 2023;22(4):5-20. (In Russ.).

4. Boudeyko VE. Church Slavonic language: initial course. Part I. History. Script (writing) : alphabet, graphics. Elements of phonetics and orphoepy. Publ. 10, addit., correct. Čel'abinsk : Publisher Valeriy Boudeyko, 2024. 158 p. (In Russ.).

5. Boudeyko VE. Church Slavonic language : В҃ – вѣ́ди. Principles of theory of word-formation and morphology : text-book. Čel'abinsk: Publishing house of Chelyabinsk state university, 2026. 146 p. (In Russ.).

6. Boudeyko VE. Some aspects of investigation of Church Slavonic and Russian words graphics. *Vestnic Čel'abinskago gosudarstvennago universiteta. Filologicheskiye nauki. Vypusk 125. [Bulletin of the Chelyabinsk state university. Philological sciences. Issue. 125.].* 2021;(7(453):22-32. (In Russ.).

7. Boudeyko VE. The Model of Church Slavonic / Russian letter description // Philology and theology : actual problems of interdisciplinary investigations : materials for V Anniversary international scientific-practical school-conference «Language — Literature — Orthodoxy» (Moscow, 1–3 November 2023): collective monography / responsible scientific red. and compiler SV Felixov. Moscow : Perervinskaya spirit seminary, 2024. P. 74–88. URL: https://ppds.ru/elib/filologia-i-theologia-pds-2024.pdf. (In Russ.).

8. Gamanovich ieromonk Alipiy. Grammar book of Church Slavonic language. Reprint publ. 1964. Moscow: Chudožestv'ennaya literatura [Bélles-léttres], 1991. 271 p. (In Russ.).

9. Desnitsky AS. Typical mistakes of exegetes. *Alpha and Omega.* 2009;56. (In Russ.).

10. Kolesov VV. Realism and nominalism in Russian linguistic philosophy : monography. St-Petersburg : Logos, 2007. 384 p. (In Russ.).

11. Kroutova MS. Biblical translations of Holy Bible texts in Russia: the most important copies and types // *Christianstvo na Bližnem Vostoke [Christianity in the Near East]*. 2023;7(1):236-281. (In Russ.).

12. Kouz'minova EA, Pentkovskaya TV. Grammatical orders and their recommendations in Church Slavonic bookishness of second half of XVII century. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2019;(4):175-188. (In Russ.).

13. Kouz'minova EA. Diacritic as the object of bookish correction [the správa] (in material of Psaltirion in Moscow Bible 1663. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education].* 2021;(5(90):392-393. (In Russ.).

14. Kouz'minova EA, Chan Yuynai. Moscow Bible 1663 year: Tendencies of correction [správa] to pointing marks and diacritic. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2024;(5):20-30. (In Russ.).

15. Kouz'minova EA. The principle of antistoikhon in Slavonic grammar tradition. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2011;(5):36-55. (In Russ.).

16. Kouz'minova EA. «Dictionary of difficulty» of Church Slavonic language XVII century. *Vestnik Moskovskago universiteta [Bulletin of the Moscow state university]. Series 9. Philology.* 2016;(2):40-49. (In Russ.).

17. Levshenko TA. Graphiko-orthographical system of liturgical books. Reference materials and methodical recommendations. *Žurnal Moskovskoy Patriarchii [Periodical of Moscow Patriarchy].* 2015;(1, 2, 6, 7, 9, 10, 12). (In Russ.).

18. Rogers CL Jr, Rogers III CL. The New Linguistic and Exegetical Key to the Greek New Testament. St-Petersburg: Biblia dl'a vsech [Bible for all], 2001. 1007 p. (In Russ.).

19. Savrey VA. Exegeza of Bible in Church tradition. The modern bibleistica and Church tradition. [site] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/ 4# source (date of access: 26.09.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

В. Э. Будейко — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

К. Е. Герасимова — магистрант кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

V. E. Boudeyko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Faculty of History and Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics.

X. E. Gerasimova — Magistrant of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 05.06.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 52–65.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):52-65.

Научная статья

УДК 81’25

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-52-65

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Дарья Владимировна Лазаревич[1], Тамара Николаевна Хомутова[2*]

[1]Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, dashalz@mail.ru

[2*]Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, khomutovatn@susu.ru, 0000-0001-5244-3960

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения и моделирования стратегий перевода англоязычного и русскоязычного политического дискурса с позиций интегрального подхода. В основе данного подхода лежит универсальная интегральная модель языка, рассредоточенного по четырем секторам: когнитивному, языковому, культурному и социальному, единицы которых актуализируются в процессе коммуникативной деятельности. Стратегия перевода в интегральном освещении определяется как интегральный рассредоточенный объект, общая программа действий переводчика, направленная на создание текста перевода в соответствии с когнитивными, социальными, культурными, языковыми и коммуникативными целями автора исходного текста и/или инициатора перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Интегральное моделирование общей стратегии перевода позволило выделить в ее интегральной модели четыре сектора: когнитивный, языковой, культурный и социальный, единицы которых актуализируются с помощью пятой составляющей — коммуникативной деятельности. С учетом интегральной природы общей стратегии перевода мы в самом общем виде выделяем когнитивные, культурные, социальные, языковые и коммуникативные единицы модели — частные стратегии перевода, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Качественный и количественный анализ стратегий перевода политического дискурса в жанре инаугурационной речи в паре языков «русский-английский» позволил определить и объяснить их типичные реализации и построить их актуальные интегральные модели. В результате сопоставительного анализа выявлены и обоснованы универсальные и специфические характеристики интегральной стратегии перевода политического дискурса. Изучение интегральной природы стратегий перевода и корреляций их составляющих на материале текстов различных языков, стилей и жанров может стать предметом дальнейших исследований.

Ключевые слова: политический дискурс; инаугурационная речь; стратегия перевода; интегральный подход; интегральная модель; когнитивные, социальные, культурные, языковые и коммуникативные стратегии перевода; универсальное и национально-специфическое

Для цитирования: Лазаревич Д. В., Хомутова Т. Н. Стратегии перевода политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 52–65. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-52-65.

Original article

POLITICAL DISCOURSE TRANSLATION STRATEGIES

Daria V. Lazarevich[1], Tamara N. Khomutova[2*]

[1]South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, dashalz@mail.ru

[2*]South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, khomutovatn@susu.ru, 0000-0001-5244-3960

Abstract. The article focuses on the problem of defining and modeling strategies of translating political discourse from English into Russian and from Russian into English within the framework of the integral approach. This approach is based on a universal integral model of language dispersed across four quadrants: cognitive, linguistic, cultural and social, the units of which are actualized in the process of communication. Translation strategy from an integral perspective is defined as an integral dispersed object, a general program of actions of the translator aimed

© Лазаревич Д. В., Хомутова Т. Н., 2026

at creating a translation text in accordance with the cognitive, social, cultural, linguistic and communicative goals of the author of the source text and / or the initiator of the translation in a particular communicative situation. Having applied integral modeling to the general translation strategy, we identify four quadrants in its base integral model: cognitive, linguistic, cultural and social, the units of which are actualized with the help of the fifth communicative component. Taking into account the integral nature of the general translation strategy, we reveal in most general terms its cognitive, cultural, social, linguistic and communicative units – private translation strategies, which are interconnected and interdependent. Qualitative and quantitative analysis of political discourse translation strategies helped to reveal and explain their typical features in English and Russian inaugural speeches, as well as construct their integral models. Comparative analysis resulted in creating actual universal and national-specific models of translation strategies in inaugural speech discourse. The study of the integral nature of translation strategies as well as correlations of their constituents based on texts of various languages, styles and genres can be the subject of further research.

Keywords: political discourse; inaugural speech; translation strategy; integral approach; integral model; cognitive, cultural, social, language and communicative strategies; universal and national-specific characteristics

For citation: Lazarevich DV, Khomutova TN. Political Discourse Translation Strategies. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):52-65. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-52-65.

Введение

В современном мире, когда на смену жесткой глобализации идут процессы постглобализации и глокализации, особую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление универсальных и национально-специфических черт, присущих той или иной лингвокультуре. Одним из направлений таких исследований является исследование политического дискурса (ПД), который служит неотъемлемым инструментом формирования и выражения политических позиций государств. Важным аспектом анализа ПД выступает его перевод, представляющий особую сложность в связи с присущими политической коммуникации языковыми, культурными, прагматическими и идеологическими различиями.

Проблема перевода политического дискурса тесно связана с вопросом выбора переводческих стратегий. В работах современных исследователей перевода политического дискурса [2; 5; 10; 11; 12; 13 и др.] подчеркивается, что именно стратегия перевода определяет успешность межъязыковой передачи политических смыслов. Вместе с тем понятие стратегии перевода ПД представляет собой до сих пор недостаточно исследованную проблему. Как показал наш анализ, среди лингвистов и переводоведов отсутствует единство взглядов на определение стратегии перевода (СП) как таковой. Традиционно в исследованиях СП выделяют три основных подхода, в основе которых лежат форма, значение и функция языковых знаков: *формальный / структурный подход* — уделяет основное внимание структурным изменениям, так называемым трансформациям (Н. Хомский, Л. С. Бархударов и др.); *семантический/нормативный* — фокусируется на смысле и поисках эквивалентности (В. Н. Комиссаров, J. C. Catford, E. Nida, M. Lederer, D. Seleskovitch и др.); *функциональный/коммуникативный* — в основе лежит цель коммуникации (Т. А. Волкова, А. Г. Минченков, В. В. Сдобников, В. И. Хайруллин, Е. В. Шелестюк, H. Vermeer, K. Reiβ, F. Schleiermacher, L. Venuti, A. Chesterman и др.). При этом функциональный подход сам по себе неоднороден и включает такие разновидности, как скопос-теория, коммуникативно-функциональный, дискурсивно-коммуникативный, лингвокогнитивный, лингвокультурный и ряд других подходов. Подробно об этом см. [14]. Следует отметить, что указанные подходы в большинстве своем лишь указывают на фокус внимания исследователей (форма, значение, функция), на деле являясь многоаспектными. Так, например, перевод у В. Н. Комиссарова включает как формальный (трансформации), так и функционально-семантический (поиск эквивалентности) аспекты, у В. В. Сдобникова — это функциональный (цель) и формально-семантический (трансформации) аспекты и т. д., что свидетельствует об определенном стремлении лингвистов приблизиться к целостному представлению перевода и его стратегий. Несмотря на предпринимаемые попытки, общей глобальной картины СП, их типологии, универсальных и национально-специфических особенностей не складывается. Очевидно, что нужны новые методы и подходы к изучению перевода и его стратегий. В последнее время объектом пристального внимания исследователей становится *интегральный подход* в переводоведении, тесно связанный с объединением различных точек зрения на один и тот же объект исследования в целях его целостного, разностороннего представления. С позиций

интегрального подхода СП рассматривается как единая целостная система, элементы которой взаимозависимы и взаимообусловлены [14].

Не вызывает сомнения тот факт, что при переводе текстов ПД разных жанров и разных пар языков используются различные СП, которые обусловлены различными целями коммуникации, разноструктурностью языков, особенностями лингвокультур и социального контекста. Все это указывает на перспективность изучения стратегий перевода ПД с позиций нового интегрального подхода для выявления в них универсального и национально-специфического и свидетельствует об актуальности предпринимаемого исследования.

В основу настоящей статьи положена следующая *гипотеза:* сопоставительный интегральный анализ СП русскоязычного и англоязычного ПД позволит выявить и обосновать сходства и различия в применяемых СП ПД. *Объектом* исследования является перевод русскоязычного политического дискурса на английский язык (АЯ) и англоязычного политического дискурса на русский язык (РЯ) на материале жанра инаугурационной речи (ИР). *Предмет* исследования составляют стратегии перевода русскоязычного ПД на английский язык и англоязычного ПД на русский язык на материале жанра ИР. *Цель* статьи — выявить стратегии перевода русскоязычного и англоязычного ПД, обосновать их универсальные и национально-специфические характеристики, типичные для перевода ПД в языковой паре русский-английский и английский-русский, с позиций интегрального подхода. В качестве основных *задач* исследования мы рассматриваем следующие: 1) с помощью качественного и количественного анализа выявить и обосновать типичные СП русскоязычного и англоязычного ПД, на основе которых построить их интегральные модели; 2) провести сопоставительный анализ интегральных моделей СП русскоязычного и англоязычного ПД, выявить и обосновать их универсальные и национально-специфические характеристики.

Материал и методы исследования

Материалом исследования выступает *политический дискурс*. Несмотря на то, что исследования ПД в современной лингвистике носят массовый характер, взгляды на природу и сущность этого явления не отличаются единообразием. В самом общем виде выделяют широкий и узкий подходы к определению ПД. В *широком* смысле к ПД относят «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [15, с. 23], то есть любой дискурс на тему политики (новостной, бытовой, художественный и т. д.) считается политическим, за основу принимается тематический критерий [1, с. 246]. В основе *узкого* понимания ПД лежит профессиональный критерий: участниками коммуникации являются профессиональные политики, а коммуникативный контекст включает политическую деятельность. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что мы вслед за Т. А. ван Дейком [16] понимаем *политический дискурс* в узком смысле как дискурс политиков на тему политики, целью которого является завоевание и удержание власти. В такой интерпретации ПД может быть представлен как институциональный тип дискурса, совокупность / класс жанров, ограниченных социальной сферой политики, таких как инаугурационная речь, партийная программа, парламентские дебаты и т. д. [3; 8; 16].

Инаугурационная речь (ИР)**,** на конкретном материале которой выполнено настоящее исследование, представляет собой жанр политического дискурса, имеющий воздействующую и объединяющую функцию, определенную тематическую и макроструктуру, это «ритуальный политический текст, сформулированный в высоком стиле, который выражает национально-культурные традиции, обращен к определённой аудитории и рассчитан на долговременный эффект» [6, с. 15–16]. Инаугурация — это торжественный акт вступления какого-либо лица в должность. Как правило, говоря об инаугурации, имеют в виду вступление в должность главы государства, хотя этим не исчерпываются все ее случаи. ИР президента страны имеет особое значение в системе политической коммуникации. Изначально адресатами ИР являлись только участники церемонии, но со временем такая речь стала восприниматься как важное политическое заявление главы государства, обращенное к нации [4; 6]. Практическим *материалом исследования* послужили: оригинал и официальный перевод ИР Президента России Владимира Путина от 7 мая 2024 года [18; 20]; оригинал и официальный перевод ИР Президента США Дональда Трампа от 20 января 2025 года [19; 21], анализ которых проводился с позиций интегрального подхода.

В рамках настоящей работы мы рассматриваем *интегральный подход* Т. Н. Хомутовой к переводу политического дискурса и его стратегиям как оптимальный для достижения поставленной цели и принимаем за основу интегральную модель СП [14]. Интегральный подход позволяет

дать системное представление о стратегиях перевода и теоретически обосновать их сущность и место в общей системе переводческой деятельности. Этот подход рассматривает стратегии перевода во взаимосвязанной совокупности, где все элементы пересекаются друг с другом и зависят друг от друга. В целом, интегральный подход — это подход, направленный на поиск и выявление единых глубинных механизмов функционирования связей этих совокупных элементов и системное представление стратегий перевода. [14, с. 205].

Интегральная СП определяется как общая программа действий переводчика, направленная на создание текста перевода в соответствии с когнитивными, социальными, культурными, языковыми и коммуникативными целями автора исходного текста и/или инициатора перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации. В этом определении присутствуют и коммуникативная ситуация, и цель действий переводчика, и общая программа его действий как глобальная стратегия, и связь глобальной стратегии с частными когнитивными, языковыми, культурными и социальными СП для достижения цели перевода. Такое многоаспектное определение СП представляется нам соответствующим современному состоянию переводоведения и оптимальным для достижения целей нашего исследования. В интегральной модели общей стратегии перевода выделяются четыре сектора: когнитивный, языковой, культурный и социальный — и пятая коммуникативная составляющая, единицами которой являются частные стратегии перевода. Подробно о стратегиях перевода в интегральном освещении см. [14]. Наша работа выполнена в русле интегральной теории Т. Н. Хомутовой, в соответствии с которой *СП* — это многоаспектное понятие, и используемые нами термины призваны подчеркнуть эту многоаспектность. Термин *«интегральная»* по отношению к СП мы используем, чтобы *определить подход*, в рамках которого проводилось исследование, и подчеркнуть взаимозависимый и взаимообусловленный характер компонентов СП. Термин *«общая»* мы используем в контекстах, где *общая* СП противопоставляется *частным СП*, например, общая интегральная СП и ее частные когнитивная, культурная, языковая, коммуникативная и социальная составляющие, или общая культурная СП и ее частные стратегии доместикации и форенизации. Термин *«гибридная»* мы используем, чтобы обратить внимание на структуру СП, которая объединяет частные СП в единый гибридный тип.

Анализ работ М. Ю. Бродского [2], О. Н. Злобиной [5], М. А. Мушниковой [10], В. В. Сдобникова [11], П. И. Сергиенко [12], С. Е. Тупиковой и А. Г. Коршуновой [13], L. Venuti [17], посвященных исследованию СП политического дискурса, демонстрирует, что в большинстве своем описанные авторами СП были рассмотрены фрагментарно, без привязки к единой модели и другим СП. Основное внимание, как правило, уделялось языковым СП, в то время как другие частные СП оставались за рамками внимания переводоведов. Вместе с тем проведенный анализ работ указанных лингвистов позволяет нам прийти к выводу, что каждая из описанных авторами СП по отдельности соответствует определенной частной СП в рамках общей интегральной модели СП, что еще раз подтверждает правомерность выбранного нами интегрального подхода, который позволяет рассматривать различные СП как взаимосвязанные и взаимообусловленные части единого целого — общей интегральной СП.

Построение актуальных интегральных моделей СП русскоязычного и англоязычного ПД (ИР) с их последующим сопоставительным анализом позволит нам выявить и обосновать универсальные и национально-специфические характеристики СП ПД (ИР) с позиций интегрального подхода.

Результаты и их обсуждение

Базовая интегральная модель СП ПД

Наше исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе мы построили базовую интегральную модель СП ПД (ИР) (рис. 1). Эта модель была разработана на основе уточненной и дополненной базовой модели СП Т. Н. Хомутовой и анализа теоретической литературы по СП ПД (ИР). Базовая интегральная модель по-новому представляет СП ПД (ИР) и решает задачу уточнения этого понятия.

В *когнитивном* секторе базовой интегральной модели выделяются следующие частные СП: *1) когнитивно-равноценный перевод; 2) когнитивно-неравноценный перевод.* В переводе ПД (ИР) ведущая СП — это стратегия *когнитивно-равноценного перевода (КГРП),* которая подразумевает точный эквивалентный перевод, сохранение смысла, полное и точное сохранение когнитивной информации оригинала. Стратегия *когнитивно-неравноценного перевода (КГНРП)* может возникать в ситуации, когда инициатор перевода намеренно поручает переводчику сделать краткий реферативный перевод, опустить детали и т. д. Кроме того, когнитивно-неравноценный перевод может свидетельствовать и о недостаточной

квалификации переводчика, но в этом случае его вряд ли можно назвать стратегией.

В рамках *языкового* сектора базовой интегральной модели мы выделяем: *1) лексические (Л); 2) грамматические (Г); 3) лексико-грамматические (Л-Г); 4) стилистические (С)* и *5) текстовые/дискурсивные (Т)* СП. В настоящей работе мы дополнили классификацию языковых СП, представленную в [14], *лексико-грамматическими стратегиями*, поскольку при анализе переводческих операций, реализующих языковые стратегии как совокупности способов и приемов перевода, мы будем ориентироваться на авторитетную классификацию переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова как оптимально соответствующую поставленным задачам, в которой, в частности, присутствует совокупность лексико-грамматических приемов перевода.

В *культурном* секторе базовой интегральной модели выделяются культурно-обусловленные СП: *доместикация (Д)* и *форенизация (Ф)*. Доместикация связана с адаптацией текста к принимающей лингвокультуре, а форенизация – с сохранением оригинальных черт текста, а также национально-специфических реалий [17].

В рамках *социального* сектора базовой модели реализуется стратегия *переадресации (П)* (адресат оригинала и перевода не совпадают). При переводе ИР переадресация обычно ориентирована на определённые социальные параметры. Например, наблюдается фокус на сужение аудитории: взрослая, образованная, интересующаяся политикой, т. е. перевод ИР рассчитан на людей, способных понимать политическую лексику, государственные концепции и социальные приоритеты. По профессиональному признаку можно отметить, что интерес к переводу ИР проявляют государственные служащие, представители силовых структур, научное сообщество, а также работники социальной сферы. В отличие от перевода, социальный статус исходной адресации в оригинале подразумевает самые широкие слои населения, в том числе и политические, экономические и культурные элиты. Аудитория характеризуется политической вовлечённостью: это граждане, которые следят за внутренней и внешней политикой и поддерживают идеи стабильности, национальной идентичности, суверенитета и патриотизма.

Ведущей *коммуникативной СП* в базовой интегральной модели является *коммуникативно-неравноценный перевод (КМНРП)*. Стратегия КМНРП обусловлена отсутствием тождественности коммуникативных целей и эффектов и проявляется, главным образом, через смену коммуникативной цели: воздействие, характерное для оригинала, в переводе трансформируется в доминирующую стратегию информирования. Вместе с тем мы полагаем, что при ведущей роли информационной СП переводчик может использовать и отдельные коммуникативно-равноценные СП ПД, такие как дискредитация, формирование имиджа и эмоционального настроя, привлечение внимания и драматизация, осуществление контроля над темой. В своей работе мы ориентируемся на авторитетную классификацию стратегий ПД О. С. Иссерс [7]. В целом коммуникативные

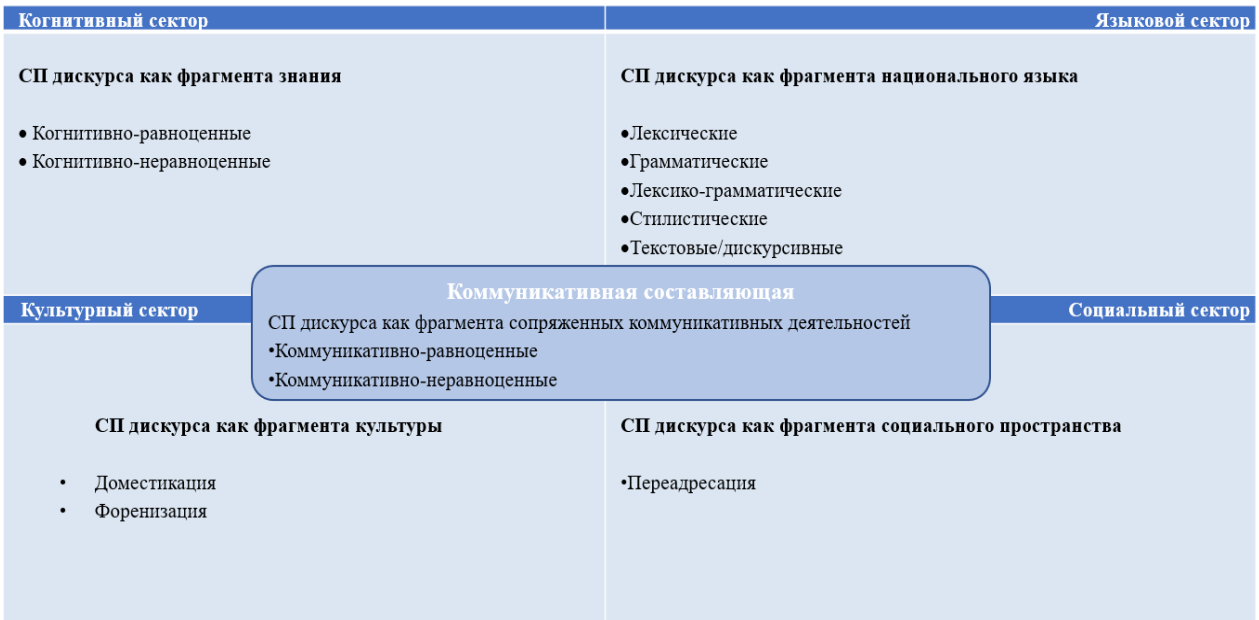


Рис. 1. Базовая интегральная модель СП ПД (ИР)

Fig. 1. Basic integrated model of the SP PD (IR) system

СП ИР можно охарактеризовать как коммуникативно-неравноценные с элементами коммуникативной равноценности.

Таким образом, все вышеперечисленные СП формируют базовую интегральную модель СП ПД (ИР). Она состоит из когнитивных СП (когнитивно-равноценный и когнитивно-неравноценный перевод, где ведущая СП — когнитивно-равноценный перевод); языковых СП (лексические, грамматические, лексико-грамматические, стилистические, текстовые); культурных СП (доместикация, форенизация), социальной СП (переадресация); коммуникативных СП (коммуникативно-неравноценный и коммуникативно-равноценный перевод), где ведущая роль у коммуникативно-неравноценного перевода, а именно информационной СП.

На следующем этапе исследования базовая интегральная модель СП ПД (ИР) была использована для анализа практического материала, что позволило построить актуальные интегральные модели СП ПД (ИР) для языковых пар русский-английский и английский-русский.

Актуальная интегральная модель СП ИР с русского языка на английский

Проведенный анализ показал, что в переводе ИР В. В. Путина частные стратегии перевода встречались не по отдельности, а в совокупности, что подтверждает тезис об интегральном, гибридном характере общей СП. Всего в тексте перевода ИР В. В. Путина (42 основные смысловые единицы анализа — предложения) нами выявлено 10 гибридных сочетаний, или интегральных СП.

Типичными гибридными интегральными стратегиями являются две: *КГРП+Л+Г+Л-Г +Д+П+КМНРП* (13 случаев, 30,95 %) и *КГРП+-Г+Л-Г+Д+П+КМНРП* (9 случаев, 21,43 %). Критерий типичности был установлен с помощью порога частотности и точки перегиба. Кроме того, совокупная частотность двух типичных гибридных СП превышает 50 %, что также является дополнительным показателем в пользу их определения как типичных.

В *когнитивном* секторе в каждом из 42 проанализированных предложений можно наблюдать КГРП, что связано, на наш взгляд, с заказом инициатора осуществить семантически эквивалентный перевод. Из стратегий перевода *культурного* сектора в каждом из предложений присутствует доместикация. Это связано с тем, что, как нам представляется, инициатор перевода дал переводчику соответствующее задание сделать перевод понятным и доступным для иноязычного адресата. Форенизация носит вариативный характер. Это означает, что элементы форенизации используются избирательно — в тех случаях, когда возникает необходимость сохранить культурную специфику оригинала или адаптировать её для принимающей аудитории, в то время как доместикация последовательно реализуется на протяжении всего текста. Стратегии *социального* сектора представлены переадресацией, поскольку она ориентирована на создание перевода, адресованного аудитории, отличающейся от получателя исходного текста не только в национально-культурном, но и в социальном отношении (граждане — неграждане РФ). Типичной *коммуникативной* стратегией перевода оказался коммуникативно-неравноценный перевод, поскольку эта стратегия в качестве основной в нашем случае имеет коммуникативную цель информирования в отличие от воздействия в оригинале, что тесно связано с социальной стратегией переадресации. *Языковой* сектор оказался наиболее значимым с точки зрения аналитических наблюдений. В ходе анализа было установлено, что наибольшей вариативностью характеризуются языковые СП (Л, Г, Л-Г, С). Существенная роль языкового сектора обусловлена тем, что именно здесь реализуются конкретные переводческие решения, которые обеспечивают реализацию всех других СП, что в большой мере зависит от индивидуального мастерства переводчика.

В типичных гибридных СП использовались грамматическая, лексико-грамматическая и лексическая языковые СП, которые были реализованы с помощью 122 приемов перевода (грамматические — 45,9 %; лексико-грамматические — 34,4 %; лексические — 19,7 %). Среди типичных языковых приемов перевода с РЯ на АЯ доминируют грамматические замены, в которых преобладали грамматические замены типа предложения и части речи. Преобладание указанных приёмов обусловлено разноструктурностью языков и необходимостью адаптации текста к языковым и культурным нормам языка перевода. Примеры стратегий и приемов перевода приводятся ниже.

Грамматическая стратегия и приемы перевода
Замена типа предложения

В предложениях *«Только что произнес слова президентской присяги» — «**I** have just taken the oath of office of the president»*; *«Хочу поклониться нашим героям...» — «**I** humbly honour our heroes...»* неполные предложения на русском языке переданы полными предложениями в английском. Это обусловлено разноструктурностью языков

и обязательной экспликацией подлежащего в АЯ, что связано с низкоконтекстуальным характером АЯ культуры и вызывает необходимость доместикации.

Замена части речи

В предложении *«Заверяю вас, что и впредь интересы, безопасность народа России будут для **меня превыше всего**» — «I assure you that the interests and security of the people of Russia will continue to be **my foremost concern**»* происходит замена наречного выражения *превыше всего* на сочетание прилагательного с существительным — *foremost concern.* Это можно объяснить тем, что в АЯ чаще используются существительные для выражения приоритетности, наречия здесь звучали бы неестественно. Замена личного местоимения *меня* на притяжательное местоимение-прилагательное *my* происходит из-за разноструктурности языков — в АЯ притяжательная форма обязательна для корректного согласования с существительным, что свидетельствует о доместикации. При переводе предложения *«Буду делать все необходимое, все, что **в моих силах**, чтобы оправдать ваше доверие, **использовать** для этого все полномочия главы государства, которые закреплены в Конституции» — «I will do everything it takes, everything **I can**, to justify your confidence in me, **using** the powers granted to me as the head of state by the Constitution»* происходит двойная замена части речи: во-первых, замена группы существительного на предложение с модальным глаголом, поскольку значение возможности чаще выражается модальными глаголами, а не именными конструкциями, и эта замена делает высказывание более естественным и типичным для АЯ. Во-вторых, происходит замена инфинитива на причастие, которое служит для объединения действий в одно предложение и делает текст плавным и синтаксически естественным для АЯ. Эти замены также свидетельствуют о доместикации.

Лексико-грамматическая стратегия и приемы перевода

Среди лексико-грамматических приемов перевода в нашем материале чаще других употреблялось *добавление*. Например, в переводе предложения *«Мы должны обеспечить надежную преемственность в развитии страны на десятилетия вперед, вырастить и воспитать молодые поколения, которые будут укреплять могущество России, развивать нашу государственность, в основе которой — межнациональное согласие…» — «We must ensure reliable continuity in the development of our country for decades to come **and** bring up new generations who will strengthen Russia's might **and** develop our state based on interethnic accord...»* добавление союза «*and*» производится для соответствия типичной структуре английского предложения при перечислении, что является примером адаптации к нормам АЯ и доместикации.

Опущения представлены следующими примерами: *«**Дорогие** друзья!» — « Friends, ...».* Эмоционально-оценочный эпитет *дорогие* опущен, что можно объяснить традиционно безэмоциональным характером АЯ культуры и нормами официального стиля. В переводе предложения *«Поэтому наша государственная и общественно-политическая система должна быть прочной и **абсолютно** устойчивой к любым вызовам и угрозам…» — «Therefore, our state and socio-political system must be strong and resistant to any threats and challenges...»* усиленная эмфаза РЯ текста адаптирована к нормам АЯ и не передаётся дословно в силу традиционно безэмоционального характера АЯ культуры, что свидетельствует о доместикации.

Лексическая стратегия и приемы перевода

В рамках лексической стратегии были выявлены лексические приемы, среди которых доминировала *модуляция.* Например, в предложении *«Хочу **поклониться** нашим героям…» — «I humbly **honour** our heroes…»* конкретное физическое действие заменяется абстрактным обозначением акта уважения при сохранении общего смысла высказывания (поклониться — почтить — honour), что можно объяснить различными культурными ценностями, в частности отношением к характеру мышления. В переводе предложения *«Но нам важно помнить и ее уроки, не забывать о **трагической** цене внутренних смут и потрясений» — «But we must also remember its lessons and never forget about the **enormous** price we paid for internal unrest and troubles»* происходит смена коннотации с моральной на численную (трагический — катастрофический — колоссальный — enormous), что обусловлено разным отношением к деятельности: склонностью к моральным рассуждениям в РЯ культуре и ориентацией на результат в АЯ культуре. В переводе предложения *«Они брали, казалось бы, недоступные высоты, потому что на первое место всегда ставили **Родину**, знали, что достичь по-настоящему больших целей можно только вместе со своей страной и со своим народом, и создали мировую державу, наше Отечество, **добились таких триумфов**, которые вдохновляют нас и сегодня» — «They attained seemingly insurmountable heights because they always put the*

country *first. They knew that truly challenging goals can only be achieved together with the country and its people, and they created a great power, our Fatherland,* ***leaving a legacy of glorious achievements*** *from which we continue to draw inspiration today»* наблюдается несколько модуляций: так, в случае замены *Родина* на *country* теряется патриотическая коннотация, на передний план выходит территория, в случае замены *добились таких триумфов — leaving a legacy of glorious achievements* в РЯ используется глагольная форма действия (*добились*), акцентирующая сам факт достижения результата, а в АЯ происходит сдвиг к результату через его следствие – не сам акт достижения, а его итог (*наследие*). Кроме того, происходит замена экспрессивного *триумфы* с ярко выраженной эмоционально-пафосной окраской, связанного с торжеством, победой, иногда даже военным успехом, на более нейтральное *achievements* (достижения). Все приведенные примеры свидетельствуют о доместикации, обусловленной традиционно безэмоциональным характером АЯ культуры, ее прагматической ориентацией по отношению к деятельности.

Проведенный анализ позволил представить общую СП ИР с РЯ на АЯ в виде интегральной модели. Данная модель построена на основании типичных гибридных СП, которые встретились в этом жанре ПД. Нетипичные гибридные СП не учитывались при построении модели. Отличие данной модели от базовой заключается в том, что выявлены постоянные и вариативные частные СП, типичные и нетипичные для данного жанра и типа дискурса. К постоянным СП относятся КГРП, КМНРП, П и Д, вариативными являются Ф и языковые стратегии Л, Г, Л-Г, С, что обусловлено, с одной стороны, постоянством и взаимообусловленностью заданных установок на точную передачу когнитивной информации, переадресацией на иную социальную аудиторию с сугубо информационной целью, необходимостью социо- и лингвокультурной адаптации текста для принимающей аудитории, а с другой стороны — целесообразностью сохранить культурную специфику оригинала без существенных искажений. Несмотря на нетипичность культурной стратегии форенизации, следует все же отметить ее присутствие в числе СП ИР с РЯ на АЯ, которое способствует сохранению национально-культурной специфики оригинала и репрезентации особенностей русской политической картины мира англоязычному адресату. Например, в переводе предложения *«В эти торжественные и ответственные минуты вступления в должность Президента хочу сердечно поблагодарить граждан России во всех регионах нашей страны, жителей наших исторических земель, отстоявших право быть вместе с* ***Родиной****» — «In these solemn and crucial moments of assuming the office of the President, I would like to extend my heartfelt gratitude to the citizens of Russia across all regions of our country, as well as those living in the historical territories of Russia who have won their right to stand united with our* ***Motherland****»* слово *Родина* заменяется на *Motherland,* которое учитывает традиционные культурные ценности русскоязычной культуры: в России отечество олицетворяется с матерью, а в западных странах — с отцом. Это форенизация, так как англоязычному адресату, на наш взгляд, более привычным и удобным было бы *Fatherland*. В предложении *«А это, прежде всего,* ***народосбережение****» – «Our top priority is the* ***preservation of the people****»* русское *народосбережение*, сложное абстрактное существительное, не имеющее устоявшегося однословного эквивалента в АЯ, переводится с помощью калькирования — сохранена внутренняя семантическая структура слова (народосбережение — сбережение народа — preservation of the people), что свидетельствует о форенизации.

Актуальная интегральная модель СП ИР с английского языка на русский

Результаты анализа перевода англоязычного ПД (ИР) на русский язык доказывают, что СП англоязычного ПД представлены совокупностью взаимозависимых и взаимообусловленных когнитивных (КГРП и КГНРП), языковых (Л, Г, Л-Г, Т), культурных (Д и Ф), социальных (П) и коммуникативных стратегий (КМНРП), что в целом соотносится с результатами, полученными в ходе анализа ИР других политиков [9]. Всего в тексте ИР Трампа (175 единиц-предложений) нами выявлено 37 гибридных стратегий. Различия в количестве гибридных СП с русского на английский язык и с английского на русский связаны, на наш взгляд, как с объективными причинами (разноструктурность языков, различные культурные ценности, задание инициатора и др.), так и с индивидуальным стилем переводчика, его мастерством, а также с разным объемом ИР (речь Д. Трампа в 4 раза больше ИР В. В. Путина).

Типичными гибридными стратегиями являются шесть СП: *1) КГРП+Г+Д+П+КМНРП (22 случая, 12,57 %); 2) КГНРП+Т+Д+П+КМНРП (21 случай, 12 %); 3) КГРП+Л+Г+Л-Г+Д+П+КМНРП (16 случаев, 9,14 %); 4) КГРП+Л+Г+Д+П+КМНРП (15 случаев, 8,57 %); 5) КГРП+Г+Л-Г+Д+П+КМНРП*

(11 случаев, 6,29 %); 6) КГРП+Л-Г+Д+П+КМНРП (10 случаев, 5,71 %), которые были реализованы с помощью 240 приемов перевода. В типичных гибридных СП ИР с АЯ на РЯ к постоянным частным СП относятся культурная стратегия доместикации, социальная стратегия переадресации и стратегия коммуникативно-неравноценного перевода. К вариативным относятся когнитивные СП (КГРП и КГНРП) и языковые СП (Г, Л, Л-Г, Т), при этом в языковых СП широко распространены грамматические (замена типа предложения и части речи), лексико-грамматические (добавление и опущение), лексические (модуляция) и текстовые (опущения) стратегии и приёмы перевода. Преобладание грамматических (48,3 %) и лексико-грамматических (23,3 %) приемов перевода, как и в случае перевода с РЯ на АЯ, обусловлено разноструктурностью языков, необходимостью адаптации текста к коммуникативному контексту, языковым и социокультурным нормам языка перевода. Примеры языковых стратегий и приемов перевода приводятся ниже.

Грамматическая стратегия и приемы перевода

Среди грамматических приёмов перевода в нашем материале чаще всего использовались грамматические замены типа предложения и частей речи.

Замена типа предложения

В переводе предложения *«We will be the envy of every nation,* ***and we will not allow ourselves to be taken advantage of any longer****» — «Все будут нам завидовать.* ***И мы решительно не позволим, чтобы нас эксплуатировали****»* производятся две грамматические замены типа предложения. В первом случае происходит членение сложносочиненного предложения, которое трансформируется в два отдельных предложения (простое и сложноподчиненное), во втором случае простое предложение трансформируется в сложноподчиненное, что происходит вследствие отсутствия в РЯ сложного дополнения (Complex Object), которое из-за разноструктурности языков переводится придаточным предложением в соответствии с нормами РЯ. В примере *«****Our safety*** *will be restored» — «****Мы восстановим*** *нашу безопасность»* происходит замена предложения в страдательном залоге на предложение в действительном залоге с введением местоимения «*мы*». Этот пример свидетельствует о доместикации, так как перевод адаптирован к нормам русской лингвокультуры: страдательный залог заменён на действительный, а субъект эксплицирован через коллективное «*мы*», что соответствует ценностям традиционно коллективистской и эмоциональной РЯ культуры. Все предложение звучит более естественно и риторически сильно, чем обезличенная страдательная форма.

Замена части речи

В переводе предложения «That is why each day under our administration of American patriots, we will be working to meet every crisis with ***dignity and power and strength***» — «Вот почему каждый день нашей администрации мы, американские патриоты, будем работать над тем, чтобы встречать каждый кризис ***достойно, мощно и сильно***» происходит замена существительных *dignity, power and strength* на наречия *достойно, мощно и сильно*, что обусловлено необходимостью адаптации текста к нормам РЯ, в котором характеристики действия выражаются преимущественно наречиями, а не цепочками абстрактных существительных, как в АЯ. Это свидетельствует о доместикации перевода. В примере *«Thank you» — «Спасибо»* происходит замена глагола “thank” на этикетное междометие «спасибо», которое доместицирует реплику в соответствии с нормами РЯ и неофициального (в отличие от официального *благодарю вас*) стиля.

Лексико-грамматическая стратегия и приемы перевода

Среди лексико-грамматических приёмов перевода в нашем материале чаще всего использовались *добавления и опущения*, примеры которых приводятся ниже.

В переводе предложения *«We now have a government that cannot manage even a simple crisis at home while, at the same time, stumbling into a continuing catalogue of catastrophic events abroad” — «...а наше правительство не могло справиться даже с простым кризисом у* ***себя*** *дома, не говоря уже о том, что раз за разом спотыкалось о бесконечный список катастроф за рубежом»* добавление местоимения *себя* свидетельствует о доместикации, обусловленной более эмоциональным характером РЯ культуры. В примере *«But in his honor, we will strive together to make his dream a reality.” — «...и в его честь мы попытаемся* ***все*** *вместе воплотить его мечту в жизнь»* добавление *все* происходит с целью обобщения того, что речь идет о всех жителях страны. Это говорит об усилении эмоциональности в РЯ переводе и доместикации. В переводе предложения *«The journey to reclaim our republic has not been an easy one — that, I can tell you» — «Путь к возвращению нашей Республики был нелегким — это я вам* ***точно*** *скажу»* добавление эмоционально усилительного

наречия *точно* передает уверенность говорящего и его эмоциональный настрой, простое *я вам скажу* звучало бы слишком нейтрально.

Примеры *опущений* приводятся в переводе следующих предложений: *«We will be the envy of every nation, and we will not allow ourselves to be taken advantage* ***of any longer****» — «Все будут нам завидовать. И мы решительно не позволим, чтобы нас эксплуатировали».* В русском языке значение прекращения действия может передаваться прагматически — через контекст, без отдельного лексического маркера, что свидетельствует о высококонтекстуальном характере русской лингвокультуры и доместикации перевода. *«Today, I will sign a series of historic* ***executive*** *orders» — «Сегодня я подпишу ряд исторических указов». «The purpose of* ***our*** *deal and the spirit of* ***our*** *treaty has been totally violated» — «Цель сделки и дух договора были полностью нарушены».* В этих примерах опущение происходит ввиду высококонтекстуального характера РЯ культуры: в первом примере передаваемая информация является избыточной, а во втором значение легко восстанавливается из контекста, что свидетельствует о доместикации.

Лексическая стратегия и приемы перевода

Среди лексических приёмов перевода в нашем материале чаще всего использовалась *модуляция,* что объясняется необходимостью не буквальной передачи языковых единиц оригинала, а сохранения их смыслового и прагматического содержания. Поскольку английский и русский языки по-разному концептуализируют отдельные явления и ситуации, переводчик нередко прибегает к изменению точки зрения на описываемый объект или событие, что позволяет передать смысл высказывания более естественно и в соответствии с нормами РЯ. Например, в переводе предложения *«****We*** *now* ***have*** *a government that cannot manage even a simple crisis at home while, at the same time, stumbling into a continuing catalogue of catastrophic events abroad» — «...а* ***наше*** *правительство не могло справиться даже с простым кризисом у себя дома, не говоря уже о том, что раз за разом спотыкалось о бесконечный список катастроф за рубежом»* акцент смещается с субъекта *мы* на сам институт власти. В соответствии с нормами РЯ более употребительна конструкция с притяжательным местоимением, а не буквальная модель *у нас есть правительство.* В следующем примере «They ***don't have a home*** any longer» — «Они ***лишились домов***» акцент переносится на результат произошедшего события (утрату). С точки зрения доместикации, такое смещение обусловлено нормами русского речевого оформления последствий катастроф: в РЯ естественнее говорить о факте потери (*лишились*), чем о текущем отсутствии (*не имеют*). В предложении «And his ***honor*** — this will be a great ***honor***» — «...и его ***память*** — великая ***память***...» слово *honor* переводится как *память*, хотя в АЯ оно может означать *честь, достоинство, почтение.* Модуляцию можно объяснить тем, что в контексте, связанном с Мартином Лютером Кингом, переводчик передаёт не буквальный смысл, а то, что сохраняется и почитается после смерти — память о человеке. Кроме того, данная модуляция позволяет избежать неоправданного повтора слова *честь* в ближайшем контексте. Приведенные примеры свидетельствуют о доместикации перевода.

Текстовая стратегия и приемы перевода

Существенным отличием перевода инаугурационной речи президента США на РЯ является применение текстовых стратегий и приемов перевода, которые затрагивают организацию текста на уровне его структуры и связности. Данная особенность обусловлена сменой типа дискурса с устного диалога на письменный монолог в переводе и традиционно авторитарным характером русской культуры, не требующей реакции адресата на речь руководителя, что приводит к преобразованию структуры текста, реорганизации текстовых связей и изменению способов представления информации. Использование текстовых стратегий связано с реализацией когнитивно-неравноценного перевода, так как изменение способа представления информации требует преобразования текстовой организации оригинала в переводе. В нашем материале текстовая стратегия была реализована с помощью текстового приема *опущения* перевода целых предложений и диалогических единств.

Например, «Thank you» — «–»; *«Thank you very much, everybody. (Applause)» — «–»* Эти примеры являются реализацией когнитивно-неравноценного перевода, вызванного изменениями в целой совокупности частных СП, что подтверждает тезис об интегральном характере общей СП. Текстовое опущение вызвано, в первую очередь, переадресацией и сменой коммуникативной СП с эмотивно-воздействующей на информационную, а также сменой типа дискурса с устного диалога на письменный монолог, где невербальные средства общения (аплодисменты, сопровождающие появление президента) избыточны, а следовательно, и ответ на них в виде благодарности избыточен тоже, поэтому опускается все диалогическое

единство, что свидетельствует о доместикации. Доместикация в виде изменения структуры текста в данном случае может быть в определенной мере обоснована и авторитарным характером РЯ культуры (отношение к власти), когда традиционно власть не заигрывает с аудиторией.

Проведенный анализ позволил представить общую СП ИР с АЯ на РЯ в виде интегральной модели. Данная модель построена на основании типичных стратегий и приемов перевода, которые встретились в этом типе и жанре дискурса. Ее отличие от базовой заключается в том, что выявлены постоянные и вариативные СП (ИР) с английского языка на русский, типичные и нетипичные для данного жанра ПД и направления перевода. Интегральная модель СП (ИР) с АЯ на РЯ характеризуется постоянными культурной (Д), социальной (П) и коммуникативной (КМНРП) стратегиями перевода. Вариативными являются: когнитивные СП (КГРП и КГНРП) и языковые СП (Г, Л-Г, Л и Т). Несмотря на отсутствие Ф в интегральной модели, следует отметить её хотя и эпизодическое, но присутствие среди всех СП (ИР) с АЯ на РЯ, поскольку она способствует сохранению национально-культурной специфики оригинала и репрезентации особенностей англоязычной политической картины мира русскоязычному адресату. Форенизация реализуется с помощью различных языковых стратегий и приемов перевода. Например, в предложении *«And very importantly, we had a powerful win in all seven swing states — (applause) — and* ***the popular vote****, we won by millions of people. (Applause.) — И, что особенно важно, мы одержали убедительную победу во всех семи колеблющихся штатах и выиграли не только* ***по голосам выборщиков, но и простых избирателей****. Мы победили миллионами голосов»* переводчик использует добавление, которое обусловлено изменением способа представления политического понятия: единый термин исходного языка заменяется развернутым описанием структуры голосования, характерной для избирательной системы США. Обычно *popular vote* переводится на РЯ как *всенародное голосование*, но известно, что в США голосуют выборщики, поэтому переводчик «поправил» Трампа, добавив выборщиков, чтобы перевод соответствовал процедуре выборов в США. В следующем примере *«The spirit of the* ***frontier*** *is written into our hearts» — «Дух* ***«фронтира»*** *записан в наших сердцах»* транслитерация и использование кавычек указывают на иноязычное происхождение текста. Фронтир в истории США — это зона освоения Дикого Запада в противостоянии с индейскими племенами. Отсутствие примечаний или описательного перевода затрудняет понимание и свидетельствует о форенизации.

Результаты сопоставительного анализа интегральных моделей СП ПД (ИР)

Сопоставительный анализ интегральных моделей СП русскоязычного и англоязычного ПД (ИР) позволил выявить их универсальные и национально-специфические характеристики. К *универсальным* характеристикам относится использование стратегий КГРП, Д, П, КМНРП, а также преобладание грамматических и лексико-грамматических СП, что обусловлено одним типом дискурса (ПД), одним жанром (ИР), сменой адресата и коммуникативной цели дискурса и связанной с этим необходимостью доместицировать перевод в соответствии с нормами принимающих языков и культур. *Специфические* особенности связаны с применением КГНРП и текстовых стратегий при переводе с АЯ на РЯ, что обусловлено разными типами культур. Следует отметить, что наряду с доместикацией в обоих направлениях перевода выявляется использование *форенизации*. Несмотря на нетипичность форенизации по сравнению с доместикацией, мы сочли возможным представить ее в сопоставительном плане как *универсальную, но нетипичную культурную стратегию*, поскольку ее применение обусловлено важностью сохранения культурно маркированных элементов оригинала и передачи национально-культурной специфики исходного текста в условиях межкультурной коммуникации.

Заключение

Интегральный подход к исследованию СП ПД (ИР) позволил определить СП ПД (ИР) как общую программу действий переводчика — интегральную стратегию, объединяющую частные когнитивные, языковые, культурные, социальные и коммуникативные СП, находящиеся в отношениях взаимосвязи и взаимозависимости. Ключевыми факторами, определяющими выбор стратегии перевода политического дискурса (ИР), выступают изменение социального статуса и характеристик адресата, которое приводит к трансформации коммуникативной цели с воздействующей на информационную, а также различия коммуникативных традиций, языковых систем и культурных ценностей. Немаловажное значение при выборе стратегий перевода имеет мастерство переводчика. Сопоставительный анализ актуальных интегральных моделей СП ПД (ИР) в языковой паре *русский-английский* в обоих направлениях перевода позволил определить и объяснить

их универсальные и национально-специфические характеристики.

Универсальной и доминирующей стратегией *когнитивного* сектора является КГРП, что обусловлено установкой на точный эквивалентный перевод, так как изменения смыслового плана могут негативно повлиять на интерпретацию текста и иметь далеко идущие последствия. Использование стратегии КГНРП в переводе с АЯ на РЯ, в целом, не влияет на интерпретацию текста ИР и связано с доместикацией перевода, обусловленной различиями в типе культур. *Языковой* сектор интегральной модели СП ПД (ИР) включает разнообразные грамматические, лексико-грамматические, лексические, стилистические и текстовые стратегии и приемы перевода, среди которых в обоих направлениях перевода доминируют грамматические и лексико-грамматические СП. Выбор языковых СП обусловлен коммуникативной установкой, разноструктурностью языков, различиями в типе мышления, культурных ценностях, социальных характеристиках принимающей аудитории. В *культурном* секторе постоянной и доминирующей стратегией как при переводе с русского языка на английский, так и при переводе с английского на русский является доместикация, что свидетельствует о стремлении переводчика адаптировать текст к нормам и ожиданиям принимающей культуры. Наряду с доместикацией в обоих направлениях перевода выявляется использование форенизации, в целом нетипичной для ПД (ИР). В *социальном* секторе постоянной стратегией является переадресация как при переводе с русского языка на английский, так и при переводе с английского на русский. Ее применение обусловлено сменой аудитории перевода, которая отличается от аудитории оригинала не только в культурном, но и в социальном отношении; адресаты ИР не являются гражданами страны, к которой обращена речь президента, вследствие чего возникает необходимость адаптации текста к особенностям нового адресата и условиям его восприятия. В *коммуникативном* секторе постоянной стратегией является коммуникативно-неравноценный перевод как при переводе с русского языка на английский, так и при переводе с английского на русский. Данная особенность обусловлена тем, что информационная коммуникативная цель и, соответственно, коммуникативный эффект текста перевода не совпадают с исходным коммуникативным замыслом оригинала ИР, который предполагает прямое воздействие на адресата, что обусловлено сменой аудитории, лингвокультурным контекстом и условиями коммуникации.

Перспективным направлением исследований стратегий и приемов перевода представляется дальнейшая разработка интегрального подхода к переводу политического дискурса на материале других жанров и других языков, а также недостаточно исследованные аспекты взаимодействия между текстом оригинала и перевода в части реализации авторских стратегий в переводе.

Список источников

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : URSS, 2026. 368 с.

2. Бродский М. Ю. Политический дискурс и перевод // Политическая лингвистика. 2011. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-i-perevod.

3. Гаврилова М. В. Инаугурационная речь // Дискурс-Пи. 2013. № 3 (13). С. 115-116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inauguratsionnaya-rech.

4. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. Политические исследования. 2004. № 3. С. 127–139

5. Злобина О. Н. Стратегии и тактики в синхронном переводе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. № 32. С. 802–806. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49328689.

6. Ильичева В. В. Инаугурационная речь как инструмент формирования политического имиджа в контексте русской риторической традиции : автореф. ... канд. фил. наук : 10.01.10. М., 2015. 23 с.

7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : URSS, 2024. 320 с.

8. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник ЧелГУ. 2011. № 33 (248). С. 67–69.

9. Лазаревич Д. В., Хомутова Т. Н. Особенности стратегий перевода инаугурационной речи // Евразийский взгляд на актуальные вопросы филологии, переводоведения и лингводидактики. Сборник статей по материалам III Евразийской научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 472–475.

10. Мушникова М. А. Особенности перевода общественно-политических выступлений американских и британских политиков // Молодой ученый. 2024. № 22 (521). С. 533–535. URL: https://moluch.ru/archive/521/115071.

11. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход). М. : Издательство ВКН, 2019. 512 с.

12. Сергиенко П. И. Особенности перевода лексических единиц в текстах политического дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-leksicheskih-edinits-v-tekstah-politicheskogo-diskursa.

13. Тупикова С. Е., Коршунова А. Г. Проблемы перевода англоязычного политического дискурса СМИ на русский язык // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. Выпуск 8. Нижний Новгород. 2018. С. 234–238.

14. Хомутова Т. Н. Стратегии перевода в интегральном освещении // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 199–212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-v-integralnom-osveschenii/viewer.

15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 324 с.

16. Dijk T. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. V. 11. № 1. P. 11–52.

17. Venuti L. The translator's invisibility: A history of translation. London, England: Routledge. 1995. 353 p.

18. en.kremlin.ru: сайт. Vladimir Putin has been sworn in as President of Russia. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/73981.

19. ru.wikisource.org: сайт. Инаугурационная речь Дональда Трампа (2025). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Инаугурационная_речь_Дональда_Трампа_(2025).

20. tass.ru: сайт. Инаугурационная речь Владимира Путина. URL: https://tass.ru/politika/20730285.

21. www.whitehouse.gov: сайт. The Inaugural Address. URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/.

References

1. Baranov AN. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2026. 368 p. (In Russ.).

2. Brodskii MYu. Political discourse and translation. *Politicheskaya lingvistika*. 2011;(1). (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-i-perevod. (In Russ.).

3. Gavrilova MV. Inaugural speech. *Diskurs-P*i, 2013;(3(13):115-116. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/inauguratsionnaya-rech. (In Russ.).

4. Gavrilova MV. Political discourse as an object of linguistic analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2004;(3):127-139. (In Russ.).

5. Zlobina ON. Strategies and tactics in simultaneous interpreting. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2022;32:802-806. (In Russ.) Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=49328689. (In Russ.).

6. Il'icheva VV. Inauguratsionnaya rech' kak instrument formirovaniya politicheskogo imidzha v kontekste russkoi ritoricheskoi traditsii [Inaugural speech as a tool for political image formation in the context of Russian rhetorical tradition. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2015. 23 p. (In Russ.).

7. Issers OS. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, URSS Publ., 2024. 320 p. (In Russ.).

8. Kolesnikova SN. Features of political discourse and its interpretation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;(33(248):67-69. (In Russ.).

9. Lazarevich DV, Khomutova TN. Features of translation strategies of inaugural speech. Evraziiskii vzglyad na aktual'nye voprosy filologii, perevodovedeniya i lingvodidaktiki [Eurasian perspective on current issues of philology, translation studies and linguodidactics: Proc. III Eurasian Conf.]. Moscow, 2025, pp. 472–475. (In Russ.).

10. Mushnikova MA. Features of translation of socio-political speeches by American and British politicians. *Molodoi uchenyi*. 2024;(22(521):533-535. Available at: https://moluch.ru/archive/521/115071. (In Russ.).

11. Sdobnikov VV, Kalinin KE, Petrova OV. Teoriya perevoda (kommunikativno-funktsional'nyi podkhod) [Translation Theory (Communicative-Functional Approach)]. Moscow, VKN Publ., 2019. 512 p. (In Russ.).

12. Sergienko PI. Features of translation of lexical units in political discourse texts. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. 2019;5(3). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-leksicheskih-edinits-v-tekstah-politicheskogo-diskursa. (In Russ.).

13. Tupikova SE, Korshunova AG. Problems of translating English-language political media discourse into Russian. Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda: mezhdunar. sb. nauch. statei. Vyp. 8 [Current Issues of Translation Studies and Translation Practice: Int. Coll. Sci. Articles. Iss. 8]. Nizhny Novgorod, 2018, pp. 234–238. (In Russ.).

14. Khomutova TN. Translation strategies: an integral approach. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2024;(8(490):199-212. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-v-integralnom-osveschenii/viewer. (In Russ.).

15. Sheigal EI. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 326 p. (In Russ.).

16. Dijk T van. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics.* 1997;11(1):11-52.

17. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, Routledge, 1995. 353 p.

18. en.kremlin.ru: Vladimir Putin has been sworn in as President of Russia. Available at: http://en.kremlin.ru/events/president/news/73981

19. ru.wikisource.org: Inaugural address by Donald Trump (2025). Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Инаугурационная_речь_Дональда_Трампа_(2025). (In Russ.).

20. tass.ru: Inauguration speech of Vladimir Putin. (In Russ.) Available at: https://tass.ru/politika/20730285

21. whitehouse.gov: The Inaugural Address. Available at: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/

Информация об авторах

Д. В. Лазаревич — магистр лингвистики кафедры лингвистики и перевода.

Т. Н. Хомутова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода.

Information about the authors

D. V. Lazarevich — Master of Linguistics, the Department of Linguistics and Translation Studies.

T. N. Khomutova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 25.07.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 66–75.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):66-75.

Научная статья

УДК 81.342

ББК 81.521.311

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-66-75

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ПРИЧАСТИЕ» НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Мехраби Кесарь

Университет Альзахра, Тегеран, Иран, qmehrabi@alzahra.ac.ir, 0000-0001-9150-0091

Аннотация. Преподавание русского языка в Иране, пройдя длительный период активного развития, продолжает обретать новые грани. При этом роль грамматики и эквивалентов, используемых для передачи терминов на занятиях по РКИ с учётом родного языка учащихся, приобретает большую значимость по сравнению с иными прагматическими аспектами. В статье рассматривается одна из важнейших частей речи русского языка — причастие, точный грамматический эквивалент которого в персидском языке представлен лишь в отдельных случаях. Исследуется вопрос о том, какое влияние на персидский перевод понятия «причастие» оказывает на прагматическом уровне его двойственная природа: является ли причастие прилагательным, включающим признаки глагола, или глаголом, приобретшим признаки прилагательного. При этом известно, что и среди русских лингвистов отсутствует единое мнение о статусе причастия: одни сближают его с прилагательным, другие — с глаголом, а некоторые рассматривают его как самостоятельную часть речи. Метод, принятый в данной статье, — детальное изучение истории вопроса о статусе причастия в русской лингвистической традиции. С этой целью рассматриваются примеры из русской классики, напрямую переведённые на фарси; на основе анализа представленных переводов формулируются выводы, которые в конечном итоге могут быть использованы для обеспечения более качественного перевода. Результаты исследования представляются в первую очередь в интересах иранских учащихся, а также преподавателей русского языка и литературы, работающих в персоязычной среде.

Ключевые слова: эквивалентность, причастие, обучение РКИ, персидский язык, компаративистика

Для цитирования: Мехраби К. Прагматический подход при переводе русского грамматического термина «причастие» на персидский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 66–75. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-66-75.

Original article

A PRAGMATIC APPROACH TO TRANSLATING THE RUSSIAN GRAMMATICAL TERM “PARTICIPLE” INTO PERSIAN

Mehrabi Qaysar

Alzahra University, Tehran, Iran, qmehrabi@alzahra.ac.ir, 0000-0001-9150-0091

Abstract. The teaching of Russian in Iran, having passed through a long period of active development, continues to acquire new dimensions. At the same time, the role of grammar and of the equivalents used to convey terminology in Russian as a foreign language (RFL) classes, with due account for the learners’ native language, is gaining greater significance compared with other pragmatic aspects. The article examines one of the most important parts of speech in Russian — the participle, whose exact grammatical equivalent in Persian is represented only in isolated cases. The question is investigated of what influence the dual nature of the participle — whether it is an adjective incorporating verbal features or a verb that has acquired adjectival features — exerts at the pragmatic level on the Persian translation of the concept of “participle.” It is likewise known that even among Russian linguists there is no unanimous view on the status of the participle: some align it with the adjective, others with the verb, and some regard it as an independent part of speech. The method adopted in this article is a detailed study of the history of

© Мехраби К., 2026

the question of the participle's status in the Russian linguistic tradition. To this end, examples from Russian classics translated directly into Persian are examined; on the basis of an analysis of the translations presented, conclusions are formulated that may ultimately be used to ensure higher-quality translation. The results of the study are presented primarily in the interests of Iranian learners, as well as teachers of Russian language and literature working in a Persian-speaking environment.

Keywords: Equivalence, participle, teaching Russian as a foreign language, Persian language, comparative studies

For citation: Mehrabi Q. A Pragmatic Approach to Translating the Russian Grammatical Term "Participle" into Persian. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):66-75. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-66-75.

Введение

Уникальность системы причастных форм, сложившейся в русском языке, давно является предметом пристального изучения ученых. Совместимость грамматических терминов в процессе обучения иностранному языку имеет большое значение, особенно когда обучение осуществляется на языке обучающихся. Это становится вдвойне важным, когда грамматическая категория в целевом языке не имеет значения в исходном языке или когда между ними существуют существенные различия. Методы, используемые для обеспечения эквивалентности, в основном основаны на переводе, и если перевод окажется неточным, это создает множество проблем как для преподавателя, так и для обучающихся.

Персидский эквивалент «صفت فعلی» (дословно: глагольное прилагательное) используется вне своего русского термина лишь в некоторых ограниченных случаях и для замены термина «صفت مفعولی» (дословно: объектное прилагательное). Причина того заключается в том, что, учитывая возможность персидского языка образовать صفت مفعولی от непереходных глаголов, приписывать характеристику «объект» всем его случаям неверно, и по этой причине некоторые исследователи предлагают «использовать общий термин صفت فعلی вместо объектного прилагательного» [1, С. 54]. Несмотря на все эти особенности, термин «صفت فعلی» используется для обозначения понятия причастия в учебниках русского языка для иранских студентов, по крайней мере, с тех пор, как помнит автор. Размышляя над атрибутивным составом причастия, мы видим, что термин صفت فعلی выражает ситуацию, когда слово с частеречной точки зрения классифицируется как «прилагательное», в то время как обладает характеристиками «глагола», т. е. «глагол» является для него определением. В данной статье, опираясь на мнения выдающихся российских лингвистов и приводя примеры по теме, мы покажем, что эту грамматическую категорию на прагматической основе (в терминолого-методическом, а не собственно переводоведческом смысле) при переводе на фарси нужно рассматривать по-другому. Увидим, что наш предлагаемый эквивалент, вероятно, способен решить часть проблем у персоговорящих студентов при чтении учебных материалов, а также при переводе русских текстов на фарси. На основе результатов анализа языкового материала покажем, что достаточно перенести «семантический вес» этого термина с прилагательного на глагол (что весьма приемлемо для широкого круга русских лингвистов, о которых пойдет речь), чтобы убедиться, насколько ориентированным станет взгляд обучаемых при рассмотрении причастных форм для понимания смысла предложения и его перевода.

Основная часть

Развитие русского языкознания выявило сложный комплекс проблем, связанных с причастиями. Их способность одновременно выражать действие и признак (атрибутивно-предикативный характер) стала причиной жарких дискуссий в лингвистике. Термином *причастие* в работе мы обозначаем конкретную словоформу глагола, рассматриваемую в контексте предложения. Термин *причастная форма* употребляется, когда причастие характеризуется с точки зрения его морфологического типа — действительное или страдательное, полное или краткое, настоящего или прошедшего времени; в этом смысле термины *причастие* и *причастная форма* соотносятся как конкретное словоупотребление и в тексте статьи используются как близкие по значению. Термином *причастный оборот* обозначается синтаксическая конструкция — причастие вместе с зависимыми от него словами.

Ученые спорили о формальных, синтаксических и семантических аспектах причастий, их грамматическом статусе, условиях образования, особенностях употребления, случаях перехода в другие части речи и степени их близости к глаголам или именам. М. В. Ломоносов не считал причастия самостоятельными частями речи, утверждая, что они «суть имена прилагатель-

ные, от глаголов происшедшие, следовательно, тем же с ними законам подвержены» [10, с. 417]. Это довольно осторожное замечание Ломоносова трансформируется в категоричное утверждение А. Х. Востокова в его книге «Русская грамматика»: причастие «есть имя прилагательное, от глагола произведенное, с означением времени действия или состояния, настоящего или прошедшего» [5, с. 107]. В классификации А. А. Шахматова причастие, как и инфинитив с деепричастием, отнесено к «неспрягаемой форме глагола» [14, с. 218]. Данная классификация была широко принята в то время у таких лингвистов, как А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский и других современников, которые ввели причастие в качестве самостоятельного члена в классификацию типов слов [15, с. 104]. Взгляды А. А. Шахматова были наиболее полно выражены в середине XX в. выдающимся русским лингвистом В. В. Виноградовым. Он считал: «В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений. Полный распад формы на омонимы осуществляется не часто. Однако семантическое единство формы становится колеблющимся и условным. Намечается новый тип «гибридной» лексемы, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем» [3, с. 230].

Академическая грамматика определила причастие как «атрибутивную форму глагола», и эта трактовка в дальнейшем оставалась в фокусе внимания российских исследовательских институтов, удовлетворяя потребности ученых, в первую очередь, педагогов. В книге «Морфология современного русского языка», созданной группой исследователей из Санкт-Петербургского университета, причастия рассматриваются как неличные формы глагола, «сочетающие в себе грамматические признаки глагола и прилагательного и служащие для обозначения действия как признака подлежащего» [2, с. 525]. Ссылаясь на новую лингвистическую парадигму XXI в. и неблагоприятное описание системы классов слов в русском языке, М. В. Всеволодова отмечает: «Причастия и деепричастия, разумеется, отдельные части речи, но в нашей практике они всегда даются как отглагольные формы, поскольку они функционируют в подавляющем большинстве случаев именно так» [6, с. 69].

Опираясь на теории таких лингвистов, как И. Г. Милославский [12, с. 226], М. В. Панов [13, с. 118] и др., по утверждению А. В. Замятиной, причастие рассматривается как форма глагола, которая включает в себя «также» адъективные признаки. То есть грамматисты в последние годы определяют данную теорию в русском языкознании «господствующей» [7, с. 28]. Наконец, и, возможно, в качестве временного прекращения всех споров на пути к единому определению этой грамматической категории, в своей статье Ю. Д. Каражаев и Е. С. Качмазова о морфологическом статусе причастия авторы критикуют непоследовательность в подходах к определению этой части речи и предлагают прекратить колебания в ее классификации. Они приводят пример осетинского языка, который, по их мнению, является одним из наиболее близких к индоевропейскому праязыку, где также отсутствует однозначное определение места причастия в системе частей речи. По их мнению, неоднозначность статуса причастия объясняется его гибридной природой: оно возникает как результат взаимодействия глагола и имени, сочетая в себе их признаки [9, с. 128].

Для персоязычного учащегося грамматический статус причастия – не отвлеченный теоретический вопрос, а практическая опора: именно от того, воспринимается ли причастие как «форма глагола» или как «разновидность прилагательного», зависит стратегия его понимания и перевода. Глагольная трактовка, преобладающая в русской грамматической традиции начиная с А. А. Шахматова и получившая развитие в работах В. В. Виноградова, М. В. Всеволодовой и Т. Н. Волынец, задает направление, которого придерживается и настоящее исследование: мы рассматриваем причастие как глагольную форму, сохраняющую видовременные, залоговые и валентностные свойства глагола, и именно это понимание кладем в основу анализа персидских переводческих эквивалентов и предлагаемого терминологического решения.

Далее мы будем показывать сходные свойства между причастием и прилагательным, с одной стороны, и глаголом — с другой, а затем, используя различные соответствующие примеры и их переводы на персидский язык, в результате чего у нас получится более яркая картина относительно грамматической природы причастия. Материалом послужила пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» и ее перевод на персидский язык, выполненный непосредственно с русского М. Яхьяпур и Дж. Карими Мотахар (Тегеран, 2004). С помощью сплошной выборки из текста пьесы были выписаны все имеющиеся там причастия. В качестве основной единицы исследования рассматривается сопоставление причастной формы

в оригинальном тексте с ее переводческим эквивалентом. Если в предложении несколько причастий, каждое анализируется отдельно. Несмотря на то, что «системное описание текстовой реализации категориальных залоговых значений путем сопоставления практически отсутствует» [11, с. 186], в данной работе мы опираемся на функциональный подход.

Говоря о *прагматической* направленности данного исследования, мы имеем в виду не терминологию лингвистической прагматики, а решение конкретной практической и методической задачи: Преподавателю следует подбирать такие термины для описания грамматических категорий, которые будут максимально простыми и информативными для учащихся, родным языком которых является персидский. Тот факт, что персидский язык переводит русские причастия через глаголы, а иногда и через прилагательные и другие части речи, — это вовсе не желание переводчиков. Все дело в самой структуре персидского языка. Персидский обладает аналитическим грамматическим строем: именное словоизменение в нем практически утрачено, а грамматические значения, синтетически совмещенные в русской причастной словоформе (время, вид, залог, согласование), требуют в персидском отдельных аналитических средств. С другой стороны, персидское причастие (صفت فاعلی, صفت مفعولی) морфологически ограничено: оно не изменяется по времени и залогу, в объеме и синтаксически ведет себя как прилагательное — не сохраняет управления исходного глагола и не образует оборота с зависимыми словами. Поэтому при наличии у причастия зависимых слов персидский язык обращается к придаточному определительному с союзом که — финитной предикативной конструкции, регулярно выполняющей в персидском синтаксисе функцию развернутого определения.

А. Атрибутивные свойства причастия — адъективная репрезентация причастия

Близость причастия к прилагательному проявляется в наличии у причастия категорий рода, числа, падежа. Как и прилагательное, причастие выполняет синтаксические функции определения или, реже, именной части сказуемого. Важнейшей особенностью имени прилагательного является описание существительного и выражение его качества. Причастие, как и прилагательные, отвечает на вопросы *какой? (-ая, -ое, -ие),* а в словарях они имеют начальную форму с окончаниями прилагательных:

В описании *«он в пиджаке и в ярко* ***вычищенных*** *сапогах, которые сильно скрипят»* به شدت جیرجیر می کنند پوشیده بود او کت و چکمه های ***روشن و براقی*** که, причастие вычищенных образовано от глагола вычистить и несет в себе отчетливую глагольную семантику завершенного действия — сапоги были начищены, то есть над ними было совершено конкретное действие. Однако в персидском переводе براق چکمه های روشن و («светлые и блестящие сапоги») — это процессуальное значение полностью стерто: переводчик передал результат действия через два прилагательных качества, описывающих внешний вид предмета. Показательно, что трансформации подверглось и сопровождающее причастие наречие *ярко*: в оригинале оно характеризует способ совершения действия (сапоги вычищены как? — ярко) и тем самым дополнительно указывает на процессуальную основу причастия, а в переводе его значение передано прилагательным روشن («светлые»). Такая транспозиция (наречие → прилагательное) приводит к тому, что признак относится уже не к действию, а к его результату – внешнему виду сапог, и сдвиг в передаче наречия оказывается частью того же явления, что и утрата глагольной семантики причастия.

Аналогичная картина наблюдается в примере *«старая, покрившаяся, давно* ***заброшенная*** *часовенка»* ***مخروبه*** که از مدتها پیش متروکه استلیسای کوچک قدیمی و, где причастие покрившаяся в персидском переводе передано словом مخروبه («ветхая, разрушенная») – прилагательным, обозначающим состояние, а не процесс. Это означает, что глагольные характеристики полностью утрачены.

Интересно посмотреть также на случай адъективации: *«про то могут рассуждать только люди* ***понимающие*** *и старшие»* دربارهٔ همهٔ این موارد فقط آدمهای ***فهمیده*** و بزرگ میتوانند اظهارنظر کنند, где причастие понимающие больше не описывает процесс, а просто называет качества человека — «умные, разбирающиеся». Персидский перевод выражения آدم های فهمیده («понимающие люди», «люди со смыслом») звучит точно, потому что в нем причастие по факту работает как обычное прилагательное. Это отличный пример того, что переводить причастие прилагательным стоит только тогда, когда оно уже окончательно перестало быть глаголом: то есть в случае полной адъективации. Как показывает анализ, персидские переводчики часто заменяют причастия прилагательными. Это происходит потому,

что они воспринимают причастие как определение, опираясь на его форму, согласование и позицию определения в структуре предложения. Причина заключается в терминологии: если посмотреть на иранские учебники по РКИ, то термин صفت فعلی буквально в них переводится как «глагольное прилагательное». Поэтому студенты с самого начала привыкают видеть в этой форме именно прилагательное. В нашем материале такие примеры встречаются крайне редко. Однако именно глагольные свойства причастия здесь выходят на первый план: от них напрямую зависит верное толкование и качество перевода, о чем мы подробно рассмотрим в следующем разделе.

Б. Предикативные свойства причастия — глагольная репрезентация причастия

О значении причастия в языке можно сказать, что все дело в его «глагольном весе», который раскрывается через смысл и построение предложений. Именно эти свойства делают причастие таким выразительным инструментом: оно не только добавляет глубины нашим мыслям, но и помогает грамотно выстраивать структуру речи, что составляет главную роль причастия. Это утверждение указано в «Русской грамматике» 1980, и многие лингвисты, такие как А. А. Камынина, в основном называют причастие «полупредикативной формой глагола» [8, с. 30]. В последние годы исследования Т. Н. Волынец, посвященные трансформационным возможностям причастных форм и моделям текстовой реализации их грамматического и семантического содержания, приводят к несколько иному выводу о грамматическом статусе причастных форм: действительные и страдательные причастия, традиционно рассматриваемые как «особые формы глагола», фактически являются классом производных слов — синтаксических дериватов, возникших в результате структурных и общекатегориальных преобразований глагольных основ [4, с. 3].

К глагольным свойствам причастия относятся категории вида, времени и залога, а также способность управлять зависимыми словами и образовывать причастный оборот. Синтаксическое управление – ключевой глагольный признак причастия. Сохранение глагольного управления в причастных формах свидетельствует о том, что причастие не просто «напоминает» глагол внешне, но и структурно продолжает его синтаксическое поведение. Именно поэтому мы считаем причастие по своей природе ближе к глаголу, нежели к прилагательному: оно наследует от глагола не только семантику действия, но и его синтаксическую власть над зависимыми словами — то, чем прилагательное принципиально не обладает. Анализ переводов русской классики на персидский язык наглядно демонстрирует, что именно эти глагольные категории оказываются решающими при выборе переводческого эквивалента.

1. Действительные причастия настоящего времени

Действительные причастия настоящего времени выражают признак предмета через действие, совершаемое им в момент речи или в период, совпадающий с основным действием. Их глагольная природа проявляется прежде всего в категории времени и вида – они образуются от основ глаголов несовершенного вида и указывают на длящийся, незавершенный процесс.

В контексте *«Яша. С* ***отъезжающими****!»* یاشا: به سلامتیِ آنها که **می‌روند**. причастие *отъезжающими* морфологически выступает в качестве существительного, однако не утрачивает семантики процессуальности с указанием на динамику совершаемого действия (процесс отъезда). В переводе آنها که می‌روند («за тех, кто уезжает») эта особенность передается посредством использования глагольной формы настоящего длительного времени, что позволяет сохранить акцент на длительности описываемого состояния.

2. Действительные причастия прошедшего времени

Действительные причастия прошедшего времени нужны, чтобы показать: что-то случилось раньше, чем основное действие. Это помогает нам понять, в каком порядке шли события, и не перепутать, что было сначала, а что — потом.

В контексте *«Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Фирс,* ***ездивший*** *встречать Любовь Андреевну»* از صحنه، فیرس که برای ملاقات با لوبوف **رفته بود**، با عجله عصا به دست رد می‌شود آندره‌یونا به ایستگاه причастие ездивший выражает временную отнесенность действия к периоду, предшествующему моменту речи. Перевод با لوبوف آندره‌یونا به ایستگاه رفته بود فیرس که برای ملاقات («Фирс, который ездил на станцию встречать Любовь Андреевну») использует форму давнопрошедшего времени, точно воспроизводя временную отнесенность действия. Глагольная природа причастия здесь не только сохранена, но и потребовала от переводчика выбора специальной временной формы персидского глагола.

В примере *«Ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, **владевшие** живыми душами»* شما اربابهایی بودند که **صاحب** پدربزرگ، جد و همهٔ نیاکان причастие *владевшие* в предложении передает синтаксическое управление (*владеть* + твор. падеж). Персидский перевод اربابهایی بودند که صاحب نفوس زنده بودند («были господами, которые владели живыми душами») разворачивает причастный оборот в придаточное определительное с глаголом, тем самым сохраняя и управление, и временную отнесенность.

Показателен пример *«Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук **лопнувшей** струны, замирающий, печальный»* از دوردست، دقیقا از می‌شود ناگهان آسمان، صدایی شبیه **پاره شدن** سیم تار، آرام و حزن‌انگیز طنین‌انداز, где причастие *лопнувшей* несет значение мгновенного завершенного действия. Тот факт, что в персидском переводе صدایی شبیه پاره شدن سیم تار («звук, похожий на обрыв струны») задействовано отглагольное существительное پاره شدن (обрывание), лишний раз доказывает, что передача процессуальной семантики причастия осуществляется переводчиком интуитивно через глагольную и отглагольную лексику.

Параллельное использование настоящего и прошедшего времени в одном контексте *«владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, **живших** раньше и теперь **живущих**»* است که همهٔ شما را خراب کرده صاحب نفوس زنده بودن، چیزی **می‌کردند** و چه کسانی که حالا **زندگی می‌کنند** است، چه آن کسانی که قبلا **زندگی**.

демонстрирует еще один пример смыслового противопоставления причастий. В персидском переводе کسانی که قبلاً زندگی می‌کردند («те, кто жил раньше») и کسانی که حالا زندگی می‌کنند («те, кто живет сейчас») эта оппозиция воспроизведена с абсолютной точностью. Переводчик вполне обоснованно задействует глагольную систему персидского языка, так как ее грамматические ресурсы идеально подходят для выражения нужных видо-временных оттенков.

3. Страдательные причастия в краткой форме

Краткие страдательные причастия уникальны среди причастных форм: выполняя функцию сказуемого, они максимально сближаются с глаголами и наиболее ярко проявляют свою предикативную роль. Именно на этом материале особенно наглядно видно все многообразие временных форм в персидском языке.

В анализируемом контексте *«На двадцать второе августа **назначены** торги»* بیست و دو آگوست **تعیین کرده اند** تاریخ حراج را краткое причастие переведено формой настоящего совершенного времени: تعیین کرده اند («дату назначили»). В примере же *«Мне **приказано** было ждать до утра»* به من **دستور داده شده بود** تا صبح صبر کنم зафиксировано использование давнопрошедшего времени: («мне было отдано приказание»). А в случае *«вы тогда **спасены**»* و در آن صورت شما **نجات پیدا خواهید کرد**. данная грамматическая единица потребовала формы будущего длительного времени: شما نجات پیدا خواهید کرد («вы спасетесь»). Наконец, фраза *«Жизнь еще **скрыта** от ваших молодых глаз»* زندگی هنوز از چشمان جوان شما **پنهان است** как финальный пример демонстрирует передачу причастия средствами простого настоящего времени: پنهان است («скрыта»).

Значение этой картины для нашего исследования весьма важно. Любопытно, что русское краткое страдательное причастие при персидском переводе неизменно замещается глагольными формами различного времени. Данный факт свидетельствует о том, что персидский синтаксис актуализирует в причастии, в первую очередь, его предикативное (глагольное) начало, передавая его посредством глагольных конструкций с вариативным временным значением, определяемым контекстом.

Следующая диаграмма (рис. 1) показывает распределение типов эквивалентов кратких страдательных причастий прош. вр.

Рис. 1.
Fig. 1.

4. Страдательные причастия прошедшего времени в полной форме

При переводе на персидский язык полные страдательные причастия прошедшего времени, подобно кратким, стремятся приобретать глагольное значение, хотя эта тенденция выражена у них несколько слабее.

В примере *«Гостиная, **отделённая** аркой от залы»* اتاق پذیرایی که با طاقی از سالن **جدا شده است.**, полное страдательное причастие *отделённая* образует причастный оборот с двумя зависимыми словами: *аркой* и *от залы*, то есть сохраняет глагольное управление. Персидский перевод разворачивает этот оборот в определительное придаточное с союзом که, в котором обе зависимые составляющие сохранены (با طاقی — *«аркой»*, از سالن — *«от залы»*), а само причастие передано аналитической пассивной формой прошедшего совершенного времени جدا شده است (*отделена*). Тем самым переводчик передаёт и действие (*отделение*), и его результат — состояние, и сохраняет рамку исходного глагола. Иначе обстоит дело в примере *«Яша держит поднос со стаканчиками, **налитыми** шампанским»*, سینی گیلاسهای کوچک شامپاین **پر از** دست یاشا در **است**, где причастие *налитыми* управляет существительным в творительном падеже (*шампанским*), что является типично глагольным свойством. Несмотря на это, в персидском переводе پر از شامپاین («поднос с маленькими бокалами, полными шампанского») данное значение выражено прилагательным پر («полный»), из-за чего глагольная семантика теряется. Это редкий для нашего материала случай, когда перевод через прилагательное оказывается более уместным, и примечательно, что именно здесь причастие максимально близко к полной адъективации. В еще одном примере *«быстро поднимает **опущенный** плед»* پایین کشیده شده را بالا می‌کشد причастие *опущенный* переведено описательной конструкцией: پایین کشیده شده («плед, который был опущен вниз»). Здесь переводчик сознательно выбрал развернутый вариант, чтобы удержать процессуальный оттенок. Такой подход доказывает, что в персидском языке в целом есть инструменты для передачи глагольного значения причастий, однако они не сведены к какому-то одному стандартизированному грамматическому шаблону.

Ниже (рис. 2) показана модель перевода полных страдательных причастий прош. вр.

Итоговое наблюдение

Анализ переводов всех видов причастий позволяет сделать принципиальный вывод: при передаче причастий на персидский язык переводчики закономерно и последовательно обращаются к глагольным формам. Временная парадигма персидских эквивалентов оказывается чрезвычайно богатой: настоящее длительное, прошедшее простое, прошедшее длительное, давнопрошедшее, настоящее совершенное, будущее длительное — каждая из этих форм выбирается переводчиком в зависимости от того, какую именно глагольную семантику несет то или иное причастие в контексте оригинала. Это убедительно свидетельствует о том, что при восприятии и переводе причастия его глагольная природа является семантически доминирующей, даже когда его внешняя форма тяготеет к прилагательному. Именно это наблюдение составляет основу нашего предложения относительно более точного персидского эквивалента термина «причастие», которое будет сформулировано в заключении.

Ниже приведена сводная диаграмма всех эквивалентов причастий, найденных в нашем языковом материале (рис. 3).

Модель перевода полной формы страдательных причастий

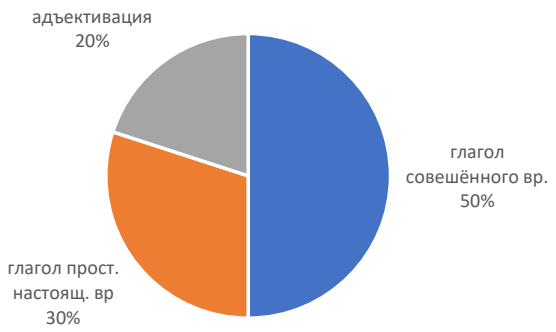


Рис. 2.
Fig. 2.

Модель перевода всех видов причастий

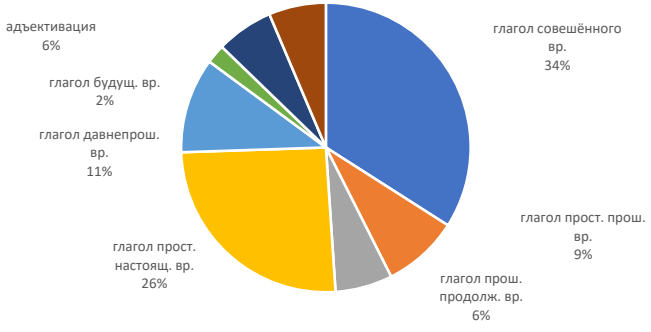


Рис. 3.
Fig. 3.

Заключение

Проведенный анализ причастных форм русского языка и их переводов на персидский язык на материале пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» убедительно демонстрирует, что на прагматическом уровне — то есть в реальной переводческой практике — глагольная природа причастия является семантически доминирующей. Предложенный подход объясняется не столько лингвистической теорией, сколько методической необходимостью: так студентам, говорящим на персидском языке, проще объяснить грамматическую суть причастия. Переводить причастие прилагательным имеет смысл только тогда, когда оно полностью утратило глагольные признаки. В остальных ситуациях, как показывает анализ нашего языкового материала, переводчики закономерно выбирают персидские глаголы, передавая время, вид и залог исходного текста. Это наглядно доказывает, что именно глагольная основа причастия служит ключом к его правильному пониманию и точному переводу.

Исходя из этого, привычный для иранских пособий по русскому языку термин صفت فعلی задает учащимся не совсем верное представление, изначально подчеркивая адъективные свойства причастия. Мы предлагаем заменить его более точным термином فعل صفتنما — «прилагателевидный глагол». Он лучше отражает суть причастия: опираясь на общепринятый в русистике взгляд на него как на глагольную форму, новый термин в то же время педагогически прозрачен. Его структура интуитивно показывает студенту, что причастие лишь выполняет роль прилагательного, сохраняя глагольную природу. Именно такой подход поможет улучшить понимание причастных оборотов и повысить качество перевода на персидский язык. Разумеется, термин صفت فعلی глубоко укоренился в иранской русистике, и его немедленная замена нецелесообразна. Мы предлагаем использовать فعل صفتنما параллельно — прежде всего на продвинутых уровнях обучения и в теоретических курсах грамматики. Данное предложение адресовано иранским преподавателям русского языка и литературы, а также авторам учебно-методических материалов, заинтересованным в повышении терминологической точности в преподавании РКИ в персоязычной среде.

Список источников

1. Бахрами Ф., Валипур М. Past Participle in Persian: Containing Tense or Aspect? // Journal of Researches in Linguistics. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 51–76.

2. Богданов С., Воейкова М., Евтюхин В., Князев Ю., [и др.]. Современный русский язык. Морфология. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

3. Виноградов В. В. Русский язык. Введение в грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972.

4. Волынец Т. Н. Грамматический феномен причастия. Минск : Изд-во БГУ, 1998. 138 с.

5. Востоков А. Х. Сокращенная русская грамматика. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1861.

6. Всеволодова М. В. Русская грамматика XXI века — грамматика языка функционирующего (наше представление о языке: задачи и перспективы) // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI Конгр. Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит. (Варна, 17–23 сент. 2007 г.). Sofia, 2007. Т. 1.

7. Замятина И. В. Грамматика русского причастия: дис. ... канд. филол. наук. М. : Московский государственный областной университет, 2010.

8. Камынина А. А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастий (на материале действительных причастий) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1981. № 6. С. 28–33.

9. 9. Каражаев Ю., Качмазова Е. Двуприродность причастий и проблема их морфологического статуса // История и философия культуры. Актуальные проблемы : сб. науч. тр. / под ред. С. В. Архипова. Владикавказ, 2005.

10. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952.

11. Мехраби К. О соотношении предикативных и полных причастных форм русских глаголов и способа их передачи на персидский язык // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. Т. 11, № 2. С. 183–202.

12. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М. : URSS, 2011.

13. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука, 1999.

14. Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку: Учение о частях речи. М. : Учпедгиз, 1952. 273 с.

15. Шведова Н. Ю. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М. : Наука, 1966. 206 с.

16. Яхьяпур М., Карими Мотахар Дж. Перевод пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Тегеран : Изд-во Элм-о-адаб, 2004. 141 с.

References

1. Bahrami F, Valipour M. Past Participle in Persian: Containing Tense or Aspect? *Journal of Researches in Linguistics.* 2021;13(2):51-76.

2. Bogdanov S, Voeikova M, Evtyukhin V, Knyazev YuP, et al. Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya = Modern Russian. Morphology. 2007. (In Russ.).

3. Vinogradov VV. Russkii yazyk. Vvedenie v grammaticheskoe uchenie o slove = The Russian Language. Introduction to the Grammatical Study of the Word, 1972. (In Russ.).

4. Volynets TN. Grammaticheskii fenomen prichastiya = The Grammatical Phenomenon of the Participle. Minsk: Izd-vo BGU, 1998. 138 p. (In Russ.).

5. Vostokov AKh. Sokrashchennaya russkaya grammatika = Abridged Russian Grammar. Publishing House of the Emp. Acad. of Sciences, 1861. (In Russ.).

6. Vsevolodova MV. Russkaya grammatika XXI veka — grammatika yazyka funktsioniruyushchego (nashe predstavlenie o yazyke: zadachi i perspektivy) = Russian Grammar of the 21st Century — Grammar of the Functioning Language. In: Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire = The World of the Russian Word and the Russian Word in the World: Proceedings of the XI Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (Varna, 17–23 September 2007). Sofia, 2007. Vol. 1. (In Russ.).

7. Zamyatina IV. Grammatika russkogo prichastiya = Grammar of the Russian Participle: dis. Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2010. (In Russ.).

8. Kamynina AA. Svyaz' polupredikativnoi funktsii i glagol'nosti prichastii (na materiale deistvitel'nykh prichastii) = The Connection between the Semi-Predicative Function and the Verbal Character of Participles. *Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology.* 1981;(6):28-33. (In Russ.).

9. Karazhaev Yu, Kachmazova E. Dvuprirodnost' prichastii i problema ikh morfologicheskogo statusa = The Dual Nature of Participles and the Problem of Their Morphological Status. In: Istoriya i filosofiya kul'tury. Aktual'nye problemy = History and Philosophy of Culture. Current Problems: Collection of Research Papers / ed. by SV Arkhipov. Vladikavkaz, 2005. (In Russ.).

10. Lomonosov MV. Polnoe sobranie sochinenii. Trudy po filologii 1739–1758 gg. = Complete Works. Works on Philology, 1739–1758, 1952. (In Russ.).

11. Mehrabi Q. O sootnoshenii predikativnykh i polnykh prichastnykh form russkikh glagolov i sposoba ikh peredachi na persidskii yazyk = On the Correlation of Predicative and Full Participle Forms of Russian Verbs and the Way They Are Rendered into Persian. *Issledovatel'skii Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury = Research Journal of Russian Language and Literature.* 2023;11(2):183-202. (In Russ.).

12. Miloslavskii IG. Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka = Morphological Categories of Modern Russian. URSS, 2011. (In Russ.).

13. Panov MV. Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka = Positional Morphology of the Russian Language. Nauka, 1999. (In Russ.).

14. Shakhmatov AA. Iz trudov po sovremennomu russkomu yazyku: Uchenie o chastyakh rechi = From Works on Modern Russian: The Doctrine of Parts of Speech. M.: Uchpedgiz, 1952. 273 p. (In Russ.).

15. Shvedova NYu. Osnovy postroeniya opisatel'noi grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka = Foundations of Constructing a Descriptive Grammar of the Modern Russian Literary Language. M.: Nauka, 1966. 206 p. (In Russ.).

16. Yakhyapur M, Karimi Motahar J. Perevod p'esy AP Chekhova "Vishnevyi sad" = Translation of AP Chekhov's Play The Cherry Orchard. Tegeran: izd. Elm-o-adab; 2004. 141 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К. Мехраби — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка факультет литературы.

Information about the author

Q. Mehrabi — Cand. Sci. (Philology), Assistant professor at the Department of Russian Language, Faculty of Literature.

Статья поступила в редакцию 20.08.2026; одобрена после рецензирования 23.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.08.2026; approved after reviewing 23.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 76–85.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):76-85.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-76-85

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

Елена Михайловна Петрова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, p.elena_98@mail.ru, 0009-0006-1712-6402

Аннотация. Разговорная диалогическая речь, будучи имманентной составляющей существования человечества, является сложным лингвистическим феноменом, распространяющимся на все сферы человеческой деятельности. В связи с этим в парадигме современных исследований языка особое место уделяется изучению именно коммуникативно-прагматических стратегий, позволяющих коммуникантам задать правильный вектор диалога с учетом текущих коммуникативных условий. Инициировать диалог и поддерживать общение в вежливом или как минимум бесконфликтном ключе позволяет одна из таких стратегий — лингвистическое хеджирование. Благодаря полифункциональной природе хеджирования, данная коммуникативная стратегия стала важным элементом межличностной коммуникации. Продуктивная речевая деятельность, достижение коммуникативных целей собеседников и, как результат, коммуникативный успех напрямую связаны со своевременным и грамотным употреблением хеджирования. Важно отметить, что согласно типологии хеджирования, предложенной Э. Принс, все хеджи можно подразделить на два основных класса: аппроксиматоры и преграды. Так, в зависимости от средства реализации, хеджирование может оказывать воздействие как на семантическое содержание высказывания (хеджи-аппроксиматоры), так и на прагматическое (хеджи-преграды). Таким образом, в настоящем исследовании ставится цель выявить и наглядно представить средства выражения хеджирования, присущие англоязычной и русскоязычной разговорной коммуникации. Анализ полученных данных выявил, что в англоязычных и русскоязычных разговорных диалогах хеджи-аппроксиматоры и хеджи-преграды представлены разнообразными морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами реализации. Важно отметить, что выбор средства реализации хеджирования непосредственно обусловлен интенциями говорящего и заданной коммуникативной средой.

Ключевые слова: англоязычный разговорный дискурс, русскоязычный разговорный дискурс, лингвистическое хеджирование, хеджи, хеджи-аппроксиматоры, хеджи-преграды, средства реализации

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда поддержки молодых ученых Челябинского государственного университета 2026 г.

Для цитирования: Петрова Е. М. Контрастивное исследование средств реализации лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 76–85. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-76-85.

Original article

A CONTRASTIVE STUDY OF HEDGING REALIZATION IN ENGLISH AND RUSSIAN SPOKEN DISCOURSE

Elena M. Petrova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, p.elena_98@mail.ru, 0009-0006-1712-6402

Abstract. Spoken conversation as an integral part of human existence is a complex linguistic phenomenon that encompasses all domains of people's activity. Thus, the issues associated with the study of communicative and pragmatic strategies constitute a key paradigm of contemporary linguistics. These communicative and pragmatic strategies are an essential part of any verbal interaction, as they allow interlocutors to navigate dialogue effectively, considering current communicative conditions. Conversation initiation and its maintenance in a polite, or at least non-confrontational, manner are possible through the use of one of these strategies, namely linguistic hedging.

© Петрова Е. М., 2026

Linguistic hedging as a communicative and pragmatic strategy is a crucial element of any intrapersonal interaction due to its polyfunctional nature. Productive speech, communicating the speaker's intentions and, as a result, communicative success unequivocally depend on the appropriate and relevant use of hedging. It is important to note that, according to E. Prince's approach, all hedges can be divided into two major classes: approximators and shields. Hence, linguistic hedging can modify both the semantic content of an utterance (approximators) and its pragmatic content (shields). Therefore, this paper aims at identifying, describing, and comparing the most productive means of hedging realization in English and Russian spoken discourse. The preliminary results demonstrate that in the context of English and Russian spoken dialogues, both approximators and shields are presented by various morphological, lexical, and syntactical means of realization.

Keywords: English spoken discourse, Russian spoken discourse, linguistic hedging, hedges, approximators, shields, means of realization

Acknowledgments. This research was supported by the Young Scientists Support Fund of Chelyabinsk State University, 2026.

For citation: Petrova EM. A Contrastive Study of Hedging Realization in English and Russian Spoken Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):76-85. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-76-85.

Введение

Несомненно, ведение и поддержание диалога, а также достижение коммуникативной успешности в значительной степени обусловлены рефлексией применяемых коммуникативно-прагматических стратегий. Одной из таких стратегий является лингвистическое хеджирование.

Хеджирование как лингвистический феномен является высокоэффективной стратегией, позволяющей регулировать межличностные отношения собеседников за счет своей полифункциональной природы и разнообразия языковых средств реализации. Следует заметить, что на самых ранних этапах изучения хеджирования набор описанных языковых средств его реализации был достаточно ограниченным. Однако в современных лингвистических исследованиях спектр языковых единиц, выполняющих функцию хеджей, существенно расширился. Тем не менее, такая множественность форм выражения хеджирования и их контекстуальная обусловленность реализации не позволяют исследователям выделить хеджи в самостоятельную грамматическую категорию, что обуславливает одну из главных проблем анализа данного лингвистического явления.

Упомянутая вариативность средств реализации хеджирования, а также их контекстная детерминированность интерпретации обуславливают актуальность данного исследования. Значимость установления языковых «инструментов» выражения хеджирования как одной из ключевых коммуникативно-прагматических стратегий в рамках разговорной речи предопределяет цель данной работы. Итак, цель исследования заключается в выявлении и описании универсальных и национально-специфических средств реализации лингвистического хеджирования в англоязычных и русскоязычных разговорных диалогах.

Таким образом, в основе настоящего исследования лежит следующая гипотеза: реализация лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе представлена разнообразным набором языковых средств и обусловлена национально-специфическими чертами сопоставляемых языков.

Новизна данного исследования заключается в выявлении общих и национально-специфических лингвистических средств выражения хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе. Кроме того, использование методов корпусной лингвистики позволило установить частотное распределение классов хеджей в сопоставляемых видах дискурса в соответствии с типологией, предложенной Э. Принс.

Материалы и методы исследования

Проведение контрастивного анализа средств выражения лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе обусловило необходимость систематизации материала исследования и оптимизации аналитической обработки данных. Эмпирической базой исследования послужили 3000 разговорных диалогов (по 1500 диалогов на английском и русском языке соответственно), отобранных из подкорпусов устной разговорной речи Британского национального корпуса (BNC)[1], Корпуса современного английского языка (COCA)[2] и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)[3].

[1] British National Corpora (BNC). https:// bncweb.lancs.ac.uk

[2] The Corpus of Contemporary American English (COCA). https://www.english-corpora.org/coca

[3] Национальный корпус русского языка (НКРЯ). https://ruscorpora.ru

Обработка практического материала и анализ полученных данных проводились в несколько этапов. Первый этап заключался в проведении автоматической морфологической разметки выявленных диалогов посредством программного обеспечения «TagAnt». На втором этапе при помощи контекстуального метода проводилось выявление хеджей и аннотирование вручную данных языковых единиц в соответствии с существующими классами. На основании классификации Э. Принс хеджам присвоены следующие теги: <Ad> (адаптеры), <R> (раундеры), <AttH> (атрибутивные хеджи) и <PlH> (хеджи правдоподобия). Заключительный этап подразумевал систематизацию и организацию предварительно подготовленного эмпирического материала в двуязычный корпус разговорной речи посредством программного обеспечения «AntConc».

С целью выявления и сопоставления средств выражения хеджирования, характерных для англоязычной и русскоязычной разговорной коммуникации, использовались методы контекстуального анализа и прагматического анализа. Кроме того, применялись методы корпусной лингвистики, а именно конкордансный и частотный анализы для выявления наиболее частотного класса хеджей в сопоставляемых дискурсах.

Теоретические основы исследования

Несмотря на активный научный интерес, который проявляется в последние годы к исследованию хеджирования, данное определение в лингвистический обиход было введено относительно недавно. Важно отметить, что первичное описание данного языкового феномена начало фигурировать в исследовательских работах Л. Заде и У. Вайнраха задолго до непосредственного появления термина [15; 16].

Хеджирование своим появлением в лингвистическом терминологическом аппарате обязано Дж. Лакоффу, который в начале 1970-х гг. заимствует данный термин из сферы экономики и применяет его исходную функциональную интерпретацию к языковому материалу. Дж. Лакофф утверждает, что представление точного языкового описания некоторых явлений невозможно в связи с их исходными характеристиками. При данных условиях, по мнению автора, предложенные описания на естественном языке в большинстве случаев будут одновременно являться «ни истинными, ни ложными..., а истинными или ложными в определенной степени» [8, p. 458]. В своей работе исследователь отмечает наличие в каждом естественном языке лингвистически неопределенных элементов, которые могут быть использованы с целью достижения максимальной точности в дескрипции таких феноменов.

Так, автор предлагает рассматривать хеджи — средства реализации хеджирования – как «слова, значения которых имплицитно подразумевают нечеткость; слова, функция которых состоит в том, чтобы отобразить вещи более или менее нечеткими» [8, p. 471]. Такие языковые единицы, как постулирует исследователь, оказывают воздействие на пропозициональное содержание высказывания, позволяя расширить концептуальную категорию для включения в нее непрототипичных членов и смягчить степень ответственности говорящего за высказанную пропозицию. В качестве хеджей, по мнению Дж. Лакоффа, могут выступать следующие языковые единицы: «sort of, kind of, loosely speaking, more or less, basically, principally, typically, etc.» [8, p. 472].

В качестве примера Дж. Лакофф предлагает рассмотреть высказывания, в которых степень принадлежности к категории и степень истинности пропозиции взаимообусловлены:

«Киты являются млекопитающими» (правда в определенной степени).

«Киты **по сути** являются млекопитающими» (правда).

Примечательно, что оба предложенных ранее высказывания являются верными, однако степень истинности второго высказывания выше за счет включения хеджа «по сути». Хеджирование в приведенном примере позволяет подчеркнуть, что киты не относятся к типичным представителям класса «млекопитающие» ввиду наличия у них уникальных характеристик.

Стоит заметить, что описание особенностей функционирования хеджирования Дж. Лакоффа строится преимущественно на модификации семантического содержания пропозиции, однако не ограничивается исключительно этим. Автор замечает, что применение хеджирования может также оказать воздействие на прагматическое содержание высказывания.

Идея о представлении хеджирования как риторической стратегии стала развиваться и в работах Б. Фрейзера. Подход исследователя заключается в том, что применение хеджирования как риторической стратегии может не только варьировать степень принадлежности термина к определенной категории, но и способно воздействовать на иллокутивную силу высказывания [5]. Кроме того, Б. Фрейзер также отмечает, что хеджи — это «лингвистические средства (лексические единицы,

синтаксические структуры, просодические характеристики), которые используются с целью смягчения, однако почти ни один из них не используется исключительно в этом качестве» [5, p. 202].

В свою очередь, Э. Принс предпринимает попытку рассмотреть как семантическую, так и прагматическую природу хеджирования. В своей работе автор предпринимает попытку систематизировать и классифицировать хеджи, основываясь на их функциональном потенциале. Так, Э. Принс подразделяет все хеджи на два класса, а именно *аппроксиматоры* и *преграды*. Аппроксиматоры, по мнению автора, подвергают воздействию условия истинности всей пропозиции, а преграды, в свою очередь, демонстрируют субъективную оценку пропозиционального содержания [12].

П. Браун и С. Левинсон рассматривают хеджирование в контексте предложенной ими теории вежливости. По мнению авторов, к хеджам относятся «частицы, слова или фразы, изменяющие степень принадлежности предиката или именной группы к какому-либо множеству» [4, p. 145]. П. Браун и С. Левинсон утверждают, что применение в речи хеджей позволяет говорящим сохранить их позитивный общественный облик.

Итак, изучение хеджирования как сложного языкового явления представляется возможным только при интеграции сразу нескольких сфер научного познания, а именно философии, логики, семантики, прагматики, социолингвистики и психолингвистики. Важно отметить, что пристальное внимание исследователей на современном этапе развития лингвистических исследований направлено прежде всего на стратегию как на фактор межличностного взаимодействия: хеджирование рассматривается как коммуникативно-прагматическая стратегия [2; 3], анализируется в контексте реализации категории лингвистической вежливости [4; 15] и становится предметом дискурсивных исследований [1; 6; 9; 10].

Таким образом, важно отметить, что в большинстве последних работ, посвященных изучению явления хеджирования, прослеживается отсылка к концептам, постулируемым Дж. Лакоффом. Тем не менее, в этих исследованиях очевидно резкое смещение фокуса внимания лингвистов с семантического подхода определения хеджирования к прагматическому.

Реализация лингвистического хеджирования в англоязычных и русскоязычных разговорных диалогах

Важно отметить, что лингвистическое хеджирование является неотъемлемым элементом разговорной коммуникации. Проанализировав данные, вошедшие в составленный аннотированный двуязычный корпус, представляется возможным заключить, что хеджирование в англоязычных и русскоязычных разговорных диалогах реализуется за счет разнообразного набора «инструментов» на различных языковых уровнях, в частности на морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Так, исходя из результатов проведенного анализа, можно утверждать, что для англоязычного и русскоязычного разговорного дискурса характерно разнообразие в типах хеджей и их средствах выражения. Очевидно, что в рамках сопоставляемых дискурсов употребляются два основных класса хеджей, а именно, в терминах Э. Принс, *аппрокисматоры* и *преграды*.

Дальнейший этап исследования предполагает определение наиболее распространенного класса хеджей в англоязычной и русскоязычной бытовой коммуникации. Посредством применения количественных методов исследования и методов корпусного анализа удалось установить, что в рассматриваемых типах дискурса превалируют преграды. Так, согласно процентной оценке, в англоязычном разговорном дискурсе на долю всех случаев употребления хеджей приходится 71,8 % преград и 28,2 % аппроксиматоров, тогда как в русскоязычном разговорном дискурсе — 52,3 % преград и 47,7% аппроксиматоров (рис. 1).

Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что по сравнению с англоязычным разговорным дискурсом, в русскоязычном отклонение в процентном соотношении аппроксиматоров и преград является незначительным, а именно 4,6 %.

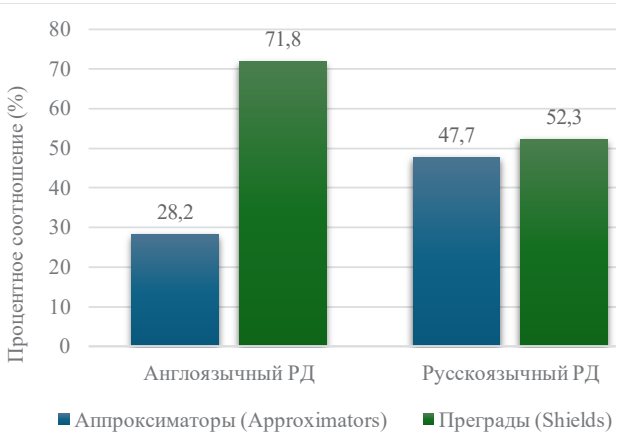


Рис. 1. Диаграмма процентного соотношения хеджей в сопоставляемых видах дискурса

Fig. 1. Chart showing the percentage distribution of hedges across the types of discourse being compared

Данный результат может свидетельствовать о почти равнозначном употреблении сопоставляемых классов хеджей в русскоязычной повседневной коммуникации.

Данные проведенного исследования демонстрируют, что в контексте англоязычной и русскоязычной разговорной коммуникации доминирующим классом хеджей являются преграды. Хеджи-преграды позволяют говорящему подвергнуть прагматическое содержание высказывания воздействию таким образом, чтобы продемонстрировать свою ментальную позицию по отношению к пропозиции. Употребление хеджей, входящих в рассматриваемый класс, позволяет собеседникам в бесконфликтном ключе выразить личное мнение, дать субъективную оценку, а также сместить фокус внимания с говорящего непосредственно. Необходимо уточнить, что хеджи-преграды подразделяются на два подкласса — *хеджи правдоподобия* и *атрибутивные хеджи*.

Для начала рассмотрим наиболее частотный подкласс хеджей-преград — хеджи правдоподобия. Хеджами правдоподобия считаются языковые единицы, служащие индикаторами степени истинности пропозиции с субъективной позиции говорящего. Так, результаты проведенного исследования продемонстрировали, что в англоязычных и русскоязычных разговорных диалогах хеджи правдоподобия выражены разнообразными лексическими и синтаксическими средствами, а именно:

1. **Эпистемические глаголы** (to think, to presume, to feel, to hope, to find, to suppose, to expect, to believe, to assume, to guess, to suggest, etc.; думать, считать, чувствовать, прикидывать, надеяться, понимать и др.)

*– That **I believe** now it's run by the ladies that took over some while ago.*

– Sure.

*– **Я думаю**, ты можешь ему понравиться очень.*

– Знаешь, я не знаю, что делать. Мне девчонки говорят, что не надо самой приглашать его на свидание.

2. **Вводно-модальные конструкции** (I mean, I'm afraid, you know, I take it, I dare say that, I'm not quite sure, etc.; может, по-моему, кажется, видимо, честно говоря и др.)

– Can I <pause> suggest belo-- , below average <pause> rather than poor?

*– **I'm afraid** I don't like that average.*

– I know it isn't ideal.

– Так это же немного для собаки…

*– **А мне кажется, что** много…*

3. **Директивные смягчающие конструкции** (will you excuse me; скажите, пожалуйста и др.)

*– **Will you excuse me** I'll have to go. Can you take that off*

– Cer-- yes certainly.

– **Скажите, пожалуйста**, *а какой двигатель вы рассматриваете: два литра, два и пять, два и два, дизель?*

– **А вот скажите**, *вот двухлитровый, он достаточно экономичен?*

4. **Эпистемические наречия** (possibly, perhaps, presumably, probably, hopefully, maybe, reasonably, etc.; вероятно, возможно, наверное, наверняка и др.)

*– Well, I mean, **hopefully** there, there'd be at least er sort of thing erm in the summery to see what went on during the year.*

– Yeah, right.

– Я предлагаю, давайте отложим два цвета, какой-нибудь аа персиковый и какой-нибудь мятный. Как насчёт этого?

*– Давайте не персиковый, **возможно**, а что-то близкое к аа, Господи, к более коричневому.*

5. **Модальные глаголы / глаголы с модальным значением** (can, could, may, might, would, should; мочь)

*– My view is that this has to be negotiated with them and I **would** be very loath for us to start imposing erm.*

– Yeah. I think what you've t-- what you've taken from us is the view.

*– Я — ваша соседка, живу вот здесь, напротив, в четвертой квартире: или вы сами **можете** принести к двадцать пятому числу, или я к вам зайду. Хорошо?*

– Спасибо.

6. **Условные придаточные предложения** (if anything, I was wondering if / whether…, I don't know if / whether…, if I may say so, etc.; если возможно, если не возражаете и др.)

– Going back again to Dave's point about the foyer bar.

– Yes.

*– **I don't know if** I know I understand obviously monies not around at the moment but if they made some way of creating some kind of jazz pub closing it*

down making it part of the theatre again it's it's just a like a pub and I I don't ever feel comfortable going in there and buying drinks on rehearse.

– Вы не идёте обедать?
– Идём. Вот как раз сейчас.
– Я к вам присоединюсь, ***если не возражаете.***
– Присоединяйтесь.

7. **Косвенные речевые акты** (could you…, would you…, would you mind, etc.; не могли ли бы вы…, не мешает ли тебе… и др.)

*– **Could you** drag him along <...> to a meeting?*
– Yeah well that's what <...> they said we could do that.

*– **Не мешает ли тебе*** общественная работа?
– Спорту?
– Нет, развлекаться, заниматься спортом…
– Нет.

Другим подклассом хеджей-преград, который также представлен в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе, являются *атрибутивные хеджи*. К атрибутивным хеджам относятся выражения, которые применяются преимущественно с целью смещения фокуса внимания с говорящего на третье лицо или сторонний объект, что позволяет адресанту в необходимой степени абстрагироваться от пропозиции. Включение в речь атрибутивных хеджей помогает коммуникантам защитить себя от потенциальных неблагоприятных последствий речевого акта.

Итак, перейдем к рассмотрению продуктивных средств реализации атрибутивных хеджей в сопоставляемых дискурсах:

1. **Конструкции «сущ. / местоим. 2-го и 3-го лица + глаг. речевой деятельности / перформативные глаг.»** (he said, you told that, he promised, etc.; он утверждал, она рассказывала, что…, сказала, что и др.)

*– And **the doctor said**, didn't he…*
– Aha.
– ...that nothing rude would ever happen to me again.

– А что ты хочешь, древние традиции, надо же считаться с их менталитетом.
– Еще, ***она рассказывала, что*** *там в каком-то городе, ну вроде большой город, а рядом с хорошими домами стоят фанерные, меньше нашей кухни. Вот как такое может быть?*
– Бедная страна. Что ты хочешь?

2. **Эвиденциальные конструкции** (I understand from someone that…, from the way in which someone has been responding…, from what someone told…, etc.; по вашему мнению…, исходя из того, что… и др.)

*– I don't think to ask, cos you hear **from the way they were talking** they were buying it…*
– I don't know, but er…

– Было очень классно. Мы тада дико натерли ноги, но вот это вот потом возр... потом мы еще вниз спустились, когда уже пришли в лагерь, и вот такое вот ощущение вот, вот эта вот приятная усталость. Вот, было очень классно.
*– **Исходя из того, что ты мне рассказала,** я бы тоже очень хотела там побывать. Вот, ты меня прям вдохновила.*

По данным проведенного анализа, наименее частотным в исследуемых дискурсах является класс хеджей, оказывающих воздействие на пропозициональное содержание высказывания. В терминологии Э. Принс пропозициональные хеджи именуются *аппроксиматорами*. Хеджи, входящие в данный класс, не оказывают влияния на отношение говорящего к пропозиции, а в большей степени указывают на прототипичность ситуации. Хеджи-аппроксиматоры формируются в единый класс за счет объединения двух подклассов, а именно *раундеров* и *адаптеров*.

Итак, перейдем к описанию *адаптеров*, отличительной характеристикой которых является трансформация исходного семантического содержания высказывания за счет указания на прототипичность ситуации. Важно подчеркнуть, что в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе адаптеры могут реализовываться посредством разнообразных языковых инструментов. Среди продуктивных средств выражения, которые носят универсальный характер для исследуемых дискурсов, можно отметить следующие:

1. **Аппроксиматоры качества / степени** (sort of, a (little) bit (of), some kind of / sort of, at least, in a sense, etc.; более-менее, какой-то, каким-то образом, в принципе, в основном, в общем-то, не совсем и др.)

*– And I thought, if he's **a bit** apprehensive then I'm not having it done. So, I'm have it ... straight across and I've had a border put across there just to make…*
– Yeah.
– ... a bit of a feature of it.

– Она все пособирала.
– Ягоды все про... это... Я ездила ээ весь июнь ***как-то*** *у меня получалось, шо в командировки часто ездила, привозила я.* ***Только-только*** *начиналась,*

понемножечку привезла. Когда пошла ягода ***более-менее*** *— всё, меня не отправляют в командировки.*

2. **Аппроксиматоры номинации** (sort of, a (little) bit of, some kind of / sort of, in a sense, etc.; какой-то, в принципе, в основном и др.)

– Вот. Они ходят к ***какому-то*** *пруду. Я так и не поняла, к какому. Кормят уточек.*

– А там же вот, когда идешь в парк к Кузьминкам, там же этот пруд есть.

– Okay, we need erm, I need an address and er, it would be nice to know what the seminar's about.

– It's about ***some kind of*** *database structure thing.*

– It's a selling thing!

3. **Наречия меры и степени / частотности** (mostly, quite, enough, reasonably, usually, virtually, slightly, fairly, etc.; мало-помалу, довольно, прилично, достаточно, обычно, почти, понемножку, частенько и др.)

– I think they're ***quite*** *abrupt and rude whenever I've phoned them up.*

– Are they?

– They're ***not terribly*** *friendly.*

– Oh, they're ***usually*** *okay.*

– Ну, честно говоря, я говорю ***довольно*** *громко. Щас как бы соседи не стали стучать.*

– Да я думаю, постучат — ничё страшного.

4. **Сравнительные степени прилагательных**

– Пишет, что она там сломала руку, поехали в какую-то амбулаторию, и фотографию выставляет. Ну вот как у нас в селе ФАП есть. Ну, у нас же даже ФАП ***получше*** *выглядит, но там сам вид* ***получше****, потому что там зелень, там…*

– Ну понятно, пейзажи красивые.

– Пейзаж, да, ***получше****.*

– How did your lesson go?

– I wasn't looking forward to it much, it was ***better than expected****. I managed to cover virtually the complete chemistry course in an hour and a half.*

5. **Суффиксы с оценочным значением** (-ish-; -оват-, -еват- и др.)

– Have you?

– ...erecting and decorating a Christmas tree and putting on the presents. Now, I would suggest you start that physically bringing in the Christmas tree. Let's say it's a fairly ***tallish*** *one. If it's a fairly tall one then obviously on it's side it's gonna long.*

– А «Золотой век» чего?

– Ну типа исторический фильм. Мне понравилось, сильно снято, но фильм ***тяжеловат****.*

Среди способов выражения адаптеров, специфических для англоязычного и русскоязычного разговорного дискурса, можно выделить **детерминативы** (some, whatever, etc.) и **прилагательные с приставкой *не-*** (недешевый, немалый и др.) соответственно:

Стоит отметить, что в сравниваемых типах дискурса замечены специфичные средства выражения хеджирования, а именно **детерминативы** (some, whatever, etc.) и **прилагательные с приставкой *не-*** (недешевый, немалый и др.). Рассмотрим реализацию хеджирования посредством данных языковых средств на следующих примерах:

– Did you work in a group?

– To do what?

– To do the graph.

– Mm ... ***some*** *people decided they were going to work as a, as a group on their table, to gather information.*

– А они же вроде дальше района не уезжают, нет?

– Ну, не, их останавливали, и не раз останавливали. Аа, Леша, он просто, это, у него… он постоянно на даче, по-моему, оставляет, а ему от дачи досюда ехать, ну, ***немалый*** *путь. Ну, на полпути до Чехова, где-то так он. Ну, я не знаю точно.*

Перейдем к рассмотрению другого подкласса хеджей-раундеров. Стоит отметить, что хеджи, относящиеся к данному подклассу, позволяют продемонстрировать, что фактическое положение дел коррелирует с прототипической ситуацией, однако не может считаться тождественной. Посредством раундеров говорящий отчерчивает границы, в которых понятие представляется неточным или приближенным.

Итак, продемонстрируем вариативный набор универсальных для обоих дискурсов средств выражения настоящего подкласса хеджей:

1. **Аппроксиматоры степени / количества** (about, something like, around, several, a couple of, etc.; несколько, около, где-то, от силы, в районе, пара и др.)

– Right, so what was the situation with India then? That's, that, how long was, how long does that run? Can't remember that far.

– Erm, I think it was March to ***about*** *July* ***something like that****.*

*– Аа на ценнике, то есть была предыдущая цена, была **где-то в районе** двух тысяч, а я заплатила почти две с половиной тысячи, то есть это получается, ну не знаю, для меня это было дорого, то есть я не рассчитывала на эту сумму.*

– Угу. Аа вы сфотографировали чек или взяли его, нет?

*– Он у меня м… он у меня **где-то** остался, да, в кошельке должен лежать.*

2. **Наречия частотности / времени / меры и степени** (somewhere, recently, usually, often, between, etc.; ближе, недавно, обычно, часто, почти и др.)

*– Now I certainly would never sign anything that erm required me to do that. Er and then the direct sales averages **somewhere around** sixty percent. Now we're going to be **somewhere between** forty and forty five percent. So in that sense we're below average.*

– It's not bad.

*– Мне вообще нагадала Аленка, моя однокурсница, что я выйду замуж **ближе к** тридцати годам. Я тебе рассказывала?*

– Нет. Вот как раз сделаешь себе карьеру.

3. **Конструкции «числ. + числ.»**

*– Yeah, I can remember when I was about **seven or eight** years old I had a Hornby train which is almost identical, except it was red, I go-- I think some other people had one as well. Hornby loco-- we had those things you used to pull out of the cabs and they could go forwards and backwards.*

– Oh lovely!

– В семь, в восемь часов начинается он, это все. В другую комнату уходишь, закрываешься, уже не знаешь, куда деваться.

– Второй телевизор купи.

Рассмотрев универсальные для обоих дискурсов средства реализации раундеров, целесообразно обозначить и национально-специфические средства выражения хеджей, принадлежащих к данному подклассу. Так, в контексте англоязычной разговорной коммуникации раундеры могут быть представлены **детерминативами (few, a few)**, в то время как для бытовых диалогов на русском языке характерно употребление **конструкций «сущ. + числ.»**, а также **уменьшительно-ласкательных суффиксов существительных**.

Стоит заметить, что полученные данные вызывают особый интерес, если провести параллель с существующими результатами изучения хеджирования в контексте дискурсивных исследований. Так, например, изучая особенности реализации хеджирования в русскоязычном академическом дискурсе, В. Намсараев также отмечает разнообразие средств реализации на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Средства реализации хеджирования, употребляемые в русскоязычном академическом дискурсе, обусловлены рядом выполняемых функций, среди которых В. Намсараев выделяет функцию неопределенности, функцию субъективизации, а также функцию деперсонализации. Важно отметить, что функция неопределенности в исследуемом дискурсе, по мнению автора, является наиболее разнообразной в контексте характерных средств реализации хеджирования. Среди таких средств реализации В. Намсараев выделяет вводно-модальные слова, наречия степени, конструкции с возвратными глаголами, грамматические средства выражения, перформативные глаголы и др. [9, p. 71].

Кроме того, реализация лингвистического хеджирования рассматривалась и в рамках политического дискурса. Так, Г. Р. Власян, В. А. Шушарина и О. Д. Пастухова, взяв за основу классификацию, предложенную Э. Принс, приходят к выводам, что в американском политическом дискурсе представлены как хеджи-аппроксиматоры, так и преграды. Однако согласно результатам, описанным авторами, доминирующим классом хеджей в рассматриваемом дискурсе являются также преграды [14].

Итак, очевидно, что хеджирование, будучи коммуникативно-прагматической стратегией, широко употребляется как в англоязычной разговорной коммуникации, так и в русскоязычной. Следует подчеркнуть, что, исходя из результатов проведенного анализа, в русскоязычном разговорном дискурсе хеджи, отражающие отношение говорящего к высказыванию (преграды), и хеджи, влияющие на пропозициональное содержание (аппроксиматоры), распределены практически равномерно, а именно 52,3 % и 47,7 % соответственно. Однако противоположная тенденция прослеживается в англоязычном разговорном дискурсе. В данном виде дискурса наблюдается явное преобладание преград над аппроксиматорами — 71,8 % и 28,2 % соответственно. Наряду с этим стоит отметить, что результаты проведенного исследования продемонстрировали широкий набор морфологических, лексических и синтаксических средств реализации хеджирования в англоязычных и русскоязычных разговорных диалогах. Примечательно, что для обоих видов дискурса

характерны национально-специфические средства реализации.

Заключение

Таким образом, одним из ключевых этапов данного исследования являлось определение наиболее частотного класса хеджей в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе. Так, анализ эмпирического материала показал, что хеджи-преграды, в терминологии Э. Принс, выступают в качестве доминирующего класса в сопоставляемых дискурсах. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что процентная оценка употребления хеджей данного класса в бытовой коммуникации в англоязычном разговорном дискурсе на треть выше. Особый интерес представляет и тот факт, что разрыв в процентном соотношении между употреблением хеджей-преград и хеджей-аппроксиматоров в русскоязычной разговорной речи незначителен, а именно 4,6 %. Такая ситуация в процентной оценке противоположна наблюдаемой в англоязычном разговорном дискурсе, где хеджи-преграды применяются говорящими на 43,6 % чаще. Выявленные процентные корреляции могут быть объяснены национально-специфичными особенностями сопоставляемых дискурсов, которые предопределены историко-лингвистическим опытом и культурным кодом представителей конкретного народа.

В качестве вывода важно отметить и другое — исходя из полученных результатов исследования, можно утверждать, что хеджирование в контексте бытового общения является востребованной коммуникативно-прагматической стратегией. В определенной степени характеризуя разговорную речь, хеджирование в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе реализуется посредством целого ряда языковых единиц. Можно утверждать, что как в англоязычном разговорном дискурсе, так и в русскоязычном хеджами-преградами и хеджами-аппроксиматорами могут выступать некоторые морфологические средства реализации, разнообразные лексические, а также достаточно вариативны синтаксические средства реализации. Принципиально отметить, что выбранное говорящим средство реализации хеджирования во многом предопределяется мотивом самого говорящего, а также языковыми особенностями конкретного дискурса.

Список источников

1. Байкова А. В. Лексические средства хеджирования как способ выявления ложных высказываний в американском политическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 6 (54).

2. Ручкина Е. М. Хеджирование как лингвистическое средство минимизации речевого конфликта в английском и русском языках // Международный Научный Институт «Educatio». 2015. Vol. IX, № 16. P. 22–27.

3. Barotto A. The hedging function of exemplification: Evidence from Japanese // Journal of Pragmatics. 2018. № 123. P. 24–37.

4. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

5. Fraser B. Pragmatic competence: the case of hedging // G. Kaltenböck, W. Mihatsch & S. Schneider (ed.) New approaches to hedging. Emerald, 2010. P. 15–34.

6. Hyland K. Hedging in scientific research articles. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998.

7. Hübler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam: John Benjamins, 1983.

8. Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2 (4). P. 458–508.

9. Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts // Hedging in Discourse: Approaches in the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. P. 64–79.

10. Nikolić M. M., Nikolić M. B. Multiple hedging in the political interview // Reci Beograd. 2022. P. 24–49.

11. Pastukhova O. D. Hedging and Euphemisms // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. № XXXIX. P. 131–135.

12. Prince E. F., Frader J. and Bosk Ch. On Hedging in physician-physician discourse // di Prieto J (ed.). Linguistics and the Professions. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1982. P. 83–97.

13. Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. № XXXIX. P. 685–690.

14. Vlasyan G. R., Pastukhova O. D., Shusharina V. A. On Hedging and Mitigation in the Speeches of Boris Johnson // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2020. № 86. P. 185–194.

15. Weinreich U. On the Semantic Structure of Language // Universals of Language, M. I. T. Cambridge: Cambridge Press, Mass., 1966. P. 142–216.

16. Zadeh L. A. Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. № 8. P. 338–353.

References

1. Baikova AV. Lexical hedging means as way of expressing false statements in American political discourse. *Russian Linguistic Bulletin.* 2024; (54):1-5. (In Russ.).

2. Ruchkina EM. Hedging as a linguistic means of verbal conflict in English and in Russian. *International Scientific Institute «Educatio».* 2015;9:22-27. (In Russ.).

3. Barotto A. The hedging function of exemplification: Evidence from Japanese. *Journal of Pragmatics.* 2018;123:24-37.

4. Brown P, Levinson SC. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 345 p.

5. Fraser B. Pragmatic competence: the case of hedging. In: New approaches to hedging. Emerald; 2010. P. 15-34.

6. Hyland K. Hedging in scientific research articles. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1998. 308 p.

7. Hübler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam: John Benjamins; 1983. 192 p.

8. Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic.* 1973;2(4):458-508.

9. Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. In: Hedging in Discourse: Approaches in the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin; New York: Walter de Gruyter; 1997. P. 64-79.

10. Nikolić MM, Nikolić MB. Multiple hedging in the political interview. *Reci Beograd.* 2022:24-49.

11. Pastukhova OD. Hedging and Euphemisms. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences.* 2018; XXXIX:131-135.

12. Prince EF, Frader J, Bosk Ch. On Hedging in physician-physician discourse. In: di Prieto J. (ed.). Linguistics and the Professions. Philadelphia: University of Pennsylvania; 1982. P. 83-97.

13. Vlasyan GR. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences.* 2018; XXXIX:685-690.

14. Vlasyan GR, Pastukhova OD, Shusharina VA. On Hedging and Mitigation in the Speeches of Boris Johnson. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences.* 2020;86:185-194.

15. Weinreich U. On the Semantic Structure of Language. In: Universals of Language. M.I.T., Cambridge: Cambridge Press, Mass.; 1966. P. 142-216.

16. Zadeh LA. Fuzzy Sets. *Information and Control.* 1965;8:338-353.

Информация об авторе

Е. М. Петрова — преподаватель, аспирант кафедры теории и практики английского языка.

Information about the author

E. M. Petrova — Lecturer, Postgraduate Student, Department of the Theory and Practice of the English Language.

Статья поступила в редакцию 10.09.2026; одобрена после рецензирования 03.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 10.09.2026; approved after reviewing 03.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 86–94.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):86-94.

Научная статья

УДК 8. 81-2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-86-94

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ АРАБСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПОРОД И РУССКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗБРАННЫХ СУР КОРАНА)

Саодат Махмадкуловна Тиллоева[1], Ахмед Ахмед Ахмед Абдельрахман Енани[2]

[1]Уральский государственный педагогический университет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, saodat9@mail.ru, 0000-0002-8511-7894

[2]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ahmedenany60@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантического потенциала производных пород арабского глагола в сопоставлении с префиксальной системой русского языка. Коренная система арабского глагола, выступая в роли организующего семантического стержня, взаимодействует с семантикой словообразовательных моделей, образуя сложную иерархию значений. Система глагольных пород представляет собой развитую парадигму расширенных основ, производных от простой (I порода), где морфологические трансформации корня — посредством аффиксации гласными и согласными (удвоение второго корневого согласного во II породе, удлинение гласного в III породе, добавление префиксов — а- в IV, та- в V, VI, VII, иста- в X) — формируют спектр значений: интенсивность, каузативность, возвратность, пассивность, стремление и др. На материале суры «Марйям» Корана и его перевода, выполненного М.-Н. Османовым, рассматривается вопрос о том, как специфические значения арабских глагольных форм репрезентируются средствами русской глагольной префиксации. Автор анализирует механизмы передачи деривационных смыслов арабского оригинала, выявляя, какие русские префиксы наиболее адекватно транслируют семантическую нагрузку той или иной породы. Особое внимание уделяется поиску функциональных параллелей между морфосинтаксическими структурами классического арабского языка и словообразовательными моделями русского языка. Было установлено, что в арабском оригинале возвышенный стиль имманентно присущ самой структуре священного текста, тогда как в русском языке аналогичный эффект достигается за счёт стилистически окрашенных префиксов. Таким образом, глагольная приставка в русском языке выступает как компенсирующий инструмент: она не дублирует значения арабских пород, а преобразует их в соответствии с нормами русского языка. Определяющим фактором здесь выступает не структурное сходство основ, а функциональная эквивалентность приставочных моделей смысловым задачам коранического текста. Результаты исследования позволяют лучше понять специфику межъязыковой эквивалентности при передаче сложных глагольных смыслов в сакральном тексте.

Ключевые слова: арабский язык, сура, Коран, порода арабского глагола, словообразовательная модель, адекватный перевод, функционально-семантическая эквивалентность, деривация

Для цитирования: Тиллоева С. М., Енани А. А. А. А. Функционально-семантические соответствия арабских глагольных пород и русских префиксальных глаголов (на материале избранных сур Корана) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 86–94. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-86-94.

Original article

FUNCTIONAL AND SEMANTIC CORRESPONDENCES OF ARABIC VERB BREEDS AND RUSSIAN PREFIXED VERBS (BASED ON SELECTED SURAHS OF THE QURAN)

Saodat M. Tilloeva[1], Ahmed A. A. A. Enani[2]

[1]Ural State Pedagogical University, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, saodat9@mail.ru, 0000-0002-8511-7894

[2]Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, ahmedenany60@gmail.com

© Тиллоева С. М., Енани А. А. А. А., 2026

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic potential of derived Arabic verb breeds in comparison with the prefix system of the Russian language. The root system of the Arabic verb, acting as an organizing semantic core, interacts with the semantics of word-formation models, forming a complex hierarchy of meanings. The system of verb breeds is a developed paradigm of extended bases derived from simple (I breed), where morphological transformations of the root are through affixation with vowels and consonants (doubling the second root consonant in the II breed, lengthening the vowel in the III breed, adding prefixes — a- in IV, ta- in V, VI, VII, ista- in X) — form a range of values: intensity, causation, reversibility, passivity, aspiration, etc. Based on the surah "Maryam" of the Quran and its translation by M.N. According to A. Osmanov, the question of how the specific meanings of Arabic verb forms are represented by means of the Russian verbal prefix is considered. The author analyzes the mechanisms of transmission of the derivational meanings of the Arabic original, revealing which Russian prefixes most adequately convey the semantic load of a particular breed. Special attention is paid to the search for functional parallels between the morphosyntactic structures of classical Arabic and the word-formation models of the Russian language. It was found that in the Arabic original, the sublime style is inherent in the very structure of the sacred text, whereas in the Russian language, a similar effect is achieved through stylistically colored prefixes. Russians Russian, the verb prefix acts as a compensating tool: it does not duplicate the meanings of Arabic breeds, but transforms them in accordance with the norms of the Russian language. The determining factor here is not the structural similarity of the fundamentals, but the functional equivalence of the prefixed models to the semantic tasks of the Quranic text. The results of the study make it possible to better understand the specifics of interlanguage equivalence in the transmission of complex verbal meanings in a sacred text.

Keywords: Arabic, surah, Quran, Arabic verb type, word-formation model, adequate translation, functional and semantic equivalence, derivation

For citation: Tilloeva SM, Enani AAAA. Functional and Semantic Correspondences of Arabic Verb Breeds and Russian Prefixed Verbs (Based on Selected Surahs of the Quran). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):86-94. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-86-94.

Введение

В статье рассматривается функционально-семантическая эквивалентность арабских глагольных форм и русских префиксальных дериватов в переводе Корана, выполненном М.-Н. Османовым. Выбор этого перевода обусловлен его академической строгостью, позволяющей передать смысловую многоплановость арабского оригинала. В суре «Марйям» проанализированы случаи передачи арабских пород (интенсивности, каузативности, возвратности) через русские приставки. Особый интерес представляют случаи, когда один корень в разных породах даёт в переводе несколько родственных приставочных глаголов, что демонстрирует способность русской словообразовательной системы дифференцировать семантические оттенки.

Теоретической основой послужили исследования Б. М. Гранде [5] по грамматике арабского языка, труды В. М. Белкина [3] по лексической семантике и истории арабского литературного языка, а также фундаментальные идеи В. фон Гумбольдта [6] о природе языка. Работы В. М. Белкина легли в основу понимания механизмов полисемантичности корневых основ и деривационных процессов в арабском языке [3, с. 23]. При анализе переводческих решений учитывались выводы Е. А. Резвана [12], посвящённые проблемам перевода Корана.

Методологический инструментарий анализа семантического потенциала арабских глагольных пород и их функциональных соответствий в русском языке базируется на принципах сравнительной типологии языков, семантического анализа лексических единиц и теории перевода [5; 2, с. 156].

Эмпирической базой для данного исследования служит материал избранных сур Корана и его перевода, выполненного М.-Н. Османовым[1], а также данные лексикографических источников, таких как «Арабско-русский словарь» Х. К. Баранова[2].

В настоящем исследовании применялся комплекс методов, обеспечивающий всесторонний анализ функционально-семантических соответствий между арабскими глагольными породами и русскими префиксальными глаголами. Основным является сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявлять эквивалентные и параллельные явления в разноструктурных языках, что опирается на труды Б. М. Гранде [5, с. 167].

Для изучения семантики арабских пород и их русских соответствий использовался структурно-семантический анализ, в рамках которого

[1] Коран / Перевод с арабского М.-Н. О. Османова. М.: Ладомир, 1999. 928 с.

[2] Арабус [Электронный ресурс]: онлайн-словарь. URL: https://arabus.ru (дата обращения: 01.05.2026).

применялся компонентный анализ с целью выявления семантических признаков. Анализ конкретных глагольных единиц проводился с учетом их контекстуального функционирования в избранных аятах Корана[1] и переводах, а также с опорой на данные лексикографических источников[2]. Квалификативный анализ показал, насколько адекватно передаются в русском языке арабские глагольные смыслы.

Результаты исследования и их обсуждение

В современном русском языке семантике приставок посвящено много работ, в частности: Ю. А. Сухорукова и Ю. В. Филь на примере префикса пред- показывают переход от пространственного значения («впереди») к временному («заранее»), что отражает славянскую когнитивную модель репрезентации времени через пространство [14, с. 176]. Ю. В. Серышева с соавторами на материале приставок про-, прѣдъ-, пред- в древнегреческом, старославянском и русском языках доказывают семантическую автономность префикса, способного модифицировать смысл основы [13, с. 207]. А. К. Музафаров на примере приставки прѣ- в старославянском языке прослеживает роль префиксации в становлении категории вида [10, с. 236].

В работе Л. С. Тюревой семантика арабских глагольных пород рассматривается как результат взаимодействия признаков корня и словообразовательной модели. Выявление этих закономерностей автор считает необходимым этапом для систематизации овладения лексическим строем арабского языка [15, с. 134].

Вопросы лексико-семантического анализа арабских глаголов рассматриваются в работах П. А. Магомедовой, М. А. Рабадановой [8; 11] и В. Н. Зарытовской [7, с. 113]. П. А. Магомедова и А. А. Магомедов применяют теолингвистический подход к переводам Корана, анализируя вербализацию Божественного величия через имена «Высокий», «Всевышний». Авторы обосновывают необходимость опоры на тафсиры и интеграции когнитивного, культурологического и теоцентрического методов для корректной передачи сакрального текста [9, с. 76].

Настоящая статья исследует, как семантические значения арабских глагольных пород отражаются в русской глагольной системе через механизмы префиксации. В отличие от арабских пород, русские приставки модифицируют глагол, передавая значения начала действия (инхоативность), интенсивности, результата, направления, степени. Анализ аятов Корана позволяет выявить функциональные соответствия между этими разноструктурными, но семантически сопоставимыми системами.

В статье подробно проанализированы аяты 19:3, 19:4, 19:9, 19:15, 19:21, 19:24 суры 19 «Марьям» (в переводах М. Н. Османова)[3].

Обратимся к анализу аята 3 суры 19 «Марйям»: إِذْ نَادَىٰ رَبَّهُ نِدَاءً خَفِيًّا [4] — Idh nādā rabbahu nidā'an khafīyan [19:3].

В данном аяте глагол نَادَى (nādā) относится к III породе и реализует семантику направленности действия на объект и часто подразумевает соучастие или усилие.

В русском переводе М.-Н. Османова данный аят звучит как: «*Когда тайно воззвал он к Господу своему*».

М.-Н. Османов использует префиксальный глагол «воззвал». Здесь наблюдается интересное функциональное соответствие. Арабская III порода, указывающая на интенсивность и направленность обращения, передается в русском языке префиксом *воз-*, который в данном контексте придает глаголу оттенок высокого стиля, торжественности и завершенности акта обращения. Префикс *воз-* в русском языке здесь выполняет функцию акцентуации направленности действия вверх (к Богу) или усиления значимости действия, что семантически коррелирует с арабской формой, выражающей призыв.

Анализ глагола نَادَى (nādā), относящегося к III породе, позволяет выявить специфику передачи интерсубъективных глагольных значений. Если в арабском оригинале направленность и интенсивность призыва заложены в самой морфологической модели породы (с долгим алифом), то в русском переводе М.-Н. Османова эта семантика компенсируется использованием префикса *воз-* (*воззвал*). Таким образом, русская префиксация выступает как средство стилистической и семантической адаптации арабской глагольной формы.

Анализ глаголов в аяте 19:4:

قَالَ رَبِّ إِنِّي وَهَنَ الْعَظْمُ مِنِّي وَاشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا — Qāla rabbi innī wahana l-ʿaẓmu minnī wa-shtaʿala r-ra'su shayban.

[1] Арабский текст Корана цитируется по электронной версии на Quran.com (дата обращения: 30.04.2026).

[2] Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 942 с.

[3] Коран / Перевод с арабского М.-Н. О. Османова. М.: Ладомир, 1999. 928 с.

[4] Арабский текст Корана цитируется по электронной версии на Quran.com (дата обращения: 30.04.2026).

У М.-Н. Османова: «***Взмолившись**: "Господи! Воистину, **иссыхают** кости мои, и [уже] **заблистала** голова сединой».*

Глаголы в оригинале:

1. قَالَ (qāla) — I порода, «сказал» (простое действие). 2. وَهَنَ (wahana) — I порода, «ослабел», «стал хрупким». 3. اشْتَعَلَ (ishta'ala) — VIII порода, «воспламенился», «загорелся» (метафора седины).

М.-Н. Османов уходит от буквального перевода и использует префиксальные глаголы, чтобы передать сакральность события.

1. قَالَ (qāla — сказал) → «Взмолившись».

В оригинале — простой глагол I породы «сказал».

У М.-Н. Османова — деепричастие от префиксального глагола «взмолиться».

Переводчик заменяет нейтральное «сказал» на эмоционально окрашенное «взмолившись». Приставка *вз-* указывает на интенсивность действия, направленного вверх (к Богу). Здесь русский префикс компенсирует отсутствие у арабской I породы экспрессивной окраски.

2. وَهَنَ (wahana — ослабел) → «Иссыхают»

В Коранической тексте используется I порода, означающая *слабость*. М.-Н. Османов заменяет его глаголом с приставкой *ис-* (*иссыхают*). В значении *очень исхудать, стать истощенным*. М.-Н. Османов использует префикс, чтобы передать физическое истощение старика.

3. اشْتَعَلَ (ishta'ala – воспламенился) → «Заблистала». В словаре находим: اِشْتَعَلَ VIII *воспламеняться, загораться*; رأسُه شيبا *поседеть*; غضبا ~ *пылать гневом*[1].

Арабскую метафору огня М.-Н. Османов заменяет русской метафорой *заблистала*. Приставка *за-* со значением начала действия фиксирует момент перехода: *голова засверкала сединой.*

М.-Н. Османов в переводе аята 19:4 не использует арабские глаголы первой породы прямо, а заменяет их русскими приставочными глаголами. Например, нейтральное арабское qāla («сказал») он передаёт как «взмолившись». Приставка *вз-* создаёт молитвенную интонацию. Глагол состояния *wahana* (*ослабеть*) замещается префиксальным глаголом *иссыхают*, где префикс *ис-* акцентирует предельную степень физического истощения субъекта.

Подобные замены свидетельствуют о том, что русская префиксация используется М.-Н. Османовым как инструмент экспрессивной компенсации. Там, где арабский оригинал опирается на метафорику корня, русский перевод использует деривационные возможности приставок (*вз-, ис-, за-*) для создания высокого эмоционального и сакрального регистра.

Обратимся к аяту 19:9:

قَالَ كَذٰلِكَ قَالَ رَبُّكَ هُوَ عَلَيَّ هَيِّنٌ وَقَدْ خَلَقْتُكَ مِنْ قَبْلُ وَلَمْ تَكُ شَيْئًا — Qāla kadhālika qāla rabbuka huwa ʿalayya hayyinun wa-qad khalaqtuka min qablu wa-lam taku shay'an.

Сравним перевод М.-Н. Османова: «[Сказал Джибрил:] "*Так **молвил** Господь твой: «Не трудно это для Меня. Ведь ранее **сотворил** я тебя, хотя и бы ты ничем*"».

1. قَالَ (qāla) → «Сказал» и قَالَ (qāla) → «Молвил»

В арабском тексте оба раза стоит простая I порода qāla (сказал).

Первое qāla (речь ангела) — переведено как «Сказал», второе qāla (речь Бога). М.-Н. Османов использует слово «Молвил».

Несмотря на то, что «*молвил*» является бесприставочным глаголом, его употребление неслучайно. Данная лексема относится к архаичной лексике высокого стиля. М.-Н. Османов создает стилистическую оппозицию. Он показывает, что речь Господа в арабском оригинале обладает иным статусом, который в русском языке передается не через морфологию (приставки), а через лексический выбор (высокий стиль). Это подчеркивает, что переводчик ищет любые способы «возвысить» глагол I породы, если его субъектом является Бог.

2. خَلَقْتُكَ (khalaqtuka — Я сотворил тебя) → «Сотворил»

В оригинале — I порода khalaqa (*творить, создавать*).

У М.-Н. Османова — глагол с приставкой *со-* (*сотворил*).

Вместо нейтрального «*создал*» или «*сделал*», М.-Н. Османов выбирает префиксальный дериват «*сотворил*». Здесь приставка *со-* выполняет функцию сакрализации. Следовательно, русская префиксация – главный инструмент «перекодирования» арабской I породы из общелитературного значения в религиозное.

3. لَمْ تَكُ (lam taku — ты не был) → «Был»

В оригинале — I порода глагола kāna (быть) в отрицании.

У М.-Н. Османова: «*...хотя и был ты ничем*».

Здесь М.-Н. Османов использует простую форму прошедшего времени. В данном контексте, не предполагающем семантического выделения действия, достаточно простой констатации факта; привлечение префиксальных средств не требуется.

[1] Арабус [Электронный ресурс]: онлайн-словарь. URL: https://arabus.ru (дата обращения: 01.05.2026).

В переводе аята 19:9 М.-Н. Османов демонстрирует дифференцированный подход к передаче арабской I породы глагола. Особого внимания заслуживает перевод повторяющегося глагола речи qāla. Если в первом случае (речь ангела) используется нейтральный глагол «сказал», то во втором (цитирование слов Господа) переводчик прибегает к лексическому архаизму «*молвил*».

Таким образом, отсутствие морфологических различий в арабском оригинале компенсируется в русском тексте за счет стилистической вариативности. В то же время глагол созидания khalaqa (I порода) последовательно переводится префиксальным дериватом «сотворил». Здесь префикс *со-* выступает как устойчивый функциональный эквивалент, маркирующий Божественное действие. Этот пример подтверждает, что при переводе сакрального текста русская глагольная система (через префиксацию и выбор высокого стиля) берет на себя задачу экспликации иерархических смыслов, которые в арабском языке выражены имплицитно.

Обратимся к аяту 19:15:

وَسَلَامٌ عَلَيْهِ يَوْمَ وُلِدَ وَيَوْمَ يَمُوتُ وَيَوْمَ يُبْعَثُ حَيًّا — Wa-salāmun ʿalayhi yawma wulida wa-yawma yamūtu wa-yawma yubʿathu ḥayyan.

Перевод М.-Н. Османова: «*Благополучие ему* [*от Всевышнего*] *и в день, когда* ***родился*** *он, и* ***в день смерти****, и в день [Судный], когда будет* ***воскрешен*** *[он] к жизни*».

В данном аяте представлены три глагола, обозначающие переходные состояния бытия. Все они в оригинале относятся к I породе, но в русском переводе М.-Н. Османова получают разное оформление.

1. Глагол وُلِدَ (wulida) – I порода (пассив) — «родиться» (букв. «был рожден»).

Перевод М.-Н. Османова – «родился».

В арабском языке используется внутренняя флексия (изменение гласных) для образования пассива I породы. В русском языке эквивалентом выступает возвратный глагол с постфиксом *-ся* («родился»).

Здесь мы видим, что пассивность арабской I породы в русском языке передается не префиксом, а постфиксацией, что подчеркивает медиальное значение (событие, происходящее с субъектом).

2. Глагол يَمُوتُ (yamūtu) — I порода (актив) — *умирать, испускать дух*.

Перевод М.-Н. Османова — *в день смерти*.

В арабском тексте стоит глагол («*в день, когда он умрет*»), а М.-Н. Османов заменяет его на существительное («*в день смерти*»).

В арабском языке глагол передаёт процессуальность, обозначая действие как разворачивающееся во времени. Русское существительное «смерть» представляет событие как факт (результат). М.-Н. Османов прибегает к номинализации, переводящей высказывание из динамической (процессуальной) в статическую (фактивную) плоскость, что придаёт аяту характер категоричной констатации.

3. Глагол يُبْعَثُ (yubʿathu) — I порода (пассив) — («будет воскрешен») → «будет воскрешен».

В аяте 19:15 глагол ba'atha (I порода, пассив) имеет значение «пробуждение/воскрешение», которое вытекает из контекста. М.-Н. Османов использует глагол «воскрешён». Здесь приставка *вос-* заменяет арабскую I породу и выражает завершённость.

Анализ аята 19:15 позволяет проследить механизмы репрезентации арабской I породы в системе русского глагола. При минимальном морфологическом оформлении арабского оригинала перевод М.-Н. Османова показывает использование широкого спектра средств для передачи аспектуальных и стилистических нюансов. Так, если значение *рождения* передается через постфиксальную модель (*родил-ся*), то значение *воскрешения* требует префиксации. Использование префикса *вос-* в слове *воскрешён* выполняет стилистическую функцию, привнося в текст сакральную коннотацию «*восхождения/возрождения*». Следовательно, русская префиксация выступает ключевым инструментом компенсации семантической сжатости арабской I породы при переводе сакральных смыслов.

Следующий аят 19:21:

عَلَىَّ هَيِّنٌ وَلِنَجْعَلَهُۥٓ ءَايَةً لِّلنَّاسِ وَرَحْمَةً مِّنَّا وَكَانَ أَمْرًا مَّقْضِيًّا قَالَ كَذَٰلِكِ قَالَ رَبُّكِ هُوَ — Qāla kaḏāliki qāla rabbuki huwa ʻalayya hayyin. Wa li-najʻalahū āyatan li-n-nāsi wa raḥmatam minnā. Wa kāna amram maqḍiyyā.

М.-Н. Османов переводит данный аят: «***Провозгласил*** *[Джибрил]: "[Свершится] сие. Ибо изрек Господь твой: "Не трудно это для Меня.* ***Воздвигнем*** *Мы его (т. е. Ису, будущего сына Марйям) знамением для людей и милостью от Нас". Дело это уже решенное».*

В оригинале трижды повторяется I порода (qāla, qāla, jaʿala – *сказал, сказал, сделал*). В переводе находим:

1. قَالَ (qāla — «сказал») → «Провозгласил»

М.-Н. Османов заменяет нейтральную арабскую лексему со значением «сказал» (в речи ангела) на стилистически маркированный глагол «провозгласил», относящийся к высокому регистру.

В данном случае использован префикс *про-*, вносящий в глагол семантику публичности и завершённости речевого акта. Глагол «провозгласил», в отличие от нейтрального «сказал», репрезентирует речь ангела как божественное откровение.

2. قَالَ (qāla — «сказал») → «Изрек»

При передаче речи Бога М.-Н. Османов использует глагол высокого стилистического регистра — «изрёк». Префикс *из-* наделяет высказывание нормативным статусом. Таким образом, русская префиксация позволяет дифференцировать высказывания по степени сакральной значимости: нейтральное арабское «сказал» передаётся как «провозгласил» для речи ангела и как «изрёк» для речи Бога.

3. نَجْعَلَهُ (najʿalahu – «Мы сделаем его») → «Воздвигнем»

Арабский глагол jaʿala отличается широкой семантикой. Его значения охватывают действия ‘*делать’, ‘устанавливать’, ‘класть*’ (и др.). В переводе М.-Н. Османова ему соответствует префиксальный глагол «воздвигнем». Префикс *воз- / вос-* вносит в глагольную семантику значение направленности движения вверх и / или создания крупного, монументального объекта (ср. *воздвигнуть храм, воздвигнуть памятник*). Поскольку в кораническом тексте Иса (Иисус) должен стать ‘*знамением*’ (āyatan), выбор глагола с указанной семантикой оказывается неслучайным. Он акцентирует идею сооружения некоего отчетливо видимого, возвышающегося ориентира. «Воздвигнуть знамение» представляет собой семантически более конкретный и стилистически маркированный вариант по сравнению с нейтральным (и более широким по значению) «сделать его знамением». Здесь реализуется механизм «семантического достраивания». Русский язык с помощью префикса компенсирует морфологическую нейтральность и смысловую сжатость арабской I породы, эксплицируя те смысловые компоненты, которые в арабском оригинале остаются невыраженными на уровне словоформы. Аналогичным образом префиксы *про-* (в «провозгласил») и *из-* (в «изрёк») также участвуют в дифференциации семантических и стилистических регистров.

Аят 19:24 завершает исследование, иллюстрируя дихотомию между описанием эмоции и созидательным актом.

فَنَادَىٰهَا مِن تَحْتِهَآ أَلَّا تَحْزَنِى قَدْ جَعَلَ رَبُّكِ تَحْتَكِ سَرِيًّا — Fa-nādāhā min taḥtihā allā taḥzanī qad jaʿala rabbuki taḥtiki sariyyā

В переводе М.-Н. Османова: «*И **воззвал** к ней голос снизу: “Дабы не **огорчалась** ты [понапрасну], **устроил** возле тебя Господь твой ручей [прохладный]*”».

Особого внимания здесь заслуживает глагол نَادَىٰهَا (nādāhā). В арабском языке лексема nādā относится к III производной породе с объектно-интенсивной семантикой, а в переводе М.-Н. Османова репрезентируется глаголом «воззвал».

С позиции сопоставительного анализа выбор префикса *воз-* представляется обоснованным. В системе русского языка префикс *воз-* (старославянского происхождения) традиционно выступает маркером высокого сакрального регистра, нивелируя бытовые коннотации, присущие беспрефиксному глаголу «звать». Префикс *воз-* в данном контексте выполняет функцию стилистического усиления.

Таким образом, в данном фрагменте наблюдается устойчивое функциональное соответствие. Интерактивная и интенциональная семантика арабской III породы компенсируется в русском языке с помощью приставок высокого стиля. Это позволяет не просто передать факт обращения, но и воссоздать в ПТ (тексте перевода) специфическую модальность божественного призыва, направленного на оказание духовной поддержки субъекту в ситуации экзистенциального кризиса.

2. Глагол состояния تَحْزَنِي (taḥzanī)

В оригинале употреблен глагол I породы в форме прохибитива (запрета на действие/состояние) — lā taḥzanī. Коренная семантика глагола ḥazina репрезентирует «чистое» состояние печали. В переводе М.-Н. Османова данная единица передается формой «огорчалась», с префиксом *о-* и постфиксом *-ся.*

Выбор деривата с префиксом *о-* вносит в высказывание дополнительный семантический оттенок — охваченность субъекта состоянием, при этом префикс выступает средством смягчения модальности. В отличие от глаголов «*скорбеть*» и «*горевать*», лексема «*огорчаться*» смягчает запрет, создавая эффект утешения. Префиксация здесь адаптирует сакральный текст, превращая прямой императив в «деликатный» призыв к покою.

3. Глагол созидания جَعَلَ (jaʿala)

Особый интерес вызывает функциональная вариативность глагола جَعَلَ (jaʿala) (I порода). Ранее в аяте 19:21 переводчик использовал для этой лексемы эквиваленты высокого регистра («сотворил», «воздвигнем»), однако в рассматриваемом фрагменте (19:24) он прибегает к глаголу «устроил».

Анализ префикса у- выявляет его связь с семантикой результативности и упорядочивания пространства. Префикс у- в данном контексте детерминирует переход от образа «Грозного Творца» к ипостаси «Милосердного Покровителя». Таким образом, русская префиксация позволяет дифференцировать одну и ту же арабскую лексему I породы в зависимости от контекстуальной задачи. Префикс со- актуализирует онтологическое величие, в то время как префикс у- — прагматику божественного милосердия.

Анализ аята 19:24 показывает, что русская префиксация в переводе Корана регулирует регистр (сакральный воз- → антропоцентрический у-), компенсируя лаконичность арабской морфологической системы, а разная префиксация одного арабского глагола свидетельствует о нем как о значимом компоненте, формирующем прагматику и модальность перевода сакрального текста.

Выводы

Проведённый анализ глагольных форм в 19-й суре Корана позволяет сформулировать ключевые выводы.

Исследование показало, что арабская I порода, являясь морфологически немаркированной, в системе русского языка характеризуется наибольшей вариативностью. Было установлено, что выбор переводчика между беспрефиксным глаголом и префиксальным дериватом продиктован не формальной структурой оригинала, а его семантическим типом. Глаголы эмоционального состояния и восприятия (ḥazina — скорбеть, ra’ā — видеть, massa — касаться) в переводе М.-Н. Османова тяготеют к беспрефиксным формам несовершенного вида, что позволяет сохранить их статальный, процессуальный характер. В то же время глаголы речи и созидания (qāla — сказать, khalaqa / jaʿala — сотворить) требуют префиксации (с-, со-). Здесь префикс выступает не только как показатель завершенности (перфективации), но и как способ фиксации действия. Прослеживается стилистическая и сакральная функция русской префиксации. В контексте Корана префиксы часто обладают прагматическим потенциалом, превышающим чисто грамматические задачи. В арабском языке торжественность заложена в самом сакральном тексте; в русском же она передаётся стилистически маркированными приставками. Следовательно, русская глагольная приставка является гибким компенсаторным механизмом. Она не просто копирует значения арабских пород, а адаптирует их к русским нормам. Главное здесь — не сходство основ, а функциональное соответствие приставочных моделей смысловым задачам текста.

Список источников

1. Белкин В. М. Замечания о характере семантических изменений в системе арабского глагола // Семитские языки: сборник статей. М. : Издательство восточной литературы, 1963. С. 19–24.

2. Белкин В. М. К истории становления современного арабского литературного языка // Арабская филология: сборник статей. М. : Издательство Московского университета, 1968. С. 27–39.

3. Белкин В. М. Арабская лексикология. М. : Издательство Московского университета, 1975. 199 с.

4. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М. : Издательство восточной литературы, 1963. 594 с.

5. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М. : Наука, 1972. 442 с.

6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2000. 400 с.

7. Зарытовская В. Н. Лексико-грамматическая категория глаголов арабского языка, выражающих состояния и эмоции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 106–113.

8. Магомедова П. А. Лексико-семантический портрет глаголов выситься и подниматься в арабском языке (в зеркале русского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 501.

9. Магомедова П. А., Магамедов А. А. Семантический портрет и механизм функционирования лексем-этимонов в сакральном тексте Корана и в его переводах на русский язык (теолингвистический аспект) // Исламоведение. 2024. Т. 15, № 1 (59). С. 63–76.

10. Музафаров А. К. Особенности формирования аспектуальных значений старославянского глагола (на материале глаголов с префиксом прЂ-) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : Сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практической конференции молодых учёных, Томск, 18–20 апреля 2024 года. Выпуск 25. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. С. 234–237.

11. Рабаданова М. А. Лексико-семантическое поле синонимической пары شامخ و شاهق “высокий, возвышенный, громадный» в сопоставлении с русским языком // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 329–330.

12. Резван Е. А. Коран и его мир. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 608 с.

13. Серышева Ю. В. Глаголы с проспективной семантикой в древнегреческом, старославянском и русском языках // Русин. 2023. № 71. С. 206–222.

14. Сухорукова Ю. А. Семантика проспективности в русском и других славянских языках (на материале глаголов с приставкой пред-) // Русин. 2020. № 62. С. 176–193.

15. Тюрева Л. С. Семантика производных пород арабских глаголов и полисемантичность основы // New World. New Language. New Thinking: Материалы III ежегодной международной научно-практической конференции, Москва, 05 февраля 2020 года. Москва: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. С. 132–144.

Reference

1. Belkin VM. Remarks on the nature of semantic changes in the Arabic verb system // Semitic languages: a collection of articles. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. P. 19-24.

2. Belkin VM. On the history of the formation of the modern Arabic literary language // Arabic philology: a collection of articles. Moscow: Moscow University Press, 1968. P. 27-39.

3. Belkin VM. Arabic lexicology. Moscow: Moscow University Press, 1975. 199 p.

4. Grande BM. The course of Arabic grammar in comparative historical coverage. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. 594 p.

5. Grande BM. Introduction to the comparative study of Semitic languages. Moscow: Nauka, 1972. 442 p.

6. Humboldt V. Selected works on linguistics. Moscow: Progress, 2000. 400 p.

7. Zarytovskaya VN. Lexico-grammatical category of verbs of the Arabic language expressing states and emotions. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2012;(2):106-113.

8. Magomedova PA. Lexico-semantic portrait of verbs to rise and rise in Arabic (in the mirror of the Russian language). *The world of science, culture, education.* 2019;(3(76):501.

9. Magomedova PA, Magamedov AA. Semantic portrait and mechanism of functioning of lexeme-etymons in the sacred text of the Quran and in its translations into Russian (theolinguistic aspect). *Islamic Studies.* 2024;15(1(59):63-76.

10. Muzafarov AK. Osobennosti formirovaniya aspektual'nyh znachenij staroslavyanskogo glagola (na materiale glagolov s prefiksom prЂ- // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: Sbornik materialov XI (XXV) Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchyonyh, Tomsk, 18–20 aprelya 2024 goda. Vypusk 25. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 234-237 = Features of the formation of aspectual meanings of the Old Slavonic verb (based on the material of verbs with the prefix pre- // Actual problems of linguistics and literary studies: Proceedings of the XI (XXV) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Tomsk, April 18-20, 2024. Issue 25. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2024. pp. 234-237.

11. Rabadanova MA. Lexico-semantic field of the synonymous pair “high, sublime, huge” in comparison with the Russian language. *The world of science, culture, and education.* 2021;(1(86):329-330.

12. Rezvan EA. The Koran and its world. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2001. 608 p.

13. Serysheva YuV. Verbs with prospective semantics in Ancient Greek, Old Slavic and Russian languages. *Rusin*. 2023;(71):206-222.

14. Sukhorukova YuA. Semantics of perspective in Russian and other Slavic languages (based on the material of verbs with the prefix pre-). *Rusin*. 2020;(62):176-193.

15. Tyureva LS. Semantika proizvodnyh porod arabskih glagolov i polisemantichnost' osnovy // New World. New Language. New Thinking: Materialy III ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj-prakticheskoj konferencii, Moskva, 05 fevralya 2020 goda. Moskva: Diplomaticheskaya akademiya Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 2020. S. 132-144 = Semantics of derived breeds of Arabic verbs and polysemantics of the base // New World. New Language. New Thinking: Proceedings of the III Annual International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 05, 2020. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2020. P. 132-144.

Информация об авторах

С. М. Тиллоева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета; профессор кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

А. А. А. А. Енани — соискатель кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Information about the authors

S. M. Tilloeva — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, and Professor in the Department of Professionally Oriented Language Education at the Ural State Pedagogical University; Professor in the Department of Foreign Languages at the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

A. A. A. Enani — PhD candidate in the Department of Foreign Languages at the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Статья поступила в редакцию 01.05.2026; одобрена после рецензирования 22.06.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 01.05.2026; approved after reviewing 22.06.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ЛЕКСИКОЛОГИЯ И НЕОЛОГИЯ
WORD FORMATION, LEXICOLOGY, AND NEOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 95–103.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):95-103.

Научная статья

УДК 81’373.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-95-103

СУБСТАНТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Андрей Николаевич Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, anbelajew@mail.ru, 0000-0003-1784-4704

Аннотация. Статья посвящена анализу морфологической структуры субстантивных сложных слов в немецком языке. Цель исследования – описать с формальной и содержательной стороны основные типы сложных слов и установить закономерности их образования. Автор применил методы системной динамики в диахронии и метод непосредственно составляющих в синхронии. Особое внимание уделяется проблеме разграничения свободных словосочетаний от сложных слов. При освещении этого вопроса автор обращается к древневерхненемецкому и средневерхненемецкому периодам. Принимая во внимание факты исторического развития словосложения, автор ставит вопрос о целесообразности использования немецких терминов «eigentliche» (полносложные) и «uneigentliche» (неполносложные) для синхронного описания процессов словообразования. Установлено, что переход средневерхненемецких словосочетаний в композиты обусловлен ролью определенного артикля и изменением порядка слов в словосочетании. Показано, что на следующей ступени развития значение генитива в композите ослабевает, и флексия родительного падежа выступает в дальнейшем исключительно в роли соединительного элемента. Доказано, что при моделировании языковой деятельности в словообразовательной системе ключевым звеном является понятие продуктивности словообразовательной модели. Выявлены структурные ограничения для разных классов слов в образовании немецких композитов. Так, в модели Adj. + N участвуют в основном мономорфематические прилагательные. В качестве перспективы автор затрагивает вопрос изучения взаимосвязи морфологической структуры сложного слова и выражаемого им комплексного смысла.

Ключевые слова: немецкий язык, словообразование, словосложение, классификация сложных слов, продуктивная модель, когнитивные механизмы

Для цитирования: Беляев А. Н. Субстантивные композиты в системе немецкого словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 95–103. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-95-103.

Original article

SUBSTANTIVE COMPOUNDING IN THE GERMAN WORD-FORMATION SYSTEM

Andrei N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, anbelajew@mail.ru, 0000-0003-1784-4704

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the morphological structure of substantive compound words in the German language. The aim of the study is to describe the main compound words types from a formal and semantic perspective and to establish the patterns of their formation. The author applied the methods of system dynamics in diachrony and the method of direct components in synchrony. Particular attention is paid to the problem of distinguishing free phrases from compound words. In covering this issue, the author turns to the Old High German and Middle High German periods. Taking into account the facts of the historical word-formation development, the author raises the question of the advisability of using the German terms “eigentliche” (proper compounds) and “uneigentliche” (improper compounds) for a synchronous description of the word formation processes. The author

© Беляев А. Н., 2026

believes that the formation of compound words from Middle High German phrases is due to the role of the definite article and the change in word order in the phrase. It is shown that at the next stage of development the meaning of the genitive in the compound word weakens, and the genitive case inflection subsequently acts exclusively as a connecting element. The author takes into account the productivity of the word-formation patterns in his analysis. Structural limitations for different classes of words in the formation of German compounds words were identified. The Adj. + N. pattern mainly involves monomorphic adjectives. As s perspective, the author touches upon the issue of studying the relationship between the morphological structure of a compound word and the complex meaning it expresses.

Keywords: German, word formation, compounding, classification of compound words, productive pattern, cognitive mechanisms

For citation: Belyaev AN. Substantive Compounds in the German Word-Formation System. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):95-103. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-95-103.

Введение

Словосложение в германских языках играет исключительно важную роль в обогащении словарного состава языка. Оно усваивается уже в раннем детском возрасте [8]. Несколько упрощая реальное положение дел, но отнюдь не искажая его, можно утверждать, что словосложение — это живой реликт протоязыка, в котором доминировали лексика и прагматика в отсутствии развитых грамматических категорий. Иллюстрировать этот тезис можно ссылкой на «Эволюцию языка» У. Т. Фитча, где гипотеза лексического протоязыка имеет относительно широкое признание в среде теоретиков-эволюционистов [7]. Еще Г. Пауль считал словосложение единственным нормальным способом возникновения формальных элементов в языке [6, с. 385]. Несмотря на слабые места «Принципов» Пауля в его постоянном обращении к «психологическим» истолкованиям, они являются классическим сочинением по вопросам исторического языкознания [1, с. 30]. Описание сложных слов встречается уже в индийской грамматической школе. Богатство классического санскрита сложными словами нашло отражение в традиционной классификации сложных слов: 1) Copulative Composita (dvandva), 2) Possessiva (bahuvrihi), 3) Determinativa (karmadharaya), 4) Abhängigkeits-Composita (tatpurusa), 5) Collective Composita (dvigu), 6) Adverbiale Composita (avyaibhava) [9, с. 436–450].

В современной лингвистике проблемы словосложения затрагиваются как в формально-морфологическом, так и в содержательно-семантическом плане. Немало работ, в которых закономерности словосложения рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с лексической системой и синтаксисом [12; 16; 17; 19]. Сравнительно-сопоставительному изучению немецких субстантивных композитов посвящены работы [11; 13]. Заслуживают внимания также работы, посвященные семантическому анализу [20] и определению возможных границ семантического декодирования сложных слов [18]. Все чаще стали появляться работы, в которых словообразование является предметом когнитивной лингвистики [2–5]. Однако, несмотря на определенные успехи в этой области, исследователи еще далеки от создания теории, которая раскрывала бы работу когнитивных механизмов и описывала бы их функционирование в процессе обработки смыслов, заложенных в структуре сложного слова. Безусловно, вопрос о соотношении концептуальной системы человека и специальных лингвистических приемов исследования непрост. Поэтому значимыми и актуальными являются не только чисто теоретические вопросы, связанные с когнитивной природой порождения и извлечения смысла из структуры сложного смысла, но и практические вопросы, связанные с умением преобразования свернутой структуры сложного слова в пропозицию.

Материалы и методы исследования

Исследовательский корпус составлен в значительной мере из текстов различных жанров (газетно-публицистический, литературный, научный, научно-публицистический). В ходе исследования использовались различные словари, прежде всего, «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (Klappenbach/Steinitz), «Duden», «Deutsches Wörterbuch» (Wahrig), «Groβwörterbuch Deutsch als Fremdsprache» (Langenscheidt), «Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache», «Немецко-русский словарь разговорной лексики» (В. Д. Девкин) и др. При исследовании вопроса применялись следующие методы: описательный, морфологический, непосредственно составляющих, когнитивного моделирования и когнитивный анализ. Выбор материала обусловлен общим композиционным принципом, заключающемся в наличии морфологических признаков границ между компонентами, образующими грамматически и семанти-

чески спаянную единицу, которая может быть описана как элемент словарного состава языка, а при актуальной реализации способна быть членом предложения.

Результаты исследования и их обсуждение

Уже в памятниках древневерхнемецкого периода широко использовались субстантивные композиты типа N + N, которые были названы Я. Гриммом ‘eigentliche Komposita’ (‘подлинные композиты’). Для них характерно отсутствие флексии у первого члена. В Lex Salica несколько раз встречается композита *haristatha* для обозначения надгробного памятника, разрушение которого карается законом. У Ноткера др.-в.-нем. *heriberga* первоначально означало ‘убежище для войска’, постепенно расширило значение до ‘прибежище, приют для путешественников’, ср. совр. *Herberge* ‘турбаза, приют’. В капитуляриях Карла Лысого *hari* встречается в композите *harizuht* ‘разбойничий набег шайки’. Основообразующий суффикс, так называемый соединительный гласный, сохранялся еще какое-то время, но частично отпал уже в древневерхненемецком; ср. др.-в.-нем. *bota + scaf* > ср.-в.-нем. *bote + schaft* > *Botschaft* ‘весть, известие’. Композиты, у которых первый член имеет флексию родительного падежа (например, *wolfes milh*, *sneckin hūs*), названы Я. Гриммом ‘uneigentliche Komposita’ (‘неподлинные композиты’). Этот тип возник в результате универбации словосочетания, например, *der gottes bote* > *Gottesbote* ‘посланник Бога’. Соединительные элементы между компонентами сложного слова представляют собой окончания словоизменения существительных. Так, *Gottesbote* относится к неподлинным, или неполносложным, композитам. Личное же женское имя *Gotalint* (*-a-* здесь гласный основы) является подлинным сложным словом, как и *slagifedera* ‘Schlagfeder’ (с тематическим гласным *-i-*), русск. ‘ударная пружина’ [14, с. 113].

Для синхронного описания приведенные примеры стоят в одном ряду с композитами *Hängebrücke*, *Gänsebraten*, *Jahresbericht* — сложными словами с соединительными элементами. То, что *-e-* здесь является рефлексом древнего гласного основы слова (в диахронии эти слова являются подлинными композитами), для синхронии не является определяющим фактором при их классификации. Принимая во внимание эти факторы, возникает вопрос о целесообразности использования терминов ‘eigentliche’ (echte) и ‘uneigentliche’ (unechte) для синхронного словообразования.

Введенный О. Бехагелем третий термин *Zusammenrückungen* (сдвиги) по отношению к существительным типа *Krauseminze* ‘мята курчавая’, *Langeweile* ‘скука’, не имеет четко установленных границ употребления. Иногда он используется в противоречивом смысле, например, для обозначения многочисленных окказиональных образований, встречающихся в немецких СМИ (*Nahost-Krieg-Diskussion*, *Nahost-Konflikt*), или для обозначения существительных, как *Edelmann*, прилагательных *tiefblau*, глаголов *abziehen*, *haushalten*, которые одновременно обозначаются термином *Zusammensetzung* [15].

В становлении генитивной словообразовательной модели решающую роль играют определенный артикль и изменение местоположения слова в словосочетании. В средневерхненемецком определение, выраженное существительным в родительном падеже, предшествовало определяемому слову. В ранненововерхненемецком оно перемещается в постпозицию по отношению к определяемому слову. Ср. ср.-в.-нем. des *vater(e) hûs* > ран.-н.-в.-нем. *des vaters haus* > *das haus des vaters* > совр. *das Haus des Vaters*. Таким образом, в средневерхненемецком языке свободное словосочетание, например, *wolfes milh* или *senefes korn*, четко не отграничивалось от сложений. В ранненововерхненемецком они однозначно являются уже композитами. На это указывает определенный артикль, относящийся ко второму, определяемому компоненту, а не к первому, как в генитивном словосочетании.

В дальнейшем флексия родительного падежа выступает исключительно в роли соединительного элемента. Это относится также к композитам, у которых первый член — существительное в родительном падеже (*Geburtstag* ‘день рождения’) или глагольная основа (*Hängematte* ‘гамак’, *Entladerampe* ‘разгрузочная эстакада’). Упразднение флексии родительного падежа приводит к устранению основного различия между «подлинными» и «неподлинными» композитами. В современном немецком языке существует единая словообразовательная модель N + N, которая благодаря соединительным элементам имеет формальные варианты. Наряду с фонологически нереализуемым нулевым соединительным элементом выступают с разной степенью частотности элементы *-s-*, *-n-*, *-er-*, -e-, *-ens-* и *-o.*

Сложное слово в немецком языке размежевывается от словосочетания по следующим признакам: 1) оно имеет одно сильное ударение (ср. *das ˈNeuhaus* vs. *das neu**e** ˈHaus*); 2) отсутствует флексия у флективного первого компонента; 3) имеет иной порядок компонентов. Характерной особенностью

немецкого сложного слова является слитное написание компонентов, в отличие от раздельного написания словосочетания. Хотя в современных германских языках обнаруживаются орфографические колебания, которые привели в некоторых случаях к промежуточному способу написания с использованием тире. Средневерхненемецкие сложные слова часто писались раздельно. В английском языке раздельное написание часто встречается там, где в других языках обязательным является слитное написание. Поэтому отличить сложное слово в английском языке от словосочетания сложнее, чем, например, в немецком языке (*back teeth* ‘коренные зубы’ и *cellar door* ‘дверь в подвал’); ср. нем. *Feingold / feines Gold* и англ. *fine gold*. В нидерландском языке, как и в немецком, сложные слова формально отличаются от эквивалентных словосочетаний. Несмотря на то, что сложение в нидерландском языке является продуктивным способом, а на отдельные группы сложных слов накладываются такие же системные ограничения, как и в немецком языке, в нидерландском языке сложные слова часто уступают место словосочетаниям [10].

Особое место в системе словообразования немецкого языка занимает субстантивное словосложение, заметно выделяющееся на фоне других именных классов слов. По оценке исследователей, доля сложных существительных этой части словарного состава языка составляет около 83,6 %, прилагательных — 8,6 %, причастий II — 5 % и причастий I — 2,8 % [17]. Очевидно, что это не абсолютные числовые показатели, так как во многих случаях граница между синтаксическими единицами, с одной стороны, и производными единицами, с другой, отчетливо не выражена. Между ними существуют переходные зоны с многочисленными промежуточными формами. Поэтому для правильного понимания статистических данных необходимо указать те критерии, по которым происходит такой подсчет.

Высокая продуктивность именных композитов в современном немецком языке объясняется снятием многих морфологических ограничений в процессе языкового развития. Так, в древневерхненемецком языке, в отличие от современного, многочленные N + N-композиты (например, *Kaffevorratsbehälter* ‘контейнер для хранения кофе’) встречаются также редко, как и композиты с производным первым членом (*Sicherheitsbestimmung* ‘обеспечение безопасности’). Изменения в области существующих морфологических ограничений могут быть вызваны воздействием со стороны синтаксиса. Выше мы уже касались так называемых генитивных композитов, возникших благодаря становлению в немецком языке определенного артикля и изменению места слова в словосочетании в родительном падеже в средне- и ранневерхненемецкий период.

В содержательном плане композиты обычно имеют бинарную структуру, которая предполагает наличие как минимум двух основных компонентов. Например, такое существительное, как *Fußballweltmeisterschaft* ‘чемпионат мира по футболу’, состоит из двух компонентов, основ существительных: *Fußball* ‘футбол’ и *Weltmeisterschaft* ‘первенство мира’. Первый компонент является определением по отношению ко второму. В свою очередь, каждый из этих компонентов состоит тоже из двух частей. Существительное *Fußball* состоит из основ *Fuß* ‘нога’ и *Ball* ‘мяч’. Существительное *Weltmeisterschaft* состоит из слов *Welt* ‘мир’ и *Meisterschaft* ‘первенство, чемпионат’. В сложном слове внутренняя граница между основными компонентами графически и морфологически не всегда четко выражена. В зависимости от интерпретации общего смысла композиты она может быть подвижной. Поэтому отнесение композитов к дву- или трехчленным образованиям во многом будет зависеть от тех критериев, согласно которым происходит такое деление. Такие композиты, как *Rückfahrkarte* ‘обратный билет’ или *Lieblingsobsttorte* ‘торт из любимых фруктов’, можно считать двучленными и трехчленными образованиями (*Rück-* как морфологическое укорачивание наречия *zurück* или как аффиксоид; аналогично *Lieblings-* как одна лексема, а не как двучленное образование).

Как уже говорилось, семантическая и номинативная целостность сложного слова отражается в орфографии. В большинстве случаев компоненты сложного слова пишутся слитно. По данным Ортнер, около 6 % немецких субстантивных существительных пишутся через дефис, что обусловлено степенью употребления слова. Количество определительных композитов с написанием через дефис превышает 50 %. Почти у 1/3 сочинительных композитов между компонентами отсутствует дефис [17]. На наш взгляд, слитное написание многочленных композитов представляет определенную трудность в плане их восприятия и распознавания смысла, например, *Fußballweltmeisterschaft*.

Как правило, если в качестве первого компонента используется сокращенное слово (*AfD-Mitglied*), имя собственное (*Scholz-Regierung*), чис-

лительное (*Drei-Uhr-Zug*), то сложное слово пишется через дефис. Дефис может использоваться как стилистическое средство для графического выделения «первоначальной» структуры сложного слова, например, *Dreh-Arbeiten*, *Wort-Art* и т. д. Использование дефиса в таких случаях строго не упорядочено. Часто встречаются дублетные формы, ср. *Filter-Zigarette* наряду с *Filterzigarette*, *Tenor-Solo* наряду с *Tenorsolo*, *Buddha-Statue* наряду с *Buddhastatue*.

Сложные существительные с прилагательным в качестве первого члена обычно состоят из двух основных компонентов (Adj. + Nom.). Трехчленные композиты, у которых первый член является сложным словом или словосочетанием, как правило, представляют собой новые образования, особенно терминологического характера, например, *Fertigbauweise* ‘строительство с применением сборных элементов’, *Flüssigkristallanzeige* ‘жидкокристаллический индикатор’, *Freiborddeck* ‘палуба надводного борта’, *Altackerboden* ‘старопахотное поле’ и другие. Многократно встречаются композиты с компонентом *Gemischt-* ‘смешанный, разнородный’, особенно при *Gemischtwaren-* (*Gemischtwarenhandlung* ‘небольшой магазин по продаже продовольственных, галантерейных или хозяйственных товаров’), *Gebraucht-* (*Gebrauchtwarengeschäft* ‘комиссионный магазин’) и *Halbfertig-* (*Halbfertiggericht* ‘полуфабрикат’). Часто в композитах этого типа первым членом является односложное прилагательное, например, *Rotlicht* ‘красный свет’, *Neumond* ‘новолуние’, *Grünland* ‘выгон, луг’ и т. д. В современном немецком языке наблюдается тенденция роста использования в качестве первого компонента многосложных заимствованных прилагательных на *-al, -ar/är*, *-iv* и т. п. Старое правило, ограничивающее образование композитов от суффиксальных производных на *-bar* и *-lich*, сейчас соблюдается менее строго. Быстро растет число прилагательных на *-ig*, используемых в качестве первого компонента сложного слова (например, *Fertiggericht* ‘готовое блюдо, разогреваемое перед употреблением’).

Что касается первых членов с глагольной основой, то наряду с многочисленными первыми членами с простой глагольной основой (*Schreibtisch* ‘письменный стол’) или с (полу-)префиксальной глагольной основой (*Maßhaltepolitik* ‘политика «умеренности»’, *Einschreibbrief* ‘заказное письмо’), существует большое структурное разнообразие сложных отглагольных образований. Это разнообразие обусловлено как валентными характеристиками глагола, так и его способностью выступать в предложении в роли предиката. Так, словосочетание *Zähne putzen* ‘чистить зубы’ способно образовать основу первого члена *Zahnputz-* (*Zahnputzglas* ‘стаканчик для чистки зубов’, *Zahnputzbürste* ‘зубная щетка’).

Полученные нами при анализе данные свидетельствуют об изоморфизме простых отглагольных основ и производных основ с суффиксом *-ung* (*Abendessenszeit* ‘время ужина’, *Babyernährungsregeln* ‘правила кормления младенца’ и т. п.). Именно поэтому существует так много дублетных форм: первый член может быть мотивирован как глаголом, так и отглагольным существительным. Но в содержательном плане формы дублетных композитов идентичны: *Gärprozess* ‘процесс брожения’ наряду с *Gärungsprozess*, *Fahrkosten* ‘расходы на проезд’ наряду с *Fahrtkosten*, *Springseil* ‘скакалка’ наряду с *Sprungseil*, *Ausziehtisch* ‘раздвижной стол’ наряду с *Auszugstisch* и т. д.

Большим морфологическим разнообразием характеризуется группа композитов, у которых первым членом является существительное. Особенно многочисленны редуцированные трикомпозиты, часто не воспринимаемые как таковые носителями языка, так как их значение хорошо известно из общей речевой практики, например, *Schlachthof* (< *Schlachtviehhof*), *Ziegenkäse* (< *Ziegenmilchkäse*), *Kurkonzert* (< *Kurortkonzert*), *Kartoffelfeuer* (< *Kartoffelkrautfeuer*) и многие другие.

Трехчленные композиты также членятся на две части, основную и определяющую. Так, *Flugzeugschlepp//start* ‘старт с буксировки за самолетом’ состоит из трех членов: из основы существительного *Flugzeug-*, глагольной основы *schlepp-* и основы существительного *Start-*. Граница между определяющей и основной частью в трехчленных композитах не всегда может быть отчетливо выражена, если второй член выражен глагольной основой. Например, *Bergwander//schuhe* ‘Schuhe zum Bergwandern’ ‘ботинки для похода в горы’ и *Berg//wanderschuhe* ‘Wanderschuhe für den Berg’ (‘туристические ботинки для гор’), *Getreide//sammelstelle* ‘Sammelstelle für Getreide’ и *Getreidesammel//stelle* ‘Stelle, an der man das Getreide sammelt’. В композите *Selbstheilungskraft* (‘способность исцелять себя’ / ‘сила самоисцеления’) структурные формулы «(a + b) + c» и «a + (b + c)» связаны подобием. Таким образом, в виду размытости границ между основным и определяющим компонентам многочленное сложное слово может быть по-разному истолковано в зависимости от способа его прочтения. Граница может проходить как после первой, так и после второй лексемы. У субстан-

тивных композитов с отглагольным компонентом значение близко значению глагольной группы. Такие образования представляют собой формальную структуру с выраженной повторной мотивацией, например, *Bogenschießstand* → ‘Schießstand für Bogen (стрельбище для стрельбы из лука)’ / ‘Stand zum Bogenschießen (щит для стрельбы из лука)’.

Немецкие трехчленные композиты образуют следующие морфологические типы:

a) (существительное + существительное) — существительное: *Bedarfsgüterproduktion*, *Bodenfeuchtegehalt*, *Druckknopfverschluss*;

b) (глагол + существительное) — существительное: *Trinkmilchabstz*, *Fallaubschicht*, *Tragflächenboot*;

c) (прилагательное / числительное + существительное) — существительное: *Tiefdruckgebiet*, *Weißweinsorte*, *Dreifarbendruck*, *Vierzigstundenwoche*;

d) (существительное + глагол) — существительное: *Zahnputzglas*, *Blutspendenaktion*;

e) (существительное + прилагательное) — существительное: *Magenbitterrest*;

f) (предлог + существительное) — существительное: *Nachkriegszeit*, *Nebenerwerbsbetrieb*, *Nebenstellenanlage*, *Pro-Kopf-Einkommen*, *Per-Post-Lieferung* и т. д.

С морфологической точки зрения структуры, включающие четыре и более члена, не представляют собой чего-то необычного, поэтому исключаются нами из дальнейшего рассмотрения. Менее ясен вопрос о причинах расширения и редукции морфологической структуры сложного слова. Если первый член подвержен редукции различного порядка, то основа двух- или многочленной композиты, за исключением особого случая контаминации, сплошь представлена полной формой. Немногочисленные особые случаи объясняются также формами контаминации, как-то *Getreidebau* представляет скрещивание композиты *Getreideanbau* ‘возделывание зерновых культур’ и отчасти лексикализированного *Ackerbau* ‘полеводство’, *Tierschau* является контаминированной формой, возникшей из *Tierhaltung*, с одной стороны, и словосочетания *zur Schau stellen* — с другой. Не исключено и образование по аналогии с другими композитами на *-schau* (*Leistungs-*, *Sonder-*, *Musterschau* и т. д.). Возможно, в данном случае имеет место укорачивание основы, как, например, в композите *Milchmix* вместо *Milchmixgetränk*, *Wirtschaftsgipfel* вместо *Wirtschaftsgipfelkonferenz*.

Укороченная форма сохраняется в речевом узусе, поскольку она выражает стремление говорящих к языковой экономии. Такие формы, получившие терминологическое обозначение «blends» или «Wortmischung» (например, *Stagflation* из *Stagnation* и *Inflation*, *Kurlaub* из *Kur* и *Urlaub*), собственно говоря, не являются композитами в обычном понимании этого термина и составляют единичные случаи.

Однако те структуры, в которых конституанты имеют форму сокращенного слова или аббревиатуры, представляют собой композиты с характерной для них морфологической особенностью. В немецком языке количество композитов с сокращенным вторым компонентом невелико, оно составляет лишь около 0,3 % всех случаев, например, *Parfumdeo* < *-deodorant*, *Radldemo* (‘демонстрация на велосипедах’) < *-demonstration*. Во всех таких случаях сокращенное слово (*Deo* и т. п.) возникает не в результате образования композиты, оно уже имелось в речевом узусе. Только в исключительных случаях оба компонента композиты являются акронимами: *DDR-NOK* (Национальный олимпийский комитет в бывшей ГДР). На месте композиты может выступать словосочетание, которое затем стягивается в сложное слово, например, *Neugeborenen-Schiefhals* ‘кривошея у новорожденных’. Часто первым членом композиты является инициальное слово, обозначающее название фирмы (*BMW-Vertragsfahrer*, *VW-Techniker*), государства (*BRD-Firma*, *US-Chefdelegierter*), политического союза (*EU-Mitglied*, *SPD-Fraktion*), экономических организаций (*OPEC-Ölkartell*), реже газет (*SZ-Leser* ‘читатели газеты «Зюддойче Цайтунг»’, *TT-Service* ‘юридические услуги «Тирольской ежедневной газеты»’).

Заключение

Из изложенного следует, что основным типом следует признать двучленную структуру с первым членом — существительным. Структура трехчленных композитов типа *Langlaufschi* ‘беговые лыжи’ характеризуется морфологическим членением как первого, так и второго компонентов. Многочленные композиты (*Straßenbahnhaltestelle* ‘остановка трамвая’) также состоят из двух компонентов, основного и определяющего, каждый из которых, в свою очередь, может быть простым или сложным. В количественном отношении композиты с первым членом — существительным представляют подавляющее большинство, их насчитывается около 80 % исследовательского корпуса, с глагольной основой насчитывается примерно 6,5 %. У 5,5 % композитов первый член может быть мотивирован как существительным, так и глагольной основой. Количество композитов с прилагательными составляет около 4,5 %. При

образовании сложных слов на разные классы слов накладываются определенные морфологические ограничения. С существительными соединяются в основном мономорфематические прилагательные (*Leichtgewicht* ‘легкий вес’, *Rotlicht* ‘красный свет’, *Schwerstarbeit* ‘особо трудная работа’). Сложное слово обладает собственным значением, полностью не совпадающим со значением соответствующей ему синтаксической конструкции. Собственно, синтаксические различия и противопоставления обосновывают использование в предложении модусных и служебных морфем, которые обычно отсутствуют в структуре сложного слова. Морфологически сложное слово характеризуется отсутствием у определяющего компонента маркеров числа и падежа.

Список источников

1. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат ; коммент. Е. С. Кубряковой ; под ред. и с пред. М. М. Гухман. Москва : Прогресс, 1968. 606 с.

2. Борисенкова Л. М. Словообразование немецкого языка в когнитивном рассмотрении // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4–2. С. 64–66.

3. Борисенкова Л. М. Особенности словообразовательной концептуализации (на материале словообразования немецкого языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 93–97.

4. Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов: автореф. дисс. ... доктора филологических наук. Смоленск, 2022. 38 с.

5. Ирисханова О. К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 92–98.

6. Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. Вступительная статья С. Д. Кацнельсона. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.

7. Фитч У. Т. Эволюция языка / Пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова; послесл. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. Москва : Языки славянской культуры, 2013. 824 с.

8. Berman R. Children’s acquisition of compound constructions // Rochelle Lieber & Pavol Štekauer (eds.). The Oxford Handbook of Compounding. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 298–322.

9. Bopp Fr. Kritische Grammatik der Sanskrita — Sprache in kürzerer Fassung. Vierte durchgesehene Ausgabe. Berlin : Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1868. 479 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.340689/page/n497/mode/2up (дата обращения: 14.03.2026).

10. Boonen U. K., Harmes I. Niederländische Sprachwissenschaft: eine Einführung / Ute K. Boonen, Ingeborg Harmes. 2. Vollständig überarbeitete Auflage. Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag, 2023. 318 p.

11. Braunweiler P. Substantivkomposita im Sprachvergleich Französisch — Deutsch. 1. Auflage. München : GRIN Verlag, 2000. 19 p.

12. Deilen S. Optische Gliederung von Komposita in leichter Sprache: Blickbewegungsstudien zum Einfluss visueller, morphologischer und semantischer Faktoren auf die Verarbeitung deutscher Substantivkomposita. Berlin : Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2022. 778 p.

13. Ermlich K. Zur Wiedergabe deutscher Substantivkomposita im Englischen // Deutsch als Fremdsprache. 2004 № 4. P. 206–212.

14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1969. 327 p.

15. Henzen W. Deutsche Grammatik. 3., durchges. u. erg. Aufl. Tübingen : De Gruyter, 1965. 314 p.

16. Meineke E. Substantivkomposita des Mittelhochdeutschen: eine korpuslinguistische Untersuchung. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2016. 664 p.

17. Ortner L. Substantivkomposita: (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1). Berlin/Boston : De Gruyter, 2017. 904 p.

18. Plath V. Komposita und Kompositionalität : Möglichkeiten und Grenzen der semantischen Dekodierung von Substantivkomposita. Berlin; New York; NY : De Gruyter, 2011. 365 p.

19. Solling D. Zur Getrennt-, Zusammen- und Bindestrichschreibung von Substantivkomposita im Deutschen // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Bd. 81. 2014. № 1. P. 121–123.

20. Vandermeer S. “Muttertag” und “Tagesmutter” : semantische Analyse deutscher Substantivkomposita

mit Verwandschaftsbezeichnungen. Essen : LAUD, 1998. 265 p.

References

1. Bloomfield L. Language. Translated by Kubryakova ES, Murat VP; comments by Kubryakova ES; edited and with introduction by Gukhman MM. Moscow: Progress? 1968. 606 p. (In Russ.).

2. Borisenkova LM. Word formation in the German language in cognitive aspect. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Vyatsk State University.* 2018;(4-2):64-66. (In Russ.).

3. Borisenkova LM. Features of word-formation conceptualization (based on word formation in the German language). I*zvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News Volgograd State Pedagogical University.* 2009;(2(36)):93-97. (In Russ.).

4. Voronina LV. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivacionnyh i kompozicionnyh processov = Substantive word formation in modern German: cognitive-discursive representation of derivational and compositional processes. Avtoreferat of dissertation Dr. Sci in Philology. Smolensk? 2022. 38 p. (In Russ.).

5. Irishanova OK. Research on Perspective in Cognitive Linguistics: Problems and Challenges. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language.* 2013;14:92-98. (In Russ.).

6. Paul' G. Principy istorii yazyka = Principles of the Language History. Moskva, Izd-vo inostrannoj literatury? 1960. 500 p. (In Russ.).

7. Fitch UT. Ehvolyuciya yazyka = Encyclopedia of Language. Moskva, Yazyki slavyanskoj kul'tury? 2013. 824 p. (In Russ.).

8. Berman R. Children's acquisition of compound constructions. The Oxford Handbook of Compounding. 2009;298-322.

9. Bopp Fr. Kritische Grammatik der Sanskrita — Sprache in kürzerer Fassung = Critical Grammar of Sanskrit – a shorter version of the language. Berlin, Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1868. 479 p. Available from: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.340689/page/n497/mode/2up [Accessed 14 April 2025]. (In German).

10. Boonen UK, Harmes I. Niederländische Sprachwissenschaft: eine Einführung = Dutch Linguistics: An Introduction. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2023. 318 p. (In German).

11. Braunweiler P. Substantivkomposita im Sprachvergleich Französisch — Deutsch = Noun compounds in a language comparison between French and German. München, GRIN Verlag, 2000. 19 p. (In German).

12. Deilen S. Optische Gliederung von Komposita in leichter Sprache = Visual division of compound words in easy language. Berlin, Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2022. 778 p. (In German).

13. Ermlich K. Rendering German compound nouns in English. *Deutsch als Fremdsprache = German as a Foreign Language.* 2004;(4):206-212. (In German).

14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache = Word formation in modern German. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1969. 327 p. (In German).

15. Henzen W. Deutsche Grammatik = German Grammar. Tübingen, De Gruyter, 1965. 314 p.

16. Meineke E. Substantivkomposita des Mittelhochdeutschen: eine korpuslinguistische Untersuchung = Noun compounds of Middle High German: a corpus linguistic study. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2016. 664 p. (In German).

17. Ortner L. Substantivkomposita: (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen) = Noun compounds: (compounds and compound-like struktures). Berlin/Boston, De Gruyter, 2017. 904 p. (In German).

18. Plath V. Komposita und Kompositionalität : Möglichkeiten und Grenzen der semantischen Dekodierung von Substantivkomposita = Compounds and Compositionality: Possibilities and limitations oft he semantic noun compounds decoding. Berlin; New York; NY, De Gruyter, 2011. 365 p. (In German).

19. Solling D. On the separate, compound and hyphenated spelling of noun compounds in German. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik = Journal of Dialectology and Linguistics.* 2014;(81(1)):121-123. (In German).

20. Vandermeer S. "Muttertag" und "Tagesmutter" : semantische Analyse deutscher Substantivkomposita mit Verwandschaftsbezeichnungen = "Muttertag" and "Tagesmutter": Semantic analysis of German noun compounds with kinschip terms. Essen, LAUD, 1998. 265 p. (In German).

Информация об авторе

А. Н. Беляев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the author

A. N. Belyaev — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 104–110.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):104-110.

Научная статья

УДК 81’373.237

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-104-110

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЯВЛЕНИЯ И РОСТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЕМИНИТИВОВ-НЕОЛОГИЗМОВ В СВЯЗИ С РАСШИРЕНИЕМ СПИСКА ПРОФЕССИЙ, ДОСТУПНЫХ ЖЕНЩИНАМ

Юлия Сергеевна Замышляева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, lily-ulia@mail.ru, 0000-0003-0021-8643

Аннотация. В данной статье рассматривается, как сокращение перечня профессий с вредными или опасными условиями, на которых применение труда женщин ограничивается, влияет на появление феминитивов-неологизмов и на расширение их употребления в СМИ и интернет-дискурсе. Ряд важных изменений, вступивших в силу с 2021 по 2026 г., значительно расширил карьерные возможности для женщин и открыл для них новые сферы труда. С целью подчеркнуть необычность явления (поскольку ранее данные должности занимали исключительно мужчины) и привлечь внимание читателей авторы новостных заголовков, блогов или онлайн-объявлений о работе прибегают к использованию феминитивов-неологизмов. Наибольшее распространение получили такие номинации, как дальнобойщица, машинистка, арматурщица. Другие феминитивы-неологизмы встречаются реже (инженерка, дробильщица) или пока не используются вовсе, что может быть вызвано рядом лингвистических и экстралингвистических причин. Многие сферы труда стали доступны относительно недавно, поэтому женщины в них еще широко не представлены, в связи с чем у носителей языка пока отсутствует потребность в корректной и лаконичной профессиональной номинации женского рода. Кроме того, в ряде случаев форма феминитива получается достаточно морфологически сложной (техникиня, техникесса), что не позволяет кратко указать на пол лица (значит, шансы на распространение такой номинации крайне малы), а также иногда возникают проблемы с омонимией и полисемией. Некоторые феминитивы-субдериваты звучат как уже устоявшиеся в языке стилистические маркированные феминитивы или разговорные обозначения неодушевленных существительных, поэтому используются не так активно, например, токарка, слесарка, техничка и др.

Ключевые слова: феминитивы, феминитивы-неологизмы, феминитивы-субдериваты, профессиональные номинации, омонимия, полисемия, лексическая неоднозначность

Для цитирования: Замышляева Ю. С. Перспективы появления и роста использования феминитивов-неологизмов в связи с расширением списка профессий, доступных женщинам // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 104–110. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-104-110.

Original article

THE PROSPECTS FOR THE EMERGENCE AND GROWTH IN THE USE OF FEMINATIVES-NEOLOGISMS IN THE CONTEXT OF THE EXPANDING LIST OF PROFESSIONS OPEN TO WOMEN

Yulia S. Zamyshliaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lily-ulia@mail.ru, 0000-0003-0021-8643

Abstract. This article examines how the reduction in the list of occupations with harmful or dangerous conditions in which women’s employment is restricted influences the emergence of feminitives-neologisms and their increased use in the media and online discourse. A number of important changes, which came into effect between 2021 and 2026, significantly expanded career opportunities for women and opened up new fields of work. To highlight the unusual nature of this phenomenon (since these positions were previously exclusively occupied by men) and attract readers’ attention, authors of news headlines, blogs, and online job postings resort to using feminitives-neologisms. The most common nominations are dalnobojshchica, mashinistka and armaturshchica. Other feminitives-neologisms are less common (inzhenerka, drobilshitsa) or are not yet used at all, which may be due to a number of linguistic and extralinguistic reasons. Many fields of work have only recently become accessible, so women are not yet widely represented in them. Consequently, native speakers lack the need for a correct and concise feminine

© Замышляева Ю. С., 2026

professional designation. Furthermore, in some cases, the feminitive form is quite morphologically complex (e.g., tekhnikinya, tekhnikessa), making it impossible to concisely indicate a person's gender (meaning the chances of such designation becoming widespread are extremely small). Problems with homonymy and polysemy also sometimes arise. Some feminitives-subderivatives sound like established stylistically marked feminitives or colloquial designations of inanimate nouns and are therefore not widely used, for example, tokarka, slesarka, tekhnichka, etc.

Keywords: feminitives, feminitives-neologisms, feminitives-subderivatives, professional nominations, homonymy, polysemy, lexical ambiguity

For citation: Zamyshliaeva YuS. The Prospects for the Emergence and Growth in the Use of Feminatives-neologisms in the Context of the Expanding List of Professions Open to Women. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):104-110. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-104-110.

Введение

Экстралингвистические факторы являются одной из ключевых причин появления и роста популярности использования феминитивов, в частности, этому послужило расширение рынка труда для женщин [12; 14]. Перечень сфер деятельности, в которых могли бы быть заняты женщины, значительно расширился еще до XX в., чему во многом поспособствовали отмена крепостного права и активная перестройка экономического устройства общества [6]. Постепенно в ряде случаев возникла необходимость в корректном и лаконичном обозначении профессионального деятеля женского пола, что привело к активизации уже существовавших на тот момент феминитивов и появлению неологизмов.

В Российской Федерации до сих пор постепенно изменяется список профессий, доступных для представителей обоих полов. На данный момент нет такого нормативно-правового акта, который бы строго регламентировал список разрешенных «женских» профессий, но приказ Минтруда № 512н[1] включает в себя перечень производств, работ и должностей с вредными или опасными условиями, на которых применение труда женщин ограничивается.

За последние годы данный перечень был неоднократно пересмотрен и претерпел ряд изменений, что вновь открыло для женщин большой пласт различных, ранее недоступных сфер деятельности. Цель данного исследования — проанализировать, как изменился список должностей, доступных в РФ для женщин, за период с 2021 по 2026 гг., и установить, повлияло ли это на появление феминитивов-неологизмов в данных профессиональных отраслях, а также проследить особенности функционирования этих новых лексических единиц в интернет-дискурсе и СМИ.

Результаты исследования

Первая волна значительных изменений произошла в 2021 г. Ранее действовал старый перечень, утвержденный правительством РФ еще в 2000 г., который насчитывал 456 видов деятельности. С 1 января 2021 г. он был заменен новым, содержавшим всего 100 позиций. Теперь ограничения стали более адресными и ориентированными на конкретные вредные и опасные условия труда. Благодаря этим изменениям женщинам открылись такие виды деятельности, как водитель большегрузного автомобиля, водитель фуры, самосвала, КамАЗа, тракторист, боцман, шкипер, матрос палубной команды, машинист скоростного и высокоскоростного электропоезда, газосварщик, электросварщик, монтажник стальных и железобетонных конструкций, верхолазные работы выше 10 м и др. В связи с этим «Студия Артемия Лебедева» в преддверии Международного женского дня в 2021 г. выпустила поздравительный плакат, где в форме феминитивов были перечислены новые профессии, доступ к которым теперь появился у женщин (рис. 1).[2]

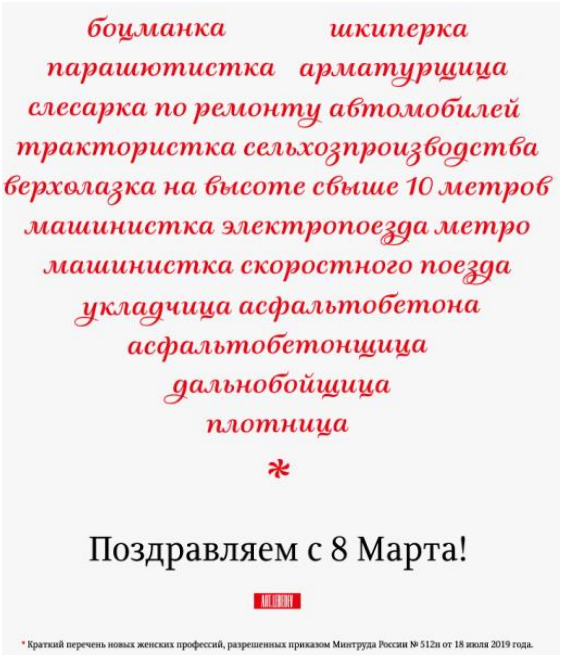


Рис. 1. Плакат к 8 марта (2021). Студия Артемия Лебедева[2]

[1] Приказ Минтруда России от 18.07.2019 №512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин».

[2] Студия Артемия Лебедева, 04.03.2021. URL: https://www.artlebedev.ru/

Все вышеперечисленные феминитивы-неологизмы стоит отнести к феминитивам-субдериватам [8], поскольку данные виды деятельности не являются относительно новыми, а для обозначения профессионального деятеля всегда используется форма мужского рода (не в обобщенном значении, а по причине того, что в данных отраслях были задействованы только мужчины).

После вступления в силу данных изменений ряд перечисленных феминитивов-неологизмов стал активнее использоваться в СМИ и интернет-дискурсе. Чаще всего встречаются такие номинации, как *дальнобойщица* и *машинистка*. Ср.:

История ***женщины-дальнобойщицы*** *из Бурятии*[1]*;*

Анна Уколова освоила профессию ***дальнобойщицы***[2]*;*

Хозяйки дорог: как живут и работают счастливые ***дальнобойщицы***[3]*;*

Выходит в рейс первая в России ***машинистка*** *поезда дальнего следования*[4]*;*

В Кузбассе появилась первая ***машинистка*** *грузового поезда*[5].

Интересно отметить, что феминитив *дальнобойщица* встречался в русскоязычных СМИ и до вышеупомянутых изменений в законодательстве 2021 г., преимущественно для обозначения женщин-водителей большегрузов в других странах, где это уже было разрешено ранее. Ср.:

Самая красивая ***дальнобойщица*** *Японии стала звездой соцсетей*[6].

Феминитив *машинистка* в данном контексте мы также рассматриваем как субдериват, поскольку уже закрепленный в языке феминитив, обозначающий женщину-специалиста по набору текста, не соответствует данному лексическому значению. Здесь особенно важным становится то, что благодаря расширению рынка труда для женщины уже существующие феминитивы приобретают новую семантику.

О. В. Григоренко отмечает, что начало XXI в. характеризуется неологизацией лексического состава русского языка, что «приводит к развитию полисемии и омонимии как в сфере, ограниченной составом исключительно неогенной лексики, так и в сфере, включающей как существовавшие ранее, так и новые словесные единицы» [5, с. 59].

Однако в случае с феминитивом *машинистка*, несмотря на наличие четких критериев разграничения, сложно точно сказать, идет ли здесь речь об омонимии или полисемии. В рамках данного исследования мы придерживаемся позиции Б. П. Кобрицова [10] и считаем, что здесь речь идет скорее о лексической неоднозначности, которая представляет собой обобщенное понятие (объединяет под собой омонимию и полисемию), поскольку номинация может иметь более одного значения, вне зависимости от того, какие семантические связи существуют между отдельными значениями.

Важно отметить, что такие варианты феминитивов, как *слесарка* и *токарка*, не получили распространения. Возможно, на употребительность неологизма также влияет и сам дериват. Если номинация *машинистка* изначально выступала как феминитив, хоть и в другом значении, то *слесарка* и *токарка* использовались как разговорные обозначения неодушевленных существительных.

Феминитив *арматурщица* также встречается в медиадискурсе, но уже не так распространен. Часто в СМИ вместо него используется форма мужского рода с приложением «женщина». Ср.:

Не только работа, но и личное счастье. ***Арматурщица*** *Елена Рокунова познакомилась с мужем прямо на стройплощадке*[7]*;*

Елене 54 года. Она единственная ***женщина-арматурщик*** *на предприятии «Рудстрой» в Белгородской области*[8]*;*

Однако на многих онлайн-агрегаторах по поиску работы в названиях вакансий указаны одновременно две формы мужского и женского рода, что позволяет компании привлечь внимание потенциальных кандидатов к объявлению и сформировать определенный имидж в интернет-пространстве, а также сократить дистанцию между работодателем и соискателем [2; 15]. Кроме того, жанру объявления о приеме на работу характерны информативность и дозированность, поэтому в вакансии, публикуемой онлайн, важно передать максимум информации через использование минимального количества лексических средств [7], поэтому феминитивы-неологизмы позволяют передать позицию работодателя, что на данную должность могут претендовать кандидаты обоих полов. Ср.:

[1] Тивиком, 12.10.2021. URL: https://tvcom-tv.ru/

[2] Документальное кино, 04.05.2026, URL: https://doc.ru/

[3] Авто Мейл.ру, 19.10.2019. URL: https://auto.mail.ru/

[4] РИА Новости, 06.03.2023. URL: https://ria.ru/

[5] A42.ru, 29.06.2026. URL: https://gazeta.a42.ru/

[6] Журнал The Voice, 19.01.2019. URL: https://www.thevoicemag.ru/

[7] Комсомольская правда, 05.09.2029. URL: https://www.ryazan.kp.ru/

[8] Минстрой России. Построить будущее. URL: https://spec.tass.ru/build-your-future/

Арматурщица/арматурщик *(точечная сварка)*[1]*;*

Арматурщик, ***Арматурщица*** *в Спасске-Дальнем*[2]*.*

Феминитив *верхолазка* встречается в различных толковых интернет-словарях как форма женского рода для соответствующего вида деятельности, но в СМИ и блогах используется преимущественно для обозначения животных, которые любят взбираться на высоту, или для растений. Ср.:

*Пушистая «****верхолазка****» отделалась лишь легким испугом*[3]*;*

*Собачка-****верхолазка***[4]*;*

*Цветущая в Дендрарии Сочи роза-****верхолазка*** *выбрала себе в качестве опоры кипарис*[5]*.*

Остальные феминитивы-неологизмы из списка 2021 г. встречаются значительно реже (единичные словоупотребления в СМИ) или не встречаются вовсе. Однако это может быть обусловлено экстралингвистическими причинами. Поскольку данные виды длительности стали доступны относительно недавно, возможно, женщины еще не прошли соответствующее обучение или не заняли указанные должности из обновленного перечня.

Интересно отметить, что во всех приведенных примерах феминитивы-неологизмы используются не только для того, чтобы указать пол действующего лица, но и чтобы подчеркнуть необычность явления. Однако в XIX в. с этой целью применительно к женщинам использовались не феминитивы, а именно наименования профессий в форме мужского рода (также окказионально и в качестве исключения). Это шло вразрез с ранее сложившейся традицией. Если до XIX в. род в названиях профессий четко разграничивался, использование формы мужского рода позднее для обозначения должности, занимаемой женщиной, позволяло подчеркнуть, что данный вид деятельности не свойственен лицам женского пола [1]. Но сейчас мы видим обратную тенденцию, когда феминитивы-неологизмы не соответствуют официальной норме, согласно которой для обозначения профессионального деятеля любого пола чаще всего должны использоваться устоявшиеся формы мужского рода в обобщенном значении, тем самым данные новые лексемы также подчеркивают необычность явления и позволяют реализовать прагматическую функцию привлечения внимания (аттрактивность). Это особенно важно для заголовков СМИ [3; 4; 9; 11; 13], поскольку заголовок призван не только передать ключевую информацию, но и оказать определенное воздействие на читателя, стать для реципиента стимулом вступить в дискуссию с автором или как-либо прокомментировать новость.

С 1 марта 2022 г. для женщин в Российской Федерации открылся еще один обширный пласт профессий в таких сферах, как авиация, металлообработка и котельные работы, нефтегазовая отрасль. Вопрос появления и закрепления феминитивов здесь остается открытым, поскольку номинации *авиатехникиня, техникиня, техникесса* или *авиамеханикиня*, хоть и морфологически возможны, являются слишком сложными для произношения и восприятия. Вариант *техничка* также не рассматривается в связи с омонимией с уже существующим стилистически маркированным феминитивом (данный феминитив используется как разговорный для обозначения обслуживающего персонала и не может заменить собой номинацию для обозначения высококвалифицированного специалиста в авиационной сфере). В результате использование данных наименований не позволяет кратко и емко обозначить действующее лицо по полу, что приводит к вопросу о целесообразности употребления феминитивов-неологизмов в указанных отраслях.

Единственный феминитив, который здесь имеет реальные перспективы к более широкому использованию, — это *инженерка (по техническому обслуживанию самолетов или вертолетов).* Он крайне редко, но встречается в русскоязычных СМИ (пока преимущественно в казахстанских или белорусских), а также уже имел определенную востребованность в художественной литературе еще в конце XX в. Ср.:

С 2022 года она работает в компании и за это время успела пройти путь от ***стажёрки*** *до ведущей* ***инженерки***[6].

Следующая волна изменения перечня доступных женщинам профессий произошла в 2025 г. Из списка ограничений убрали управление самоходными машинами на открытых горных работах, а также на поверхности строящихся шахт и рудников. Таким образом, женщины теперь могут быть машинистами экскаватора или погрузочной машины.

Как показал предыдущий анализ, феминитив *машинистка* уже активно используется в СМИ,

[1] Портал по поиску работы HH.ru, 14.08.2024. URL: https://hh.ru/

[2] Фарпост, 15.06.2026. URL: https://www.farpost.ru/spassk-dalnii/

[3] Журнал «Уфа», 09.06.2026. URL: https://zur-ufa.ru/

[4] Живой Журнал, 01.10.2012. URL: https://www.livejournal.com/

[5] Сочистрим, 18.06.2025. URL: https://sochistream.ru/

[6] 98mag, 29.10.2025. URL: https://www.98mag.kz/

если речь идет об управлении скоростными поездами, поэтому может применяться и для обозначения специалистки по управлению спецтехникой. Здесь также мог бы быть использован вариант *операторка* (например, *операторка погрузчика* или *операторка дробильной установки*), но пока данная номинация встречается в СМИ и интернет-дискурсе преимущественно как обозначение работников киноиндустрии или колл-центров. Ср.:

Первая ***операторка*** с Оскаром в истории!!! 2026 год.[1]

Операторка Кристина 10 минут удерживала клиента, чтобы он не мог оценить консультацию[2].

Также стоит рассмотреть феминитив *дробильщица*, поскольку на данный момент запрещен только ручной труд в данной области при переработке угля и руды, работа на механизированном оборудовании допускается. Если в СМИ данная номинация встречается не так часто, то на различных платформах по поиску работы также представлено большое количество вакансий с использованием данного феминитива. Ср.:

В ноябре 2020 года на предприятии взорвались боеприпасы — погибла 45-летняя ученица дробильщика и 51-летняя ***дробильщица*** *четвертого разряда, еще одна 37-летняя* ***дробильщица*** *получила травмы.*[3]

*Дробильщик / **Дробильщица** / оператор дробильного станка*[4].

Выводы

Таким образом, постепенное сокращение перечня профессий с вредными или опасными условиями, на которых применение труда женщин ограничивается, пусть пока незначительно, но приводит к появлению и закреплению феминитивов-неологизмов. В СМИ и интернет-дискурсе уже активно используются такие номинации, как дальнобойщица, машинистка, арматурщица. Данные лексемы преимущественно употребляются с целью указать на пол действующего лица и подчеркнуть необычность явления (женщины в данных сферах все еще редкость, новость с феминитивом в заголовке призвана вызвать удивление и привлечь внимание читателя).

Однако есть ряд трудностей (как языковых, так и экстралингвистических), которые препятствуют более широкому распространению других феминитивов-неологизмов. Во-первых, большой пласт профессий стал доступен относительно недавно, поэтому есть вероятность, что женщины еще не заняли указанные должности, так как не успели пройти необходимую профессиональную переподготовку, поэтому потребности в феминитивах в данных сферах на данный момент пока нет. Во-вторых, в ряде случаев феминитивы-неологизмы морфологически получаются достаточно «громоздкими», их употребление и восприятие будут трудны как для автора, так и для реципиента, поэтому они имеют низкие шансы на частотное употребление. В-третьих, с некоторыми феминитивами возникают проблемы ввиду лексической неоднозначности. Если иногда омонимия и полисемия не вызывают сложностей, например, феминитив машинистка больше не воспринимается исключительно как номинация специалиста по набору текста, но и широко используется как форма женского рода профессии машинист, то с другими словами (верхолазка, техничка, токарка, слесарка) изменить привычное восприятие реципиента уже сложнее, на что может влиять сам дериват (насколько он изначально стилистически окрашен и используется ли для обозначения профессионального деятеля или неодушевленного существительного).

[1] Пост в социальной сети vk.ru, 16.03.2026. URL: https://vk.ru/

[2] Банки.ру, 02.07.2026. URL: https://www.banki.ru/

[3] Ufa1.ru, 06.08.2024. URL: https://ufa1.ru/

[4] Портал по поиску работы HH.ru, 09.06.2025. URL: https://hh.ru/

Список источников

1. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6–21.

2. Ван М. Языковые особенности жанра объявления о приеме на работу: функциональный аспект // Филология: научные исследования. 2021. № 5. С. 1–7.

3. Верещинская Ю. В. Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка) // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. М. : МГИМО (У) МИД России, 2007. С. 17–25.

4. Воронцова Т. А. Новостной заголовок как репрезентант события // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 21–25.

5. Григоренко О. В. Явление полисемии и омонимии в аспекте неологизации состава наименований лиц в современном русском языке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 58–65.

6. Демичева В. В., Еременко О. И., Яковлева Т. В. Роль социокультурных факторов в изменении словарного состава литературного языка XIX в. (на материале женских nomina professionalia) // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород: Эпицентр, 2016. С. 85–92.

7. Достовалова Е. К. Объявление о найме как особый жанр текста // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы. 2011. С. 21–23.

8. Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов в современной коммуникации: прагматический и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2023. 194 с.

9. Киндеркнехт А. С., Степанюк В. В. Способы привлечения внимания в заголовках СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8–2 (62). С. 94–97.

10. Кобрицов Б. П. Модели многозначности русской предметной лексики: глобальные и локальные правила разрешения омонимии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 188 с.

11. Плаксина Е. Б., Кусова М. Л. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 117–120.

12. Пронина Н. А. Использование феминитивов в разговорной речи (на материале социальных сетей) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. М., 2019. С. 92–98.

13. Прохорова К. В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. № 1. С. 238–246.

14. Скляр Е. С. Роль феминитивов в русском языке // Региональный вестник. 2019. № 11 (26). С. 43–44.

15. Zheng J. Analysis of Enterprise Human Resources Demand Forecast Model Based on SOM Neural Network // Comput Intell Neurosci. 2021. № 4. С. 118–123.

References

1. Berkutova VV. Feminatives in the Russian language: historical aspect. *Filologicheskij aspect = Philological aspect.* 2018;(11(43)):6-21. (In Russ.).

2. Van M. Linguistic features of the job advertisement genre: functional aspect. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: scientific researches.* 2021;(5):1-7. (In Russ.)

3. Vereshchinskaya YuV. Newspaper headlines from the perspective of media linguistics. *F*ilologicheskie nauki v MGIMO = Philological studies in MGIMO. Moscow: MGIMO; 2007:17-25. (In Russ.).

4. Vorontsova TA. News title as event representative. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics.* 2017;(6(66)):21-25. (In Russ.).

5. Grigorenko OV. Polycemy and homonymy phenomena in aspect of neologization of structure of the nouns denoting people in modern Russian. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Surgut State Pedagogical University Bulletin.* 2010;(2):58-65. (In Russ.).

6. Demicheva VV, Eremenko OI, Jakovleva TV. The role of sociocultural factors in changing the vocabulary of the literary language of the nineteenth century (based on the material of professional female nominees). Kognitivno-diskursivnye strategii razvitija jazyka = Cognitive-discursive language development strategies. Belgorod; 2016:85-92. (In Russ.).

7. Dostovalova EK. Recruitment advertisement as a special text genre. *Filologiya i lingvistika: problemy i perspektivy = Philology and linguistics: problems and prospects.* 2011:21-23. (In Russ.)

8. Zamyshliaeva YuS. Functioning of feminitives in modern communication: pragmatic and stylistic aspects: dis. … kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2023. 194 p. (In Russ.)

9. Kinderknekht AS, Stepanyuk VV. The means to attract readers' attention in the mass media headlines. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice.* 2016;(8-2(62)):94-97. (In Russ.)

10. Kobritsov BP. Models of polysemy in Russian object-denoting vocabulary: global and local rules for homonymy resolution: dis. … kand. filol. nauk. Moscow, 2004. 188 p. (In Russ.)

11. Plaksina EB, Kusova ML. Language means of realization of influence function of headlines. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics.* 2011;4:117-120. (In Russ.)

12. Pronina NA. The use of feminitives in colloquial speech. *Russkij yazyk na perekrestke epoh: tradicii i innovacii v rusistike = The Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies.* Moscow, 2019:92-98. (In Russ.)

13. Prohorova KV. A heading complex of the media text: special function. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature.* 2012;(1):238-246. (In Russ.)

14. Sklyar ES. The role of feminitives in the Russian language. *Regional'ni Vestnik = Regional Bulletin*. 2019;(11(26)):43-44. (In Russ.).

15. Zheng J. Analysis of Enterprise Human Resources Demand Forecast Model Based on SOM Neural Network. *Comput Intell Neurosci*. 2021;4:118-123.

Информация об авторе

Ю. С. Замышляева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Yu. S. Zamyshliaeva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 04.09.2026; одобрена после рецензирования 05.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 04.09.2026; approved after reviewing 05.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 111–118.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):111-118.

Научная статья

УДК 81’373

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-111-118

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Елена Нальбиевна Схаляхо[1]*, Светлана Александровна Сасина[2], Мадина Марзакановна Бричева[3]

[1]*Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, shn01@yandex.ru, 0009-0005-8756-5606

[2]Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, sasina63@mail.ru, 0009-0009-9264-5300

[3]Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, madinabricheva@gmail.com, 0009-0004-4202-7049

Аннотация. Проводится когнитивный и структурно-семантический анализ англоязычных неологизмов сферы туризма. Актуальность определяется потребностью изучения языковых трансформаций на современном этапе. Цель работы — выявить закономерности развития терминологии туризма в рамках антропоцентрической парадигмы. Материалом послужили словарные статьи, опубликованные в онлайн-словаре Cambridge Dictionary в разделе «New Words» за период с 2019 по 2026 г. Из более 900 неологизмов, которые вошли в данный раздел за указанный период, методом анализа словарных дефиниций были отобраны 102 единицы, относящиеся к сфере туризма. Используя метод семантического анализа, неологизмы были классифицированы по принципу воздействия экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических и др.) на появление новой лексики. Установлены корреляции между номинированием и современными социокультурными процессами. С помощью когнитивного подхода демонстрируется, как в семантике неологизмов отражается отношение человека к действительности и как антропоцентризм становится основополагающим фактором образования англоязычных туристических неологизмов. В работе также произведен структурный и компонентный анализ неологизмов. Рассмотрены монолексемные и полилексемные единицы. На основе отобранного материала установлены наиболее продуктивные модели, среди которых оказались терминосочетания, блендинг, сложные слова. Менее продуктивными стали метод аффиксации, аббревиации и другие способы терминообразования. Корневых терминоединиц не выявлено. Был описан процесс когнитивной деривации. Выбор синтаксического метода как основного в образовании терминоединиц коррелирует с общими тенденциями развития терминологий. Использование словосложения и блендинга обусловлено потребностями данной конкретной терминологии и соответствует выявленным социокультурным факторам, влияющим на развитие терминологии исследуемой сферы.

Ключевые слова: неологизм, термин, терминология туризма, антропоцентризм, структурный анализ, терминообразование, когнитивный подход

Для цитирования: Схаляхо Е. Н., Сасина С. А., Бричева М. М. Антропоцентризм как системообразующий фактор возникновения неологизмов сферы туризма (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 111–118. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-111-118.

Original article

ANTHROPOCENTRISM AS A SYSTEM-FORMING FACTOR IN THE EMERGENCE OF NEOLOGISMS IN THE TOURISM SPHERE (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Elena N. Skhalyakho[1]*, Svetlana A. Sasina[2], Madina M. Bricheva[3]

[1]*Adyghe State University, Maikop, Russia, shn01@yandex.ru, 0009-0005-8756-5606

[2]Adyghe State University, Maikop, Russia, sasina63@mail.ru , 0009-0009-9264-5300

[3]Adyghe State University, Maikop, Russia, madinabricheva@gmail.com, 0009-0004-4202-7049

© Схаляхо Е. Н., Сасина С. А., Бричева М. М., 2026

Abstract. A cognitive and structural-semantic analysis of the English tourism neologisms is carried out. The relevance is determined by the need to study linguistic transformations at the present stage. The purpose of the work is to identify patterns in the development of tourism terminology within the framework of the anthropocentric paradigm. The material was dictionary entries published in the Cambridge Dictionary online dictionary in the "New Words" section, for the period from 2019 to 2026. Of the more than 900 neologisms included in this section during the specified period, 102 units related to tourism were selected by the definitions analysis. Using the method of semantic analysis, neologisms were classified according to the principle of the influence of extralinguistic factors (social, cultural, psychological, etc.) on the appearance of new vocabulary. The cognitive approach demonstrates how the semantics of neologisms reflect a person's attitude to reality, and how anthropocentrism becomes a fundamental factor in the formation of the English tourist neologisms. A structural and component analysis of neologisms was performed. Words and word combinations were considered. Based on the selected material, the most productive methods of terminological derivation were established, among which were the formation of terminological word combinations, blending, and word composition. The least productive methods were affixation, abbreviation, and other methods of terminology formation. The process of cognitive derivation has been described. The choice of the syntactic method as the main one in the formation of terminology units correlates with the general trends in the development of terminology. The use of compounding and blending is determined by the needs of this particular terminology and corresponds to the identified social and cultural factors influencing the development of terminology in the field under study.

Keywords: neologism, term, tourism terminology, anthropocentrism, structural analysis, term formation, cognitive approach

For citation: Skhalyakho EN, Sasina SA, Bricheva MM. Anthropocentrism as a System-Forming Factor in the Emergence of Neologisms in the Tourism Sphere (Based on the English Language). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):111-118. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-111-118.

Введение

Туризм как отрасль экономики динамично развивается, адаптируясь к меняющимся условиям современного мира. Одним из основных условий развития туризма является создание инновационных туристических продуктов: «появляются новые виды развлечений, экскурсий, размещения, питания, возникают новые концептуальные подходы в соответствии с запросами современного общества» [14, с. 129]. Новые явления закономерным образом ведут к появлению неологизмов, которые стихийным образом пополняют терминологию сферы туризма и требуют систематизации.

На современном этапе внимание терминоведов все больше обращается к человеку: во главу угла ставится когнитивная составляющая термина как результата речемыслительной деятельности человека [7; 4]. Интересным становится процесс терминопорождения, когнитивные механизмы, которые ложатся в основу номинации новых единиц. Так, Л. Ю. Буянова отмечает, что «синкретизм мыслительного и речевого актов осмысляется как деривационный (в широком контексте), текстообразующий процесс, продуцирующий терминологическую ткань научной прозы, в которой неизбежно – и закономерно – отражается своеобразие индивидуального или коллективного "я", являющегося ее творцом и создателем» [3, с. 20].

Совершенствование технологий, цифровизация, стремительное развитие научных и профессиональных областей, урбанизация, быстрый ритм, в котором сегодня живет человек — все это не может не находить отражения в языке. Как справедливо отмечают лингвисты, «практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка. В связи с этим появляется возможность на основе анализа изменений лексической системы определённой области знания получать довольно точное представление об особенностях и закономерностях развития теоретической мысли» [5, с. 9].

Изучение терминологии туризма в русле антропоцентрической парадигмы, на наш взгляд, весьма оправдано, так как сама концепция туризма априори человекоориентирована: она ставит в приоритет потребности человека в отдыхе, расширении кругозора, установлении культурных связей, приобретении новых знаний, впечатлений во время путешествий — то есть направлена на улучшение качества жизни.

Терминологию сферы туризма мы определяем как «открытый, непрерывно пополняющийся континуум, состоящий из узкоспециальных терминов, терминов широкой семантики, терминов, привлеченных из других областей, и общеупотребительной лексики» [14, с. 129].

Лексический состав сферы туризма и различные ее характеристики неизменно находятся в фокусе внимания лингвистов. Так, туристической лексике посвящены работы А. Н. Сохибовой [13], Г. Мусиной, Л. Сатаровой [9], Ю. Н. Пинягина [12],

Н. Н. Безруковой [2], А. А. Карнась [6]. Интерес ученых к данной теме подтверждает ее актуальность.

Материалы и методы

В качестве источника отбора материала нами были выбраны новейшие словарные статьи (за период с 2019 по 2026 г.), опубликованные в онлайн-словаре Cambridge Dictionary в разделе «New Words»[1]. Данный раздел регулярно пополняется англоязычными неологизмами в сопровождении дефиниции, а также небольшого отрывка из текста, в котором новое слово или словосочетание было употреблено. Пользователям предлагается некоторая обратная связь: каждый может указать, знакомо ли ему слово / словосочетание, и проголосовать, стоит ли добавлять его в основной состав словаря.

Следует принять во внимание, что данные неологизмы правильнее рассматривать как потенциальные, так как они имеют все шансы закрепиться в языке, но на момент внесения в раздел «New Words» этого в полной мере еще не произошло. Некоторые единицы могут не прижиться и оказаться в рядах окказионализмов.

Отметим, что под неологизмами, вслед за И. В. Арнольд, мы понимаем «слова или фразеологические обороты, входящие в язык в связи с ростом культуры и техники, развитием или изменениями в общественных отношениях и изменениями в быту и условиях жизни людей и ощущаемые говорящими как новые» [1, с. 323]. Термины-неологизмы могут называться неонимами, однако в данной статье мы предпочитаем использовать термин «неологизм» в широком его значении, то есть применительно, в том числе, и к терминологиям.

Основными методами исследования стали метод анализа словарных дефиниций, метод семантического анализа, словообразовательного анализа, метод систематизации и количественного подсчета.

В результате анализа словарных дефиниций более 900 неологизмов, вошедших в раздел «New Words» за указанный период, было отобрано 102 единицы, относящихся к сфере туризма.

Результаты исследования и их обсуждение

Неологизмы связаны с глобальными и социокультурными процессами и отражают общественное сознание. По мнению исследователей, современное общество столкнулось с «новой реальностью». Так, А. И. Нафикова отмечает: «Новая реальность современного социального развития породила возможность возникновения огромного числа самых разнообразных идей, концепций и движений, отражающих противоречивую специфику существования современного человека и общества в целом» [10, с. 208].

Мы постарались проследить некоторые закономерности и классифицировать неологизмы согласно критериям экстралингвистического характера, которые легли в основу номинации. Опишем группы и подгруппы, которые удалось выделить.

1. Закономерным является возникновение **новых видов туризма**, инновационных подходов, соответствующих требованиям современного общества. Потребителям предлагается больше возможностей для выбора, который зависит от их личных предпочтений, целей, финансовых возможностей. Таким образом, данная макрогруппа неологизмов содержит новые виды туризма, путешествий, отдыха и, в зависимости от ключевых запросов человека, делится на подмножества (группы).

1.1. В первой группе собраны термины, в основе которых заложено **стремление человека к замедлению, желание снизить быстроту ритма современной жизни.** В данной группе собраны термины, номинирующие активности, не требующие большой энергозатратности, а также ограничивающие вовлеченность в коллективные виды деятельности, что может быть выражено как эксплицитно (например, наличием терминоэлементов *slow (медленный), quiet (тихий, спокойный), hush (тишина, водворять тишину), me* (объектн. падеж мест. *я*) *и др.)*, так и путем метафорического переноса. К данной группе мы отнесли 10 единиц (9,8 %). Приведем несколько примеров.

Hushpitality *— a style of tourism that focuses on providing travellers with quiet places to stay and a peaceful atmosphere with no loud activity or disturbance.*

Перевод: *стиль туризма, при котором путешественникам предлагаются тихие места для проживания, где их ждет спокойный отдых без шумных видов деятельности.*

Me-moon *— a luxury holiday you take on your own.*

Перевод: *роскошный отпуск, который вы проводите самостоятельно* (термин создан по аналогии с *honeymoon, babymoon и др.,* только в основе — терминоэлемент *me — я*).

Land snorkeling *— the activity of exploring a landscape slowly on foot, concentrating on the details that can be seen in your surroundings, in a similar way to snorkelling in water.*

[1] New Words // Dictionary.Cambridge.org. URL: https://dictionaryblog.cambridge.org/category/new-words/page/2/

Перевод: *тип медленной пешей прогулки, во время которой вы изучаете природный ландшафт, внимательно рассматривая все, что вас окружает, как во время плавания под водой с маской и трубкой* (в основе неологизма лежит терминоэлемент *snorkeling — ныряние с трубкой*: проводится аналогия с созерцанием морских глубин).

Данные примеры подтверждают наблюдения ученых о том, что появляется тенденция уходить от скоростей, которых требует современный технологичный мир: «Среди идей, характеризующих процесс «бегства» от ускоряющегося общественного развития, можно выделить такие идеи, как «дауншифтинг», «хикикомори», «минимализм» (опрощение) и др. Внимания заслуживают также движения "Slow Food", "Slow Life", "Cittaslow" и др.» [10, с. 207].

1.2. Следующая группа неологизмов концептуально связана с предыдущей, но фокусируется не столько на замедлении, сколько на **желании покинуть урбанистическое пространство и ощутить единение с природой**. Было выявлено 5 (4,9 %) единиц.

Haycation *— a holiday spent on a farm, during which the guests sometimes help out with the farm work.*

Перевод: *отпуск, проведенный на ферме, во время которого отдыхающие иногда помогают с фермерскими работами.*

Soft hiking *— the activity of going for long walks in the countryside without any pressure to walk fast, climb hills or cover a certain distance.*

Перевод: *прогулка по сельской местности, во время которой нет необходимости идти быстро, подниматься в гору или преодолевать какую-либо конкретную дистанцию.*

1.3. Следующая группа актуализирует **концепцию устойчивого туризма, а также экотуризма.** Подобные темы, как показывают исследования в данной области, являются на сегодняшний день актуальными [15]. Выявлено 7 (6,9 %) единиц.

Green stay *— a stay in a hotel that actively tries to minimize its environmental impact, for example by reducing waste and conserving water.*

Перевод: *проживание в отеле, который пытается минимизировать свое воздействие на окружающую среду, например, за счет сокращения отходов и экономии воды.*

Некоторые термины вступают в парадигматические связи и вербализуют противоположные устойчивому туризму или экотуризму явления:

dirty camping *— the activity of leaving rubbish behind or causing damage by having a fire after you have stayed somewhere in a tent.*

Перевод: *практика оставлять после себя мусор или наносить урон природе, связанная с разведением костра во время отдыха с палаткой.*

1.4. Следующая группа связана с **экономией (или нехваткой) времени** и/или **денег** (9 единиц — 8,8 %).

Onebagging *— the practice of travelling with only a single carry-on sized bag, to simplify the trip and reduce costs.*

Перевод: *практика путешествовать только с одной сумкой в качестве ручной клади, чтобы упростить поездку и снизить расходы.*

Microgapping *– an alternative to the gap year, where people take shorter breaks and travel around their home country.*

Перевод: *явление, при котором люди берут короткие отпуска и путешествуют по своей стране (альтернатива академическому отпуску).* В основе лексемы лежит терминоэлемент *gap — пробел, пропуск,* используемый по аналогии с термином *gap year — академический отпуск* и префикс *micro- (микро-).*

Midweeker *— a short holiday taken during the week and not over a weekend.*

Перевод: *короткий отдых в течение недели, а не в выходные.* В основе термина усеченная основа слова *middle (середина)* и *week (неделя).*

1.5. В числе новых видов туризма распространенной становится **гибридизация формата**, **совмещение разных видов деятельности,** часто **работы и отдыха.** Было отобрано 13 (12,7 %) единиц.

Volunteercation *— a holiday spent doing volunteer work.*

Перевод: *отдых, совмещенный с волонтерской работой.*

Lisness *— a type of travel where a longer holiday will include some time spent working, attending a business conference etc.* Термин формируется из усеченной до одной буквы основы слова *leisure — отдых, досуг* и усеченной основы лексемы *business — бизнес.*

Перевод: *тип путешествия, при котором длительный отпуск включает время, посвященное работе, посещению деловых конференций и т.п.*

1.6. В последнюю подгруппу мы включили **виды туризма,** отобранные согласно **различного рода характеристикам.** В основном, это целевой туризм. Было выявлено 22 (21,6 %) единицы.

Tour tourism — the activity of travelling abroad to see a singer or band live in concert.

Перевод: *путешествие за границу с целью посетить концерт певца или группы.*

2. Во вторую макрогруппу вошли неологизмы, номинирующие новые **предметы**, **объекты, явления и абстрактные понятия,** принадлежащие сфере туризма.

2.1. Значительная часть неологизмов номинирует **изобретательность туриста, различные уловки, лайфхаки,** которые позволяют получить некую выгоду**,** и образует первую группу (13 единиц — 12,7 %).

Seat squatting *– the practice of sitting in an unassigned aeroplane seat, usually a better one than the assigned one, in the hope of staying there without being asked to move.*

Перевод: *практика занимать не свое место в самолете, обычно более удобное, чем ваше, в надежде, что вас не заставят пересесть.*

Mattress run *— the activity of booking and paying for a hotel room you don't need to allow you to earn points or rewards on its loyalty programme.*

Перевод: *практика бронирования и оплаты номера в отеле, который вам не нужен, с целью получить баллы или другие преимущества по программе лояльности.*

2.2. Во второй группе собраны новшества различного характера (23 единицы — 22,5 %), куда вошли единицы, которые также принадлежат макрогруппе «Предметы, объекты, явления и абстрактные понятия**», но семантически обоснованно не делятся на более мелкие подмножества.**

Airport theory *— a social media trend where travellers arrive at the airport 15–20 minutes before their flight departs, rather than several hours earlier, getting to the departure gate just as boarding begins.*

Перевод: *тренд в социальных сетях, когда путешественники прибывают в аэропорт за 15–20 минут до вылета своего рейса, а не за несколько часов до этого, и подходят к выходу на посадку как раз к началу посадки.*

Salvaged stay *— an old building that has been converted from its original purpose into a hotel.*

Перевод: *старое здание, которое было преобразовано в отель.*

Когнитивный подход к изучению термина невозможен без его структурного анализа. При описании дефиниций ряда терминов мы уже немного затронули компонентный состав некоторых неологизмов, так как это было необходимо для обоснования их мотивированности. Остановимся на структуре неологизмов более подробно, что позволит проследить путь терминодеривации и попытаться понять, как создавался термин с учетом ментально-мыслительных операций и его семиотической сущности.

По мнению В. Ф. Новодрановой, «в словообразовательных парадигмах и гнездах заложены терминообразовательные возможности терминологической системы, поэтому они могут использоваться для прогнозирования неологизмов в терминологии» [11, с. 287].

По компонентному составу термины можно разделить на моно- и полилексемные. Проанализируем структуру монолексемных неологизмов.

Из общего количества отобранного материала не было выявлено корневых неологизмов. Опишем несколько примеров производных терминов, образованных методом аффиксации. Аффиксация, как известно, обеспечивает принадлежность неологизма понятийно-категориальному классу. В частности, суффиксальную терминодеривацию Л. Ю. Буянова считает «важнейшей разновидностью когнитивно-семиотической деривации» [3, с. 21].

В числе аффиксальных формантов были выявлены *-ing, -ation, -er, micro-, hyper- и др.* Например, *microgapping, hypertourism, micromobility и др.*

В нашей выборке данный метод используется при образовании небольшого количества неологизмов (8 лексем — 7,8 %).

Рассмотрим следующий способ образования неологизмов – блендинг – это процесс (и результат) слияния основ слов, где как минимум одна из них является усеченной. Происходит соединение частей разных лексем, при котором одна лексема плавно сливается с другой, производя при этом новую, сохраняющую некоторые формальные и семантические признаки двух производящих. Прагматика данного способа заключается в номинации гибридных концепций, которые предполагают объединение качеств двух (реже нескольких) явлений.

Ряд блендов закономерным образом имеет в составе основу лексемы *vacation — отпуск,* усеченную до *-cation.* Приведем примеры.

Coolcation *(cool — прохладный + vacation — отпуск)* — поездка в страны или регионы с прохладным климатом, когда нет желания ехать туда, где слишком жарко;

paycation *(pay — плата, зарплата + vacation — отпуск)* — возможность работать удаленно, посещая другие города и страны.

В состав блендов могут входить самые разнообразные терминоэлементы. Например, *poshtel (posh — шикарный + hostel — отель) — тип хостела, который предлагает более комфортные или роскошные номера, чем обычный.*

Метод блендинга оказался довольно продуктивен (25 единиц — 24,5 %).

Следующий структурный тип — единицы, образованные способом словосложения. Структура и семантика таких неологизмов, как правило, прозрачны и обычно соответствуют сочетанию определяющего и определяемого морфологического элемента. Выявлено 14 неологизмов (13,7 %), образованных данным способом.

Townsizing (в основе неологизма лежат терминоэлементы *town — небольшой город, sizing — измерение*) *– тенденция посещать небольшие, тихие города и деревушки, а не известные крупные туристические города.*

Readaway (сложение основ *read — читать; away — вдали) — короткий отпуск, который проходит, в основном, за чтением и обсуждением книг.*

Рассмотрим аббревиатуры, которые составили незначительную часть (4 единицы — 3,9 %) отобранного материала. Примерами могут послужить следующие неологизмы: *Wilma* (сокращение лексем *window (окно), middle (середина), aisle (проход)*) *— метод посадки пассажиров в самолете; GOAT (*акроним *Greatest of All Trips) — лучшая из поездок и др.*

Полилексемные единицы весьма частотны в нашей выборке (47 единиц — 46 %), что соответствует общим тенденциям в терминологиях [8]. Основную часть составили двухкомпонентные словосочетания с определяющим и определяемым терминоэлементом. Частотность данного вида терминов также обоснована необходимостью номинирования новых видов туризма, возникающих по принципу родо-видовых отношений.

В случае сочетания N + N первое существительное выполняет роль препозиционного определения. Приведем примеры.

Thrift tripping *— планирование посещения старинных магазинов, блошиных рынков и т. п. с целью купить подержанную одежду и другие предметы во время отдыха.*

Airport dad *— отец семейства (или любой другой человек, который ведет себя подобным образом), который берет на себя ответственность за организацию отпуска и любит прибывать в аэропорт очень рано.*

Присутствуют также другие модели, такие как *Adj + N (green stay), Ved + N (salvaged stay), Ving + N (flying ferry) и др.*

К комбинированным способам мы отнесли незначительное количество неологизмов (4 единицы — 3,9 %). Например, сложное слово с усеченным элементом *edu-vacation,* словосочетание с сокращенным элементом *Generation T и др.*

Выводы

Изложим основные выводы, которые можно сделать по результатам исследования.

Неологизмы сферы туризма демонстрируют процессы, характерные для современной реальности. Так, отобранные нами неологизмы актуализируют быстроту темпа жизни в технологичном мире XXI в., стремление к замедлению, единению с природой; концепцию устойчивого туризма и экотуризма; необходимость экономии времени или денежных средств; возникновение гибридных форматов; проявление изобретательности туриста и т. д. Термины, таким образом, антропоцентричны, то есть обращены к человеку и связаны с его чувствами, проблемами, потребностями, а также отношением к действительности.

На структурном уровне выявлено преобладание словосочетаний (46 %), блендов (24,5 %), сложных слов (13,7 %). Бленды незаменимы, например, для номинирования гибридных форматов туризма. Современный человек часто стремится к сочетанию видов деятельности, ищет рациональные подходы, наделяет концепции новыми смыслами. В эпоху цифровизации стало возможным сочетать, в частности, работу и отдых. Сложные слова и словосочетания являют собой закономерное выражение родо-видовых отношений, где определяющий терминоэлемент конкретизирует значение определяемого. Такие методы, как аффиксация (7,8 %), аббревиация (3,9 %) и другие методы (3,9 %) терминообразования, оказались менее продуктивными в нашей выборке.

Преобладание словосочетаний, таким образом, соответствует общим закономерностям в терминологиях, тогда как блендинг и словосложение обусловлены спецификой терминологии туризма.

Исследование вносит вклад в изучение закономерностей развития терминологии туризма и в систематизацию новой лексики. Результаты могут быть полезны для теоретических изысканий в области когнитивного терминоведения и лексикологии, а также для практического применения в лексикографии.

Список источников

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.

2. Безрукова Н. Н. Терминосфера туризма в аспекте перевода (на примере алтайского туристического кластера) // МНКО. 2022. № 5 (96). С. 331–334.

3. Буянова Л. Ю. Когнитивно-семиотическая деривация как механизм формирования и эволюции современной финансово-экономической терминосферы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 31 (322). С. 19–22.

4. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Антрополингвистике — 20 лет. Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. научных трудов. 2025. Т. 5. № 1. С. 6–37.

5. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антрополингвистики : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 128 с.

6. Карнась А. А. Метафоризация как когнитивный процесс образования терминов индустрии туризма // МНИЖ. 2021. № 11–4 (113). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-kak-kognitivnyy-protsess-obrazovaniya-terminov-industrii-turizma (дата обращения: 18.04.2026).

7. Лейчик В. М. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XX1 веков. Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. научных трудов. Вып. 5. М. Рязань, 2007. С. 121–132.

8. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. 256 с.

9. Мусина Г., Сатарова Л. Терминология международного туризма и способы ее перевода с английского на русский язык // МНИЖ. 2022. № 8 (122). С. 1–3.

10. Нафикова А. И. Ускорение темпа жизни как социально-философская проблема и «новая реальность» современного социального развития // Манускрипт. 2020. № 12. С. 205–208.

11. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum. М. : Языки славянских культур. 2008. 328 с.

12. Пинягин Ю. Н. Лексика туристического дискурса как объект перевода // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 79–85.

13. Сохибова А. Н. Понятийные терминологические поля сферы туризма // Вестник Педагогического университета. 2022. № 6–1 (101). С. 130–134.

14. Схаляхо Е. Н., Сасина С. А., Бричева М. М. Структурно-семантические особенности аббревиатур в терминологии сферы туризма (на материале английского языка) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31, № 1. С. 128–135.

15. Уткина Н. В., Гамидуллаева Л. А. Проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в научных исследованиях: библиометрический обзор // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. № 1. С. 43–63.

References

1. Arnold IV. Lexicology of modern English. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 376 p. (In Russ.).

2. Bezrukova NN. The terminosphere of tourism in the aspect of translation (on the example of the Altai tourism cluster). *MNKO*. 2022;(5(96):331-334. (In Russ.).

3. Buyanova LY. Cognitive-semiotic derivation as a mechanism of formation and evolution of the modern financial and economic terminosphere. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of ChelSU.* 2013;(31(322):19-22. (In Russ.).

4. Grinev-Grinevich SV, Sorokina EA. Anthropolinguistics is 20 years old. *Linguistics and Education.* 2025;5(1):6-37. (In Russ.).

5. Grinev-Grinevich SV, Sorokina EA, Skopyuk TG. Fundamentals of anthropolinguistics. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2008. 128 p. (In Russ.).

6. Karnas AA. Metaphorization as a cognitive process of the formation of terms of the tourism industry // *MNIZH*. 2021;(11-4(113):156-160. (In Russ.).

7. Leychik V M. Cognitive terminology — the fifth stage in the development of terminology as a leading scientific discipline at the turn of the 20th-21st centuries. Kognitivnaya lingvistika: novy`e problemy` poznaniya. = Cognitive linguistics: new problems of cognition. Collection of scientific papers. Issue 5. M. Ryazan, 2007. P. 121-132. (In Russ.).

8. Leichik VM. Terminology: Subject, methods, structure. Ed. 4-E. M.: Book House “LIBROCOM”. 2009. 256 p. (In Russ.).

9. Musina G, Satarova L. Terminology of international tourism and ways of its translation from English into Russian // *MNIZH*. 2022;(8(122):1-3.

10. Nafikova AI. Accelerating the pace of life as a socio-philosophical problem and the “new reality” of modern social development. *Manuskript = Manuscript.* 2020;(12):205-208. (In Russ.).

11. Novodranova VF. Nominal word formation in Latin and its reflection in terminology. Laterculi vocum Latinarum et terminorum. Moscow: Languages of Slavic cultures. 2008. 328 p.

12. Pinyagin YuN. Vocabulary of tourist discourse as an object of translation. *Gumanitarny`e issledovaniya. Istoriya i filologiya. = Humanitarian studies. History and philology.* 2023;(12):79-85. (In Russ.).

13. Sohibova AN. Conceptual terminological fields of tourism. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Pedagogical University.* 2022;(6-1(101):130-134. (In Russ.).

14. Skhalyakho EN, Sasina SA, Bricheva MM. Structural and semantic features of abbreviations in the terminology of the tourism sector (based on the material of the English language). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, Pedagogika, Filologiya = Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology.* 2025:31(1):128-135. (In Russ.).

15. Utkina NV, Gamidullayeva LA. Problems of sustainable tourism development and sustainable tourism in scientific research: a bibliometric review. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Development).* 2025;(1):43-63. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Н. Схаляхо — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

С. А. Сасина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.

М. М. Бричева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.

Information about the authors

E. N. Skhalyakho — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology.

S. A. Sasina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology.

M. M. Bricheva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 13.05.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 13.05.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ, ОНОМАСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА
TERMINOLOGY STUDIES, ONOMASTICS, AND SOCIOLINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 119–128.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):119-128.

Научная статья

УДК 81`373.46

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-119-128

КУЛЬТУРА ЭПОНИМИИ В НАУКЕ

Наталия Ивановна Данилина[1*], Юлия Владиславовна Шевцова[2]

[1*]Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Саратов, Россия, KyprianaLXX@gmail.com, 0000-0001-8804-2157

[2]Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, yv-shevtsova@mail.ru, 0000-0003-2851-900X

Аннотация. Термины-эпонимы присутствуют во всех науках и часто изучаются лингвистами, однако в среде профильных специалистов не прекращаются дискуссии по поводу целесообразности их использования. Один из аргументов противников эпонимии – ложная или недостаточная ориентация таких терминов. В статье рассматриваются этические проблемы, вытекающие из этих свойств, цель исследования — систематизация источников данных проблем, особенностей их проявления и путей решения в разных науках, на разных участках терминосистем. Материалом выступают эпонимические термины и номены точных и естественных наук. С ложной ориентацией связаны 1) меморативный характер номенклатур (осознаваемый и принимаемый специалистами); 2) этическая проблема фиксации приоритета открытия, характерная для терминологий и частично решаемая многофамильными эпонимами. Свойством истинной, но недостаточной ориентации обусловлена проблема идентификации лица-эпонима в случаях совпадения фамилий. Решение данных проблем не осознается специалистами как релевантное, поскольку такая полисемия и омонимия не препятствуют успешному профессиональному общению, что говорит о доминировании системных свойств эпонимического термина над его культурными коннотациями. Отдельной этической проблемой является нравственная оценка лица-эпонима, возникающая вследствие 1) отсутствия запрета на именования в честь политиков (зоологическая номенклатура); 2) нарушения этических норм медиками (терминология клинической медицины). Международное сообщество зоологов выступает против переименования «политических» таксонов, в ботанике и астрономии эта проблема превентивно решена соответствующими конвенциями, в медицине решается на уровне рекомендаций ВОЗ.

Ключевые слова: эпонимия, терминология, номенклатура, меморативная функция эпонимов, ложная ориентация термина, медицинская этика

Для цитирования: Данилина Н. И., Шевцова Ю. В. Культура эпонимии в науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 119–128. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-119-128.

Original article

THE CULTURE OF EPONYMY IN SCIENCE

Natalia I. Danilina[1*], Yulia V. Shevtsova[2]

[1*]Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, Saratov, Russia, KyprianaLXX@gmail.com, 0000-0001-8804-2157

[2]Saratov State University, Saratov, Russia, yv-shevtsova@mail.ru, 0000-0003-2851-900X

Abstract. Eponymous terms are present in all sciences and are often studied by linguists, however, discussions about the expediency of their use do not stop among natural science specialists. One of the arguments of the opponents of eponymy is the false or insufficient orientation of such terms. The article discusses the ethical issues arising from these properties. The purpose of the research is to systematize the sources of these problems, the features

© Данилина Н.И., Шевцова Ю.В., 2026

of their manifestation and solutions in different sciences, in different areas of terminological systems. The material includes eponymous terms and nomens of exact and natural sciences. The false orientation is associated with 1) the memorative nature of nomenclatures (recognized and accepted by specialists); 2) the ethical problem of fixing the priority of discovery, characteristic of terminology and partially solved by multi-name eponyms. The property of true but insufficient orientation causes the problems of identification of the eponymous person in cases of matching last names. The solution to these problems is not recognized by experts as relevant, since such polysemy and homonymy do not prevent successful professional communication. This indicates the dominance of the systemic properties of the eponymous term over its cultural connotations. A separate ethical problem is the moral assessment of the eponymous person. It arises from 1) the absence of a ban on nominations in honor of politicians (in zoological nomenclature); 2) violations of ethical standards by medics (in the terminology of clinical medicine). The international community of zoologists opposes the renaming of "political" taxa, in botany and astronomy this problem has been preemptively solved by relevant conventions, in medicine it is solved at the level of WHO recommendations.

Keywords: eponymy, terminology, nomenclature, memorative function of eponyms, misdirection of the term, medical ethics

For citation: Danilina NI, Shevtsova YuV. The Culture of Eponymy in Science. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):119-128. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-119-128.

Введение

Роль личности в науке, как известно, находит отражение не только в количестве упоминаний трудов того или иного ученого и ссылок на них, но и в наличии такого феномена, как эпонимические термины. Термины-эпонимы присутствуют практически во всех науках, и им посвящена обширная исследовательская литература, включая несколько диссертаций [4; 7; 9]. Можно заметить, что тема эпонимической терминологии разрабатывается в трех направлениях: описательном (сбор и систематизация структурных моделей эпонимов той или иной области) [4; 7; 9; 10], культурологическом (к сожалению, эта «ветвь» носит преимущественно констатирующий характер) [11; 17] и дискуссионном (выдвижение аргументов за и против использования эпонимических терминов) [12; 19]. Исследователи-филологи, как правило, лояльны и даже в дескриптивных работах подчеркивают роль эпонимии в трансляции исторической памяти той или иной науки [7; 11; 17], что можно трактовать как присоединение к позиции «за» в дискуссии. Профильные специалисты, напротив, нередко высказываются за замену эпонимических терминов такими, в которых внутренняя форма отражала бы существенные свойства именуемого объекта или понятия [13; 22; 24]. Примечателен факт, что призывы отказаться от эпонимических терминов исходят преимущественно от медиков [6; 13]; филологи также иллюстрируют аргументы против эпонимии примерами из медицинской терминологии [12; 19]. Означает ли это, что эпонимы нежелательны только в медицине и что в других науках они не создают проблем в профессиональном общении? Ответ на этот вопрос может дать анализ аргументов против эпонимии, проведенный на уровне причинно-следственных зависимостей. Привлечение в качестве материала эпонимических единиц разных профессиональных сфер позволит выявить универсальные и специфические тенденции в этом направлении. Среди аргументов против эпонимов специалисты обращают внимание, во-первых, на их недостаточную системность, во-вторых, на способность рассматриваемых терминов задавать ложную ориентацию или обладать достаточной информативностью лишь для очень узкого круга специалистов [19]. Тем не менее, в терминоведении не уделяется должного внимания тем проблемам, которые вытекают из данных свойств и которые можно назвать этическими, хотя именно они видятся медикам сильным аргументом. Не проводится и сколько-нибудь системного сопоставления эпонимических номинаций в разных науках (за исключением, пожалуй, [9]). Четкое представление о реалиях возникновения и употребления эпонимических номинаций в специальных языках, о традициях разных наук в этой сфере могло бы избавить специалистов от завышенных ожиданий в отношении как внутренней формы, так и культурных коннотаций соответствующих единиц. В данной связи нам представляется важной систематизация обозначенных проблем, их проявлений и типичных путей разрешения в разных науках, что и составляет **цель** настоящего исследования.

Как известно, в языках для специальных целей наряду с собственно терминами функционируют лексические единицы разного статуса (терминоиды, предтермины, номены и др.). Поскольку все они могут быть эпонимическими, то, говоря об эпонимии в языке науки, имеет смысл привлечь и их в качестве материала с целью

выявить возможные сходства и отличия в этой сфере. В ходе исследования удалось установить, что по отношению к рассматриваемым проблемам значимым оказывается противопоставление номенов остальным типам эпонимических единиц. Не вдаваясь в подробности дискуссии о сущностных признаках номенов в их противопоставлении терминам, обозначим кратко свою позицию. Под номенами мы понимаем имена физически существующих объектов, индивидуальных или серийных, релевантных для своей сферы (торговые, технические, научные номены), перечни которых (номенклатуры) закреплены конвенциями специалистов и носят нормативный (прескриптивный) характер. Международные естественнонаучные номенклатуры (например, ботаническая и зоологическая) могут сопровождаться Кодексами — документами, регулирующими правила номинации соответствующих объектов. В отличие от номенов, термины могут обозначать ментальные объекты, носят узуальный характер, их перечни дескриптивны (словари служат формой фиксации, но не регулирования сферы употребления).

Таким образом, **объектом** нашего исследования выступают эпонимические термины и номены разных областей знания, **предметом** — этические проблемы, возникающие в процессе эпонимической номинации. Источником **материала** послужили академические энциклопедические словари по математике, физике, химии, минералогии, медицине, международные естественнонаучные номенклатуры. Основными **методами** являются историко-мотивационный анализ эпонимических единиц и анализ регулирующих конвенций в сфере номенклатуры.

Ложная ориентация эпонимических единиц

Под ложной ориентацией эпонимов понимается тот факт, что понятие или объект получают название в честь личности, не имеющей к ним непосредственного отношения. Наши наблюдения показывают, что данное свойство по-разному проявляется в терминологиях как таковых и в номенклатурах, создавая или не создавая этических проблем.

Для номенклатур типичны **меморативы**, т. е. номены, присваиваемые в честь каких-то лиц, даже если они не имели отношения к данному объекту; именования в честь реальных открывателей оказываются, скорее, исключениями. Осведомленные о меморативном характере номенклатур, специалисты не выдвигают возражений против такой эпонимии и не связывают эпонимические номены с реальным приоритетом научного открытия. Одним из этических законов номенклатур является отсутствие именований в честь собственной персоны номинатора-открывателя.

В естественнонаучных номенклатурах тот, кто впервые обнаружил или описал объект, дает ему имя, и это имя может быть отвергнуто научным сообществом только в случае спорного статуса самого объекта. Именно в таком единстве (открытие объекта + «право номинатора») понимается и официально закрепляется приоритет. Во избежание конфликтов в ботанической и зоологической номенклатурах предъявляются жесткие требования к структуре самого имени и к процедуре его обнародования, детально прописанные в соответствующих кодексах [14; 15]. Приведем пример отказа от одного меморатива в пользу другого по правилу приоритетности в минералогии. В 1923 г. российский минералог Е. Костылева нашла в Хибинском массиве минерал, который она сочла новым, и назвала рамзаитом в честь финского геолога В. Рамзая, первого исследователя Хибинских и Ловозерских тундр. Однако в 1947 г. было доказано, что рамзаит — тот же минерал, что и известный ранее лоренценит, названный в честь датского минералога Й. Т. Лоренцена. По правилу приоритетности за минералом оставили более раннее название[1].

Как правило, меморативами в номенклатурах становятся фамилии профильных специалистов. Например, в ботанической номенклатуре растения могут получать названия только в честь ученых-ботаников [14, с. 67], хотя это не означает, что именно данный ученый их обнаружил или описал. Подснежник Воронова действительно впервые описан этим ученым (но название обнародовано в 1935 г. А. С. Лозинской[2]), чего нельзя сказать о роде Лаксмания, названном в честь российского ученого шведского происхождения Э. Г. Лаксмана. Аналогично в минералогии в честь того же Лаксмана, внесшего вклад не только в ботанику и зоологию, но и в минералогию Сибири, назван минерал лаксманит, открытый после его смерти [5, с. 98]. Типичными меморативами в физике являются наименования единиц измерения (*джоуль, герц* и т. п.). Нормой являются меморативы и для номенклатуры химических элементов (*кюрий, менделевий, резерфордий, рентгений* и др.).

[1] Минералы: Справочник. Т. 3. Вып. 2. Силикаты с линейными трехчленными группами, кольцами и цепочками кремнекислородных тетраэдров. Москва: Наука, 1981. С. 470.

[2] Флора СССР. Т. IV / Под ред. акад. В. Л. Комарова. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 479.

Редко, но встречаются в ботанике и минералогии случаи именования в честь личностей, не имеющих отношения к данным специальностям. Например, род деревьев *Павловния* назван в честь дочери российского императора Павла I Анны, отчество которой зарубежные ботаники использовали потому, что именем *Anna* уже был назван род растений[1] (название появилось до принятия Кодекса ботанической номенклатуры, рекомендующего именовать виды только в честь ботаников). Данная рекомендация кодекса не распространяется на названиях сортов декоративных растений: существуют, например, сорт пионов *Академик Садовничий*, сорт-гибрид орхидеи *Кимирсения,* сорт-гибрид бегонии луковичной *Кимченирия*. В минералогии: минерал *гётит* в честь И. В. Гёте.

Многочисленные примеры чистых мемориативов дает астрономическая номенклатура. Луна несёт на своей поверхности имена преимущественно учёных, инженеров и исследователей; здесь находятся кратеры Лейбниц, Д'Аламбер, Королёв и тысячи других. Венера, напротив, демонстрирует уникальную номенклатурную политику: все её кратеры носят исключительно женские имена: Клеопатра, Анна Ахматова, Сара Бернар, Айседора Дункан. Номенклатура астероидов представляет наиболее демократичный и разнообразный пантеон научной памяти. Здесь соседствуют космонавты, учёные, деятели культуры (Пушкин, Грибоедов, Нобель, Гагарин)[2].

Отметим «этическое правило»: в ботанической номенклатуре номены-мемориативы возможны только после смерти лица-эпонима, тогда как в астрономии официальный запрет на прижизненное именование распространяется только на имена политиков, не затрагивая деятелей культуры и ученых [23]. В результате появились астероиды Джанибеков, Челентано, Фролова (в честь доцента кафедры астрономии Уральского университета [20]) и др. Нет запрета на прижизненные мемориативы и в минералогической номенклатуре. Например, в честь некоторых сотрудников Института геологии и минералогии РАН прижизненно названы минералы, открытые не ими: щербинаит, шадлунит, цепинит, ферсманит и др.[3]

На сегодняшний день живым учёным, чьим именем назван химический элемент, является **Ю. Ц. Оганесян** (род. 1933 г.), в честь которого в 2016 г. был назван оганессон.

Отдельно скажем о мемориативах в терминологии информационных технологий. Таковыми выступают названия некоторых языков программирования: АДА (в честь Ады Лавлейс — британского математика, дочери Джорджа Байрона, составившей первый в мире алгоритм для аналитической машины Чарльза Бэббиджа; её имя было присвоено языку программирования, разработанному Министерством обороны США в 1970-х гг. [18, с. 184]), ЕВКЛИД, ТЬЮРИНГ и др. [18, с. 417].

В собственно терминологиях свойство ложной ориентации эпонимических терминов перерастает в **этическую проблему приоритета**, когда открытие получает название не в честь первооткрывателя. Отличие данной проблемы от проблемы номенклатурных мемориативов базируется на отсутствии официальных конвенций: появление, употребление терминов и их закрепление в системе регулируются исключительно узусом. В результате под приоритетом понимается только приоритет в открытии, а проблема фиксации приоритета в эпонимическом термине принимает характер этического конфликта между «правом номинатора» (того, кто вводит эпонимический термин) и «правом эпонима» (того, чье имя будет зафиксировано в термине), в особенности если эти личности разделены не слишком большим временным промежутком. При наличии большого числа эпонимических терминов, действительно фиксирующих приоритет в открытии, отличение их от чистых мемориативов становится затруднительным для пользователей, недостаточно знакомых с историей вопроса, и может создать у них ложное представление о приоритете.

Богатый материал для иллюстрации такого конфликта дает математика. Классическим примером служит правило раскрытия неопределенностей, известное как *правило Лопиталя*. И. Бернулли за ежегодное содержание в 300 ливров обучал маркиза де Лопиталя дифференциальному исчислению и сообщал ему свои открытия с условием не разглашать их другим. Лопиталь включил эти результаты, в том числе упомянутое правило, в свой учебник 1696 г., и, несмотря на позднейшие претензии Бернулли, узус закрепил в термине имя публикатора, а не подлинного автора. Лишь находки рукописей в XX в. окончательно подтвердили приоритет Бернулли, но имя Лопиталя к тому

[1] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/76380/Павловния

[2] Gazetteer of Planetary Nomenclature // USGS sciene for a changing world. URL: https://planetarynames.wr.usgs.gov

[3] Минералы, названные в честь сотрудников института // ИГЕМ РАН. URL: https://igem.ru/institute/history/contribution-to-science

времени уже прочно вошло в историю математики [16, с. 110–112].

В медицине примером термина, фиксирующего реальный приоритет открытия, является *болезнь Боткина*, т. к. С. П. Боткин первым указал на инфекционную природу и самостоятельный нозологический статус болезни [3]. Термин *болезнь Крона*, напротив, сомнителен с точки зрения приоритета во многих отношениях: статья 1932 г., в которой описано 14 клинических случаев данной болезни, была написана американским врачом Б. Кроном в соавторстве с Л. Гинзбургом и Г. Оппенгеймером, а прооперированы все описанные пациенты были хирургом А. Бергом, тогда как термин закрепил только одну фамилию; первенство Б. Крона в описании болезни также сомнительно, ибо еще в 1769 г. итальянский патолог Дж. Б. Морганьи описал результаты вскрытия умершего пациента с такими же симптомами [8, с. 194].

В случаях, когда приоритет в открытии спорен, в терминологии часто прибегают к **многофамильным эпонимам**. Один вариант — параллельное открытие. Например, в физике закон Джоуля — Ленца открыт этими учеными независимо друг от друга в 1841 и в 1842 гг.[1] Другой вариант — открытие, незамеченное современниками и «переоткрытое» потомками. Пример демонстрирует теорема Мора — Маскерони: датский математик Г. Мор доказал её в 1672 г., но его работа, написанная на датском языке, была забыта. Итальянский математик Л. Маскерони переоткрыл теорему в 1797 г., и она вошла в науку под его именем. Лишь в 1928 г., когда экземпляр книги Мора случайно обнаружили в букинистическом магазине Копенгагена, справедливость была восстановлена, и теорема получила двойное название [21].

Следует отметить, что многофамильность эпонимического термина возникает не только как результат споров о приоритете, но и как отражение коллективного характера научного открытия, закрепляя имена нескольких соавторов. В медицине описание клинической картины и уточнение природы заболевания часто связаны с именами разных ученых, что также фиксируют многофамильные эпонимы. По данным исследователей, в медицинской терминологии примерно 22 % от общего числа эпонимических терминов составляют многофамильные [12, с. 129]. Приведем пример: синдром Морганьи — Адамса — Стокса впервые описан Дж. Б. Морганьи в 1761 г., но изучен в XIX в. ирландскими кардиологами Р. Адамсом и В. Стоксом[2]. В математике аналогичный случай, т. е. объединение в эпонимическом термине имен ученых, внесших вклад в открытие и изучение феномена, хотя и разделенных значительным временным промежутком, может считаться теорема Пуанкаре — Перельмана: А. Пуанкаре выдвинул гипотезу в 1904 г., а Г. Перельман, опубликовав в 2002–2003 гг. доказательство, при жизни вошёл в название теоремы наряду с классиком [2, с. 107]. По утверждению Е. М. Какзановой, ситуацию сотрудничества чаще закрепляют астрономические эпонимы, ситуацию последовательного развития и уточнения знаний о явлении — эпонимы медицины, математики, химии [10].

Однако и многофамильность не может полностью решить проблему приоритета: узуальный характер терминов делает выбор лица-эпонима достаточно произвольным, поэтому некоторые эпонимические термины неэквивалентны в разных национальных терминологиях, что неоднократно отмечалось противниками эпонимов [12; 13]. Например, вышеназванный синдром содержит фамилию Морганьи только в русской терминологии. В математике условия аналитичности функции впервые появились в работах Д'Аламбера, а затем Эйлера в XVIII в., а в следующем столетии широко использовались Коши и были закреплены в теории функций Риманом; в настоящее время эти условия называются условиями Коши — Римана, при этом в редких случаях встречается уточнение «называемые также условиями "Д'Аламбера — Эйлера"»[3].

Недостаточная ориентация эпонимических терминов

Вторая группа этических проблем, порождаемых эпонимическими терминами, связана с их способностью к истинной, но недостаточной ориентации. Проявления этой проблемы многообразны: полисемия конкретных терминов (*теорема Коши*, которых в разных разделах математики насчитывается пять); термины или номены, поименованные не по фамилии, а по имени (*ольгит*, *татьянаит* в минералогии[4]); в медицине —

[1] Физический энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 928 с.

[2] Милевски И. Синдром Морганьи — Адамса — Стокса [Электронный ресурс]. URL: https://meduniver.com/Medical/genetika/sindrom_morganii-adamsa-stoksa.html

[3] Александрова Н. В. История математических терминов, понятий, обозначений : словарь-спрвочник. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 198.

[4] Минералы, названные в честь сотрудников института // ИГЕМ РАН. URL: https://igem.ru/institute/history/contribution-to-science

болезни, названные по фамилиям не врачей, а пациентов (*болезнь Хартнупа*[1]); совпадение фамилий лиц-эпонимов.

Наиболее распространена последняя группа случаев. **Проблема идентификации** возникает здесь вследствие различных причин: 1) наличие научных династий, каждый из членов которой оставляет след в виде эпонимических терминов; 2) наличие эпонимических терминов, связанных с учеными-однофамильцами; 3) особенности передачи некоторых иноязычных фамилий, становящихся омонимами в языке-реципиенте. Идентификация тем сложнее, чем ближе области научных интересов ученых-эпонимов.

Примеры династических эпонимов дают Паскали, Бернулли, Карно, Кассини, Кюри. Имя Якоба Бернулли (1654–1705) носят числа Бернулли, многочлены Бернулли, лемниската Бернулли, неравенство Бернулли и др. Упоминавшийся выше его младший брат **Иоганн Бернулли (**1667–1748**), несмотря на** колоссальный вклад в развитие математического анализа**, практически не оставил эпонимов, связанных непосредственно с его именем.** Сын Иоганна, **Даниил Бернулли (**1700–1782**)**, прославился трудами по гидродинамике, в которой его имя носят закон, теорема, уравнение и интеграл [16]. Глава семьи Паскалей Этьен (1588–1651) оставил след в геометрии: открытая и изученная им алгебраическая кривая получила название *улитка Паскаля*. В честь его сына, Блеза Паскаля (1623–1662), названа созданная им суммирующая машина, вошедшая в историю как «паскалина». Именно в память о Паскале как авторе этого изобретения получил название язык программирования Pascal, созданный в 1970 г. швейцарским ученым Н. Виртом [18, с. 417]. Имя Блеза Паскаля носят также фундаментальные математические понятия: теорема Паскаля о конических сечениях, арифметический треугольник Паскаля. В физике в честь него названы единица измерения давления, закон и опыт.

Приведем примеры эпонимических терминов, образованных от имен однофамильцев. В медицине: *Пика аденома, Пика — Йореса метод* — по имени немецкого патологоанатома (L. Pick, 1868–1944); *Пика иллюзии, Пика болезнь, Пика атрофия* и др. — по имени чешского психиатра и невропатолога (A. Pick, 1851–1924); *Пика псевдоцирроз печени* — по имени чешского врача (F. Pick, 1867–1926); *Пика эритромелия* — по имени австро-венгерского дерматолога (Ph. J. Pick, 1834–1910)[2].

Особенностями передачи иноязычных фамилий на русский язык вызвана омонимия терминов *синдром Пика*, относящихся к трем разным симптомокомплексам, получившим название в честь вышеупомянутых Ф. Пика, А. Пика, а также французского врача, фамилия которого в оригинале пишется A. F. Pic[3]. В физике подобный пример дает фамилия Лоренц: *калибровка Лоренца* (датский физик L. V. Lorenz, 1829–1891); *система Лоренца, уравнения Лоренца* и др. (американский математик, метеоролог, основоположник теории хаоса E. N. Lorenz, 1917–2008); *кривая Лоренца* (американский математик, экономист M. O. Lorenz, 1876–1959); при этом: *сила Лоренца, распределение Лоренца, фактор Лоренца* и мн. др. (голландский физик с фамилией, пишущейся в оригинале иначе, чем у перечисленных ученых, — A. H. Lorentz, 1853–1928). Как своеобразную дань научному приоритету отметим двуфамильный термин *формула Лоренца — Лоренца*: L. V. Lorenz и A. H. Lorentz получили ее независимо друг от друга в 1880 г.[4]

Недостаточная ориентирующая способность некоторых эпонимических терминов не осознается профильными специалистами как проблема и не выдвигается в качестве аргумента против эпонимии. Вероятно, для эффективного профессионального общения оказывается достаточной разрешающая способность контекста, может играть свою роль и отсутствие потребности в знании культурного фона.

Проблема нравственной оценки лица-эпонима

Наконец, нельзя не отметить проблему, часто упоминаемую в связи с медицинскими эпонимами. Речь в данном случае о немецких врачах, сотрудничавших с рейхом, в том числе запятнавших себя экспериментами над узниками концлагерей, — Ф. Вегенере, Г. К. Рейтере и некоторых других [6]. В настоящее время ВОЗ не рекомендует употреблять эпонимические термины *болезнь Рейтера* и *гранулематоз Вегенера*, заменяя их синонимами *реактивный уроартрит* и *гранулематоз с полиангиитом*, хотя работы, результаты которых отражены в этих терминах, выполнены и опубликованы ранее 1940 г. Заметим, что отказ

[1] Масленников Д. Болезнь Хартнупа // Генокарта: Генетическая энциклопедия. URL: https://www.genokarta.ru/disease/Bolezn_Hartnupa

[2] Энциклопедический словарь медицинских терминов / Ред. Б. В. Петровский. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 447 с.

[3] Там же.

[4] Физический энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 928 с.

от упомянутых терминов не может создать системных затруднений, т. к. в терминологии клинической медицины практически все эпонимические термины имеют неэпонимические синонимы, отражающие сущностные свойства номинируемого понятия.

Данная проблема, как это ни парадоксально, существует и в зоологической номенклатуре, где, в отличие от ботаники или астрономии, отсутствует запрет на мемориативы в честь политиков. В результате существуют, например, такие виды насекомых, как *Anophthalmus hitleri* (находится под угрозой исчезновения из-за нездорового интереса коллекционеров), *Rochlingia hitleri, Hypopta mussolinii.* Спорной может быть не только для будущих поколений, но и для наших современников нравственная оценка личностей, чьи имена закреплены в номенах-мемориативах: *Aprostocetus lenini, Gorbiscape gorbachevi, Neopalpa donaldtrumpi, Agathidium bushi* [1]. Проблема нравственной оценки может принимать и локальный характер: например, у коренного населения Африки могут вызывать этический протест мемориативы в честь представителей бывших колониальных армий или администраций, имеющиеся среди названий видов местной фауны [22].

Приведение эпонимических терминов или номенов в соответствие с нравственной оценкой лиц-эпонимов, как показывает и практика медицины, и превентивно введенные ограничения в ботанической и астрономической номенклатурах, возможно, на уровне международных конвенций специалистов, и вряд ли может служить аргументом против эпонимии как таковой.

Выводы

Эпонимическая номинация в науке может быть рассмотрена в разных аспектах: системном, культурологическом и этическом. Последний реже привлекает внимание терминоведов и никогда не подвергался систематизации, что обеспечивает проведенному исследованию определенную научную новизну. Этические проблемы эпонимической номинации могут быть сгруппированы по специфике возникновения: проблемы вследствие ложной ориентации, проблемы вследствие недостаточной ориентации и проблема нравственной оценки. На следующем шаге возможна группировка по специфике проявления на разных участках систем специальной номинации. Ложная ориентация имеет разные последствия в терминологиях и в номенклатурах. В номенклатурах мемориативы составляют абсолютное большинство, однако, поскольку пользователями выступают узкие специалисты, осведомленные о мемориативном характере номенклатурных эпонимов, ситуация не порождает этических конфликтов. В терминологиях, где имеются эпонимические термины как отражающие, так и не отражающие приоритет открытия, а появление и употребление терминов регулируется узусом, проблема соответствия эпонимического термина реальному научному приоритету может, с одной стороны, принимать характер этического конфликта, с другой стороны, вводить в заблуждение пользователей, недостаточно знакомых с историей вопроса. Частичным решением данной проблемы становятся многофамильные эпонимы. Проблема недостаточной ориентации проявляется как затруднение (вследствие разных причин) идентификации лица-эпонима; чаще всего она возникает вследствие совпадения фамилий лиц-эпонимов. Специалисты никогда не выдвигают данную ситуацию в качестве аргумента против эпонимии и не предлагают решений данной проблемы. Очевидно, системные свойства терминов оказываются для них более значимыми, чем историко-культурные коннотации. Проблема нравственной оценки лица-эпонима существует в медицинской терминологии и зоологической номенклатуре. В медицине она частично получила решение на уровне рекомендаций ВОЗ. В ботанической и астрономической номенклатурах этот вопрос превентивно отрегулирован международными конвенциями специалистов.

Список источников

1. Анучина М. Тот, чье имя нельзя произносить: какие названия животных могут запретить // Сириус. 10.09.2023. URL: https://siriusmag.ru/articles/1661-tot-ce-ima-nelza-proiznosit-nazvania-kakih-zivotnyh-mogut-okazatsa-pod/

2. Арсенов О. О. Григорий Перельман и гипотеза Пуанкаре. М. : Эксмо, 2010. 258 с.

3. Богомолов С. П. Вклад С. П. Боткина в изучение и клиническую диагностику инфекционных болезней // Клиническая медицина. 2012. № 9. С. 17–19.

4. Варнавская Е. В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 212 с.

5. Дайнеко В. В., Дайнеко Д. В. Эрик Густавович Лаксман: жизнь и научные исследования на Тальцинском заводе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 3. С. 94–99.

6. Дамулин И. В. Нравственная чистота медицины: не пришла ли пора избавиться от эпонимов, связанных с нацизмом? // Российский медицинский журнал. 2016. № 22 (3). С. 142–145. DOI 10.18821/0869-2106-2016-22-3-142-145.

7. Зюзина Е. А. Эпонимические единицы в составе специальной авиационной лексики: дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.01 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2006. 180 с.

8. Каграманова А. В., Князев О. В., Парфенов А. И. Болезнь Крона: до и после 1932 года. Терапевтический архив. 2023. № 95 (2). С. 193–197. DOI: 10.26442/00403660.2023.02.202061.

9. Какзанова Е. М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 379 с.

10. Какзанова Е. М. Многофамильные термины-эпонимы в астрономической науке // Современные технологии обучения иностранным языкам: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2015. С. 182–187.

11. Какзанова Е. М. Роль терминов-эпонимов в математическом дискурсе (на материале немецкого языка) // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 2. С. 68–73.

12. Кондратьев Д. К. Современная медицинская эпонимическая терминология // Журнал ГрГМУ. 2008. № 3. С. 129–131.

13. Кутя С. А., Еремин А. В., Овчаренко В. В., Малов А. Е. Анализ целесообразности применения эпонимических терминов в современной анатомии человека. Журнал анатомии и гистопатологии. 2019. № 8 (4). С. 81–87. DOI: 10.18499/2225-7357-2019-8-4-81-87.

14. Международный кодекс ботанической номенклатуры (Сент-Луисский кодекс), принятый Шестнадцатым Международным ботаническим конгрессом, Сент-Луис, Миссури, июль–август 1999 г. / Перевод с англ. СПб. : Изд-во СПХФА, 2001. 210 с.

15. Международный кодекс зоологической номенклатуры. Принят Международным союзом биологических наук / Пер. с англ. и фр. М. : Тов-во научных изданий КМК, 2004. 223 с.

16. Никифоровский В. А. Великие математики Бернулли. М. : Наука, 1984. 180 с.

17. Новинская Н. В. Семантика имени собственного в составе термина: исторический аспект // Вестник АГТУ. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1 (48). С. 137–139.

18. Полунов Ю. Л. От абака до компьютера: судьбы людей и машин. Т. 1. М. : Русская редакция, 2004. 480 с.

19. Сложеникина Ю. В., Звягинцев В. С. Термины-эпонимы: PRO ET CONTRA // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2017. № 7. С. 32–35.

20. Ярославцева В. Урал в космосе: чьи имена носят астероиды солнечной системы // РИА «Новый день». Екатеринбург, 12.04.2021. URL: https://newdaynews.ru/ekaterinburg/721268.html.

21. Alexanderson Gerald l. About the cover: two theorems on geometric constructions // Bulletin (New Series) of the American Mathematical Society. 2014. Vol. 51. No 3. P. 463–467.

22. Eponyms have no place in 21st-century biological nomenclature / Guedes P., Alves-Martins F., Arribas J. M., eds. // Nature Ecology & Evolution. 2023. Vol. 7. P. 1157–1160. URL: https://doi.org/10.1038/s41559-023-02022-y.

23. IAU Rules and Conventions [Электронный ресурс]. URL: https://planetarynames.wr.usgs.gov/Page/Rules

24. McNutly M. A., Wisner R. L., Meyer A. J. NOMENs Land: The Place of Eponyms in the Anatomy Classroom // Anatomical Sciences Education. 2021. Vol. 14. Iss. 6. Pp. 847–852. DOI: 10.1002/ASE.2108.

References

1. Anuchina M. The one whose name cannot be pronounced: what animal names can be forbidden // Sirius. 10.09.2023. URL: https://siriusmag.ru/articles/1661-tot-ce-ima-nelza-proiznosit-nazvania-kakih-zivotnyh-mogut-okazatsa-pod/. (In Russ.).

2. Arsenov OO. Grigory Perelman and the Poincare hypothesis. Moscow: Eksmo, 2010. 258 p. (In Russ.).

3. Bogomolov SP. SP Botkin's contribution to the study and clinical diagnosis of infectious diseases. *Kliničeskaâ medicina = Clinical medicine.* 2012;(9):17-19. (In Russ.).

4. Varnavskaya EV. The status and functioning of eponyms in the medical terminology of the Spanish language. PhD dis. Voronezh, 2009. 212 p. (In Russ.).

5. Dayneko VV, Dayneko DV. Eric Gustavovich Laxman: life and scientific research at Tal'tsinsky Glass Factory. *Issues of social-economic development of Siberia.* 2019;(3):94-99. (In Russ.).

6. Damulin IV The moral purity of medicine: Is it time to get rid of eponyms related to Nazism? *Rossiiskii meditsinskii zhurnal = Medical Journal of the Russian Federation.* 2016;22(3):142-145. DOI 10.18821/0869-2106-2016-22-3-142-145. (In Russ.).

7. Zyuzina EA. Eponymic units in the special aviation vocabulary. PhD dis. Krasnodar, 2006. 180 p. (In Russ.).

8. Kagramanova AV, Knyazev OV, Parfenov AI. Crohn disease: before and after 1932 year. *Terapevticheskii Arkhiv = Therapeutic Archive.* 2023;95(2):193-197. DOI: 10.26442/00403660.2023.02.202061. (In Russ.).

9. Kakzanova EM. Linguocognitive and culturological features of scientific discourse (based on mathematical and medical terms-eponyms). PhD dis. Moscow, 2011. 379 p. (In Russ.).

10. Kakzanova EM. Multi-name terms-eponyms in astronomical science. Sovremenny`e texnologii obucheniya inostranny`m yazy`kam = Modern technologies of teaching foreign languages. Ulyanovsk: UlSTU; 2015. P. 182-187. (In Russ.).

11. Kakzanova EM. The role of eponymous terms in mathematical discourse (based on the material of the German language). *Vestnik RUDN. Seriya Russkij i inostranny`e yazy`ki i metodika ix prepodavaniya = Bulletin of the RUDN University. The series Russian and foreign languages and methods of their teaching.* 2009;(2):68-73. (In Russ.).

12. Kondratiev DK. Modern medical eponymic terminology. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta = Journal of the Grodno State Medical University.* 2008;(3):129-131. (In Russ.).

13. Kutya SA, Eremin AV, Ovcharenko VV, Malov AE. Applicability of eponyms in modern human anatomy. *Journal of Anatomy and Histopathology.* 2019;8(4):81-87. DOI: 10.18499/2225-7357-2019-8-4-81-87. (In Russ.).

14. International code of botanical nomenclature (Saint Louis code), adopted by 16 International Botanical Congress, St Louis, Missuri, Yuly – August 1999. Konigstein: Koeltz Scientific Books, 2000. 474 p. (In Russ.).

15. International code of zoological nomenclature. Fourth Edition. Adopted by the International Union of Biological Sciens. London: The Natural History Museum, 2000. (In Russ.).

16. Nikiforovsky VA. The Great mathematicians of Bernoulli. Moscow: Nauka; 1984. 180 p. (In Russ.).

17. Novinskaya NV. Semantics of a proper name in a term: a historical aspect. *Vestnik Astraxanskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya Gumanitarny`e nauki = Vestnik of Astrakhan state technical university. Series Humanities.* 2009;1(48):137-139. (In Russ.).

18. Polunov YuL. From the Abacus to the computer: the fate of people and machines. Vol. 1. Moscow: Russian edition; 2004. 480 p. (In Russ.).

19. Slozhenikina YuV, Zvyagintsev VS. Eponymous terms: PRO ET CONTRA. *Nauchno-texnicheskaya informaciya. Seriya 2. Informacionny`e processy` i sistemy` = Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems.* 2017;(7):32-35. (In Russ.).

20. Yaroslavtseva V. The Urals in space: whose names are the asteroids of the solar system. RIA Novosti, Ekaberinburg, 04.12.2021. URL: https://newdaynews.ru/ekaterinburg/721268.html. (In Russ.).

21. Alexanderson Gerald l. About the cover: two theorems on geometric constructions. *Bulletin (New Series) of the American Mathematical Society.* 2014;51(3):463-467.

22. Eponyms have no place in 21st-century biological nomenclature / Guedes P, Alves-Martins F, Arribas JM, eds. *Nature Ecology & Evolution.* 2023;(7):1157-1160. URL: https://doi.org/10.1038/s41559-023-02022-y

23. IAU Rules and Conventions. URL: https://planetarynames.wr.usgs.gov/Page/Rules

24. McNutly MA, Wisner RL, Meyer AJ. NOMENs Land: The Place of Eponyms in the Anatomy Classroom. *Anatomical Sciences Education.* 2021;14(6):847-852. DOI: 10.1002/ASE.2108

Информация об авторах

Н. И. Данилина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков.

Ю. В. Шевцова — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры геометрии.

Information about the authors

N. I. Danilina — Doctor Sci. (Philology), Professor at the Departament of Russian and Latin languages.

Yu. V. Shevtsova — Cand. Sci. (Mathematic), Ass. Professor at the Departament of Geometry.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 129–138.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):129-138.

Научная статья

УДК 81’27:796

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-129-138

СПОРТИВНОЕ ПРОЗВИЩЕ КАК ИНДИКАТОР ОЦЕНОЧНОСТИ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Алина Буранбаевна Даулетова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, dauletova.alina@yandex.ru, 0009-0000-8647-7034

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу спортивных прозвищ как индикаторов оценочности в русскоязычном и англоязычном спортивном дискурсе. На материале выборки из спортивных форумов и публикаций спортивных изданий за период 2025–2026 гг. проведен количественный и качественный анализ вторичных номинаций по 13 классификационным группам с учётом знака оценки (положительная, ироническая, отрицательная, нейтральная). Установлено, что в обоих языках доминируют прозвища с положительной оценкой, что отражает героизирующую функцию спортивных СМИ. Выявлены лингвокультурные дифференциации: в русскоязычном дискурсе значительно выше доля антропонимических прозвищ (19 % против 13 % в англоязычном), что свидетельствует о персонализации и эмоциональной близости, тогда как в англоязычном преобладают метафорические и зооморфные номинации (13 % и 12 % соответственно), что указывает на бóльшую образность и прагматичную установку на создание яркого имиджа спортсмена. Показано, что прозвища, характеризующие профессиональные качества, являются самой многочисленной группой в обоих языках (14 % и 18 % соответственно), при этом преобладающая их часть несёт положительную оценку. Наименее частотной группой оказались коллективные прозвища (2 %), а прозвища, образованные по названию вида спорта, в выборке не зафиксированы. Делается вывод, что спортивное прозвище представляет собой многогранный семиотический комплекс, в котором пересекаются лингвистические, когнитивные и культурные механизмы оценки, формирующие уникальный портрет спортсмена в языковом сознании носителей.

Ключевые слова: спортивные прозвища, спортивный дискурс, оценочность, оценка, русский язык, английский язык, сопоставительный анализ, классификация прозвищ, лингвокультурология

Для цитирования: Даулетова А. Б. Спортивное прозвище как индикатор оценочности в спортивном дискурсе (сопоставительный анализ на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 129–138. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-129-138.

Original article

SPORTS NICKNAME AS AN INDICATOR OF EVALUATION IN SPORTS DISCOURSE (A COMPARATIVE ANALYSIS BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH)

Alina B. Dauletova

strakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, dauletova.alina@yandex.ru , 0009-0000-8647-7034

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of sports nicknames as indicators of evaluativeness in Russian- and English-language sports discourse. Based on a sample from sports forums and publications in sports media for the period 2025–2026, a quantitative and qualitative analysis of secondary nominations was carried out across 13 classification groups, taking into account the valence (positive, ironic, negative, neutral). It was established that nicknames with a positive valence dominate in both languages, which reflects the heroizing function of sports media. Linguocultural differences have been identified: in Russian-language discourse, the share of anthroponymic nicknames is significantly higher (19 % versus 13 % in English-language discourse), which indicates personalisation and emotional closeness, whereas in English-language discourse metaphorical and zoomorphic nominations predominate (13 % and 12 %, respectively), which points to greater imagery and a pragmatic focus on creating a vivid

© Даулетова А. Б., 2026

image of the athlete. It has been shown that nicknames characterizing professional qualities constitute the largest group in both languages (14% and 18%, respectively), with the majority of them carrying a positive assessment. Collective nicknames turned out to be the least frequent group (2%), and nicknames formed from the name of a sport were not recorded in the sample. It is concluded that a sports nickname is a multifaceted semiotic complex in which linguistic, cognitive, and cultural evaluation mechanisms intersect, forming a unique portrait of an athlete in the linguistic consciousness of native speakers.

Keywords: sports nicknames, sports discourse, evaluativeness, assessment, Russian language, English language, comparative analysis, classification of nicknames, linguoculturology

For citation: Dauletova AB. Sports Nickname as an Indicator of Evaluation in Sports Discourse (a comparative analysis based on Russian and English). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):129-138. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-129-138.

Введение

В современной лингвистике, ориентированной на антропоцентрическую парадигму, особое внимание уделяется изучению языка в его неразрывной связи с человеком, его деятельностью и системой ценностей. Одной из наиболее репрезентативных сфер для такого изучения является спортивный дискурс, который представляет собой сложное коммуникативное пространство, где пересекаются институциональные и личностные начала, профессиональная и обыденная картины мира [Кислицына, Новикова 2017; Шарикова, Орлова 2017; Ярмолинец, Кунина 2013]. В рамках этого дискурса особую роль играют спортивные прозвища – вторичные антропонимические наименования, которые не только идентифицируют спортсмена, но и аккумулируют в себе эмоционально-оценочное отношение к нему со стороны общества, болельщиков, коллег и средств массовой информации.

Несмотря на значительный исследовательский потенциал спортивных прозвищ в данном направлении, в настоящее время отсутствуют какие-либо фундаментальные комплексные исследования спортивных прозвищ. Предприняты отдельные попытки лексикографического описания спортивных прозвищ (А. А. Елистратов) [Елистратов 2023], изучены история и причины их возникновения (Л. Л. Селиванова) [Селиванова 2023], представлены лингвокультурологические особенности спортивных прозвищ как неофициальных дополнительных имен спортсменов (Е. В. Зверева) [Зверева 2015]. Некоторые особенности формирования и функционирования спортивных прозвищ изучаются на базе отдельных языков (М. Ван, А. Б. Даулетова, Е. Г. Ножевникова, Л. А. Прудникова) [Ван 2025; Даулетова 2026; Ножевникова, Прудникова 2020]. Однако такой важный аспект функционирования прозвищ в спортивном дискурсе, как репрезентация посредством прозвищных номинаций образа спортсменов в языковой картине мира носителя того или иного языка, все еще остается без должного изучения и анализа.

В исследованиях отмечается, что в спортивном дискурсе прозвища функционируют в качестве особого класса номинаций, опосредующих оценку профессиональных качеств спортсменов со стороны внешней среды [Даулетова 2026; Пашкевич 2006; Файзиева, Даулетова 2026]. Присущая большинству подобных единиц семантическая емкость напрямую детерминирована актуализацией их оценочного потенциала. При этом эмоциональные реакции общественности — от восхищения и симпатии до недовольства, насмешки и иронии — находят репрезентацию в прозвищных наименованиях, создаваемых по традиционным моделям. Эти номинации фокусируют внимание на оценке успехов и достижений либо неудач и поражений спортсменов, что закономерно отражает состязательную природу спортивного дискурса. Таким образом, оценочный потенциал спортивных прозвищ выступает сущностным свойством, определяющим их коммуникативную и прагматическую функцию, а сама категория оценки является центральной для понимания их природы.

В семантической структуре спортивных прозвищ их оценочный потенциал сопряжен с целым рядом компонентов значения. Однако в большинстве случаев его актуализация основана на тех качествах и свойствах, которые соотносятся со спортивным статусом носителя прозвища. Подобная избирательность детерминирована самим механизмом формирования общественного отношения к субъекту номинации. Так, оценка в спортивном прозвище привязана к профессиональным качествам спортсмена — его мастерству, результатам, стилю игры, физическим данным.

В целом, прозвищное наименование в результате выражения определенного рода оценочности выступает, по мнению В. А. Александровой, в качестве важной аксиологической характеристики

в различных типах дискурса и является индикатором отношения к объекту, сложившегося в социуме на основе его наиболее значимых характеристик, отраженных субъектом в прозвищной номинации. [Александрова, 2019]. В спортивном дискурсе это отношение приобретает особенно яркое выражение, поскольку спорт как сфера публичной деятельности предполагает постоянную оценку со стороны аудитории, и прозвище становится концентрированным выражением этой оценки. Сопоставительное изучение спортивных прозвищ как индикаторов оценочности в русском и английском языках представляет особый интерес, поскольку позволяет выявить как универсальные механизмы прозвищной номинации, характерные для спортивного дискурса в целом, так и национально-культурную специфику, обусловленную различиями в языковых системах, спортивных традициях и оценочных стереотипах. Обозначенное является целью настоящего исследования.

Материалом исследования выступают спортивные прозвища, извлеченные из текстов, репрезентирующих русскоязычный и англоязычный спортивные дискурсы, в основном заимствованных из спортивных форумов и СМИ (на базе русского языка: «Форум про спорт», «Спортс», «Спорт-Экспресс», «Sport24», «Чемпионат»; на базе английского языка: «Reddit», «LiveGoal Sports Forum», «BBC Sport», «Olympics.com», «Sports Illustrated», «Bleacher Report»; временной период публикации материалов 2025–2026 гг.). Общий объем контекстов — 470, из них 240 русскоязычных контекстов и 230 — англоязычных.

Исследование проведено на основе интегративной методики, объединяющей внутриязыковой семантический анализ, функционально-семантический анализ, а также контекстуальный анализ. Использование семантического анализа позволяет установить универсальные и культурно обусловленные особенности семантики языковых единиц; функционально-семантический анализ направлен на определение предметно-вещественных и оценочных характеристик языковых единиц и их взаимосвязей; контекстуальный анализ способствует выявлению специфических черт смыслового значения прозвищных номинаций с опорой на фоновые знания коммуникантов.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В целом, в настоящее время проблема классификации прозвищных наименований достаточно глубоко проработана в филологической науке (И. С. Гасимова, А. Н. Гладкова, Д. И. Ермолович, И. В. Ляшенко, Е. С. Манченко, Р. А. Мусаева и др.) [Гасимова 2006; Гладкова 2003; Ермолович 2001; Ляшенко 2002; Манченко 2008; Мусаева 2008]. При этом классификационные системы демонстрируют существенную вариативность, обусловленную различием исследовательских подходов, которых придерживаются ученые. В существующих исследованиях в основе классификаций прозвищных номинаций заложены следующие признаки:

– лексико-семантические признаки референта — особенности внешности, культурные отличия, гендерно-возрастные характеристики, этно-расовые и религиозные признаки (И. В. Ляшенко) [11, с. 151–182];

– характер мотивационного признака и объём референта – принадлежность к определённой территории или коллективу, физические, моральные, поведенческие, профессиональные и др. свойства, характеристики или особенности носителя прозвища, источник происхождения прозвища (Р. А. Мусаева) [13, с. 71–122];

– функциональные, социолингвистические, референтные, прагматические, структурные, словообразовательные и мотивационные характеристики (А. Н. Гладкова) [4, с. 51–53].

– социолингвистические, прагматические, формально-структурные, словообразовательные и семантические характеристики (Е. С. Манченко) [12, с. 53–56].

Наиболее проработанной, на наш взгляд, является классификация, предложенная И. С. Гасимовой, которая выделила 10 основных семантических групп, подразделяющихся на соответствующие группы и подгруппы. Исследователь выделяет:

1) прозвища, отражающие внешние признаки человека;

2) прозвища, связанные с речью человека;

3) прозвища, указывающие на родство, происхождение человека;

4) прозвища, связанные с деятельностью человека;

5) прозвища, сопряженные с лично-собственным именем человека;

6) прозвища, указывающие на место жительства человека;

7) прозвища, характеризующие человека по физиологическим, физическим, духовным и умственным особенностям;

8) прозвища, указывающие на какой-либо (единичный) случай, произошедший с человеком;

9) другие мотивы: состоятельность, отличительный возраст, убеждения, взгляды;

10) прозвища, мотивы возникновения которых невозможно установить [3, с. 46–104].

Таким образом, прозвища могут быть классифицированы по различным основаниям, однако существенной характеристикой в представленных классификациях является оценка посредством прозвищного обозначения физических, биологических, психических, моральных, интеллектуальных качеств личности или социальной, национальной, территориальной принадлежности, родственных связей и т. д. В связи с этим для целей настоящего исследования наиболее релевантной представляется типология, основанная на характере оценочности. Т. Б. Зубова, О. И. Калинин понимают под оценочностью совокупность языковых средств, позволяющих передавать субъективное отношение на различных уровнях дискурса [Зубова, Калинин 2025]. В рамках нашего исследования мы опираемся на восприятие оценочности как способности языковых единиц выражать относительно устойчивую, позитивную или негативную характеристику человека, а также отношение, мнение, суждение о положительной или отрицательной для языковой личности ценности предметов, явлений и процессов [Яхина 2008, с. 24]. Вслед за Т. Б. Зубовой и О. И. Калининым [Зубова, Калинин 2025, с. 178] подчеркнём двойственность понятия оценочности: в узком смысле она представляет собой свойство языковой единицы выражать отношение говорящего к предмету речи, а в широком – свойство дискурса.

Выдвигая исследовательскую гипотезу о том, что спортивное прозвище может выступать в качестве индикатора оценочности в спортивном дискурсе, мы предлагаем выделить 4 основные оценочные группы:

1. Прозвища с положительной оценкой личности или спортивных достижений спортсмена;

2. Прозвища с иронической или шутливой оценкой личности или спортивных достижений спортсмена;

3. Прозвища с отрицательной оценкой личности или спортивных достижений спортсмена;

4. Нейтрально оценочные спортивные прозвища.

В пределах каждой оценочной группы спортивные номинации рассматривались нами с опорой на разработанную интегративную классификацию спортивных прозвищ, которая учитывает ранее приведённые классификации. Выделение групп осуществлялось по семантико-мотивационному признаку:

1. Внешность — прозвища, отражающие внешние особенности спортсмена.

2. Вид спорта — номинации, мотивированные названием спортивной дисциплины.

3. Биография / род занятий — прозвища, отсылающие к должностным обязанностям, сфере деятельности (включая настоящие и прежние занятия), биографически значимым фактам, предметам или персоналиям.

4. Манера поведения — прозвища, основанные на особенностях профессионального поведения, а также качествах, проявляемых на соревнованиях и тренировках.

5. Профессиональные качества — номинации, характеризующие профессиональные особенности и спортивные качества.

6. Умственные / моральные качества — прозвища, отражающие интеллектуальные или нравственные свойства, а также эмоционально-оценочные предпочтения спортсмена.

7. Метафоры (предметы / явления) — прозвища, построенные на сходстве с объектами и явлениями окружающего мира и функционирующие на метафорическом уровне.

8. Зоонимы — прозвища, восходящие к наименованиям животных.

9. Антропонимы, включая аббревиацию — номинации, образованные от антропонимов, в том числе подвергшихся аббревиации различных типов, включая цифровое обозначение.

10. Национальность / происхождение — прозвища, обусловленные национальной принадлежностью, местом происхождения номинируемого или местом приобретения спортивных достижений.

11. Созвучие с именем / фамилией — прозвища, основанные на фонетическом сходстве с именем или фамилией спортсмена.

12. Уменьшительно-ласкательные — прозвища, образованные посредством существительных с уменьшительно-ласкательным значением.

13. Коллективные прозвища — номинации, созданные для вторичного наименования команды или группы спортсменов.

В ходе исследования методом сплошной выборки из 240 русскоязычных контекстов было выявлено 320 прозвищ, из 230 англоязычных контекстов — 372 прозвища. Полученные данные были систематизированы в соответствии с двумя уровнями классификации: по знаку оценки (положительная, ироническая/шутливая, отрицательная, нейтральная) и по семантико-мотивационному признаку (13 классификационных групп). Результаты количественного анализа представлены в табл. 1.

Обсудим результаты. Как в русскоязычном, так и в англоязычном спортивном дискурсе доминируют прозвища с положительной оценкой (132, т. е. 41 % и 157, т. е. 42 % соответственно), что свидетельствует о стремлении СМИ и болельщиков к героизации и возвеличиванию спортсменов, созданию вокруг них ауры исключительности. Такие прозвища выражают восхищение, уважение, признание выдающихся качеств спортсмена, часто апеллируют к прецедентным именам или мифологическим образам. В английском языке к этой группе относятся прозвища *The Greatest* (М. Али), *Magic* (М. Джонсон), *The King* (Э. А. ду Насименту — Пеле), *The Emperor* (Р. Федерер) и др.; в русском языке — *Царь* / *Великий* (А. Овечкин), *Александр Македонский* (А. Могильный), *Русская Торпеда* (А. Попов) и т. д.

Вторую по численности группу составляют иронические или шутливые прозвища (109 в русскоязычном дискурсе (34 %) и 120 в англоязычном (32 %)), которые, сохраняя в целом положительное отношение к спортсмену, подчеркивают его забавные или необычные черты, при этом являются характерной чертой неформального общения и выполняют функцию установления неформальных, дружеских отношений между спортсменами и болельщиками. Такие прозвища часто основаны на внешнем сходстве, комичных ситуациях или нестандартном поведении. Например, в англоязычном спортивном дискурсе: *The Little Bulgarian Weightlifter* (Маленький болгарский тяжелоатлет) — Г. Невилл, *Zigzag* (Зигзаг) — К. Уоддл, *Spice Boy* (Спайс бой) – Д. Бекхэм и др.; в русскоязычном — *Гудини* (П. Дацюк), *Мистер Вселенная* (И. Брызгалов), *Хлебушек* (А. Панарин), *Буба* (В. Алекно) и проч.

Отрицательно окрашенные прозвища в русскоязычном и англоязычном спортивном дискурсе встречаются реже (50 (16 %) и 65 (18 %) прозвищ соответственно) и, в основном, связаны с критикой профессиональных неудач или неспортивного поведения, насмешкой, недовольством или даже враждебностью по отношению к спортсмену. Такие прозвища могут быть связаны с неудачными выступлениями, неспортивным поведением, физическими недостатками или другими негативными характеристиками. К таким прозвищам в англоязычном спортивном дискурсе можно отнести *Pig* (Свинья) — О. Миллер, *Monkey Power* (Обезьянья сила) — Ф. Бакли, *Axe* (Секира) — В. Джонс, *Grim Reaper* (Мрачный жнец) — С. Гримсон и т. д., в русскоязычном — *Спящий Гигант*

Таблица 1

Table 1

Распределение спортивных прозвищ по оценочным и классификационным группам
Distribution of sports nicknames by evaluative and classificatory groups

Классификационная группа	**Русский язык**				**Английский язык**			
	Оценочная группа				**Оценочная группа**			
	Пол.	**Ирон.**	**Отр.**	**Нейтр.**	**Пол.**	**Ирон.**	**Отр.**	**Нейтр.**
1. Внешность	5	18	12	2	6	22	14	3
2. Вид спорта	0	0	0	0	0	0	0	0
3. Биография / род занятий	8	5	2	1	7	4	3	2
4. Манера поведения	12	15	8	0	18	12	10	0
5. Профессиональные качества	31	10	3	2	42	15	6	3
6. Умственные / моральные качества	9	2	4	0	12	3	5	0
7. Метафоры (предметы / явления)	10	12	4	1	22	18	8	2
8. Зоонимы	8	14	6	0	15	20	10	0
9. Антропонимы (включая аббревиацию)	22	15	5	18	18	12	4	15
10. Национальность / происхождение	4	2	3	1	6	3	4	2
11. Созвучие с именем / фамилией	2	8	2	0	1	6	1	0
12. Уменьшительно-ласкательные	18	6	0	4	8	4	0	3
13. Коллективные прозвища	3	2	1	0	2	1	0	0
Итого	**132**	**109**	**50**	**29**	**157**	**120**	**65**	**30**

(Р. Павлюченко), *Гусь* (И. Нетто), *Дуборез* (А. Овечкин) и др. Отрицательная оценка в таких прозвищах выполняет функцию социального контроля и выражения недовольства.

Нейтральные прозвища (29 в русскоязычном дискурсе (9 %) и 30 в англоязычном (8 %)) со временем утрачивают свою оценочность и выполняют сугубо идентифицирующую функцию, чаще всего представляя собой сокращения имён или фамилий; например, в англоязычном спортивном дискурсе — *Giggs* (R. Giggs), *Río* (R. Ferdinand), *Becky* (Д. Бекхэм) и др., для российских спортсменов: *Абро* (А. Абросимов), *АН* (А. Анюков), *Ови* (А. Овечкин) и проч. Проведенное исследование показало, что некоторые прозвища, регулярно воспроизводимые в профессиональной среде, приобретают узуальный характер и могут утрачивать оценочную коннотацию, трансформируясь в единицы, функционирующие как эквиваленты личных имён, то есть в элементы, свободные от субъективно-оценочных значений.

Анализ по классификационным группам показал, что прозвища, характеризующие профессиональные качества, являются самой многочисленной группой — 46 прозвищ (14 %) в русском языке (например: *Русская Ракета* (А. Трусова), *Профессор* (И. Ларионов) и др.) и 66 прозвищ (18 %) в английском (например: *Air Jordan* (М. Джордан), *The Rocket* (Р. О'Салливан) и т. д.), причем наибольшее количество вторичных номинаций в этой группе несут ярко выраженную положительную оценку (31 прозвище в русском языке и 42 — в английском). Это свидетельствует о том, что в современном спортивном дискурсе именно профессиональные качества становятся главным источником для создания неофициальных имён, что отражает приоритет профессиональной идентичности в восприятии спортсмена.

Антропонимические прозвища также частотны в обоих языках (60 прозвищ (19 %) в русском языке и 49 прозвищ (13 %) в английском) дискурсе и передают, в основном, положительную, ироничную или нейтральную оценку спортсмена. Они строятся на официальном имени и не требуют дополнительной мотивации. Например, в русскоязычном спортивном дискурсе: *Ови* (А. Овечкин), *Заги* (А. Загитова), *Шава* (А. Аршавин), *Дзага* (А. Дзагоев), *Джино* (Е. Малкин) и т. д.; в англоязычном — *Keano* (Р. Кин), *Carra* (Дж. Каррагер), *Lamps* (Ф. Лэмпард), *A-Rod* (А. Родригес) и др. Отрицательная оценка в этой группе (5 и 4 прозвищных наименования в русском и английском языках соответственно) возникает при искажении имени; например, спортивные прозвища русских спортсменов — *Пога* (П. Погребняк), *Бес* (В. Бесчастных) и др., английских — *Useless* (Бесполезный) — Уолесс Гомес, *Molester* (Растлитель) — Лестер Хейс и т. д.

В английской спортивной лингвокультуре широко представлены зооморфные прозвища (45 прозвищ, 12 %). Наибольшее количество прозвищ в этой группе несут положительную и ироничную оценку и связаны с силой, ловкостью, грацией спортсмена, что объясняется самой природой этого типа номинации. Выбор животного в качестве источника метафоры — это мощный когнитивный механизм, позволяющий ёмко, образно и часто гиперболизированно охарактеризовать выдающееся качество спортсмена. Например: *Black Mamba* (Черная Мамба) — К. Брайант, *The Hawk* (Ястреб) — А. Доусон и проч.

В выборке по русской спортивной лингвокультуре зооморфные прозвища составляют 9 % (28 прозвищ), которые наделены ироничной оценкой, отражая широкий спектр отношений — от иронии и сарказма до восхищения; например: *Осьминог* (Д. Медведев), *Лось* (С. Устюгов), *Крокодило* (Н. Комличенко) и др.

И в русской, и в английской спортивной лингвокультуре отмечены прозвища, отражающие особенности манеры поведения (в русском языке — 35 прозвищ, 11 %, в английском — 40 прозвищ, 11 %). Прозвища этой группы оцениваются по-разному в зависимости от контекста. Примечательно, что в обеих спортивных лингвокультурах отсутствуют прозвища с нейтральной коннотацией. Положительную оценку получают прозвища, подчёркивающие энергичность и самоотдачу спортсмена (например, в русском языке: *Русский танк* (Г. Парфенов), *Русский медведь* (В. Коноваленко), *Тасманский Дьявол* (А. Радулов) и т. д.; в английском языке: *Honey Badger* (Медоед) — Т. Матье, *Joker* (Непредсказуемый) — Н. Йокич и др). Прозвища спортсменов наделены отрицательной оценкой за те аспекты поведения, которые противоречат ожиданиям болельщиков или коллег. Наиболее частыми причинами для этого становятся нарочито агрессивный или грубый стиль игры, а также неспортивное поведение (например, в русскоязычном спортивном дискурсе: *Неприятный* (В. Карпин), *Убийца* (В. Онопко), *Грязный игрок* (В. Мелехин) и т. д.; в англоязычном: *Psycho* (Псих) — С. Пирс, *Calamity James* (Джеймс-Беда) — Д. Джеймс и др.). Иронично оценочные прозвища на ту манеру поведения спортсмена, которая в силу своей необычности или нелепости

становится предметом для добродушной насмешки. Так, в русскоязычном спортивном дискурсе: *Сухарик* (В. Тороп), *Кудесник* (Д. Круговой), *Спящий Гигант* (Р. Павлюченко) и проч.; в англоязычном — *The Baby-Faced Assassin* (Убийца с лицом младенца) — У.-Г. Сульшер, *Hector Banana-Bread* (Банановый хлеб) — В. Вембаньяма и др.

В остальных классификационных группах отмечено незначительное количество вторичных номинаций. Прозвища, отражающие умственные или моральные качества (15 прозвищ (5 %) в русскоязычном спортивном дискурсе и 20 (5 %) — в англоязычном), имеют преимущественно положительную оценку (9 прозвищ для русских спортсменов и 12 — для английских), что обусловлено тем, что ум, стратегическое мышление, лидерство и сила воли в современном спорте ценятся не меньше, чем физическая сила, и часто становятся решающим фактором победы. Например, в русскоязычном спортивном дискурсе: *Стратег* (П. Гуменник), *Маэстро* (Ю. Саадулаев) и др., в англоязычном — *The General* (Генерал) — Б. Грант, *Maestro* (Маэстро) — С. Хендри и т. д. В обеих лингвокультурах прозвища данной группы служат маркерами уважения к интеллектуальным и моральным достоинствам спортсмена.

Прозвища, отражающие внешние особенности (37 прозвищ (11 %) в русскоязычном спортивном дискурсе и 45 (12 %) — в англоязычном), в обоих языках преимущественно несут ироническую (18 прозвищ русских спортсменов (например: *Швабра* (А. Дзюба) и др.) и 22 — английских (например: *Slabhead* (Плитоголовый) — Х. Магуайр) или отрицательную оценку (12 прозвищ российских спортсменов — например, *Лысый* (А. Розина) и 14 английских — например, *Maypole* (Каланча) — Дж. Чарльтон). Данная группа прозвищ выполняет важную социальную функцию: она позволяет установить неформальные отношения и продемонстрировать остроумие номинирующего коллектива, одновременно маркируя те черты спортсмена, которые не связаны с его профессионализмом.

Метафорические прозвища преобладают в англоязычном спортивном дискурсе (50 прозвищ английских спортсменов (13 %) в отличие от 27 (8 %) русских) и демонстрируют богатство образного мышления и несут чаще положительную или ироничную оценку. Например, положительная оценка во вторичных номинациях российских спортсменов: *Танк* (В. Тарасенко), *Русская стена* (В. Третьяк), *Железный гвоздь* (В. Лалетин) и т. д.; английских спортсменов: *Megatron* (Мегатрон) — К. Джонсон, *The Microwave* (Микроволновка) — В. Джонсон и др.; ироничная оценка: для русских спортсменов — *Гарри Поттер* (Е. Кузнецов) и др., для английских — *The Flying Tomato* (Летающий Помидор) — Ш. Уайт и т. д.

Прозвища, отсылающие к фактам биографии или роду деятельности (по 16 прозвищ в каждом языке, что составляет 5 % и 4 % соответственно), в основном несут положительную или ироничную окраску. Например, в русском языке: *Бэбби* (ласкательное прозвище Э. Стрельцова, данное матерью), *Муля* (прозвище из детства А. Демьяненко) и проч.; в английском: *Shoeless Joe* (Босой Джо) — Дж. Джексон, из-за игры босиком, *The Marine* (Морпех) — Д. Робинсон, из-за службы в военно-морских силах США и т. д. В обеих лингвокультурах такие прозвища выполняют важную нарративную функцию.

В прозвищах, основанных на созвучии — 12 прозвищ русских спортсменов (4 %) и 8 (2 %) — английских) – преобладает ироничная окраска; например, в русскоязычном спортивном дискурсе: *Черешня* (Д. Черышев) и др.; в англоязычном: *Razor* (Бритва) — Н. Раддок и т. д. В обоих языках эти прозвища создают неформальную атмосферу и становятся маркерами внутригрупповой идентичности болельщиков или коллег, для которых умение обыграть имя или фамилию является проявлением языкового остроумия и социальной близости.

Уменьшительно-ласкательные прозвища преобладают в русском языке (28 (9 %) в отличие от 15 (4 %) в английском), положительно оценочны и выражают симпатию и близость; например: *Акатик* (С. Акатьева), *Акинфа* (И. Акинфеев) и т. д. в русском языке и *Stokesy* (Б. Стокс), *Fozy* (Н. Фостер) и др. в английском, что объясняется более прагматичным подходом к номинации в англоязычном спортивном дискурсе.

Прозвища, обусловленные национальностью или местом происхождения (10 прозвищ (3 %) в русскоязычном спортивном дискурсе и 15 (4 %) — в англоязычном), преимущественно несут скрытую положительную оценку; например, в русской спортивной лингвокультуре: *Русский Моуриньо* (Л. Слуцкий), *Русская ракета* (П. Буре) и др., в английской — *The Welsh Wizard* (Валлийский волшебник) — Г. Бэйл и т. д. Это можно объяснить тем, что национальная идентичность в спортивном дискурсе интерпретируется как источник силы, таланта или уникальности, что делает эти качества мощным инструментом создания национальных спортивных брендов.

В обеих лингвокультурах прозвища данной классификационной группы представляют собой важный маркер культурной идентичности и служат для конструирования образа спортсмена, выходящего за рамки его индивидуальных достижений и становящегося представителем целой нации на международной арене.

Самая малочисленная в выборке группа коллективных прозвищ (в русском языке — 6 прозвищ (2 %), в английском — 3 (2 %)), что объясняется не только сложностью их возникновения и закрепления, но и тем, что в современном спортивном дискурсе акцент часто делается на индивидуальных достижениях и личностях спортсменов. Например, в русскоязычном спортивном дискурсе: *Кисики* (дуэт А. Бойковой и Д. Козловского), *Кони* (ЦСКА) и т. д.; в англоязычном — *Red Devils* (Красные дьяволы) — Манчестер Юнайтед, *The Cherries* (Вишенки) – Борнмут и др.

Прозвища, данные по названию вида спорта, в проанализированных текстах не зафиксированы. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что вид спорта является слишком общей категорией и не позволяет выделить индивидуальность спортсмена.

Заключение и выводы

Проведённый анализ позволяет заключить, что прозвища в русскоязычном и англоязычном спортивном дискурсах являются сложным и многогранным лингвистическим феноменом, в котором оценочность встроена в тематическую мотивацию. В обоих языках спортивные прозвища служат индикаторами оценочности, аккумулируя в себе отношение социума к спортсмену. Однако способы формирования этой оценки, механизмы прозвищной номинации и характер оценочных значений могут существенно различаться.

Результаты количественного анализа подтверждают, что в обоих языках доминируют положительно окрашенные прозвища, что отражает героизирующую функцию спортивных СМИ. Выявлены и лингвокультурные дифференциации: в русскоязычном дискурсе значительно выше доля антропонимических прозвищ, что указывает на персонализацию и эмоциональную близость между участниками коммуникации, в то время как в англоязычном преобладают метафорические и зооморфные вторичные наименования, что свидетельствует о большей образности и прагматичной установке на создание яркого, запоминающегося имиджа спортсмена в английской спортивной лингвокультуре. Иронические и шутливые прозвища, занимающие второе место по частотности в обоих языках, выполняют важную коммуникативную функцию, снижая пафос и устанавливая неформальный контакт между спортсменом и аудиторией. Отрицательные прозвища, хотя и представлены в меньшем количестве, являются маркерами критической оценки спортсмена и его достижений и могут служить индикаторами профессиональных неудач или нарушения спортивной этики. Нейтральные прозвища, как правило, выполняют сугубо идентифицирующую роль и не несут значимой оценочной нагрузки.

Различия наблюдаются и в тематической направленности оценочных прозвищ. В английском языке, особенно в американском спортивном дискурсе, распространены прозвища, подчеркивающие физическую мощь, скорость, атлетичность, тогда как в русском языке подобные прозвища часто дополняются номинациями, отражающими интеллектуальные или личностные качества. Это может свидетельствовать о разных акцентах в оценке спортсменов: в англо-американской культуре больше ценится физическое превосходство, тогда как в русской – сочетание физических и умственных качеств.

Таким образом, спортивное прозвище — это многогранный комплекс, в котором пересекаются лингвистические, когнитивные и культурные механизмы оценки, формирующие уникальный портрет спортсмена в языковом сознании носителей.

Список источников

1. Александрова В. А. Особенности реализации оценочного потенциала антропонимических прозвищ в дискурсивном пространстве английского языка: дис. ... канд. филол. наук. [Б. м.], 2019. 150 с.

2. Ван М. Кросс-культурный анализ неофициальных имен в спортивных медиа США, России и Китая // Студенческие научные исследования: сб. ст. XXV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза, 2025. Ч. 1. С. 218–219.

3. Гасимова С. И. Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 322 с.

4. Гладкова А. Н. Лингвокультурный анализ прозвищных номинаций президентов США: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 160 с.

5. Даулетова А. Б. К вопросу об особенностях формирования и функционирования спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах // Евразийский филологический вестник. 2026. № 1 (13). С. 106–132.

6. Елистратов А. А. Критический анализ лексикографического описания спортивных прозвищ в словаре Э. Партриджа // Евразийский филологический вестник. 2023. № 3 (3). С. 6–22.

7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М. : Р. Валент, 2001. 198 с.

8. Зверева Е. В. Лингвокультурологические особенности неофициальных дополнительных имен футбольных клубов в лексике испаноязычных спортивных журналистов // Древняя и Новая Романия. 2015. № 16. С. 99–113.

9. Зубова Т. Б., Калинин О. И. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 172–187.

10. Кислицына Н. Н., Новикова Е. А. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 28–35.

11. Ляшенко И. В. Языковая сущность и прагматические функции этнических прозвищ (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2002. 207 с.

12. Манченко Е. С. Лингвокультурные и структурно-функциональные характеристики английских прозвищ: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008. 231 с.

13. Мусаева Р. А. Кумыкская антропонимика: прозвища и полуимена: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 139 с.

14. Ножевникова Е. Г., Прудникова Л. А. Окказиональные модификации прозвищ баскетболистов в англоязычном спортивном масс-медийном дискурсе // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2020. № 3 (32). С. 276–282.

15. Пашкевич А. А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 164 с.

16. Селиванова Л. Л. «Как зовут, так и обзывают»: прозвища и оскорбления спортсменов, античных и современных // Цивилизация и варварство. 2023. № 12. С. 64–78.

17. Файзиева Г. В., Даулетова А. Б. Национально-культурная специфика спортивных прозвищ в русском, английском и французском языках // Филология: научные исследования. 2026. № 9. С. 485–500.

18. Шарикова Ф. Н., Орлова Э. А. Спортивный дискурс и его жанры // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2017. Vol. 1. P. 338–342.

19. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале ФЕ, обозначающих поведение человека): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008.

References

1. Aleksandrova VA. [Features of the implementation of the evaluative potential of anthroponymic nicknames in the discursive space of the English language] [dissertation]. [Place unknown]: [Publisher unknown]; 2019. 150 p. (In Russ.).

2. Van M. [Cross-cultural analysis of unofficial names in sports media of the USA, Russia and China]. In: [Student scientific research: collection of articles of the XXV International Scientific and Practical Conference: in 2 parts, Penza, 05 June 2025. Part 1]. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev GYu); 2025. P. 218-219. (In Russ.).

3. Gasimova SI. [Historical and linguistic analysis of Tatar nicknames] [dissertation]. Kazan, 2006. 322 p. (In Russ.).

4. Gladkova AN. [Linguocultural analysis of nickname nominations of US presidents] [dissertation]. Nizhny Novgorod, 2003. 160 p. (In Russ.).

5. Dauletova AB. [On the peculiarities of the formation and functioning of sports nicknames in English, French and Russian linguocultures]. *Evraziiskii filologicheskii vestnik.* 2026;(1(13)):106-132. (In Russ.).

6. Elistratov AA. [Critical analysis of the lexicographic description of sports nicknames in E. Partridge's dictionary]. *Evraziiskii filologicheskii vestnik.* 2023;(3(3)):6-22. (In Russ.).

7. Ermolovich DI. [Proper names at the junction of languages and cultures: borrowing and transfer of proper names from the point of view of linguistics and translation theory]. Moscow: R. Valent, 2001. 198 p. (In Russ.).

8. Zvereva EV. [Linguocultural features of unofficial additional names of football clubs in the vocabulary of Spanish-speaking sports journalists]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya.* 2015;(16):99-113. (In Russ.).

9. Zubova TB, Kalinin OI. [Evaluativeness as a discursive characteristic: properties and typology]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya.* 2025;(2):172-187. (In Russ.).

10. Kislitsyna NN, Novikova EA. [Sports discourse in the system of institutional types of discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki.* 2017;(2(26)):28-35. (In Russ.).

11. Lyashenko IV. [Language essence and pragmatic functions of ethnic nicknames (based on the English language)] [dissertation]. Pyatigorsk, 2002. 207 p. (In Russ.).

12. Manchenko ES. [Linguocultural and structural-functional characteristics of English nicknames] [dissertation]. Astrakhan, 2008. 231 p. (In Russ.).

13. Musaeva RA. [Kumyk anthroponymy: nicknames and semi-names] [dissertation]. Makhachkala, 2008. 139 p. (In Russ.).

14. Nozhevnikova EG, Prudnikova LA. [Occasional modifications of basketball players' nicknames in English-language sports mass-media discourse]. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoi rechi.* 2020;(3(32)):276-282. (In Russ.).

15. Pashkevich AA. [Nicknames and bynames in the system of nominative means of the English language] [dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 164 p. (In Russ.).

16. Selivanova LL. ["As they call, so they abuse": nicknames and insults of athletes, ancient and modern]. *Tsivilizatsiya i varvarstvo.* 2023;(12):64-78. (In Russ.).

17. Faizieva GV, Dauletova AB. [National and cultural specificity of sports nicknames in Russian, English and French]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2026;(9):485-500. (In Russ.).

18. Sharikova FN, Orlova EA. [Sports discourse and its genres]. In: [Integrated communications in sports and tourism: education, trends, international experience]. 2017. Vol. 1. P. 338-342. (In Russ.).

19. Yakhina AM. [Evaluativeness as a component of the meaning of phraseological units in Russian, English and Tatar languages (based on phraseological units denoting human behavior)] [dissertation]. Kazan, 2008. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Б. Даулетова — аспирант 2 курса факультета теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики.

Information about the author

A. B. Dauletova — 2nd-year postgraduate student, Faculty of Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Статья поступила в редакцию 18.09.2026; одобрена после рецензирования 20.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 18.09.2026; approved after reviewing 20.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 139–145.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):139-145.

Научная статья

УДК 81’373.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-139-145

ПЕРЕВОД ТОПОНИМОВ, ЯЗЫКОВОЙ НАЦИОНАЛИЗМ И КРИТИКА ЯЗЫКА

Сагит Гайлиевич Шафиков

Уфимский университет науки и технологий (УУНИТ), г. Уфа, Россия, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Аннотация: Статья посвящена проблеме влияния исходного языка (source language) на целевой язык (target language) при переводе топонимов, в частности хоронимов (наименований государственных образований). Данная проблема, которая находится на пересечении общей лингвистики, коллективной психологии и социологии, остается недостаточно изученной. Влияние на языковые структуры со стороны иного языка может рассматриваться как внешняя мелиорация языка, которая, в отличие от внутренней мелиорации, представляет собой его критику. Цель исследования состоит в дискурсивном анализе критики русского языка с помощью сравнительного метода для сравнения взаимно противоположных стратегий перевода имен собственных, индивидуальных вариантов перевода топонимов, деривационных моделей, а также мотивированности эквивалентных топонимов в языках сравнения. Результаты дискурсивного анализа кладутся в основание контр-критики языка, что позволяет констатировать факт лингвистического национализма, который по большей части имеет деструктивный характер. Лингвонационализм неизбежно приводит к минимизации роли русского языка на территории бывшего единого языкового пространства, способствуя укреплению национальных языков за счет переименования русских топонимов. Топонимическая критика языка не выдерживает критики прежде всего потому, что переименованный топоним, вступая в конкуренцию с традиционным наименованием, либо проигрывает, либо становится его приемлемым вариантом. Сильный статус русского языка вовлекает его в систему ценностей любой национальной культуры, которая поддерживает этот статус. В статье также подчеркивается корреляция лингвистического национализма с понятием «лингвистический нигилизм», означающим примитивное обывательское отношение к феномену языка и к языковой политике.

Ключевые слова: доместикация, культура, лингвистический национализм, лингвистический нигилизм, перевод, хороним, форенизация, экзоним, эндоним, язык

Для цитирования: Шафиков С. Г. Перевод топонимов, языковой национализм и критика языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 139–145. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-139-145.

Original article

TRANSLATION OF TOPONYMS, LINGUISTIC NATIONALISM AND CRITIQUE OF LANGUAGE

Sagit G. Shafikov

Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Abstract: The article is devoted to the problem of an impact on a target language by a source language as a result of translation of toponyms, in particular choronyms (names of state territories). The problem that is located at the junction of general linguistics, collective psychology and sociology is far from being adequately addressed. The impact on linguistic structures on the part of another language may be considered as external improvement of language which, unlike internal improvement, suggests a critique of language. The aim of the research includes discursive analysis of the critique of the Russian language by means of the contrastive method that enables one to contrast the mutually antithetic strategies of translating proper names, individual variants of toponyms, their derivational patterns, as well as motivation of equivalent toponyms in the languages of contrast. The results of the discursive analysis serve the basis of a linguistic counter-critique that allows one to state the fact of linguistic nationalism which

© Шафиков С. Г., 2026

is largely of destructive nature. Linguistic nationalism inevitably minimizes the role of the Russian language on the territory of the once-united linguistic space, thus strengthening the status of national languages at the expense of renaming Russian toponyms. The toponymic critique of language does not stand up to scrutiny, as, for the most part, the renamed toponym competing the traditional name is either a failure or turning into an acceptable variant. The strong status of the Russian language involves it into the system of priorities of any national culture that maintains this status. The article also highlights the correspondence of linguistic nationalism with the notion of linguistic nihilism denoting primitive narrow-minded attitude towards the phenomenon of language and language policy.

Keywords: culture, domestication, endonym, exonym, foreignization, language, linguistic nationalism, linguistic nihilism, translation, toponym.

For citation: Shafikov SG. Translation of Toponyms, Linguistic Nationalism and Critique of Language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):139-145. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-139-145.

Введение

История человечества сопровождается беспрестанным изменением политической карты мира, на которой старые наименования государственных образований сменяются новыми.

Этот процесс осуществляется *per se* в результате конкуренции *топонимов* (наименований географических объектов), связанных общим денотатом, либо *deliberando*, то есть в результате сознательного акта субъекта языка.

Такой акт может служить конкретным примером взаимовлияния мышления и языка.

Важной проблемой для науки о языке представляется перевод топонимических наименований, сопровождаемый влиянием исходного языка (source language) на целевой язык (target language).

Влияние на языковые структуры иного языка можно рассматривать как *критику языка*, которая может привести к его *реформации*.

Проблема состоит в том, насколько обоснованной может быть критика одного языка в отношении другого, влияя на его этнокультурную идентичность, насколько эта критика помогает развитию целевого языка в рамках соответствующей культуры, насколько полезным может оказаться *контр-критика* как преграда против лингвистической реформации.

Обсуждение этой проблемы служит целью данного исследования, которая конкретизируется решением двуединой задачи: а) установление стратегии перевода топонимов, б) установление правомерности критики языка в отношении топонимов.

Как объект научного исследования данная проблема, локализованная на стыке общей лингвистики, коллективной психологии и социологии, остается недостаточно изученной, что повышает актуальность исследования, делая его востребованным для теории языка.

Как известно, проблема взаимовлияния языка и мышления является одной из наиболее актуальных проблем лингвистики.

Идейно такое двустороннее взаимовлияние восходит к концепции В. Гумбольдта о внутренней форме языка и получает окончательное оформление в рамках гипотезы Сепира — Уорфа.

Как у В. Гумбольдта, так и в гипотезе лингвистической относительности речь идет о влиянии языковых структур на мышление. Обратное влияние, то есть влияние мышления на языковые структуры, считается *per se intellegitur* и поэтому обычно не рассматривается.

Как выражается «поздний» Э. Сепир, восприятие реальности зависит от «языковых привычек общества» [7, с. 175]. Следовательно, общественная необходимость изменения определенных единиц языка состоит в их «окультуривании», чтобы эмоционально, этически и политически приблизить восприятие реальности к культурным запросам человека.

Материалы и методы исследования

Улучшение языка, внутренняя мелиорация и реформация языка. «Окультуривание» лексики может рассматриваться как прецедент (пример) влияния мышления на язык – в отличие от обратного влияния, то есть влияния языка на мышление. Результатом такого влияния является так называемая ***мелиорация***.

Мелиорация, в свою очередь, представляет собой пример языковой универсалии, поскольку любой язык подвергается воздействию субъекта речи с целью его «улучшения». Следует различать ***внутреннюю мелиорацию***, которая связана с воздействием субъекта речи на свой родной язык с целью его облагораживания, и ***внешнюю мелиорацию***, которая связана с воздействием субъекта речи на иной язык с целью его исправления.

Объектом внутренней мелиорации служит обычно табуированная или болезненно чувствительная лексика; ср. примеры эвфемии в английском языке: *woman* «женщина» → *vaginal-American* (дословно «вагинальная американка»); *girl*

«девушка» → *pre-womyn* (дословно «предженщина»); *blind* «слепой» → *photonically non-receptive* (дословно «невосприимчивый к свету»); *deaf* «глухой» → *visually oriented* (дословно «ориентированный на зрение»); *poor* → *disadvantaged* (дословно «находящийся в невыгодном положении») → *economically unprepared* (дословно «экономически неподготовленный»); *drug addict* «наркоман» → *chemically challenged* (дословно «химически неполноценный»); *fat woman* «толстая женщина» → *alternative body image* (дословно «альтернативная внешность») [14]; ср. также пример окультуренной речи гоголевских дам из города N: *я высморкалась → я облегчила себе нос* / *я обошлась посредством платка* (Н. В. Гоголь. «Мертвые души»).

Эскалация средств внутренней мелиорации в конечном счете может привести к *реформации языка*, то есть к коренному изменению его существенных признаков.

Примером языковой реформации может служить фемилингвистика как целое направление в языкознании, которое стремится к гендерному выравниванию языковых структур, как бы испорченных изначально «маскулинным» языком [11].

Крайней формой реформации языка может стать потеря языковой идентичности, сравнимая с масштабным межъязыковым контактом вследствие военного захвата территории чужой культуры (**e.g.** завоевание Англии Вильгельмом Завоевателем), либо вследствие мирного заимствования иноязычных элементов или даже целого языка (**e.g.** роль французского языка у русского дворянства эпохи императоров).

Внешняя мелиорация, топонимика и национальная идентичность. В отличие от внутренней мелиорации как формы «окультуривания» своего национального языка, ***внешняя мелиорация*** «окультуривает» иной язык. Для этого используется перевод, в частности перевод топонимической лексики. «Улучшение» при этом достигается заменой топонима целевого языка на топоним исходного языка. Таким образом, внешняя мелиорация представляет собой «перевод с обратным результатом», поскольку целью служит не нахождение в целевом языке готовой единицы, соответствующей единице исходного языка, а замена единицы целевого языка единицей исходного языка.

Как известно, ономастика разделяет *онимы* (имена собственные) в соответствии с принципом «свой» / «чужой» на *эндонимы* и *экзонимы*. Эндоним представляет собой самоназвание народа или территории его компактного проживания, в то время как экзоним служит названием народа или его родной территории в ином языке. Как правило, эндонимы и экзонимы не совпадают; так, баски называют себя *эускалдунак*, венгры — *мадьярок*, армяне — *хайэр*, евреи — *йехудим*, финны — *суомалайсет* и т. д.

Типология онимов следует двум основным стратегиям их перевода, которые соответствуют понятиям «форенизация» и «доместикация» [6]. Под форенизацией понимается приближение онима к источнику, в то время как доместикация рассматривается как приближение онима к звучанию родного языка. С точки зрения языка перевода форенизация отождествляет переводимый оним с эндонимом, а доместикация — с экзонимом.

Перевод топонимов требует принципиального соответствия эндонима исходного языка экзониму целевого языка; при этом стратегия доместикации представляется более удобной благодаря традиции и связанной с ней узнаваемости (известности) данного наименования [9, с. 12] .

Внешняя мелиорация проявляется, например, в своеобразном давлении культуры бывших республик СССР на культуру русского языка с целью замены экзонима эндонимом; ср. примеры внешней мелиорации: *Целиноград* → *Акмола* → *Нурсултан* → ***Астана***, *Джамбул* → ***Жамбул***, *Кустанай* → ***Костанай***, *Алма-Ата* → ***Алматы***.

Внешняя мелиорация служит воплощением социологической тенденции, сравнимой в понятиях физики с центробежной силой, которая противостоит центростремительной силе. Тенденция движения от центра уравновешивается тенденцией к сближению с центром. В понятиях права, с одной стороны, государство печется о защите своего суверенитета, с другой стороны, каждый народ имеет право на самоопределение. *Mutatis mutandis*, с одной стороны, *языковой суверенитет* защищает языковую идентичность, с другой стороны, *языковое право* стремится к защите идентичности своей культуры любой ценой, даже за счет попрания языкового права другой культуры.

Материалом дальнейшего исследования служит топонимика государственных образований (хоронимы) и связанная с ней этнонимика постсоветского пространства с точки зрения критики русского языка. Целью исследования состоит: 1) в установлении типологии такой критики; 2) в проведении дискурсивного лингвистического анализа, объектом которого служат прецедентные критические суждения в отношении русского языка. Главным методом дискурсивного анализа служит *сравнение*, в частности, сравнение разных стратегий перевода, таких как *доместикация*

и *форенизация*, сравнение индивидуальных вариантов перевода хоронимов и этнонимов, сравнение деривационных моделей, а также анализ лексической мотивированности *эндонима* (топонима исходного языка) и *экзонима* (топонима целевого языка).

Результаты исследования и их обсуждение

Языковое право и языковой национализм. Языковое право, то есть право каждого гражданина на родной язык, обычно проявляется в политике *лингвистического* (*языкового*) *национализма* (*лингвонационализма*).

Лингвонационализм как *конструктивное явление* можно наблюдать, например, в социокультурном движении каталонцев в Испании, или ирландцев в Северной Ирландии и т. д. Вместе с тем, лингвонационализм может перерасти в *деструктивное явление* в случае придания языку политико-идеологического значения [13, с. 63], что неизбежно приводит к превознесению собственной нации благодаря этноисторическим мифам [10]. Деструктивный лингвонационализм расчищает путь политическому национализму, сегрегации национального меньшинства и сепаратизму [12, с. 95].

Практически во всех бывших республиках Советского Союза (кроме РФ) происходит укрепление национальных языков за счет минимизации роли русского языка. Локальными проявлениями этой тенденции может служить, например, переход с кириллицы на латиницу (в Казахстане) или популяризация «языковых патрулей» (в Киргизии).

В отличие от этого центробежного движения русского языка, которое носит в целом нейтральный характер, политика переименования хоронимов представляет собой однозначно негативное явление для русского языка. Потеря для русского языка состоит в явочной замене топонимов новыми наименованиями, «немотивированными свойствами объекта» [2, с. 77], что выводит его из топонимической системы русского языка.

Обычно мотивом вытеснения русского языка из топонимики служит национальная обида; ср. следующие примеры:

Пример № 1. Некоторые общественные организации («Башкирское национально-патриотическое движение», «Башкирское казачество», «Акбузат») требуют обязать российские СМИ использовать официальное наименование *Башкортостан* вместо слова *Башкирия*, которое якобы «умаляет статус республики» [5].

Пример № 2. Звучит требование заменить в русском языке название бывшей советской республики словом *Кыргызстан*, поскольку использовать слово *Киргизия* якобы значит «не считаться с независимостью» данной страны [8].

Большая часть переименований связана с ойконимами (наименованиями населенных пунктов). Переименованный ойконим теряет свою мотивированность в русском языке; ср. примеры переименования населенных пунктов в Киргизии: *Ворошиловка* → ***Аксу*** («белая вода»), *Ворошилово* → ***Талаз*** («запруда»), *Ленинское* → ***Узунколь*** («длинное озеро») и т. д. [4, с. 77].

Так, стремление к укреплению статуса национального языка под эгидой языкового национализма оборачивается понижением статуса русского языка.

Несколько неожиданным выглядит мелиорация традиционных топонимов русского языка, заимствованных из языков местных национальных образований; ср., например, переименование столицы Казахстана: *Алма-Ата* → ***Алматы***. Для русского языка, включившего переименование в свой ономастикон, такой тип мелиорации можно считать провальным, поскольку нарушается как словообразовательная, так и словоизменительная парадигма; ср.: *Алма-Ата* → *алма-атинский*, *Алма-Ата* → *ехать в Алма-Ату*, *Алма-Ата* → *гордиться Алма-Атой*; но *Алматы* → ?

Контр-критика как критика реформации русского языка. Приведенные примеры показывают, что лингвонационализм манифестирует себя прежде всего критикой языка в отношении традиционных топонимов и связанных с ними этнонимов.

Вместе с тем именно язык позволяет эффективно опровергнуть эту критику, как испорченный продукт с явным националистическим душком.

Критика языка не выдерживает критики главным образом потому, что навязываемый эндотопоним / эндоэтноним вступает в конкуренцию с традиционным наименованием и либо проигрывает (вариант под звездочкой), либо становится его приемлемым вариантом; ср.: **башкорт* ↔ ***башкир***, **кыргыз* ↔ ***киргиз***; *Башкортостан* ↔ ***Башкирия***, *Кыргызстан* ↔ ***Киргизия*** и т. д.

Несостоятельность топонимической критики языка обнаруживается при дискурсивном анализе лексической мотивированности, связанной с деривационной моделью «этноним» → «хороним»; ср.: *казахи* → *Казахстан*, *узбеки* → *Узбекистан*, *туркмены* → *Туркменистан*, *белуджи* → *Белуджистан* и т. д. Такая модель соответствует морфологической структуре хоронима с топоформантом, выраженным суффиксом ***-стан***, который

указывает на этнокультурную принадлежность территории. Таким образом, хороним, мотивируемый этнонимом, характеризуется ясной внутренней формой: *Казахстан* («страна казахов»), *Узбекистан* («страна узбеков»), *Туркменистан* («страна туркменов»), *Татарстан* («страна татар») и т. д.; по этой логике получается *Башкортостан* (страна **башкортов*). Однако русский язык в полном соответствии с логикой здравого смысла использует традиционный этноним (экзоним) *башкир* вместо эндоэтнонима *башкорт*; поэтому мотивированный дериват *Башкирия* выглядит более предпочтительно, чем его топонимический конкурент *Башкортостан.*

В отношении традиционных онимов (экзонимов) русский язык также использует деривационную модель с сохранением лексической мотивированности; в отношении эндонимов модель «этноним» → «производное прилагательное» уже не действует: *башкир → башкирский*, *киргиз → киргизский*, *чеченец → чеченский*, *белорус → белорусский* и т.д.; ср.: *башкорт → *башкортский*, *кыргыз → *кыргызский*, *Беларусь → *бел**а**рус → *бел**а**русский*, *Молдова → *молд**о**ванин → *молд**о**вский* /**молд**о**ванский*, *республика Саха → *сахинский*, *Тыва → *тывинский* и т.д.

Ономастика и общее языковое пространство. Вопрос о стратегии перевода на целевой (русский) язык должен решаться с учетом статуса русского языка в иной национальной культуре. Чем слабее этот статус, тем больше основание использовать стратегию доместикации, и наоборот. Сохранение сильного статуса русского языка объясняется сохранением традиционного межкультурного контакта между народами в пределах общего языкового пространства.

Большинство наследников национальных культур бывшего Советского Союза продолжают использовать русский язык, прежде всего, благодаря рыночной экономике, требующей взаимопонимания, что «в свою очередь требует распространения крупных языков и уменьшения языкового разнообразия» [1, с. 20]. Сильный статус русского языка в любой национальной культуре делает его частью этой культуры, включением в свою систему ценностей.

Сохраняя русский язык как важную составляющую своих этнических культур, этнические регионы РФ используют *топонимические варианты*, один из которых служит официальным наименованием республики, а другой – общеупотребительной номинацией (выделено подчеркиванием); ср. примеры: *Башкортостан — Башкирия*, *Молдова – Молдавия*, *Беларусь — Белоруссия*, *Якутия* (*Республика Саха*) — *Якутия*, *Республика Тыва — Тува* и т. д.

Даже такой лингвистически ущербный вариант, как *Башкортостан,* имеет право на сохранение «во избежание противоречий с существующим массивом источников» [3] при еще большем праве у общеупотребительного варианта *Башкирия*, закрепленного в еще большем массиве источников благодаря традиции.

Язык не может отказаться от традиционных хоронимов при наличии массы однокоренных этнонимов, таких как *тувинцы*, *чеченцы*, *якуты*, *армяне*, *таджики* и т. д. Поэтому большинство народов постсоветского пространства по-русски продолжает называть себя в соответствии с традицией, хотя в родном языке их эндотопонимы могут в корне отличаться от русских соответствий; ср.: *тувинцы* ↔ эндотопоним *Тыва*, *чеченцы* ↔ эндотопоним *Нохчийн*, *якуты* ↔ эндохороним *Саха*, *армяне* ↔ эндотопоним *Хайастан*, *таджики* ↔ эндотопоним *Точикистон* и т. д.

Языковой национализм и лингвонигилизм. Как известно, этнический национализм ничего общего не имеет с наукой. Подобным же образом лингвистический национализм, отрицающий научное знание, сближается с философией нигилизма, который отрицает общепринятые ценности, идеалы и понятия.

Понятие «лингвистический нигилизм», обычно определяемое как отрицание ценностей национального языка, в данной работе понимается несколько иначе, а именно как профанное (обывательское) отношение к внутренним законам языка и к языковой политике.

Ревнители идеи заимствования русским языком национальных самоназваний действуют не только самонадеянно и агрессивно, но лингвистически безграмотно. Продолжают умножаться случаи некорректного перевода в русский язык эндотопонимов и эндоэтнонимов, подобные приведенным выше примерам. Множество других примеров подтверждает лингвистический нигилизм критиков русского языка.

Заключение

Изменение в политической географии, в частности в геополитике, может приводить к изменению топонимов определенных государственных образований, что, в свою очередь, приводит к конкуренции топонимов. Конкуренция топонимов и вытеснение одного топонима другим может рассматриваться как прецедент влияния мышления на язык.

Влияние мышления субъекта речи на язык с целью его улучшения служит примером языковой универсалии, которую можно назвать мелиорацией языка. Языковая мелиорация может быть внутренней или внешней; внутренняя мелиорация связана с воздействием субъекта речи на свой родной язык с целью его окультуривания; внешняя мелиорация связана с воздействием субъекта речи, представляющего один язык, на иной язык с целью его исправления.

Внешняя мелиорация представляет собой феномен лингвонационализма, который может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер; при этом конструктивное начало проявляется в стремлении укрепить национальный язык в рамках языкового права; деструктивный характер языковой национализм приобретает за счет умаления статуса иного языка.

Деструктивный лингвонационализм манифестирует себя критикой русского языка, которая охватывает как топонимику, так и связанную с ней этнонимику. Критика языка проявляется прежде всего в замене явочным порядком, то есть без предварительного согласования, традиционных топонимов (экзонимов) в русском языке, включая хоронимы, ойконимы и этнонимы, на эндонимы (самоназвания) в языке отдельной национальной культуры; кроме того, критика языка проявляется в гласном требовании части национального социума заменить тот или иной экзоним русского языка на эндоним языка иной культуры.

Лингвистический нигилизм в его деструктивном проявлении коррелирует с понятием «лингвистический нигилизм», что означает профанное, самонадеянное, безграмотное отношение как к феномену языка, так и к языковой политике.

Список источников

1. Алпатов В. М. Языковая политика в России и в мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 11–23.

2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 318 с.

3. Кузьменко С. А., Новожилова Е. Н. Особенности перевода имен собственных в научно-популярном тексте. 2020. URL: https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2020/kuzmenko-novozhilova-2020.html?ysclid=mlckoglu8v543210179

4. Питина С. А. Особенности переименования топонимов в России, Казахстане и на Украине в контексте языковой политики // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2018. № 4 (30). С. 74–82. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pereimenovaniya-toponimov-v-rossii-kazahstane-i-na-ukraine-v-kontekste-yazykovoy-politiki?ysclid=mlcr1ugrvh406524052

5. Поворазнюк С. Минкомсвязи попросили запретить называть Башкортостан Башкирией в СМИ. 2014. URL: https://vk.com/izvestia?ysclid=mkjfz1gpq1781274805

6. Раренко М. Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе // Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022. С. 62–72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-i-problema-ih-peredachi-v-perevode?ysclid=mlcrupj58c776025573

7. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Л. : Соцэкгиз, 1934. 223 с.

8. Снитовский А. «Кыргызстан» или «Киргизия» — как правильно? 2022. URL: https://dzen.ru/a/Y2cq3rvjIiF0GH0b?ysclid=mlcsbkssog324982652

9. Спачиль О. В. Имя собственное в литературном переводе. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. 172 с.

10. Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://science-education.ru/article/view?id=18126&ysclid=mlcsrftder599919010

11. Шафиков С. Г. Политкорректность, фемилингвистика и реформация языка // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 2. С. 526–531.

12. Штукенброк А. Лингвонационализм. Языковая рефлексия как посредник коллективной самоидентификации в Германии (1617–1945) // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». СПб. : Антология, 2013. 352 с.

13. Янкова Н. А. Деструктивный потенциал лингвистического национализма и его проявления в современном обществе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1 (50). С. 61–67.

14. Beard H., Cerf Ch. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N. Y., 1992. URL: https://openlibrary.org/books/OL1566889M/The_official_politically_correct_dictionary_and_handbook

References

1. Alpatov VM. Yazikovaya politika v Rossii i v mire. Language Policy in Russia and the World. Yazikovaya politika i yazikoviye konflikti v sovremennom mire = Language Policy and Language Conflicts in the Modern World. 2014. P. 11-23. (In Russ.).

2. Berezovich EL. Russian Toponymy in the Etymological Aspect. Moscow, 2009. 318 p. (In Russ.).

3. Kuzmenko SA, Novozhilova EN. Translation of Proper Names in Popular Science. 2020. Available at: https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2020/kuzmenko-novozhilova-2020.html?ysclid=mlckoglu8v543210179 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

4. Pitina SA. Osobennosti pereimenovaniya toponimov v Rossii, Kazakhstane i na Ukraine v kontexte yazikovoi politiki. – The Pecularities of Renaming Toponyms in Russia, Kazakhstan and Ukraine in the Context of Language Policy. Sign: The Problem Field of Media Education. 2018. 4 (30). P. 74-82. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pereimenovaniya-toponimov-v-rossii-kazahstane-i-na-ukraine-v-kontekste-yazykovoy-politiki?ysclid=mlcr1ugrvh406524052 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

5. Povoraznuk S. The Ministry Requested to Ban the Name of Bashkiria for Bashkortostan. 2014. Available at: https://vk.com/izvestia?ysclid=mkjfz1gpq1781274805 (accessed 07.02.2026) (In Russ.).

6. Rarenko MB. Imena sobstvenniye i problema ikh peredachi v perevode. Proper Names and the Problem of their Rendering in Translation. Institut nauchnoi informatsii po obshestvennim naukam = The Institute of Scientific Information in the Humanities. 2022. P. 62-72. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-i-problema-ih-peredachi-v-perevode?ysclid=mlcrupj58c776025573 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

7. Sapir E. An Introduction to the Study of Speech. Leningrad, 1934. 223 p. (In Russ.).

8. Snitovskiy A. Kirgizstan or Kirgizia — Which is Correct? 2022. Available at: https://dzen.ru/a/Y2cq3rvjIiF0GH0b?ysclid=mlcsbkssog324982652 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

9. Spachil OV. The Proper Name in Literary Translation. Krasnodar, 2021. 172 p. (In Russ.).

10. Fatkullina FG. Toponimi kak komponent yazikovoi kartini mira. Toponyms as a Component of the Linguistic World View. Sovremenniye problemi nauki i obrazovaniya = Modern problems of Science and Education. 2015. 1 (1). Available at: https://science-education.ru/article/view?id=18126&ysclid=mlcsrftder599919010 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

11. Shafikov SG. Politkorrektnost, femilingvistika i reformatsiya yazika. Political Correctness, Feminist Criticism of Language and Language Reform. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = The Bulletin of Bashkir University.* 2021;26(2):526-531. (In Russ.).

12. Shtukenbrok A. Lingvonatsionalizm. Yazikovaya refleksiya kak posrednik kollektivnoi samoidentifikatsii v Germanii (1617–1945). The Linguistic Reflection as an Intermediary of Collective Self-identification in Germany (1617–1945). Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kulturologiya v poiskakh "etnicheskoi mentalnosti" = From Linguistics to Myth: Linguistic Studies Across Cultures in Search of "Ethnic Mentality". St. Petersburg, 2013. 352 p. (In Russ.).

13. Yankova NA. Destruktivniy potentsial lingvisticheskogo natsionalizma i yego proyavleniya v sovremennom obshestve. The Destructive Potential of Linguistic Nationalism and its Manifestation in Modern Society. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = The Caspian Region: Politics, Economy, Culture.* 2017; 1(50):61-67. (In Russ.).

14. Beard H, Cerf Ch. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N. Y., 1992. Available at: https://openlibrary.org/books/OL1566889M/The_official_politically_correct_dictionary_and_handbook (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Шафиков — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной лингвистики, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан.

Information about the author

S. G. Shafikov — Doctor of Science (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Linguistics, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 146–156.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):146-156.

Дискуссионная статья

УДК 81:165:159.9:612.821

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-146-156

КОМБИНИРОВАННАЯ МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СХЕМА ДЛЯ МНОГОДИСЦИПЛИНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ ПРИКЛАДНОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Михаил Александрович Демидов

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, СанктПетербург, Россия, mixsandem@yandex.ru, 0000-0003-4684-1254

Аннотация. На современном этапе использования когнитивнодискурсивной парадигмы в практическом терминоведении и переводоведении все чаще становится актуальным концептуальнофреймовый анализ с применением в качестве вспомогательного метода многомерной и в то же время удобной для зрительного восприятия человеком визуализации. В этой связи в контексте настоящей дискуссионной статьи предлагается прототип комбинированной металингвистической схемы для целей анализа, многодисциплинарного обсуждения и презентации данных концептуальнофреймового анализа. Теоретико-методологической основой служат теория номинации Е. С. Кубряковой, когнитивная теория языка Н. Н. Болдырева, общая теория психических процессов Л. М. Веккера, трехмерная стратификационная модель языка З. М. Шаляпиной и ряд положений теории функциональной грамматики, касающихся репрезентации внутреннего времени действия (А. В. Бондарко) и психофизиологического перехода в рамках механизма протодейксиса (М. Я. Дымарский). Полученный в результате теоретического анализа образец возможной схемы позволяет проводить многомерный анализ и дифференцированно отображать в едином пространстве структуру экспонента («план выражения») и значения («план содержания») терминов, а также учитывать ряд экстралингвистических факторов («план значимостей»), влияющих на операционализацию соответствующих понятий. При включении в организацию «плана значения» схемы формирования перцептивного образа по Л. М. Веккеру обеспечивается возможность отображения и анализа структуры первичных и производных образных компонентов анализируемых концептов. Учет организации фреймовых структур по А. П. Бабушкину позволяет предположительно выделить и схематически отобразить функционально ведущие психические образования в их составе, тогда как учет механизма протодейксиса — точнее разграничить общебиологические и культурно детерминированные компоненты концепта, тем самым уточнив сущность асимметрии конкретного языкового знака. При дополнении прототипа количественными мерами и величинами (например, коэффициентом стохастичности текста) обеспечивается возможность точного многомерного сравнительносопоставительного анализа в доступной для зрительного восприятия форме.

Ключевые слова: концептуально-фреймовый анализ, протодейксис, прикладное терминоведение, метакогнитивная схема, концептуальная рамка, клинические синдромы

Благодарности: автор выражает признательность д. ф. н. проф. Дымарскому Михаилу Яковлевичу и к. ф. н. Чуйковой Оксане Юрьевне за консультативное содействие по проблемам протодейксиса, терминообразования и аспектуальности.

Финансирование: исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Демидов М. А. Комбинированная металингвистическая схема для многодисциплинарной разработки проблем прикладного терминоведения на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 145–156. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-146-156.

© Демидов М. А., 2026

Discussion article

A COMBINED METALINGUISTIC FRAMEWORK FOR MULTIDISCIPLINARY PROBLEM-SOLVING IN MODERN APPLIED TERMINOLOGY

Mikhail A. Demidov

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, mixsandem@yandex.ru, 0000-0003-4684-1254

Abstract. Cognitive-discursive paradigm is making conceptualframe analysis ever more relevant in today's practical terminology and translation studies, with multidimensional visualization — expected to still retain visual simplicity — being used as an auxiliary method. For this reason, this discussion article proposes a prototype of a combined metalinguistic framework to suit analysis, multidisciplinary discussion, and the presentation of data derived from conceptualframe analysis. The theoretical and methodological premises of this paper encompass E. S. Kubryakova's Theory of nomination, N. N. Boldyrev's Cognitive Theory of Language, L. M. Vekker's Unified Theory of Mental Processes, Z. M. Shalyapina's Three-dimensional Stratificational Model of Language, as well as a number of premises of the Theory of Functional Grammar concerning the representation of internal time of action (A. V. Bondarko) and the psycho-physiological transition under the Mechanism of Protodeixis (M. Ya. Dymarskij). The resulting prototype of the framework derived from the theoretical review enables multidimensional analysis and differentiated visual structured representation, within a single space, of exponents (the "expression plane") and of meanings (the "content plane") of terms, while also taking into account a number of extralinguistic factors (the "significance plane") that affect the operationalization of the corresponding concepts. When augmented with L. M. Vekker's percept-formation scheme, the "content plane" will display and help analyze the structures of primary and derivative perceptual components of the concepts in question. When frame-organization grid rooted in A. P. Babushkin's classification is overlaid, one can arguably identify and map the dominant cognitive-functional structures underpinning the perceptual components of the respective concepts; meanwhile, the inclusion of the protodeictic mechanism makes it possible to more precisely demarcate the general biological and the culturally instilled components of each concept in question, thus also clarifying the nature of the asymmetry of the respective linguistic signs. If supplemented with quantitative measures and magnitudes (for example, the coefficient of text stochasticity), the prototype is capable of presenting a visually appealing form that is conducive to accurate multidimensional comparativecontrast analysis.

Keywords: conceptual-frame analysis, protodeixis, applied terminology, metacognitive framework, conceptual frame, clinical syndromes

Acknowledgements: The author extends their gratitude to Prof. Dymarskij Mikhail Yakovlevich, Dr. Sci. and Chujkova Oksana Yur'evna, Cand. Sci. for consultation support regarding protodeixis, term generation, and aspectuality.

Funding: This study did not receive any external funding.

For citation: Demidov MA. A Combined Metalinguistic Framework for Multidisciplinary Problem-Solving in Modern Applied Terminology. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):146-156. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-146-156.

Введение

В ряде недавних публикаций по проблемам преподавания философских дисциплин [31; 37] показаны преимущества визуализации предметно-концептуального поля философии как вспомогательного метода для улучшения освоения материала и удобства его обсуждения. Вопросы визуализации данных и картирования предметной области обсуждаются в целом ряде других источников в различных отраслях [26; 36; 38].

Применительно к лингвистике одной из моделей визуализации является трехмерная стратификационная (ТмС) модель языка З. М. Шаляпиной [33], которая в первую очередь разрабатывалась как средство металингвистического описания системы языка для целей автоматизированного перевода и систем искусственного интеллекта. Вместе с тем необходимо отметить потенциал применения данной модели для картирования ряда основополагающих междисциплинарных понятий, совместно используемых как когнитивной лингвистикой, так и психологией.

Материалы и методы

В настоящей работе предлагается пример комбинированного использования ТмС модели в сочетании с основными положениями теории Л. М. Веккера, теоретико-методологическими положениями теории Е. С. Кубряковой, постулатами когнитивной концепции языка Н. Н. Болдырева и рядом положений теории функциональной грамматики (ТФГ), выдвинутых А. В. Бондарко и М. Я. Дымарским. Результатом работы является

прототип трехмерной графической поуровневой метакогнитивной схемы, которая, как представляется, может применяться в рамках понятийно-фреймового этапа предпереводческого анализа текста [5], а также в ходе анализа структуры концептов в когнитивной лингвистике. Методы: дедуктивный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный с применением графических иллюстраций и с привлечением материала библиографических источников.

Результаты и обсуждение

Основные звенья процесса номинации по Е. С. Кубряковой

Согласно концепции Е. С. Кубряковой, в эволюции системы номинации имело место расщепление диффузного обозначения на специализированные предметные и признаковые [20, с. 45]. К появлению признаковых значений Е. С. Кубрякова приурочивает возникновение глаголов. В свою очередь, признак протекания и распределения действия во времени, именуемый в контексте ТФГ аспектуальностью, по мнению А. В. Бондарко, связан со внутренним временем действия и отражается в сознании человека в виде «действия — процесса — длительности» [7, с. 41]. Иными словами, для эволюции глаголов может быть предложена следующая принципиальная схема [14]:

Диффузное значение

→ предметность

→ признаковость → временная развертка → процесс

С другой стороны, в контексте психологии отражение в сознании в виде какого-либо образа получило название восприятия [27, с. 136]. Образом восприятия называется совокупность ощущений, вызванных целостным предметом или явлением, при этом сами эти ощущения воспринимаются как свойства предмета или явления [28, с. 72]. Таким образом, может быть построен следующий континуум:

Сигналы → Ощущения → Образы → Свойства действительности

Необходимо заметить, что явление, отраженное данной схемой, получило в концепции Л. М. Веккера название гносеологического парадокса субъекта [23, с. 112]: являясь свойствами носителя психики, психические процессы «тем не менее поддаются формулированию лишь в терминах свойств ее объектов» [10, с. 90], и снятие парадокса невозможно без «теоретического рассмотрения физики взаимодействия с этим объектом» [10, с. 90]. Как представляется, данный континуум может быть приблизительно сопоставлен с континуумом эволюции глагола следующим образом (рис. 1).

Иными словами, ключевым звеном возможного языкового механизма отображения процессов внеязыковой действительности может являться формирование сложных образов, содержащих в своей структуре внутреннее время действия, т. е. временну́ю развертку [14, с. 54]. Как представляется, данный вывод согласуется с мыслью Л. М. Веккера о представленности внутреннего времени действия в структуре перцепта, что было им показано в ряде работ на примере тактильного восприятия [11, с. 318].

Психофизиологическая граница по Л. М. Веккеру

По мнению Веккера, физическую основу психического отражения составляет комплекс экстероцептивных, интероцептивных и проприоцептивных сигналов, которые, проходя через соответствующие ядерные центры, создают управляющий сигнал на дальнейшую выдержку контакта [11, с. 318]. Как представляется, данная позиция согласуется с мнением П. К. Анохина, который отмечал, что важнейшим свойством функциональной системы является подчиненность ее деятельности

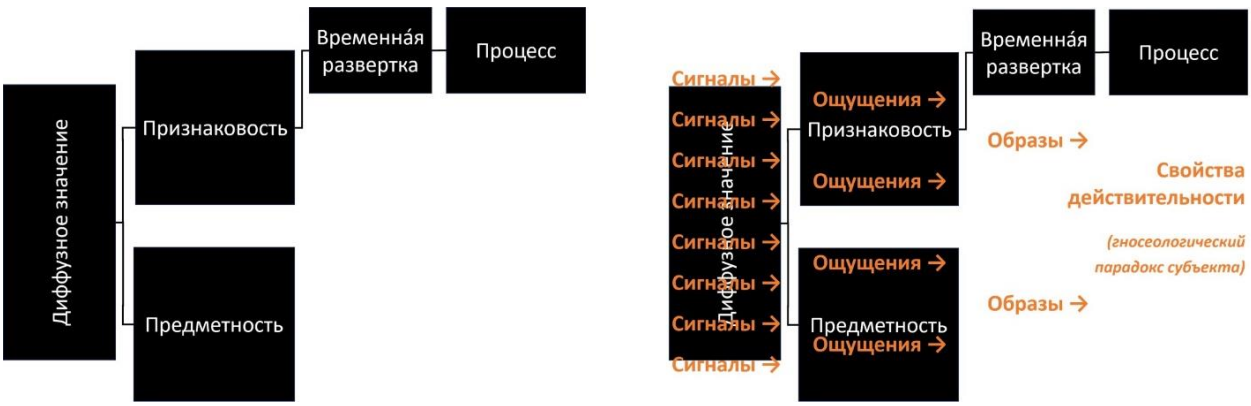


Рис. 1. Схема эволюции глагола в сопоставлении со схемой эволюции перцепта

Fig. 1. A block diagram of the evolution of Verbs compared to a block diagram of the evolution of Percepts

управляющему воздействию полезного результата [2, с. 35]. В качестве такового Л. М. Веккер рассматривает более продолжительную экспозицию возбуждающим действием источника, приводящую к возникновению стойких амплитудно-модулированных рецепторных потенциалов, а затем — частотно-модулированных нервных импульсов, что завершается формированием «психической триады» (рис. 2): пространственного, временного и интенсивностного (в той или иной модальности) компонентов [23, с. 139]. Эти компоненты, по Веккеру, и составляют первое подлинно психическое образование, в анализируемом примере — элементарное ощущение прикосновения [11, с. 318]. Дальнейшие взаимодействия с окружающей обстановкой, например, активное ощупывание, будут, по Веккеру, создавать основу для других видов психических образований, например, для парциально-метрического инварианта конкретной области пространства [11, с. 319].

Уровень протодейксиса как промежуточная зона между общебиологическим и культурно-детерминированным уровнями построения концепта

Процесс концептуализации, то есть формирования инвариантного отражения действительности на более высоких уровнях изоморфизма [10, с. 110], рассматривается в рамках процесса мышления, то есть оперирования не комплексом ощущений (образ), а абстракциями определенной степени обобщенности [27, с. 269]. Выделяют общебиологический уровень мышления [10, с. 28; 27, с. 271], на котором функционируют элементарные абстракции и реализуется способность организма улавливать простейшие эмпирические законы среды, а также доступно наглядно-действенное мышление [19, с. 12; 27, с. 271]. По мысли Веккера, у человека этот уровень функционирует «на верхнем пределе» использования общебиологических резервов [10, с. 27]. С другой стороны, имеется культурно детерминированный уровень [6, с. 16; 10, с. 27; 18, с. 318], на котором происходит разделение на (хранимое) в популяции значение и индивидуальные смыслы [18, с. 23]. Кроме того, нейролингвистическая модель порождения речи Т. В. Ахутиной [3, с. 164] постулирует наличие переходной зоны между общебиологическим и культурно обусловленным уровнями [3, с. 166]. Это зона, в которой у субъекта уже имеется ориентированность в пространстве, времени и окружающей обстановке, а также сформировано коммуникативное намерение, но еще не начато собственно языковое оформление этих ориентированных интенций [3, с. 15]. Повидимому, эта зона попадает в сферу внимания клинической медицины при оценке неврологического статуса пациента [25, с. 158; 17, с. 55]. В лингвистике (точнее — в контексте функциональной грамматики) феноменология данного уровня описана как механизм протодейксиса [15; 16], в связи с чем представляется возможным назвать данный уровень уровнем протодейксиса.

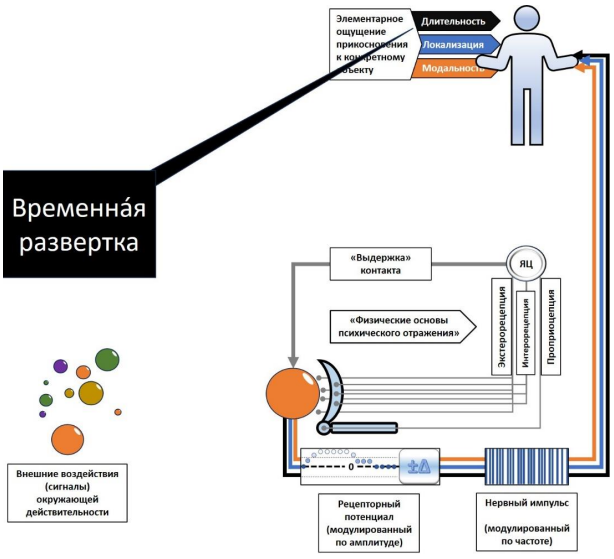


Рис. 2. Формирование «психической ткани образа» по Л. М. Веккеру
Fig. 2. The formation of the "psychic tissue of a Percept" following L. M. Vekker

ТмС модель З. М. Шаляпиной

Для метакогнитивного изучения языковых явлений З. М. Шаляпиной предложена ТмС модель языка [33, с. 252] (рис. 3). В ее структуре, визуально оформленной в виде куба, выделены три плана — выражения, содержания и значимостей; каждый из планов подразделяется на ярусы членения (отношения «часть — целое») и ступени обобщения (отношения «род — вид»).

Как показывает автор на ряде примеров (схемы полисемии, схемы переводческой деятельности), репрезентация в трехмерном пространстве ТмС модели позволяет дополнять метакогнитивные обсуждения наглядными и понятными иллюстрациями [33, с. 16]. В случае применения структуры данной модели к процессам формирования образов восприятия может быть получена следующая схема (Рис. 4).

Постулированные Л. М. Веккером процессы перцепции и ее дополнения активными действиями субъекта, приводящие к появлению более сложных психических образований, как представляется, могут быть изображены в виде спиралевидной траектории перемещения в плане

содержания. Движение от элементарных конкретных смыслов продолжается через сложные образы и понятия [9, с. 228; 31, с. 233] к фреймам и сценариям ситуаций [33, с. 252; 35, с. 173]. В то же самое время в плане содержания коррелятами этих единиц будут являться отдельные лексемы, их сочетания, затем — предложения, абзацы и целые тексты [33, с. 30]. Уровню протодейксиса, повидимому, будет приблизительно соответствовать центральная зона плана значимостей. Таким образом, соединив на рисунке зоны всех трех планов для конкретного концепта (изучение содержательных аспектов) или термина (изучение плана выражения), исследователь может получить схематическое изображение единого знакового целого [33, с. 32]. Необходимо заметить, что данная точка зрения согласуется с утверждением Л. М. Веккера о том, что концепт является сквозным образованием структуры интеллекта, вбирающим в себя все нижележащие уровни, начиная с элементарных ощущений, в силу чего «даже отдельный относительно изолированный концепт принципиально не поддается полному обособлению от других когнитивных образований, входящих в состав интегральной структуры интеллекта» [10, с. 280]. В терминах ТмС модели это эквивалентно охвату нескольких ярусов оси членения и нескольких ступеней оси обобщения в плоскости плана

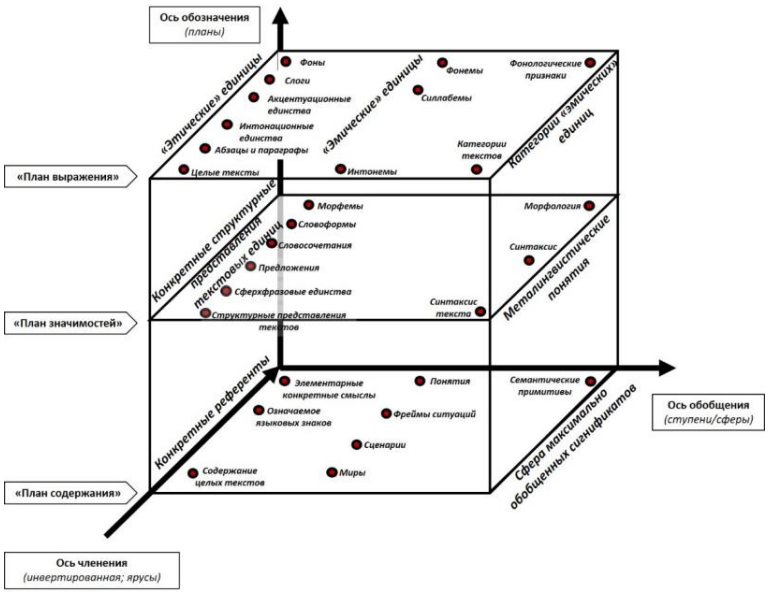


Рис. 3. ТмС модель языка З. М. Шаляпиной
Fig. 3. TmS model of language by Z. M. Shalyapina

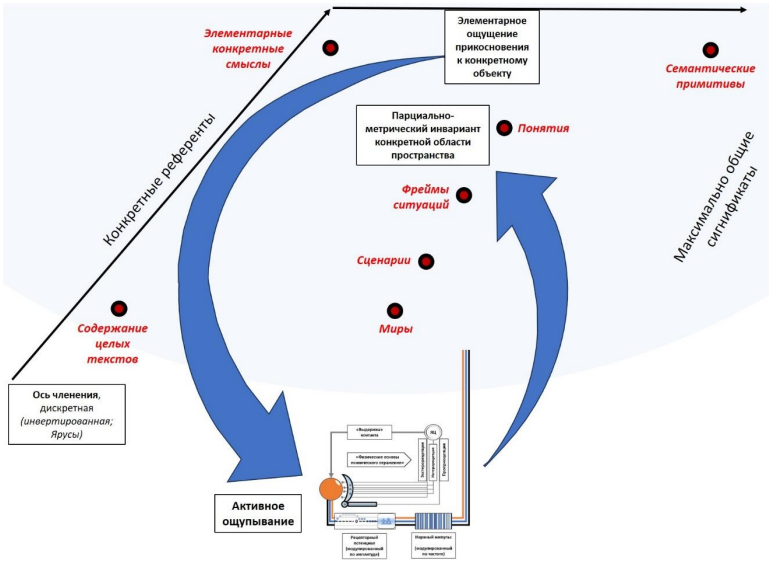


Рис. 4. Дополнение «плана содержания» ТмС модели схемой образования перцепта по Л. М. Веккеру
Fig. 4. The augmentation of 3DS Model's "content plane" with L. M. Vekker's percept-formation scheme

содержания. Как представляется, впоследствии при добавлении количественных характеристик данные схематические изображения могут стать упрощенным наглядным аналогом эмбеддинга, пригодного для использования человеком, то есть инструментом количественного сравнения. Эвристическая ценность комбинированной визуальной модели может заключаться в том, что ее трехмерная организация позволяет описывать практические виды языковой деятельности, осуществляемой носителем лингвистической компетенции, «как движение по рассматриваемому пространству в направлении, отвечающем выполняемому процессу» [33, с. 267], учитывая при этом только те уровни, ярусы и ступени, «которые релевантны для данного вида и режима языковой деятельности» [33, с. 267]. Как представляется, наряду с этим одним из количественных элементов, подлежащих отображению в плане выражения, может являться т.н. коэффициент стохастичности, характеризующий совмещение в системе «случайных (отсутствующих в тезаурусе реципиента) и детерминированных элементов и их связей» и, соответственно, прагматическую направленность высказывания или текста [34, с. 178], относящуюся к плану значимостей [33, с. 252].

Пример использования на ранних этапах валидации комбинированной модели

Описанная комбинированная модель, как представляется, может быть использована для наглядного представления разброса близких и смежных значений одного и того же термина. В качестве краткой иллюстрации приводим пример функционирования концепта СИНДРОМ и соответствующего ему термина «синдром» в текстах медико-санитарной тематики (рис. 5). Как видно из обобщающего рисунка-прототипа, термин, выступая инструментом познавательной деятельности [21, с. 67] и коррелятом ментальной операции исследователя [1, с. 87], функционирует как в роли наименования нозологической единицы, фиксируя уже завершившийся процесс познания и кодификации (например, «синдром Иценко — Кушинга»), так и в роли «ярлыка» для полиэтиологичных патологических процессов (например, «болевой синдром»). С другой стороны, наличие определенного комплекса патологических отклонений, в первую очередь предполагающего неотложное практическое вмешательство (например, «ДВС-синдром»), также является нозологической единицей согласно МКБ-10 (код D65), то есть в данном случае применена, так сказать,

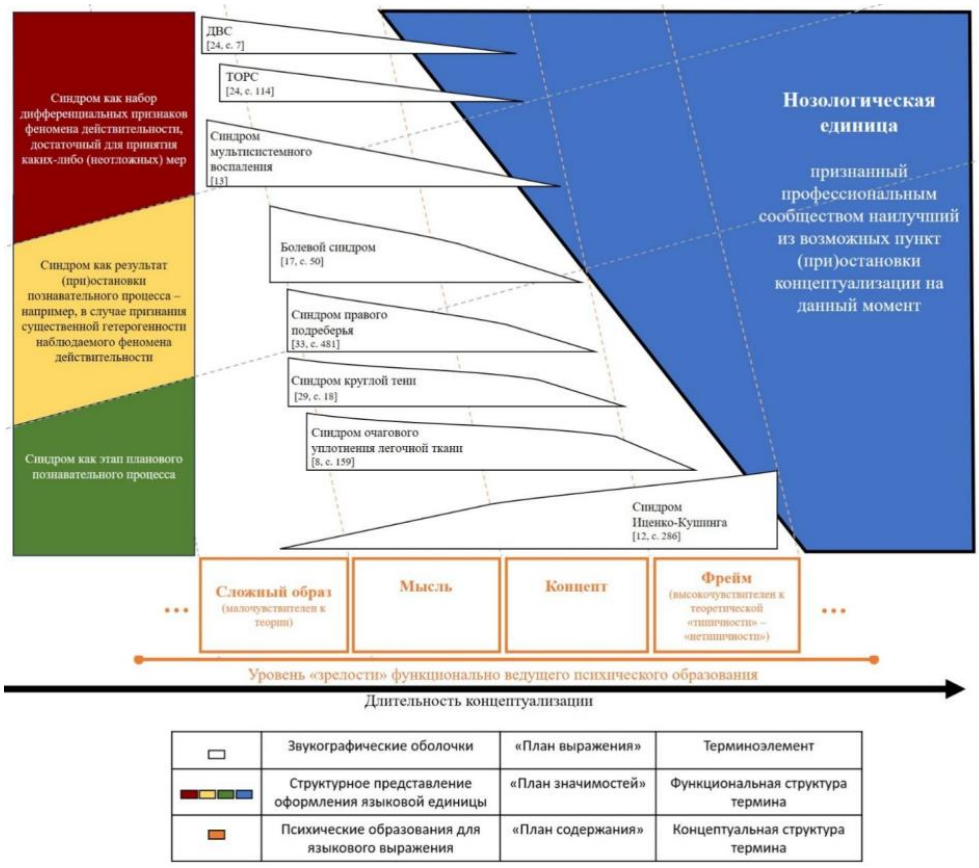


Рис. 5. Пример картирования концепта СИНДРОМ в текстах медикосанитарной тематики
Fig. 5. A tentative map of the Concept of SYNDROME in health-related texts

«укороченная» процедура кодификации. Как мы предполагаем на данном этапе исследования, за каждым из указанных экспонентов стоят различные психические образования плана значимостей: в рамках текущей гипотезы — от сложного образа до концепта и фрейма [4]. Феноменология подобного рода отображается на схеме размерами и площадью соответствующих фигур (белые треугольники и многоугольники). В рамках продемонстрированного прототипа их соотношения субъективны и условны. Вместе с тем при внедрении в модель количественных показателей данная схема приобретает существенно более объективный характер и, как представляется, в силу наглядности и удобства соотнесения многочисленных вводных может содействовать углубленной междисциплинарной дискуссии лингвистов-когнитологов, специалистов здравоохранения, психологов, терминологов и других заинтересованных сторон. Вероятно, визуализации подобного рода также могут содействовать междисциплинарному изучению валентностных аномалий и их взаимосвязей с планом выражения, которые в настоящее время описаны применительно к художественным текстам [35, с. 177] и, как представляется, мало изучены в медикосанитарной сфере.

Ограничения и перспективы дальнейших исследований

Представленный в настоящей работе прототип металингвистической схемы является результатом теоретико-методологического анализа и, как представляется, может приобрести завершенный вид лишь по итогам многоступенчатой верификации на репрезентативной выборке языкового материала. В настоящее время нами проводится апробация оптимального перечня количественных метрик, которые бы позволили применить данную схему к корпусу санитарно-просветительских материалов сферы общественного здравоохранения периода пандемии COVID-19. На следующем этапе апробации представляется необходимым установить и обосновать пороговые величины для каждой из метрик и описать статистические характеристики распределения материалов корпуса по представленным в прототипе классам с последующим итеративным уточнением модели.

Заключение

К настоящему моменту в сферах лингвистики и психологии созданы разнообразные теоретические модели, описывающие взаимоотношения системы языка с психическими процессами, в том числе с перцептивными и мыслительными. Актуальный для современного уровня развития когнитивной лингвистики концептуально-фреймовый анализ в различных отраслях знания, например, в общественном здравоохранении требует вспомогательных методов, таких как визуализация. При этом использование сложной многомерной графики типа векторных представлений (эмбеддингов) может быть затруднительным в повседневной практической работе переводчиков, терминологов, терминоведов, лексикографов. Для краткой, но в то же время достаточно емкой характеристики отдельных терминов или сравнения групп терминов может оказаться полезной комбинированная модель, объединяющая в себе как металингвистические, так и психологические аспекты терминологического знака.

Как представляется, одной из таких моделей может служить комбинация ТмС модели З. М. Шалягиной и схемы построения концептов Л. М. Векера, которая позволяет наметить уровень функционально ведущего психического образования в структуре значения, стоящего за экспонентом конкретного терминологического знака. Кроме того, учет некоторых ярусов плана значимостей, то есть культурно-детерминированного компонента психических образов, позволяет отразить взаимосвязь структуры значения с важными экстралингвистическими факторами. Данный функционал, продемонстрированный в прототипе картирования концепта СИНДРОМ, как представляется, позволяет описывать фактическую неоднородность и вариабельность терминов, а также изменения их структуры в динамике. Визуальное представление может содействовать более полному пониманию причин асимметрии языкового знака в каждом конкретном случае, а также способствовать учету переводческих эквивалентов при их многообразии. Расширение модели в соответствии с концепцией протодейксиса М. Я. Дымарского может способствовать выделению основных кластеров смыслов, а установление границы между концептами и фреймами согласно теории Н. Н. Болдырева — упорядочению кластеров смыслов по степени их экстралингвистической детерминированности. С другой стороны, внедрение количественных мер, в том числе описанных в работах Е. В. Шелестюк, может способствовать точной оценке как прагматических аспектов, так и особенностей плана выражения в исследуемом языковом материале. Иными словами, комбинированная модель языка, построенная на основе ряда работ видных отечественных специалистов, может удовлетворять современные

потребности междисциплинарного взаимодействия лингвистов-когнитологов, переводчиков и терминологов, психологов, педагогов и других специалистов, в связи с чем важной практической задачей ближайшего этапа представляется валидация прототипа на конкретном языковом материале.

Список источников

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Путь к дискурсивному терминоведению (к 90-летию В. М. Лейчика) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 4. С. 78–92.

2. Анохин П. К. (ред.). Принципы системной организации функций. М. : Наука, 1973. 315 с.

3. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2014. 424 с.

4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.

5. Бисерова Н. В., Мишланова С. Л. Дефиниционный анализ как средство формирования терминологической компетенции // Научный аспект. 2020. Т. 7. № 2. С. 275–281.

6. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

7. Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 352 с.

8. Василенко В. Х. (ред.). Пропедевтика внутренних болезней. 2-е изд. М. : Медицина, 1982. 640 с.

9. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 1. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1974. 334 с.

10. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1976. 341 с.

11. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 3. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1981. 323 с.

12. Всемирная организация здравоохранения. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: Десятый пересмотр. Т. 1. Ч. 1. Женева : ВОЗ, 1995. 698 с.

13. Всемирная организация здравоохранения. Синдром мультисистемного воспаления у детей и подростков с COVID-19. Научная справка 15 мая 2020 г. Женева : ВОЗ, 2020. 4 с.

14. Демидов М. А. Уровни организации образов восприятия в языковой концептуализации процессов внеязыковой действительности // Когнитивные исследования языка. 2026. № 3 (68), ч. 1. С. 53–57.

15. Дымарский М. Я. Способы воплощения предикативного отношения // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11, № 1. С. 41–61.

16. Дымарский М. Я. Протодейксис, предикация и состав предикативных категорий высказывания // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. М. : ЯСК, 2017. С. 57–85.

17. Корячкин В. А., Эммануэль В. Л., Страшнов В. И. Диагностика в анестезиологии и интенсивной терапии: руководство для врачей. СПб. : СпецЛит, 2011. 414 с.

18. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М. : Языки славянских культур, 2013. 388 с.

19. Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности. Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. М. : Издательство Московского университета, 1986. 270 с.

20. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М. : URSS, 2008. 113 с.

21. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : URSS, 2014. 254 с.

22. Логинова Н. А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 106–115. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-106-115.

23. Логинова Н. А., Осорина М. В., Холодная М. А., Чередникова Т. В. Единая теория психических процессов Л. М. Веккера в современной психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 6. С. 137–148.

24. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19. Версия 19 (27.05.2025). [Электронный ресурс]. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/075/182/original/%D0%92%D0%9C%D0%A0_COVID-19_V19.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

25. Михеев В. В., Мельничук П. В. Нервные болезни. М. : Медицина, 1981. 544 с.

26. Моргун А. Н., Эттингер А. П. Оценка деятельности научных школ при помощи библиометрического картирования // Методология и технология непрерывного профессионального образования. 2021. № 1 (5). С. 38–53. DOI: 10.24075/MTCPE.2021.004.

27. Немов Р. С. Психология : словарь-справочник : в 2 частях. Ч. 1. М. : ВЛАДОС-Пресс, 2007. 302 с.

28. Немов Р. С. Психология : словарь-справочник : в 2 частях. Ч. 2. М. : ВЛАДОС-Пресс, 2007. 351 с.

29. Никитин М. М. Цифровой томосинтез в диагностике и контроле эффективности лечения туберкулеза органов дыхания. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. М., Первый МГМУ им. И. М. Сеченова, 2018. 180 с.

30. Раушенбах Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве: общая теория перспективы. М. : Наука, 1986. 256 с.

31. Соколова Н. А., Антонян К. Г. Визуализация философии в видеороликах социальной сети «ВКонтакте» // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 2. С. 219–231.

32. Федосеев Г. Б., Трофимов В. И. (ред.) Симптомы и синдромы заболеваний внутренних органов, дифференциальная диагностика и базисная фармакотерапия. Т. 2. 2019. М. : Новая волна. 960 с.

33. Шаляпина З. М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 480 с.

34. Шелестюк Е. В. Стохастический анализ поэтического текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 176–179.

35. Шелестюк Е. В., Щетинкина Е. А. Стохастичность текста: сущность, способы исследования, феноменология // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). С. 173–184.

36. Demidov M., Anisimova K., Rubtsova S. Yu. The construction and activation of language users background schemata in medical domain discourse // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2019. Vol. 7, No. 4. P. 557–572. DOI 10.22190/JTESAP1904557D.

37. Sokolova N., Antonian K., Pylkin A. Philosophy Beyond Words: The Power of Visualization in Teaching Philosophy // Visual Reasoning in Science, Engineering, and the Humanities. Expert Culture for the Challenges of the Future : Conference proceedings. 2026. Vol. 2. P. 187–238. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-032-10429-8_13. DOI: 10.1007/978-3-032-10429-8_13.

38. WHO Evidence and Gap Maps and Mega-maps for the UN Decade of Healthy Ageing. [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/initiatives/decade-of-healthy-ageing/evidence-gap-map (дата обращения: 03.07.2026).

References

1. Alekseeva LM, Mishlanova SL. Put' k diskursivnomu terminovedeniyu (k 90letiyu V. M. Lejchika) = The path to discursive terminology (on the 90th anniversary of V. M. Lejchik). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda = Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory.* 2018;(4):78-92. (In Russ.).

2. Anokhin PK (ed.). Printsipy sistemnoy organizatsii funktsiy = Principles of the system organization of functions. M.: Nauka Publishing House, 1973. 315 p. (In Russ.).

3. Akhutina TV. Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki = Neurolinguistic analysis of lexis, semantics and pragmatics. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publishing House, 2014. 424 p. (In Russ.).

4. Babushkin AP. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike = Types of concepts in lexico-phraseological semantics. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publishing House, 1996. 104 p. (In Russ.).

5. Biserova NV, Mishlanova SL. Definitsionnyy analiz kak sredstvo formirovaniya terminologicheskoy kompetentsii = Definitional analysis as a means of forming terminological competence. *Nauchnyy aspekt = Scientific Aspect.* 2020;7(2):275-281. (In Russ.).

6. Boldyrev NN. Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii = Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics.* 2016;(4):10-20. (In Russ.).

7. Bondarko AV (ed.). Teoriya funktsional'noy grammatiki: vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis = Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis. M.: Editorial URSS, 2001. 352 p. (In Russ.).

8. Vasilenko VH (ed.). Propedeutika vnutrennikh bolezney = Propedeutics of internal diseases. 2nd ed. M.: Meditsina Publishing House, 1982. 640 p. (In Russ.).

9. Vekker LM. Psikhicheskie protsessy. T. 1 = Mental processes. Vol. 1. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publishing House, 1974. 334 p. (In Russ.).

10. Vekker LM. Psikhicheskie protsessy. T. 2 = Mental processes. Vol. 2. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publishing House, 1976. 341 p. (In Russ.).

11. Vekker LM. Psikhicheskie protsessy. T. 3 = Mental processes. Vol. 3. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publishing House, 1981. 323 p. (In Russ.).

12. Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikatsiya bolezney i problem, svyazannykh so zdorov'em: Desyatyy peresmotr. T. 1. Chast' 1 = World Health Organization. International statistical classification of diseases and related health problems: Tenth revision. Vol. 1. Pt. 1. Geneva: WHO, 1995. 698 p.

13. Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. Sindrom multisistemnogo vospaleniya u detey i podrostkov s COVID-19. Nauchnaya spravka 15 maya 2020 g. = World Health Organization. Multisystem inflammatory syndrome in children and adolescents with COVID-19. Scientific brief 15 May 2020. Geneva: WHO, 2020. 4 p.

14. Demidov MA. Urovni organizatsii obrazov vospriyatiya v yazykovoy kontseptualizatsii protsessov vneyazykovoy deystvitel'nosti = Levels of organization of perceptual images in linguistic conceptualization of processes of extralinguistic reality. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language.* 2026;(3(68):53-57, pt. 1. (In Russ.).

15. Dymarskij MYa. Sposoby voploshcheniya predikativnogo otnosheniya = Ways of realizing the predicative relation. Acta linguistica petropolitana. *Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy = Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies.* 2015;11(1):41-61. (In Russ.).

16. Dymarskij MYa. Protodejksis, predikatsiya i sostav predikativnykh kategoriy vyskazyvaniya = Protodeixis, predication and the composition of predicative categories of utterance. Problemy funktsional'noy grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste = Problems of functional grammar. Predicative categories in utterance and coherent text. M.: YASK Publishing House, 2017. P. 57–85. (In Russ.).

17. Koryachkin VA, Emmanuel VL, Strashnov VI. Diagnostika v anestiziologii i intensivnoy terapii: rukovodstvo dlya vrachey = Diagnostics in anesthesiology and intensive care: a handbook for physicians. SPb.: SpetsLit, 2011. 414 p. (In Russ.).

18. Kravchenko AV. Ot yazykovogo mifa k biologicheskoy real'nosti: pereosmyslivaya poznavatelnye ustanovki yazykoznaniya = From linguistic myth to biological reality: rethinking cognitive attitudes of linguistics. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publishing House, 2013. 388 p. (In Russ.).

19. Krushinskiy LV. Biologicheskie osnovy rassudochnoy deyatel'nosti. Evolyutsionny i fiziologo-geneticheskiy aspekty povedeniya = Biological bases of reasoning activity. Evolutionary and physiogenetic aspects of behavior. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publishing House, 1986. 270 p. (In Russ.).

20. Kubryakova ES. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii = Parts of speech in onomasiological perspective. M.: URSS; 2008. 113 p. (In Russ.).

21. Lejchik VM. Terminovedenie: predmet, metody, struktura = Terminology studies: subject, methods, structure. M.: URSS; 2014. 254 p. (In Russ.).

22. Loginova NA. Teoretik psikhologii Lev Markovich Vekker = Theorist of psychology Lev Markovich Vekker. Vestnik Permskogo universiteta. *Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology.* 2019;1:106-115. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-106-115. (In Russ.).

23. Loginova NA, Osorina MV., Kholodnaya MA., Cherednikova TV. Yedinaya teoriya psikhicheskikh protsessov L. M. Vekker v sovremennoy psikhologii (k 100letiyu so dnya rozhdeniya) = The unified theory of mental processes of LM Vekker in contemporary psychology (on the 100th anniversary of his birth). *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal.* 2018;39(6):137-148. (In Russ.).

24. Ministerstvo zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii. Vremennye metodicheskie rekomendatsii. Profilaktika, diagnostika i lechenie novoy koronavirusnoy infektsii COVID19. Versiya 19 (27.05.2025) [Electronic resource] = Ministry of Health of the Russian Federation. Interim guidance. Prevention, diagnosis and treatment of novel coronavirus infection COVID19. Version 19 (27.05.2025) [Electronic resource]. Available from: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/075/182/original/%D0%92%D0%9C%D0%A0_COVID-19_V19.pdf. (Accessed 22.06.2026). (In Russ.).

25. Mikheev VV, Melnichuk PV. Nervnye bolezni = Diseases of the Nervous System. M.: Meditsina Publishing house; 1981. 544 p. (In Russ.).

26. Morgun AN, Ettinger AP. Otsenka deyatel'nosti nauchnykh shkol pri pomoshchi bibliometricheskogo kartirovaniya = Evaluation of scientific schools by bibliometric mapping. *Metodologiya i tekhnologiya nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya = Methodology and Technology of Continuous Professional Education.* 2021;1(5):38-53. DOI: 10.24075/MTCPE.2021.004. (In Russ.).

27. Nemov RS. Psikhologiya: slovar'-spravochnik. T. 1 = Psychology: dictionaryreference. Vol. 1. M.: VLADOSPress Publishing house; 2007. 302 p. (In Russ.).

28. Nemov RS. Psikhologiya: slovar'-spravochnik. T. 2 = Psychology: dictionaryreference. Vol. 2. M.: VLADOSPress Publishing house; 2007. 351 p. (In Russ.).

29. Nikitin MM. Tsifrovoy tomosintez v diagnostike i kontrole effektivnosti lecheniya tuberkuleza organov dykhaniya = Digital tomosynthesis in the diagnosis and monitoring of treatment effectiveness of respiratory tuberculosis. [Candidate dissertation]. M.: Pervyy MGMU im. IM Sechenova; 2018. 180 p. (In Russ.).

30. Raushenbakh BV. Sistemy perspektivy v izobrazitelnom iskusstve: obshchaya teoriya perspektivy = Systems of perspective in visual art: general theory of perspective. M.: Nauka Publishing house; 1986. 256 p. (In Russ.).

31. Sokolova NA, Antonyan KG. Vizualizatsiya filosofii v videorolikakh sotsial'noy seti "Vkontakte" = Visualization of philosophy in videos of the social network "Vkontakte". *Dinamika mediasistem = Dynamics of Media Systems.* 2025;5(2):219-231. (In Russ.).

32. Fedoseev GB, Trofimov VI (eds.). Simptomy i sindromy zabolevaniy vnutrennikh organov, differentsial'naya diagnostika i bazisnaya farmakoterapiya. T. 2 = Symptoms and syndromes of diseases of internal organs, differential diagnosis and basic pharmacotherapy. Vol. 2. M.: Novaya volna Publishing house, 2019. 960 p. (In Russ.).

33. Shalyapina ZM. Trekhmernaya stratifikatsionnaya model' yazyka i ego funktsionirovaniya: k obshchey teorii lingvisticheskikh modeley = Threedimensional stratification model of language and its functioning: toward a general theory of linguistic models. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2007. 480 p. (In Russ.).

34. Shelestyuk EV. Stokhasticheskiy analiz poeticheskogo teksta = Stochastic analysis of a poetic text. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2013;37(328):176-179. (In Russ.).

35. Shelestyuk EV, Shchetinkina EA. Stokhastichnost' teksta: sushchnost', sposoby issledovaniya, fenomenologiya = Text stochasticity: essence, research methods, phenomenology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2021;4(450):173-184. (In Russ.).

36. Demidov M, Anisimova K, Rubtsova SYu. The construction and activation of language users background schemata in medical domain discourse. *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes.* 2019;7(4):557-572. DOI 10.22190/JTESAP1904557D.

37. Sokolova N, Antonian K, Pylkin A. Philosophy Beyond Words: The Power of Visualization in Teaching Philosophy. Visual Reasoning in Science, Engineering, and the Humanities. *Expert Culture for the Challenges of the Future: Conference proceedings.* 2026;(2):187-238. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-032-10429-8_13. DOI: 10.1007/978-3-032-10429-8_13.

38. WHO Evidence and Gap Maps and Megamaps for the UN Decade of Healthy Ageing [Electronic resource]. Available from: https://www.who.int/initiatives/decade-of-healthy-ageing/evidence-gap-map. Accessed 03.07.2026.

Информация об авторе

М. А. Демидов — аспирант Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, внештатный переводчик и терминолог ВОЗ (2018–2025 гг.).

Information about the author

M. A. Demidov — postgraduate student, Institute of the Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, External Translator and Terminologist at the WHO (2018–2025).

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 19.08.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 06.07.2026; approved after reviewing 19.08.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

ЦИФРОВАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА
DIGITAL LINGUISTICS AND COMPUTER-BASED TEXT ANALYSIS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 157–165.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):157-165.

Научная статья

УДК 81›33

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-157-165

МОДЕЛИ ФОРМУЛИРОВАНИЯ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОМПТОВ К ГЕНЕРАТИВНОМУ ИИ

Артем Викторович Степанов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ar.v.stepanov@utmn.ru, 0009-0000-7508-1093

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному прагмалингвистическому анализу способов реализации директивной интенции в русско- и англоязычных промптах для инструктивного дообучения генеративных моделей искусственного интеллекта. Теоретическую основу исследования составляют теория речевых актов Дж. Р. Сёрля и концепция «иллокутивного дефицита» генеративных систем, в условиях которого промпт выступает единственным инструментом директивного воздействия на языковую модель. Материалом послужили два сопоставимых корпуса (по 79 единиц каждый), извлечённых из открытых датасетов для инструктивного дообучения (OpenHermes 2.5, ru_turbo_alpaca, russian_instructions) в образовательном контексте изучения английского языка. Применялись корпусный сопоставительный анализ, U-критерий Манна — Уитни и оценка по трём компонентам адаптированного фреймворка CLEAR. Установлено, что межъязыковые различия в реализации директивной интенции носят системный характер и проявляются на трёх уровнях: иллокутивного типа высказывания, лексического оформления директива и прагматической ясности запроса. Англоязычные промпты опираются на семантически специализированные инициальные глаголы и препозитивную контекстуализацию задачи. В свою очередь, русскоязычные реализуют интенцию через широкозначный маркер с обязательной конкретизацией в постпозиции, что обеспечивает более высокую прагматическую ясность при меньшем объёме. Повышенная доля вопросительных конструкций в русскоязычном корпусе интерпретируется как следствие особенностей формирования обучающих датасетов, а также склонности пользователей к диалогическим формам обращения к модели. Выявленные паттерны объясняются типологическими особенностями языков и различной зрелостью нормативных традиций промпт-инжиниринга. Результаты вносят вклад в сопоставительную прагматику и лингвистику искусственного интеллекта, а также позволяют объяснить, на каких иллокутивных основаниях русско- и англоязычные модели настроены воспринимать пользовательские запросы.

Ключевые слова: промпт, речевые акты, сопоставительный анализ, прагматика, иллокутивная классификация, генеративный искусственный интеллект

Благодарности. Автор выражает признательность Министерству науки и высшего образования Российской Федерации за поддержку данного исследования в рамках соглашения № 075-03-2025-662 (от 17 января 2025 г.), связанного с проектом FSMG-2025-0086 «Прикладные исследования по внедрению технологий искусственного интеллекта в высшее образование».

Для цитирования: Степанов А. В. Модели формулирования англо- и русскоязычных промптов к генеративному ИИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 157–165. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-157-165.

© Степанов А. В., 2026

Original article

MODELS OF ENGLISH- AND RUSSIAN-LANGUAGE PROMPT FORMULATION FOR GENERATIVE AI

Artem V. Stepanov

University of Tyumen, Tyumen, Russia, ar.v.stepanov@utmn.ru, 0009-0000-7508-1093

Abstract. This article presents a comparative pragmalinguistic analysis of how directive intention is realized in English- and Russian-language prompts used for instruction-tuning of generative AI models. The theoretical framework draws on J. R. Searle's speech act theory and the concept of the «illocutionary deficit» of generative systems, under which the prompt serves as the sole instrument of directive influence over the language model. The study is based on two comparable corpora (79 units each) extracted from open instruction-tuning datasets (OpenHermes 2.5, ru_turbo_alpaca, russian_instructions) within the educational context of English language learning. Corpus-based comparative analysis, the Mann–Whitney U test, and evaluation across three components of the adapted CLEAR framework were employed. The findings demonstrate that cross-linguistic differences in the realization of directive intention are systematic and manifest at three levels: illocutionary type, lexical framing of the directive, and pragmatic explicitness. English-language prompts rely on semantically specialized initial verbs and prepositive contextualization of the task; Russian-language prompts realize directive intention through a broad-meaning marker with obligatory postpositive specification, which yields higher pragmatic explicitness at shorter length. The elevated proportion of interrogative constructions in the Russian-language corpus is interpreted because of the specifics of synthetic data generation and users' tendency toward dialogic forms of interaction with the model. The identified patterns are explained by the typological properties of the two languages and the differing maturity of prompt engineering normative traditions. The findings contribute to comparative pragmatics and AI linguistics and shed light on the illocutionary foundations upon which English- and Russian-language models are trained to process user requests.

Keywords: prompt, speech acts, comparative analysis, pragmatics, illocutionary classification, generative artificial intelligence

Acknowledgments. The author acknowledges the support of this research by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under Agreement No. 075-03-2025-662 (January 17, 2025), associated with project FSMG-2025-0086, "Applied Research on the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education."

For citation: Stepanov AV. Models of English- and Russian-Language Prompt Formulation for Generative AI. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):157-165. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-157-165.

Введение

Активное развитие возможностей генеративных моделей искусственного интеллекта (ИИ), а также их популяризация и внедрение в различные системы трансформируют образовательную практику, в том числе изучение иностранных языков. Данные крупных исследований фиксируют высокую вовлеченность студентов в использование генеративных моделей искусственного интеллекта. Согласно данным Digital Education Council, в 2024 г. генеративными моделями пользовались 86 % опрошенных студентов [14]; по данным Turnitin, в 2025 г. этот показатель составил 88 %, при этом 58 % респондентов обращались к ним для объяснения сложных концепций [20]. При этом ИИ все больше рассматривается не как автономный агент, а как технология, дополняющая человеческую деятельность [5]. В этих условиях пользовательские запросы (промпты) являются ключевым звеном в коммуникации с генеративной моделью, определяя точность, релевантность и дидактическую ценность сгенерированного материала.

Несмотря на растущий интерес к изучению промптов, вопрос о том, как в них реализуется директивная интенция, остается недостаточно изученным. Промпт представляет собой новый тип цифровой коммуникации, в котором пользователь вынужден компенсировать «иллокутивный дефицит» языковых моделей [15]. То есть ИИ лишен интенциональности и не способен самостоятельно восстанавливать коммуникативные намерения. В данных условиях промпт является единственным инструментом управления языковой моделью.

Теоретической основой для анализа этого оформления служит теория речевых актов Дж. Р. Сёрля [19], разграничивающая локутивный, иллокутивный и перлокутивные акты. Применительно

к промпту ключевым является иллокутивный уровень, поскольку он определяет, что пользователь требует от генеративной модели. Среди выделяемых иллокутивных типов промпты реализуются преимущественно как директивы. Директивная иллокуция делает промпт функциональным инструментом управления поведением модели и определяет его жанровую специфику.

В существующих исследованиях промпт рассматривается как гибридный инструктивный речевой жанр с доминированием императивной функции [8]; изучаются педагогические аспекты промпт-инжиниринга [4; 7; 1; 3]; показано, что семантическая специализация начальной лексемы является ключевым инструментом управления форматом ответа [21; 18], а избыточная параметризация запроса снижает лексическое разнообразие генерируемого текста [6]. Фреймворк CLEAR предложен как инструмент оценки качества формулирования запроса по параметрам краткости, логичности и ясности [11]. Вместе с тем эти работы затрагивают главным образом одноязычный материал и не ставят вопроса о межъязыковых различиях в способах реализации директивной интенции. Остаётся неизученным, существуют ли системные прагмалингвистические различия между русско- и англоязычными промптами, зафиксированными в корпусах для инструктивного дообучения.

Целью настоящего исследования является выявление и описание способов реализации директивной интенции в русско- и англоязычных промптах для инструктивного дообучения, а также установление статистически значимых межъязыковых различий в используемых прагмалингвистических средствах.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили два сопоставимых корпуса промптов, направленных на изучение английского языка: англоязычный и русскоязычный. Данные были извлечены из открытых датасетов, используемых для инструктивного дообучения:

1. Англоязычный корпус был сформирован на основе датасета OpenHermes 2.5 [13], который распространяется под лицензией Apache 2.0. Данный ресурс представляет собой коллекцию диалогов из различных источников, включая ShareGPT (реальные взаимодействия пользователей с языковыми моделями) и синтетически сгенерированные инструкции.

2. Русскоязычный корпус составлен из объединения двух датасетов: ru_turbo_alpaca [17] и russian_instructions [16], содержащих преимущественно синтетические инструкции учебного характера.

Выбор этих датасетов обоснован их функциональной однородностью, открытым статусом и воспроизводимостью. Стоит подчеркнуть особенность анализируемого материала. Корпусные единицы представляют собой промпты, созданные или верифицированные в процессе подготовки данных для инструктивного дообучения. Это означает, что выявляемые паттерны отражают нормативные представления о форме промпта, закрепленные в практике формирования запроса. Сопоставление двух корпусов позволяет выявить межъязыковые различия в создании русско- и англоязычных промптов в образовательном контексте.

Обработка данных осуществлялась в два этапа:

1. Автоматическая фильтрация. Из исходных массивов данных были выбраны промпты, содержащие тематические маркеры учебного контекста. Для обоих корпусов применялась фильтрация на нескольких уровнях. На первом уровне фильтрация осуществлялась по лексемам (например: *английск, English, по-английски и грамматические термины на латинице: present simple, passive voice, modal*). Для русскоязычного корпуса дополнительно применялась проверка на минимальное соотношение латинских символов (≥ 3 %) при отсутствии прямой отсылки к английскому языку. На втором уровне фильтрация осуществлялась по системе «черных списков», в результате чего из корпуса промптов были исключены те, которые не относятся к языковому обучению: задачи на программирование (*python, api, code*), ролевые игры (*act as, imagine*), относящиеся к другим дисциплинам и общие фактологические запросы.

2. Ручная верификация. После автоматического отбора была проведена ручная проверка для соответствия теме. Исключались промпты с генерацией художественных текстов, написанием заголовков к текстам, а также обобщением текстов и промптов, явно не относящихся к образовательному контексту. Итоговый объем корпусов, пригодных для анализа, составил 79 единиц в каждом из корпусов.

Был использован сопоставительный корпусный анализ по трем параметрам: распределение иллокутивных типов запросов, длина промптов, а также частотный профиль начальных лексем. Для выявления статистически значимых межъязыковых различий применялся U-критерий Манна — Уитни; значимость различий оценивалась

на основе p-value, что позволило обеспечить объективность интерпретации эмпирических данных.

Обработка данных, их первичная классификация и статистические расчеты были выполнены на языке программирования Python с использованием библиотек Pandas, SciPy и statsmodels. Первичная классификация промптов и отладка кода выполнялись с привлечением языковой модели Qwen. Все результаты автоматической обработки были подвергнуты ручной верификации автором. Анализ и интерпретация полученных данных осуществлялись автором исследования.

Для оценки качества формулирования промптов был использован адаптированный фреймворк CLEAR [11], включающий пять компонентов: Concise (Краткость), Logical (Логичность), Explicit (Ясность), Adaptive (Адаптация запроса) и Reflective (Рефлексия над полученным ответом). В настоящем исследовании применялись три компонента — Concise, Logical и Explicit, — поскольку они позволяют оценить изолированный промпт без обращения к контексту диалога. Компоненты Adaptive и Reflective не использовались: их оценка требует анализа последующих реплик пользователя, что выходит за рамки данного исследования, материалом которого служат единичные промпты из датасетов для инструктивного дообучения. Используемые компоненты представлены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Компоненты фреймворка CLEAR
Components of the CLEAR framework

Компонент	Суть критерия	Как оценивался
Concise (Краткость)	Краткость и ясность формулировки	Отсутствие тавтологии и избыточности; четкая структура.
Logical (Логичность)	Структурированность и когерентность изложения	Последовательность: тема — вопрос — пример; использование логических маркеров
Explicit (Ясность)	Четкость требований к формату, объему, стилю или типу ответа	Наличие явных требований к формату, объему, стилю или типу ответа

Оценка каждого промпта осуществлялась по трехбалльной шкале:

0 баллов — критерий отсутствует в запросе;

1 балл — критерий представлен частично, с некоторыми нарушениями или неточностями;

2 балла — критерий представлен полностью, соответствует методологическим требованиям.

Результаты

Сопоставительный анализ средней длины текстовых запросов выявил, что англоязычные запросы в среднем содержат больше слов, чем русскоязычные (18,33 против 11,63 соответственно). Различие является статистически значимым (критерий Манна — Уитни, $U = 1843{,}5$; $p < 0{,}001$), что соответствует среднему размеру эффекта.

Далее было проанализировано распределение речевых актов. В английском корпусе преобладающим типом оказались директивы (77 случаев, 97,5 %), в то время как вопросы были представлены лишь в двух случаях (2,5 %). В русском корпусе директивные предложения также преобладали (65 случаев, 82,3 %), однако количество вопросительных предложений оказалось значительно выше (14 случаев, 17,7 %).

Дополнительный анализ начальных лексем позволяет уточнить внутреннюю структуру промпта (табл. 2). В англоязычном корпусе прослеживается тенденция к использованию специализированных лексем для уточнения формы ответа языковой модели, при этом в русскоязычном корпусе доминирует глагол *«напиши»*, охватывающий широкий спектр задач без дополнительной семантической дифференциации.

Таблица 2
Table 2

Частотные начальные лексемы
High-frequency initial lexemes

Ранг	Английский корпус	Частота	Русский корпус	Частота
1	Rewrite	12,7 %	Напиши	24,1 %
2	Given	11,7 %	Переведи	12,7 %
3	Generate	6,3 %	Напишите	7,6 %
4	Edit	5,1 %	Опиши	5,1 %
5	Write	5,1 %	Предложи	3,8 %

Далее были сопоставлены показатели по трем компонентам фреймворка CLEAR: Concise (Краткость), Logical (Логичность) и Explicit (Ясность). Анализ по компоненту Concise не выявил значимых статистических различий между корпусами. В англоязычном корпусе итоговым значением стало 1,92, против 1,97 в русскоязычном ($U = 3012{,}0$; $p = 0{,}38$). Анализ компонента Logical также показал сравнительно одинаковые значения: 1,92 в англоязычном корпусе и 1,96 в русскоязычном корпусе ($U = 3098{,}5$; $p = 0{,}51$).

В то же время были выявлены значимые различия по компоненту Explicit: русскоязычные промпты показали более высокие результаты

по сравнению с англоязычными (1,85 против 1,70, U = 2541,0; p = 0,032).

Обсуждение

Полученные результаты позволяют охарактеризовать межъязыковые различия в реализации директивной интенции как системные. Они обнаруживаются одновременно на уровне иллокутивного типа высказывания, лексического оформления директива и прагматической ясности запроса.

Высокая доля директивов в обоих корпусах (97,5 % и 82,3 %) подтверждает инструктивную природу промпта и согласуется с наблюдениями о доминировании императивной функции в инструктивном дискурсе [8]. При этом принципиально важно, что промпт функционирует в условиях, отличающих его от естественного диалога: языковая модель лишена способности восполнять иллокутивные лакуны за счёт контекста [1; 12], а качество её ответа напрямую определяется точностью формулировки запроса [9]. В этих условиях выбор языковых средств оформления директивной интенции приобретает особую функциональную нагрузку.

Вместе с тем рассмотренные директивы нельзя рассматривать как однородную группу. Среди них можно выделить следующие подгруппы:

1. Запросы, направленные на трансформацию языкового материала (*translate, rewrite, change, edit, перепиши, переведи, исправь* и т. п.);

2. Запросы, направленные на генерацию нового языкового материала (*write, generate, напиши*);

3. Запросы, направленные на объяснение и интерпретацию языковых явлений (*explain, describe, объясни*).

Тем самым анализ показал, что англоязычный датасет преимущественно отображает прямые директивы. В русскоязычном корпусе, напротив, присутствует повышенная доля вопросительных конструкций (17,7 % против 2,5 %). Кроме того, зафиксировано использование смягченных директивных форм, в частности глагола «напишите», который функционирует как более вежливый вариант императива.

Выявленные различия могут быть связаны со спецификой формирования анализируемых корпусов. Датасеты ru_turbo_alpaca и russian_instructions содержат синтетически сгенерированные инструкции, часть которых была создана языковыми моделями. В результате вопросительная форма и смягченные директивные конструкции могли закрепиться как устойчивый шаблон генерации при работе пользователей, что согласуется с наблюдениями Лю и Яо: пользователи, воспринимающие модель как собеседника, а не инструмент, устойчиво тяготеют к более диалогическим формам обращения [10].

Таким образом, повышенная доля вопросительных конструкций в русскоязычном корпусе может рассматриваться как особенность нормативных образцов промптов, представленных в датасетах для инструктивного дообучения. Для установления того, насколько данный паттерн характерен для реальной практики взаимодействия пользователей с генеративными моделями, требуется отдельное исследование на материале аутентичных пользовательских запросов.

Различия в частотном профиле начальных лексем отражают не только особенности языкового оформления, но и различия в способах концептуализации задачи. В англоязычном корпусе начальная лексема *given* создаёт устойчивую двухчастную структуру промпта: контекстуальная рамка предшествует инструкции (*«Given the following sentence, suggest an appropriate title. Sentence: Astronomers observed a new star in the sky»*). В русскоязычном корпусе типична обратная структура: инструкция предшествует контексту (*«Создай заголовок статьи на основе текста и темы. Текст: Как изучать английский язык дома. Тема: Изучение языков»*). При этом русскоязычные единицы чаще прибегают к более общему инициальному глаголу (*напиши*), конкретизируя задачу в постпозиции: «Напиши предложение на английском языке, используя слова *"dog", "rain", "happy"»*. Различие в лексическом репертуаре начальных глаголов можно объяснить при помощи зрелости нормативных традиций создания промптов в рамках промпт-инжиниринга в английском языке [21; 18], и OpenHermes 2.5 отражает эту сложившуюся норму. Русскоязычные датасеты формировались позднее и в большей степени синтетически, что могло привести к менее специализированному лексическому оформлению директива при сохранении его прагматической функции. Таким образом, семантическая специализация начальной лексемы в англоязычном корпусе и синтаксическая постпозиция уточнения в русскоязычном выступают альтернативными средствами управления форматом ответа модели, сложившимися в разных нормативных традициях.

Статистически значимое преобладание длины англоязычных промптов согласуется с типологическими особенностями языков. Более высокая средняя длина англоязычных промптов частично обусловлена аналитическим строем языка, предполагающим более эксплицитное выражение

грамматических отношений посредством служебных слов. В русском языке допускается компрессия за счет опущения подлежащего, использования безличных и императивных конструкций, а также выражения части грамматических отношений посредством морфологических показателей, не имеющих отдельного словесного выражения [2]. Так, промпт *«Переведи предложение на английский язык, используя пассивный залог»* содержит меньше слов, чем функционально сопоставимый английский вариант *«Rewrite the following sentence in English using the passive voice»*, при этом передает сопоставимый объем прагматической информации. Таким образом, длина промпта является типологически обусловленным параметром и не может служить прямым показателем его прагматической полноты.

Показательно, что при меньшем среднем объеме русскоязычные единицы превосходят англоязычные по компоненту Explicit. Это указывает на то, что прагматическая ясность достигается не за счет увеличения числа слов, а благодаря семантической насыщенности и точному контекстуальному закреплению формулировки («Напиши краткий диалог...», «Составь предложения на английском языке из слов...»). Данный вывод соответствует концепции промпта как «когнитивного эквивалента модели речевого события» [6]: эффективность определяется не количеством слов, а степенью четкости метатекстовых параметров задачи.

Ограничения

Необходимо подчеркнуть ограничение, влияющее на интерпретацию всех описанных паттернов: данные корпусов отражают нормативные представления о «правильном» образовательном промпте, закрепленные в процессе создания датасетов для инструктивного дообучения, а не реальное речевое поведение пользователей. Выявленные различия можно рассматривать как свидетельство того, что стандарты и нормы обучающих данных в двух языковых культурах по-разному кодифицировали норму инструктивного промпта. При этом соответствие этих норм реальной практике требует верификации в отдельном исследовании на материале живых пользовательских запросов.

Эмпирическая база исследования составляет 79 единиц в каждом корпусе, что обеспечивает достаточный объем для выявления крупных и средних статистических эффектов, однако ограничивает анализ редких иллокутивных подтипов. Для более детального описания жанровой вариативности промптов в образовательном дискурсе необходимо расширение корпусов до нескольких сотен единиц с учетом уровня владения языком и типа учебных задач.

Заключение

Проведенный сопоставительный прагмалингвистический анализ позволяет сделать вывод о том, что способы реализации директивной интенции в русско- и англоязычных промптах для инструктивного дообучения системно различаются при общей доминантности директивного типа в обоих корпусах.

На уровне иллокутивного типа: русскоязычная норма, закрепленная в датасетах, допускает реализацию директивной интенции через вопросительную форму высказывания, тогда как англоязычная последовательно придерживается императивного синтаксиса. На уровне лексического оформления: англоязычный корпус опирается на семантически специализированные инициальные глаголы, сужающие тип ожидаемого ответа уже на иллокутивном уровне; русскоязычный — на широкозначный директивный маркер с обязательной контекстуальной задачей в постпозиции. На уровне прагматической ясности: русскоязычные промпты при меньшем среднем объеме превосходят англоязычные по компоненту Explicit, поскольку контекстная часть высказывания выполняет конститутивную, а не вспомогательную функцию.

Ключевой теоретический вклад работы состоит в применении теории речевых актов Сёрля к условиям иллокутивного дефицита генеративных систем и в описании того, какими конкретными языковыми средствами русско- и англоязычные корпуса компенсируют этот дефицит. Принципиально важно, что анализируемые корпусы являются обучающим материалом для языковых моделей, и, следовательно, выявленные иллокутивные паттерны определяют, какой тип директивного промпта модель усваивает как нормативный. Сопоставительный анализ этих паттернов позволяет объяснить, на каких иллокутивных основаниях русско- и англоязычные модели настроены воспринимать и обрабатывать пользовательские запросы.

Перспективы дальнейших исследований связаны с верификацией выявленных паттернов на материале реальных пользовательских запросов, расширением эмпирической базы и анализом влияния уровня владения языком на вариативность прагматических стратегий.

Список источников

1. Авраменко А. П. Принципы формулирования запросов технологиям искусственного интеллекта как компонент стратегий интеракции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30, № 5. С. 1083–1090. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-5-1083-1090.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : ЛитРес, 2017. 896 с.

3. Груздев А. В. Использование генеративного искусственного интеллекта в изучении и преподавании иностранных языков: результаты систематического анализа // Педагогика и просвещение. 2025. № 1. С. 105–115. DOI: 10.7256/2454-0676.2025.1.73607.

4. Евстигнеев М. Н., Евстигнеева И. А. Развитие умений промпт-инжиниринга у будущего педагога иностранного языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30, № 4. С. 795–813. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-4-795-813.

5. Катаев Д. В., Беляев Д. А., Тарасов А. Н. Динамика научного дискурса об искусственном интеллекте в образовании: библиометрический анализ и тематическое моделирование // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 11. С. 145–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-11-145-168.

6. Остапенко С. В., Халина Н. В. Лингвистическая оптимизация промпта в аспекте проблематики промпт-инжиниринга // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2025. Т. 11, № 1 (41). С. 36–50. DOI: 10.21684/2411-197X-2025-11-1-36-50.

7. Чао М. Промпт-инжиниринг в лингводидактике: стратегии взаимодействия с чат-ботами в обучении китайских студентов русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 12. С. 5159–5166. DOI: 10.30853/phil20250698.

8. Шульгинов В. А., Клокова К. С., Юдина Т. А. Инструктивный дискурс в эпоху искусственного интеллекта: речевой жанр промпта // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 4. С. 3–11. DOI: 10.18101/2686-7095-2025-4-3-11.

9. Bunt H., Petukhova V. Semantic and pragmatic precision in conversational AI systems // Frontiers in Artificial Intelligence. 2023. Vol. 6. Article 896729. DOI: 10.3389/frai.2023.896729.

10. Liu W., Yao M. The Minds Behind the Prompts: How Mental Representations Shape User Interaction with Generative AI // International Journal of Human–Computer Interaction. 2026. Pp. 1–19. DOI: 10.1080/10447318.2025.2483281.

11. Lo L. S. The CLEAR path: A framework for enhancing information literacy through prompt engineering // The Journal of Academic Librarianship. 2023. Vol. 49, № 4. Article 102720. DOI: 10.1016/j.acalib.2023.102720.

12. Miehling E. et al. Language models in dialogue: Conversational maxims for human-AI interactions // Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2024. 2024. P. 14420–14437. DOI: 10.18653/v1/2024.findings-emnlp.844.

13. OpenHermes 2.5: An Open Dataset of Synthetic Data for Generalist LLM Assistants // huggingface.co URL: https://huggingface.co/datasets/teknium/OpenHermes-2.5 (дата обращения: 05.04.2026).

14. Rong H., Chun C. Digital Education Council Global AI Student Survey 2024. 2024. URL: https://www.digitaleducationcouncil.com/post/digital-education-council-global-ai-student-survey-2024 (дата обращения: 05.04.2026).

15. Rosen Z. P., Dale R. LLMs Don't «Do Things with Words» but Their Lack of Illocution Can Inform the Study of Human Discourse // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2024. Vol. 46.

16. Russian instructions dataset for conversational agents // huggingface.co. URL: https://huggingface.co/datasets/Den4ikAI/russian_instructions (дата обращения: 05.04.2026).

17. RuTurboAlpaca // huggingface.co URL: https://huggingface.co/datasets/IlyaGusev/ru_turbo_alpaca (дата обращения: 05.04.2026).

18. Schmidt D. C. et al. Towards a catalog of prompt patterns to enhance the discipline of prompt engineering // ACM SIGAda Ada Letters. 2024. Vol. 43, № 2. P. 43–51. DOI: 10.1145/3652620.3652628.

19. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

20. What 2025 generative AI trends reveal about student behavior // Turnitin. URL: https://www.turnitin.com/blog/what-2025-generative-ai-trends-reveal-about-student-behavior (дата обращения: 03.04.2026).

21. White J. et al. A prompt pattern catalog to enhance prompt engineering with ChatGPT // arXiv preprint arXiv:2302.11382. 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2302.11382.

References

1. Avramenko AP. Principles of Formulating Queries for Artificial Intelligence Technologies as a Component of Interaction Strategies. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities.* 2025;30(5):1083-1090. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-5-1083-1090. (In Russ.).

2. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka [Language and the Human World]. Moscow: LitRes; 2017. 896 p. (In Russ.).

3. Gruzdev AV. The Use of Generative Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: Results of a Systematic Analysis. *Pedagogika i prosveshcheniye = Pedagogy and Education.* 2025;(1):105-115. DOI: 10.7256/2454-0676.2025.1.73607. (In Russ.).

4. Evstigneev MN, Evstigneeva IA. Developing Prompt Engineering Skills in the Pre-Service Training of Foreign Language Educators. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities.* 2025;30(4):795-813. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-4-795-813. (In Russ.).

5. Kataev DV, Belyaev DA, Tarasov AN. Dynamics of Scientific Discourse on Artificial Intelligence in Education: Bibliometric Analysis and Thematic Modeling. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher Education in Russia.* 2025;34(11):145-168. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-11-145-168. (In Russ.).

6. Ostapenko SV, Khalina NV. Linguistic Optimization of Prompts Regarding the Challenges in Prompt Engineering. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. *Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates = Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates.* 2025;11(1):36-50. DOI: 10.21684/2411-197X-2025-11-1-36-50. (In Russ.).

7. Chao M. Prompt Engineering in Language Teaching Methodology: Strategies for Interaction with Chatbots in Teaching Russian as a Foreign Language to Chinese Students. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 2025;18(12):5159-5166. DOI: 10.30853/phil20250698. (In Russ.).

8. Shulginov VA, Klokova KS, Yudina TA. Instructional Discourse in the Age of Artificial Intelligence: The Prompt as a Speech Genre. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2025;(4):3-11. DOI: 10.18101/2686-7095-2025-4-3-11. (In Russ.).

9. Bunt H, Petukhova V. Semantic and pragmatic precision in conversational AI systems. *Frontiers in Artificial Intelligence.* 2023;6:896729. DOI: 10.3389/frai.2023.896729.

10. Liu W, Yao M. The Minds Behind the Prompts: How Mental Representations Shape User Interaction with Generative AI. *International Journal of Human–Computer Interaction.* 2026:1-19. DOI: 10.1080/10447318.2025.2483281.

11. Lo LS. The CLEAR path: A framework for enhancing information literacy through prompt engineering. *The Journal of Academic Librarianship.* 2023;49(4):102720. DOI: 10.1016/j.acalib.2023.102720.

12. Miehling E et al. Language models in dialogue: Conversational maxims for human-AI interactions. Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2024. 2024:14420-14437. DOI: 10.18653/v1/2024.findings-emnlp.844.

13. OpenHermes 2.5: An Open Dataset of Synthetic Data for Generalist LLM Assistants. Available at: https://huggingface.co/datasets/teknium/OpenHermes-2.5 (accessed: 05.04.2026).

14. Rong H, Chun C. Digital Education Council Global AI Student Survey 2024. 2024. Available at: https://www.digitaleducationcouncil.com/post/digital-education-council-global-ai-student-survey-2024 (accessed: 05.04.2026).

15. Rosen ZP, Dale R. LLMs Don't «Do Things with Words» but Their Lack of Illocution Can Inform the Study of Human Discourse. Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2024;46.

16. Russian instructions dataset for conversational agents. Available at: https://huggingface.co/datasets/Den4ikAI/russian_instructions (accessed: 05.04.2026).

17. RuTurboAlpaca. Available at: https://huggingface.co/datasets/IlyaGusev/ru_turbo_alpaca (accessed: 05.04.2026).

18. Schmidt DC et al. Towards a catalog of prompt patterns to enhance the discipline of prompt engineering. *ACM SIGAda Ada Letters.* 2024;43(2):43-51. DOI: 10.1145/3652620.3652628.

19. Searle JR. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press; 1969. 203 p.

20. What 2025 generative AI trends reveal about student behavior. Turnitin. Available at: https://www.turnitin.com/blog/what-2025-generative-ai-trends-reveal-about-student-behavior (accessed: 03.04.2026).

21. White J et al. A prompt pattern catalog to enhance prompt engineering with ChatGPT. arXiv preprint arXiv:2302.11382. 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2302.11382.

Информация об авторе

А. В. Степанов — аспирант, ассистент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий.

Information about the author

A. V. Stepanov — Postgraduate Student, Assistant at the Center for Foreign Languages and Communication.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 06.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 18.06.2026; approved after reviewing 06.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 166–174.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):166-174.

Научная статья

УДК 811.161.1›37

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-166-174

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КАУЗАТИВНОСТИ: НА МАТЕРИАЛЕ РЕСУРСА FRAMENET

Елизавета Вадимовна Малахова[1], Светлана Викторовна Шустова[2]

[1]Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, lisaveeet@mail.ru

[2]Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru

Аннотация. В статье представлен фреймовый анализ категории каузативности, выполненный на материале лексической базы данных FrameNet. Основной целью исследования является описание семантической и синтаксической организации причинно-следственных отношений в английском языке через призму ключевого фрейма Causation. Особый акцент сделан на интерперсональном типе каузации, где оба центральных участника ситуации – инициатор действия и его объект – являются одушевленными. Методологическая основа исследования опирается на принципы фреймовой семантики Ч. Филлмора, а его эмпирическую базу составляют аннотированные примеры из ресурса FrameNet, что позволяет провести системный анализ валентностных свойств и синтаксических способов репрезентации элементов фрейма. В работе детально рассматривается структура фрейма Causation, включающая его ядерные компоненты (Actor, Affected) и периферийные элементы (Time, Place, Explanation, Circumstances, Manner). На основе корпусных данных выявляется иерархия и частотность синтаксических паттернов, используемых для актуализации каждого участника ситуации. Результаты анализа демонстрируют, что для объекта каузации наиболее характерны паттерны прямого (NP.Obj) и сложного дополнения (NP.Ext), в то время как каузатор чаще всего выражается через сложное дополнение (NP.Ext) или нефинитные клаузальные конструкции (CNI). Периферийные элементы выполняют важную функцию семантико-прагматической конкретизации, определяя временные, пространственные, причинно-мотивационные и качественные параметры каузативного события. Полученные выводы вносят вклад в развитие теории фреймовой семантики и имеют перспективы прикладного применения.

Ключевые слова: фреймовый анализ, FrameNet, каузативность, ядро, периферия, русский язык

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Фреймовый анализ каузативности: на материале ресурса FrameNet // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 166–174. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-166-174.

Original article

A FRAME ANALYSIS OF CAUSATION: A STUDY BASED ON THE FRAMENET RESOURCE

Elizaveta V. Malakhova[1], Svetlana V. Shustova[2]

[1]Perm State University, Perm, Russia, lisaveeet@mail.ru

[2]Perm State University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. This article presents a frame-based analysis of the category of causativity, conducted using the lexical database FrameNet. The primary goal of the research is to describe the semantic and syntactic organization of cause-and-effect relations in English through the lens of the key Causation frame. Particular emphasis is placed on the interpersonal type of causation, where both central participants in the situation – the initiator of the action and its object – are animate. The methodological foundation of the study relies on the principles of Charles Fillmore's Frame Semantics, and its empirical base consists of annotated examples from the FrameNet resource, enabling a systematic analysis of the valency properties and syntactic means of representing frame elements. The work examines in detail the structure of the Causation frame, including its core components (Actor, Affected) and peripheral elements (Time, Place, Explanation, Circumstances, Manner). Based on corpus data, the hierarchy and frequency

© Малахова Е. В., Шустова С. В., 2026

of syntactic patterns used to realize each participant in the situation are identified. The results demonstrate that for the object of causation, the most characteristic patterns are the direct object (NP.Obj) and complex complement (NP.Ext), while the causer is most frequently expressed through a complex complement (NP.Ext) or non-finite clausal constructions (CNI). Peripheral elements perform an important function of semantic-pragmatic specification, defining the temporal, spatial, causal-motivational, and qualitative parameters of the causative event. The findings contribute to the development of Frame Semantics theory and hold prospects for practical application.

Keywords: frame analysis, FrameNet, causativity, core, periphery, Russian language

For citation: Malakhova EV, Shustova SV. A Frame Analysis of Causation: a Study Based on the FrameNet Resource. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):166-174. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-166-174.

Введение

В современных лингвистических исследованиях наблюдается активное развитие двух взаимосвязанных направлений – анализа событийных структур (сценариев) в их прагматическом аспекте и углублённого изучения каузативности. Эти линии исследования, восходящие к идеям Ю. Д. Апресяна [1] о системном лексикографическом описании языка, получают новое звучание в работах последних лет. Сценарии и их прагматическая реализация в дискурсе стали предметом детального рассмотрения в работах [16; 17; 10; 7]. Параллельно развивается исследование каузативности. Современный анализ каузативных отношений, представленный в работах [12; 13; 14], не ограничивается классификацией глаголов, а исследует каузацию как ключевой механизм организации дискурса и формирования смысла, часто выступающий ядром изучаемых событийных сценариев.

Понятие фрейма в лингвистику пришло из смежной области — искусственного интеллекта, где его в 1970-х гг. предложил американский исследователь М. Минский. В своей работе «Frames for representing knowledge» (1974) он описал фрейм как «структуру данных для представления стереотипной ситуации», указав, что «на фреймы можно разбить всю базу знаний человека» [8]. Концепция фрейма была переосмыслена и адаптирована для лингвистики Ч. Филлмором, поскольку когнитивные особенности человеческого знания требовали иного подхода, нежели в области искусственного интеллекта. Исследователь перенес термин, предложенный М. Минским, в пространство языкознания. Согласно Филлмору, фрейм представляет собой структуру, существующую в когнитивном пространстве, и определяется как «устойчивая семантическая модель стереотипной, стандартной жизненной, бытийной ситуации, структура и содержание которой по основным параметрам соответствуют устоявшемуся, типизированному представлению о ней в определенном культурно-языковом сообществе» [15, с. 54]. Согласно его интерпретации, фрейм характеризуется рядом ключевых свойств: он контекстуально обусловлен, имеет экстралингвистическую основу, а также отличается иерархичностью, структурностью и целостностью компонентов.

Следовательно, организация фрейма и семантика связанных с ним языковых единиц детерминированы внеязыковым контекстом, который включает комплекс знаний о ситуации общения и её участниках, выходящий далеко за пределы лексического знания. Эту позицию разделяют и другие исследователи, указывающие, что в рамках данной модели лингвистический компонент расширяется до социального, культурно-исторического и пространственно-временного [6, с. 27]. Вслед за М. Минским и Ч. Филлмором теория фреймов стала предметом изучения многих исследователей. В русле этого направления работал и Т. А. ван Дейк, анализировавший обусловленность языковых явлений. Ученый определяет фрейм как «единицу знания, организованную вокруг некоторого концепта, содержащую основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [5, с. 16–17].

Основная часть

Фрейм и концепт обладают рядом общих характеристик, таких как гибкость и подвижность структуры [3; 9; 2]. Несмотря на очевидную связь этих понятий, между ними существуют принципиальные различия. В качестве основы для разграничения Н. Н. Болдырев предлагает три дифференциальных признака [4, с. 20] (табл. 1).

Фрейм — одно из центральных понятий когнитивной лингвистики. Разные исследователи акцентируют его различные, но взаимодополняющие аспекты (рис. 1.).

Можно сказать, что фрейм понимается как когнитивная структура знаний, организующая наш опыт и отражающая типичные, культурно обусловленные представления о мире, которые стоят за языковыми формами.

FrameNet представляет собой лексическую базу данных английского языка, содержащую аннотированные примеры употребления слов в контексте. Ресурс построен на основе теории семантики фреймов (Frame Semantics), разработанной Ч. Филлмором и его коллегами. Согласно этой теории, значение большинства слов наиболее полно раскрывается через связь с семантическим фреймом – структурой, описывающей типичную ситуацию, отношение или сущность, а также участников (ролей) этой ситуации. Например, фрейм приготовления пищи (cooking) включает в себя таких участников, как лицо, осуществляющее готовку (повар), объект приготовления (еда) и источник тепла (кухонный прибор). В FrameNet эта концепция представлена следующим образом:

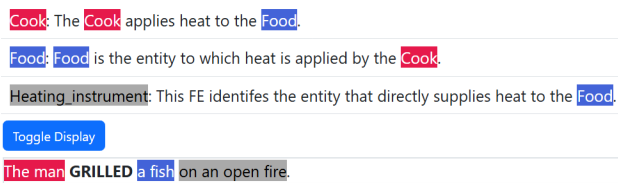


Рис. 2. Пример: фрейм Cooking в лингвистическом ресурсе FrameNet

Fig. 2. Example: the Cooking frame in the linguistic resource FrameNet

Вкладка Frame Index служит главным навигационным инструментом и отправной точкой для работы с базой данных. Она позволяет системно изучать ядро ресурса — семантические фреймы. Здесь представлены все фреймы, доступные для детального анализа: пользователь может не только просматривать их в алфавитном порядке, но и применять фильтрацию, сортировку и поиск, что обеспечивает эффективное исследование обширной фреймовой сети. Ресурс даёт возможность изучать как структуру каждого фрейма (состав его семантических ролей — фреймовых элементов), так и его лексическое наполнение — конкретные слова и выражения, которые этот фрейм реализуют. Инструментарий вкладки позволят анализировать связи между фреймами, прослеживая тем самым сложные семантические отношения в языке. В статье особое внимание будет сфокусировано на фрейме Causation.

FrameNet определяет фрейм Causation через взаимодействие двух основных элементов: Cause и Effect. Однако для лингвистического анализа наиболее релевантным является случай, в котором каузатор (Actor) направляет своё воздействие на объект каузации (Affected entity). Ядро

Таблица 1
Table 1

Дифференциальные признаки концепта и фрейма
Differential features of a concept and a frame

Дифференциальный признак	Концепт	Фрейм
Основная функция	Концептуализация явлений и ситуаций	Категоризация явлений и ситуаций
Характер признаков	Объединяет все возможные признаки, включая единичные и субъективные	Преобладают типичные, стандартизованные признаки
Структура и характер	Более гибкая структура, носит субъективный характер	Более жёсткая структура, носит коллективный характер

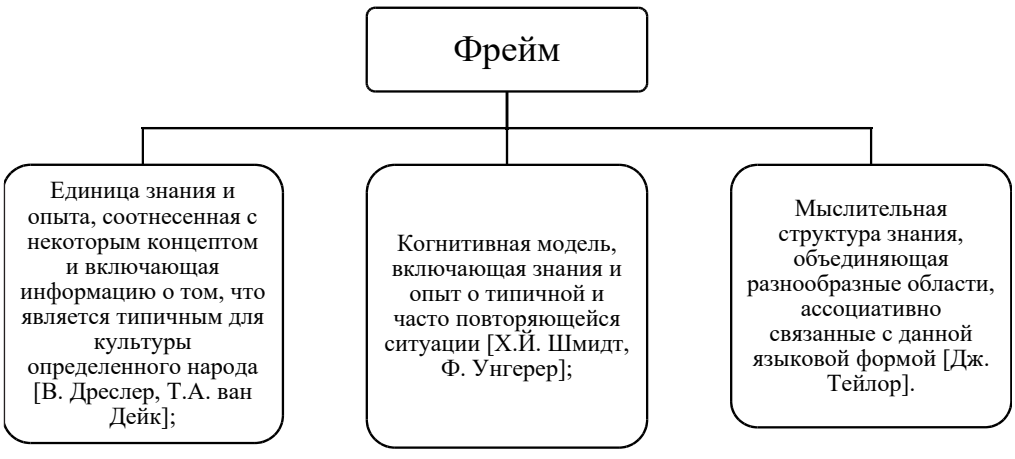


Рис. 1. Интерпретация понятия «фрейм»

Fig. 1. Interpretation of the concept of a "frame"

фрейма Causation в FrameNet включает четыре базовых элемента: Cause (Причина), Effect (Следствие), Actor (Актор) и Affected (Затронутая сущность). В рамках данного фрейма Причина и Следствие преимущественно трактуются как неодушевленные события, силы или процессы. Интерес данной статьи сфокусирован на анализе интерперсонального взаимодействия, где оба центральных участника каузативной ситуации являются одушевленными (рис. 3.).

Помимо ядерных элементов, определяющих саму суть причинно-следственной связи, фрейм Causation во FrameNet включает ряд периферийных элементов. Эти компоненты не являются обязательными для установления каузативного отношения, однако они выполняют важную функцию конкретизации описываемой ситуации. К таким элементам относятся: Manner (Способ) — описывает качественную характеристику события в целом или манеру, в которой каузатор осуществляет воздействие (например, eagerly, quietly); Means (Средство) — указывает на действие или инструмент, с помощью которого каузатор достигает результата; Place (Место) и Time (Время) — задают пространственно-временные координаты каузативного события (рис. 4).

На платформе FrameNet представлена таблица, отражающая валентностные свойства фреймов, связанных с полем каузативности в английском языке. Следует отметить, что в рамках данной публикации приводится лишь сводная таблица с наиболее частотными и репрезентативными примерами синтаксической реализации участников ситуации. Полная версия аннотации, включающая все варианты реализации, доступна непосредственно в базе данных FrameNet. Для удобства навигации и анализа каждый семантический участник (например, Actor, Affected, Effect и т. д.) в примерах на сайте выделен отдельным цветом. Кроме того, ресурс обладает интерактивной функциональностью: при наведении курсора на любой элемент предложения во всплывающей подсказке отображается название соответствующего фрейм-элемента. Это позволяет наглядно изучать соответствие между синтаксической структурой и семантической ролью (табл. 2).

Распределение фрейм-элементов в семантическом поле каузативности, выявленное на материале FrameNet, образует иерархию, которая отражает не только частотность их языкового выражения, но и их когнитивную и коммуникативную значимость для описания причинно-следственной ситуации.

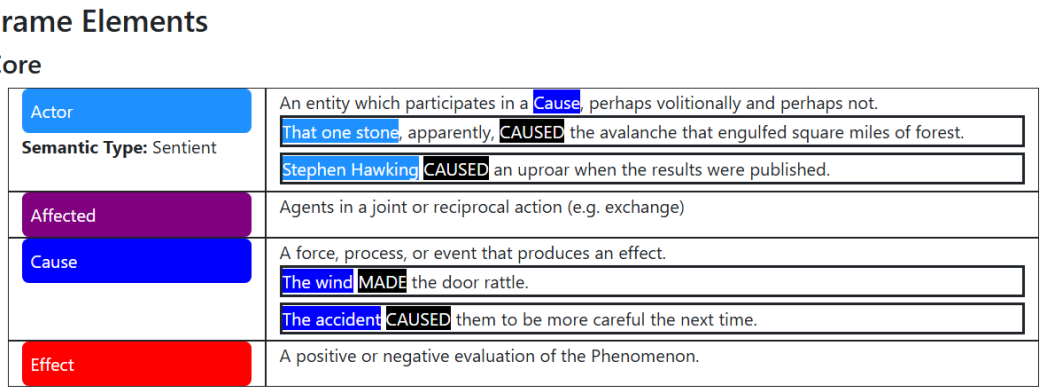


Рис. 3. Ядро фрейма Causation

Fig. 3. The core of the Causation frame

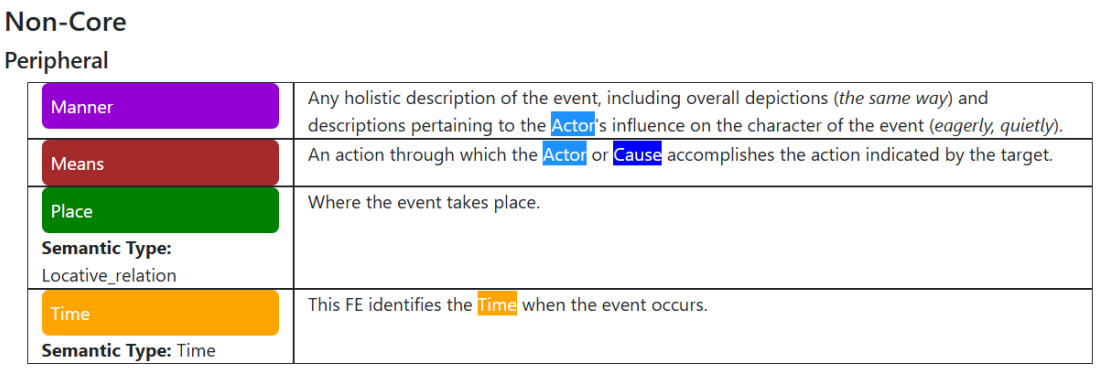


Рис. 4. Периферия фрейма Causation

Fig. 4. Periphery of the Causation frame

Ядро фрейма Causation образует семантический элемент Affected — объект каузации, который фиксируется в 116 аннотированных примерах ресурса. Количественные данные свидетельствуют о его центральной роли в организации каузативных высказываний. Наиболее частотным способом языковой актуализации данного элемента выступает паттерн NP.Obj (53), при котором объект каузации оформляется как именная группа в роли прямого дополнения. Иллюстрацией служит предложение: *A large and influential Union could sway the Government which in turn could lead the League and the world* [FN] (Крупный и влиятельный профсоюз мог бы повлиять на правительство, которое, в свою очередь, могло бы повести за собой Лигу и весь мир[1]). В данном контексте реализуется каузативная модель, где потенциальное следствие первого действия становится причиной второго. Каузатором выступает *a large and influential Union* — коллективный волевой агент, а объектом каузации — *the Government*, чьи решения или состояние становятся целью направленного влияния, выраженного предикатом *could sway*.

Вторая по частотности конструкция, актуализирующая объект каузации в рамках фрейма Causation, — это паттерн NP.Ext (сложное дополнение), зафиксированный в 17 случаях. Данный синтаксический паттерн обладает сложной структурой по сравнению с прямым дополнением (NP.Obj). Его ядро образует каузативный глагол, такой как make, let, have, за которым непосредственно следует именная группа или местоимение, обозначающее объект каузации, а затем инфинитив или причастие, развертывающее содержание ситуации-следствия. Пример: *When he talks to you he makes you feel as if you are the only person in the entire world* [FN] (Когда он с тобой разговаривает, он заставляет тебя чувствовать, будто ты единственный человек на всём свете, — сказала одна женщина). Каузатором выступает одушевленное лицо *he*, чьё речевое действие *talks to you* служит причиной. Предикатом каузации является глагол *makes,* вводящий семантику принуждения или причинения. Объектом каузации выступает местоимение *you* в позиции прямого объекта, обозначающее адресата воздействия. Ключевая особенность паттерна NP.Ext проявляется в следующей части: инфинитивная конструкция *feel as if* развернуто раскрывает следствие, а именно — вызываемое у объекта каузации субъективное психическое состояние, изменение его восприятия и эмоционального отклика.

Элемент Actor (Каузатор) входит в предъядерную зону фрейма Causation и актуализирован в 60 аннотированных конструкциях. Среди всех способов его синтаксического выражения наиболее частотным является паттерн NP.Ext (сложное дополнение), что зафиксировано в 47 случаях. Пример: *You're making it easier for them because you want to believe what they're saying* [FN] (Вы облегчаете им задачу, потому что хотите верить тому, что они говорят). В предложении каузатором выступает одушевленное лицо *you*, совершающее осознанное и целенаправленное действие. Предикатом каузации служит глагольная форма *are making*, вводящая значение целенаправленного причинения. Объектом каузации является одушевленная группа получателей воздействия *for them*.

Вторым по частотности синтаксическим паттерном для актуализации элемента Actor является конструкция CNI — нефинитная инфинитивная клауза. Пример: *Mysteriously, the Anasazi*

[1] В этом примере и далее указан авторский перевод.

Таблица 2
Table 2

Элементы фрейма и их синтаксическая реализация
Frame elements and their syntactic realization

Frame Elements and Their Syntactic Realizations	
Frame Elements	**Realization(s)**
Affected (116)	NP.Obj (53)
	NP.Ext (17)
	DNI (11)
	PP[for].Dep (7)
	PP[in].Dep (7)
Actor (60)	NP.Ext (47)
	CNI (4)
	DNI (4)
	PP[by].Dep (3)
Time (37)	AVP.Dep (7)
	PP[in].Dep (7)
	PP[at].Dep (5)
	NP.Dep (4)
Place (17)	PP[in].Dep (12)
	PP[at].Dep (2)
Explanation (9)	Sub.Dep (4)
	Sfin.Obj (1)
Circumstances (5)	PP[in].Dep (2)
	VPing.Dep (1)
Manner (2)	AJP.Dep (2)

vanished from the valley around a.d. 1150, leaving it to be repopulated by the Southern Paiutes, another hunter-gatherer tribe [FN] (Загадочным образом анасази исчезли из долины около 1150 г. н. э., оставив её для повторного заселения южными пайютами, другим племенем охотников-собирателей). Каузатором выступает коллективный одушевленный субъект *the Anasazi*, само исчезновение которого интерпретируется как причина последующего события. Предикатом каузации служит глагол *leaving.* Объектом каузации является местоимение *it*, отсылающее к долине – непосредственному объекту изменений. Ключевая особенность паттерна CNI раскрывается в инфинитивной клаузе *to be repopulated by the Southern Paiutes*, которая эксплицитно обозначает следствие — целое событие повторного заселения, ставшее возможным благодаря первоначальному действию.

К ближней периферии фрейма Causation относится элемент Time (Время), актуализированный в 37 аннотированных примерах. Пример: *In the final hours before the deadline, the desperate client pressured the designer to deliver the concept immediately* [FN] (В последние часы перед дедлайном отчаявшийся клиент оказал давление на дизайнера, чтобы тот немедленно предоставил концепт). В данном контексте *in the final hours before the deadline* временной маркер не только указывает на момент действия, но и создаёт контекст напряженности и крайней срочности, что мотивирует характер каузации. Каузатором выступает одушевленное лицо *the desperate client*, чьё психологическое состояние напрямую связано с временным давлением. Предикатом каузации является глагол *pressured*, передающий интенсивное интерперсональное воздействие, направленное на преодоление сопротивления. Объектом каузации становится *the designer*, чьи действия требуется изменить. Само следствие раскрывается в инфинитивной конструкции *to deliver the concept immediately*, причем наречие *immediately* усиливает значение временной срочности, заданное в начале предложения.

Другим примером актуализации элемента Time в ближней периферии служит паттерн PP[in]. Dep — зависимая предложная фраза с предлогом in. Пример: *In the tense final minutes of the negotiation, the lead mediator compelled the opposing parties to reach a compromise* [FN] (В напряжённые последние минуты переговоров ведущий медиатор вынудил противостоящие стороны прийти к компромиссу). В данном контексте временной маркер *in the tense final minutes of the negotiation* выполняет ключевую роль: он обозначает кульминационную, эмоционально заряженную фазу процесса, что предопределяет необходимость решительного каузативного вмешательства. Каузатором выступает одушевленное лицо, чья институциональная роль предполагает целенаправленное управление процессом и разрешение конфликта. Предикат каузации *compelled* передаёт сильное, практически принудительное воздействие, необходимое для преодоления сопротивления и достижения результата в условиях дефицита времени. Объектом каузации являются *the opposite parties*. Следствие выражено инфинитивной конструкцией *to reach a compromise*.

Далее рассматриваются периферийные категории фрейма Causation, которые выполняют важную функцию семантико-прагматической конкретизации. В рамках данного анализа каждая из таких категорий будет проиллюстрирована одним репрезентативным примером.

Категория Place (Место) актуализируется в различных синтаксических конструкциях, среди которых наиболее распространенной является PP[in].Dep — зависимая предложная фраза с предлогом in. Пример: *In the quiet privacy of her office, the mentor carefully guided her protégé through the complex ethical dilemma* [FN] (В тихой уединенной обстановке своего кабинета наставница осторожно направляла своего протеже в решении сложной этической дилеммы). В данном предложении *in the quiet privacy of her office* локализует событие. Каузатором выступает *the mentor* — одушевленный агент, обладающий авторитетом. Предикат каузации *guided* обозначает не прямое принуждение, а деликатное, опосредованное руководство. Объектом каузации является *her protégé* — другой одушевленный субъект, нуждающийся в наставничестве.

Категория Explanation (Объяснение, причина) входит в периферию и актуализирована в 9 конструкциях. Наиболее частотным способом её выражения является паттерн Sub.Dep (зависимое придаточное предложение). Пример: *With the upcoming championship in mind, the coach psychologically drove the athlete so that he would push his physical and mental limits* [FN] (Имея в виду предстоящий чемпионат, тренер психологически подстёгивал атлета, чтобы тот преодолевал свои физические и ментальные пределы). В данном высказывании элемент Explanation актуализирован в фразе *With the upcoming championship in mind*. Каузатором выступает *the coach* — одушевленное лицо, выполняющее роль наставника.

Предикат каузации *drove* (здесь в значении motivated или pushed) описывает интенсивное психологическое воздействие, направленное на изменение внутреннего состояния. Объектом каузации является *the athlete* — одушевленный субъект, чьё поведение и психическое состояние являются целью.

Категория Circumstances (Обстоятельства) относится к периферии фрейма Causation и зафиксирована в 5 примерах. Наиболее частым способом её выражения является паттерн PP[in].Dep (зависимая предложная фраза с предлогом in). Примером: *In the unstable climate of the corporate merger, the CEO compelled the department heads to align their strategies with the new vision* [FN]. (В нестабильной обстановке корпоративного слияния генеральный директор вынудил глав отделов согласовать свои стратегии с новым видением). В данном предложении in the unstable climate of the corporate merger описывает состояние внешней неопределенности. Каузатор *the CEO* — одушевленное лицо, наделенное высшей властью и ответственностью в организации. Предикат каузации *compelled* представляет собой глагол прямого причинения. Объектом каузации выступают *the department heads* — коллективные одушевленные агенты, чьё поведение требуется изменить. Следствие выражено инфинитивной конструкцией *to align their strategies with the new vision*.

Категория Manner актуализирована в 2 аннотированных конструкциях. Данный элемент отвечает на вопрос *каким образом*? Его типичной синтаксической реализацией выступает паттерн AJP.Dep. Пример: *With remarkable patience, the therapist guided the client to recognize his own behavioral patterns* [FN] (С поразительным терпением терапевт направлял клиента к осознанию его собственных моделей поведения). В данном высказывании *with remarkable patience* характеризует не просто действие, а его эмоционально-волевую и этическую тональность. Каузатором выступает *the therapist*, предикат каузации *guided* передаёт значение осторожного, опосредованного руководства, что полностью согласуется с указанным способом действия patience. Объектом каузации является *the client* — другой одушевленный субъект, внутреннее состояние которого является целью воздействия. Следствие выражено инфинитивной конструкцией to recognize *his own behavioral patterns*.

Заключение

Проведенный фреймовый анализ каузативности на материале ресурса FrameNet позволил описать семантическую и синтаксическую организацию причинно-следственных отношений в английском языке. Исследование подтвердило, что фрейм Causation представляет собой модель, ядро которой формируют каузатор и объект каузации, актуализирующие сценарий направленного интерперсонального воздействия. Именно этот сценарий, где оба участника являются одушевленными, рассматривался в данном исследовании, что позволило выявить специфику языковой репрезентации социального и коммуникативного влияния. Анализ показал, что наиболее часто каузатор занимает позицию подлежащего, а объект воздействия — позицию прямого или сложного дополнения. Периферийные элементы (Time, Place, Explanation, Circumstances, Manner) выполняют функцию семантического обогащения, конкретизируя обстоятельства, мотивы, локацию и качественные параметры каузативного события. Исследование продемонстрировало, что FrameNet является релевантным инструментом для лингвистического анализа, позволяющим не только выявить инвариантную семантическую схему каузативности, но и детально описать спектр её языковых реализаций. Полученные данные вносят вклад в теорию фреймовой семантики, корпусных исследований и компьютерной обработки естественного языка.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры». Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.

2. Беляевская Е. Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора — синонимы? (О соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 22 (733). С. 9–20.

3. Болдырев Н. Н. Категория подлежащего с прототипической точки зрения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 3. С. 71–84.

4. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

5. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 342 с.

6. Костомаров В. Г. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека // Вестник Пермского университета. Пермь : ВПУ. Выпуск 3 (31), 2015. С. 23–33.

7. Мамонова Н. В., Олизько Н. С. Культурно-ценностная матрица языкового сознания в условиях глобализации: когнитивно-лингвосинергетический аспект (1985–1987 гг.). Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2025. 170 с.

8. Минский М. Фреймы для представлений знаний. Москва : Энергия, 1979. 152 с.

9. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1, 2004. С. 53–64.

10. Питина С. А., Харченко Е. В. Антропонимы и этнонимы как маркеры идентичности урболекта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9, С. 33–43.

11. Ресурс FrameNet. URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/ (дата обращения: 18.01.2026).

12. Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Когнитивный сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 46–55.

13. Сюткина Н. П. Аспекты взаимодействия категорий интенсивности и экспрессивности в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 55–62.

14. Сюткина Н. П., Шустова С. В. Актуализация категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10, № 3. С. 175–185.

15. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Издательство иностранной литературы. Выпуск XII, 1983. С. 74–122.

16. Шелестюк Е. В., Варламова А. С. Диалектика позитивных и негативных эмоциональных сценариев // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 1. С. 382–393.

17. Шелестюк Е. В., Шкарин Д. Л. Трансформативная прагматика ритмологических практик // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 332–337.

18. Taylor J. R. Category extension by metonymy and metaphor // Meta phor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin: New York, 2003. P. 323–347.

19. Ungerer F., Schmidt H. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London : New York, 1996. 306 p.

References

1. Apresyan YuD. Izbrannye trudy, tom 1. Leksicheskaya semantika [Selected works, vol. 1. Lexical semantics] (2nd ed., rev. and enl.). Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 472 p. (In Russ.).

2. Belyaevskaya EG. Freim, kontsept, kontseptual'naya metafora – sinonimy? (O sootnoshenii i vzaimodeistvii metodov kognitivnoi lingvistiki) [Frame, concept, conceptual metaphor – synonyms? (On the correlation and interaction of cognitive linguistics methods)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 2015;22(733):9-20 p. (In Russ.).

3. Boldyrev NN. Kategoriya podlezhashchego s prototipicheskoi tochki zreniya [The category of subject from a prototypical point of view]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (3). 2002:71-84. (In Russ.).

4. Boldyrev NN. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki [The conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki.* 2004;(1):18-36. (In Russ.).

5. Dijk T A van. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya [Language, cognition, communication]. Progress. 1989, 342 p. (In Russ.).

6. Kostomarov VG. Semanticheskii freim v strukture mental'nogo leksikona cheloveka [Semantic frame in the structure of the human mental lexicon]. *Vestnik Permskogo universiteta* 2015;(3(31):23-33. (In Russ.).

7. Mamonova NV, Oliz'ko NS. Kul'turno-tsennostnaya matritsa yazykovogo soznaniya v usloviyakh globalizatsii: kognitivno-lingvosinergeticheskii aspekt (1985-1987 gg.) [Cultural-value matrix of linguistic consciousness in the context of globalization: cognitive-lingvosynergetic aspect (1985-1987)]. *Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2025. 170 p. (In Russ.).

8. Minsky M. Freimy dlya predstavlenii znanii [Frames for the representation of knowledge]. Energiya. 1979. 152 p. (In Russ.).

9. Nikitin MV. Razvernutye tezisy o kontseptakh [Elaborated theses on concepts]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2004;(1):53-64. (In Russ.).

10. Pitina SA, Kharchenko EV. Antroponimy i etnonimy kak markery identichnosti urbolekta [Anthroponyms and ethnonyms as markers of urban dialect identity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2024;23(9):33-43. (In Russ.).

11. FrameNet. (n.d.). Retrieved January 18, 2026. Available at: https://framenet.icsi.berkeley.edu/

12. Syutkina NP, Afanas'eva AA. Kognitivnyi stsenarii situatsii kauzatsii emotsional'noi modifikatsii [Cognitive scenario of the situation of causation of emotional modification]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2025;(4):46-55. (In Russ.).

13. Syutkina NP. Aspekty vzaimodeistviya kategorii intensivnosti i ekspressivnosti v emotivno-kauzativnom kategoriial'nom semanticheskom komplekse [Aspects of the interaction of intensity and expressivity categories in the emotive-causative categorical semantic complex]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2023;(2):55-62. (In Russ.).

14. Syutkina NP, Shustova SV. Aktualizatsiya kategoriial'noi situatsii kauzatsii emotsional'noi modifikatsii (na primere frazeologicheskikh edinits) [Actualization of the categorical situation of causation of emotional modification (based on phraseological units)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2024;10(3):175-185. (In Russ.).

15. Fillmore Ch. Osnovnye problemy leksicheskoi semantiki [Main problems of lexical semantics]. In Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics] (Vol. XII, 1983. Pp. 74–122). Izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russ.).

16. Shelestyuk EV, Varlamova AS. Dialektika pozitivnykh i negativnykh emotsional'nykh stsenariev [Dialectics of positive and negative emotional scenarios]. *Dinamika mediasistem*. 2025;5(1):382-393. (In Russ.).

17. Shelestyuk EV, Shkarin DL. Transformativnaya pragmatika ritmologicheskikh praktik [Transformative pragmatics of rhythmological practices]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2020;9(1(30):332-337. (In Russ.).

18. Taylor JR. Category extension by metonymy and metaphor. In R. Dirven & R. Pörings (Eds.), Metaphor and metonymy in comparison and contrast (2003. Pp. 323–347). Mouton de Gruyter.

19. Ungerer F, Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. Longman. 1996. 306 p.

Информация об авторах

Е. В. Малахова — аспирант, ассистент кафедры зарубежной филологии.

С. В. Шустова — доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

E. V. Malakhova — Postgraduate Student, Assistant at the Department of Foreign Philology.

S. V. Shustova — Dr. Sci. (Philology), Professor.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 175–183.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):175-183.

УДК 81’33

ББК 81.1

ВАК 5.9.8

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-175-183

СТИЛОМЕТРИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕВОДАХ «БАЛЛАДЫ РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ»

Иван Дмитриевич Мамаев

Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия, mamaev_id@voenmeh.ru, 0000-0003-3362-9131

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному стилометрическому исследованию трех русских переводов «Баллады Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, которые выполнены В. Брюсовым, К. Бальмонтом и Н. Воронелем. На сегодняшний день количественные методы позволяют перевести стилистические особенности в строго измеримые величины. Для автоматической обработки произведений использовался лингвистический процессор Stanza. Выполнена токенизация, определены части речи, а также построены деревья синтаксических зависимостей. На основе этих данных для всех шести глав в каждом переводе были вычислены шесть количественных стилометрических показателей, к которым впоследствии применялся комплекс дополнительных статистических процедур: дисперсионный анализ, проверка нормальности распределений и построение диаграмм размаха. Статистически значимые различия ($p = 0{,}021$) были выявлены исключительно для синтаксических параметров. В отличие от перевода В. Брюсова (11,75 слов), перевод Н. Воронеля (16,76 слов) оказался существенно длиннее и менее удобочитаемым, что указывает на синтаксическую сложность. Обращают на себя внимание показатели соотношения имен и глаголов ($p = 0{,}065$), которые находятся на границе значимости из-за малого объема выборки. Глубина синтаксических деревьев и длина синтаксических связей, а также лексическая насыщенность не показали значимых расхождений. Проведенное исследование позволяет констатировать, что переводческие стратегии формально дифференцируются преимущественно на макроуровне. В перспективе представляется целесообразным расширить исследуемый корпус за счет включения иных поэтических текстов данных авторов для надежной верификации выявленных стилометрических закономерностей и установления взаимосвязи между формальными признаками и субъективной оценкой поэтичности.

Ключевые слова: стилометрия, переводческий стиль, синтаксическая зависимость, индекс удобочитаемости, лексическая насыщенность

Для цитирования: Мамаев И. Д. Стилометрические различия в переводах «Баллады Редингской тюрьмы». // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 175–183. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-175-183.

Original article

STYLOMETRIC VARIATIONS ACROSS TRANSLATIONS OF “THE BALLAD OF READING GAOL”

Ivan D. Mamaev

Baltic State Technical University ‘VOENMEH’ named after D. F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia, mamaev_id@voenmeh.ru, 0000-0003-3362-9131

Abstract. This paper presents a comparative stylometric study of three Russian translations of Oscar Wilde’s “The Ballad of Reading Gaol” by V. Bryusov, K. Balmont, and N. Voronel. To date, quantitative methods enable the operationalization of stylistic features into strictly measurable metrics. The texts were automatically processed using the Stanza NLP toolkit. Specifically, tokenization, part-of-speech tagging, and syntactic dependency parsing were conducted. Based on these data, six quantitative stylometric metrics were calculated for all six chapters of each translation. Subsequently, a suite of statistical procedures was applied, including analysis of variance (ANOVA),

© Мамаев И. Д., 2026

normality testing, and the generation of box plots. Statistically significant differences (p = 0,021) were identified exclusively for syntactic parameters. In contrast to V. Bryusov's translation (11.75 words per sentence), N. Voronel's version (16.76 words) proved significantly longer and less readable, indicating greater syntactic complexity. Notably, the noun-to-verb ratio (p = 0,065) approached statistical significance, a marginal result likely attributable to the small sample size. Conversely, syntactic tree depth, mean dependency distance, and lexical density showed no significant discrepancies. The findings indicate that the translation strategies under study are formally differentiated predominantly at the macro-level. Future research should expand the corpus by incorporating other poetic texts by these authors to reliably verify the identified stylometric patterns and to establish a correlation between formal features and the subjective assessment of poeticity.

Keywords: stylometry, translator style, syntactic dependency, readability index, lexical density

For citation: Mamaev ID. Stylometric Variations Across Translations of "The Ballad of Reading Gaol". *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):175-183. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-175-183.

Введение

Сопоставительное изучение художественных переводов долгое время оставалось областью, в которой доминировал качественный анализ: исследователь опирался на выборочные наблюдения, а порой — на собственное языковое чутье. Тем не менее с развитием методов компьютерной обработки текста стало возможным перевести стилистические особенности в измеримые величины. Открываются новые перспективы для переводоведения. Возможно не только подтверждать гипотезы, но и выявлять скрытые закономерности, недоступные при традиционном прочтении. Особый интерес представляет сравнение нескольких переводов одного и того же произведения, выполненных разными авторами: в этом случае исходный текст выступает как общий знаменатель, а различия на формальном уровне могут быть напрямую отнесены к индивидуальным переводческим стратегиям.

В настоящей работе представлен эксперимент по выявлению языковых статистических различий в трех русских переводах «Баллады Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, которые принадлежат перу В. Брюсова, К. Бальмонта и Н. Воронеля. Цель работы — выявить формальные различия между переводами на основе шести количественных показателей: средней длины предложения, глубины дерева синтаксических зависимостей, среднего расстояния между зависимым словом и его вершиной (дистантизация), индекса удобочитаемости Флеша, соотношения имен (существительных и собственных) к глаголам, а также лексической насыщенности. Задачи исследования сведены к следующим: создание корпуса переводов, автоматическая обработка каждого перевода с использованием лингвистического процессора, вычисление перечисленных метрик для каждой главы, проведение статистической проверки значимости различий и интерпретацию полученных данных.

Обзор литературы

В последние годы количественные методы анализа текста все увереннее заявляют о себе в сфере переводоведения. Если раньше оценка качества и стилистических особенностей перевода опиралась главным образом на выборочные наблюдения, то теперь на смену ей приходят измеримые параметры, которые позволяют верифицировать гипотезы на больших массивах данных. Такой переход от идиографического подхода к номотетическому знаменует собой становление стилометрии как самостоятельной дисциплины, трактующей стиль как набор исчислимых признаков [1]. В основе большинства современных стилометрических методов лежит предположение о том, что распределение частотных служебных слов в тексте не случайно и несет отпечаток авторской индивидуальности. Наиболее авторитетным среди таких методов остается Delta Дж. Берроуза. С помощью этого метода измеряется стилистическое расстояние между текстами, с высокой точностью решаются задачи атрибуции [2]. Эмпирически подтверждено, что между текстами, написанными одним автором, это расстояние оказывается минимальным — закономерность, которая сохраняется даже в тех случаях, когда текст переведен на другой язык.

Особый интерес для переводоведения представляет вопрос о том, насколько «видим» переводчик в создаваемом им тексте. Исследования показывают, что в большинстве случаев стилометрические методы уверенно определяют автора оригинала, тогда как след переводчика оказывается заглушенным [3]. Дж. Рыбицкий и М. Хейдель на материале польского перевода романа Вирджинии Вулф «Ночь и день» продемонстрировали, что даже при смене переводчика по ходу работы над текстом стилометрия способна точно определить место этого перехода, однако в более широком корпусе переводов разных

авторов доминирующим остается след исходного писателя. Этот феномен получил название «невидимости переводчика» (англ. invisible translator) и был подтвержден в работах на различных языковых парах [4, с. 268]. Вместе с тем существуют и значимые исключения: так, Б. В. Орехов показал, что автоперевод романа «Отчаяние», выполненный самим Набоковым, стилометрически отличается от переводов его русскоязычных романов, сделанных другими литераторами, что свидетельствует о большей творческой свободе автора при работе с собственным текстом [1, с. 210].

Помимо атрибуции авторства, стилометрические методы все чаще применяются для выявления индивидуальных особенностей переводческого стиля. В работе Х. Тана на материале четырех английских переводов китайского романа «Сон в красном тереме» в качестве ключевого показателя впервые использовано среднее расстояние между синтаксически зависимыми словами (англ. mean dependency distance, MDD) [5]. Полученные результаты подтвердили, что этот показатель эффективно различает переводы разных авторов на синтаксическом уровне, причем переводы, выполненные носителями языка, демонстрируют более высокую степень синтаксической сложности по сравнению с переводами на неродной язык. Аналогичные выводы были сделаны в исследовании А. Пагано с соавторами, в котором кластерный анализ переводов с английского на бразильский португальский показал, что тексты, переведенные одним переводчиком, группируются вместе, однако на результат кластеризации существенно влияет стиль исходного текста [6].

Особую актуальность количественные методы приобретают в связи с появлением систем машинного перевода на основе больших языковых моделей. В работе Сяофан Яо с соавторами проведено стилометрическое сравнение переводов китайской онлайн-литературы, которые выполнены моделью GPT-4 и профессиональными переводчиками [7]. Выяснилось, что по большинству стилометрических показателей — лексическому разнообразию, синтаксическим характеристикам и содержательным признакам — тексты, сгенерированные нейросетью, демонстрируют высокую степень сходства с человеческими переводами, что ставит под сомнение тезис об отсутствии «человеческого следа» у машинного перевода. В то же время были выявлены и систематические расхождения: машинный перевод тяготеет к более стандартной лексике, наблюдаются затруднения при работе с омонимами и культурно-специфическими реалиями. Дж. Рыбицкий, сравнивая человеческие и машинные переводы французской классической литературы, пришел к сходному выводу: за исключением стилистически сложных текстов (например, Пруста), машинный перевод все труднее отличить от человеческого на основании формальных стилометрических признаков [4].

Таким образом, стилометрические исследования позволяют проводить количественные исследования не только в парадигме «исходный текст — переведенный текст», но и в парадигме «переведенный текст № 1 — переведенный текст № 2» (с привлечением большего количества переведенных текстов). Настоящая работа реализована в рамках второго подхода.

Методология эксперимента

Для расчета количественных различий в переводах необходимо выполнить два основных этапа — собрать корпус и разработать код. Сначала с сайта «Библиотека Максима Мошкова»[1] были отобраны три перевода «Баллады Редингской тюрьмы» — тексты В. Брюсова[2], К. Бальмонта[3] и Н. Воронеля[4]. Объем исходных текстов представлен в табл. 1. Поверхностное ознакомление с данными позволяет предположить, что перевод Н. Воронеля выдался более ‘компактным’.

Таблица 1
Table 1

Количество словоупотреблений до начала эксперимента

Number of word occurrences before the start of the experiment

Глава	В. Брюсов	К. Бальмонт	Н. Воронель
1	430	434	370
2	367	364	337
3	966	981	889
4	612	629	565
5	451	490	419
6	84	78	63

[1] Библиотека Максима Мошкова. URL: https://www.lib.ru/ (дата обращения: 06.07.2026).

[2] Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. URL: http://az.lib.ru/u/uajlxd_o/text_0230.shtml (дата обращения: 06.07.2026).

[3] Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. URL: https://www.lib.ru/WILDE/wilde_prison3.txt (дата обращения: 06.07.2026).

[4] Оскар Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. URL: https://www.lib.ru/WILDE/redings.txt (дата обращения: 06.07.2026).

Три перевода «Баллады Редингской тюрьмы» предварительно разбиты на главы по заголовкам, после чего каждый текст подвергнут автоматической обработке с помощью библиотеки Stanza[1] (механика обработки языковых данных представлена в статье [8]), которая выполнила токенизацию, определила части речи и построила деревья синтаксических зависимостей для каждого предложения. На основе полученных данных для каждой главы вычислены шесть количественных показателей: средняя длина предложения в словах, средняя глубина дерева зависимостей, среднее расстояние между зависимым словом и его вершиной (степень дистантизации), индекс удобочитаемости Флеша, соотношение имен (существительных и собственных) к глаголам, а также лексическая насыщенность как отношение уникальных слов к общему числу словоупотреблений. Затем для каждой метрики проведен статистический анализ: проверка нормальности распределений тестом Шапиро — Уилка, проверка гомогенности дисперсий тестом Левене, а затем — при выполнении условий — однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с последующими попарными сравнениями по Тьюки. При нарушении предположений применялся непараметрический критерий Краскела — Уоллиса с попарными сравнениями по Данну и коррекцией Бонферрони. Для каждой метрики зафиксирован тип теста, p-значение и значимые пары переводчиков. Для наглядного представления результатов построены диаграммы размаха и тепловые карты попарных p-значений, которые позволяют визуально оценить достоверность различий между конкретными парами. Все расчеты и визуализации реализованы на языке Python с использованием библиотек pandas[2], numpy[3], scipy[4], statsmodels[5], scikit-posthocs[6], seaborn[7] и matplotlib[8].

Результаты и обсуждение

Полученные данные позволяют формально охарактеризовать переводческие стратегии трех авторов. В табл. 2 и на рис. 1 представлены полученные количественные показатели по шести исследуемым метрикам.

[1] Stanza — A Python NLP Package for Many Human Languages. URL: https://stanfordnlp.github.io/stanza/ (дата обращения: 06.07.2026).

[2] Pandas. URL: https://pandas.pydata.org/ (дата обращения: 06.07.2026).

[3] NumPy. URL: https://numpy.org/ (дата обращения: 06.07.2026).

[4] SciPy. URL: https://scipy.org/ (дата обращения: 06.07.2026).

[5] Statsmodel. URL: https://www.statsmodels.org/stable/index.html (дата обращения: 06.07.2026).

[6] Scikit-posthocs. URL: https://scikit-posthocs.readthedocs.io/en/latest/ (дата обращения: 06.07.2026).

[7] Seaborn. URL: https://seaborn.pydata.org/ (дата обращения: 06.07.2026).

[8] Matplotlib. URL: https://matplotlib.org/ (дата обращения: 06.07.2026).

Таблица 2
Table 2

Количественные параметры переводов
Quantitative parameters of translations

Глава	Переводчик	Длина предложения	Глубина	Длина связи	Индекс Флеша	Имена/глаголы	Лекс. насыщ.
1	В. Брюсов	14,27	3,29	3,29	– 652,76	1,48	0,66
2		14,04	3,52	3,14	– 638,97	1,44	0,65
3		9,81	3,05	2,90	– 384,77	1,72	0,66
4		10,91	2,80	3,19	– 451,10	1,94	0,63
5		10,98	3,47	2,70	– 455,01	1,92	0,70
6		10,50	3,13	3,20	– 426,32	2,00	0,82
1	К. Бальмонт	19,73	3,86	3,45	– 980,93	1,08	0,62
2		14,52	3,32	3,32	– 667,91	1,25	0,63
3		14,61	3,40	3,18	– 673,55	1,62	0,60
4		13,65	3,17	3,37	– 615,80	1,78	0,63
5		13,61	3,56	3,21	– 613,22	1,74	0,64
6		9,75	2,50	2,66	– 381,37	1,00	0,86
1	Н. Воронель	14,80	3,32	2,95	– 685,01	1,45	0,70
2		18,67	3,69	2,79	– 917,14	1,61	0,66
3		13,03	3,30	2,91	– 578,45	2,13	0,63
4		15,24	3,37	2,93	– 711,07	2,40	0,64
5		17,83	3,79	3,31	– 867,12	2,20	0,67
6		21,00	4,00	4,07	– 1057,87	1,58	0,92

Статистически подтвержденные различия касаются средней длины предложения и индекса удобочитаемости Флеша. Оба этих параметра показали значимые расхождения между переводами (ANOVA, для обоих случаев при установленном уровне значимости в). Попарные сравнения с коррекцией Тьюки указали на единственную достоверную пару: перевод В. Брюсова и перевод Н. Воронеля. Средние значения длины предложения по шести главам составили: у В. Брюсова — 11,75 слов, у К. Бальмонта — 14,31 слов, у Н. Воронеля — 16,76 слов. Таким образом, предложения Воронеля в среднем длиннее брюсовских примерно на 5 слов, тогда как Бальмонт занимает промежуточную позицию. Разброс значений внутри каждого перевода также существенно различается, наибольший размах наблюдается у Н. Воронеля, что указывает на менее однородную синтаксическую структуру разных глав.

Индекс удобочитаемости Флеша показал ту же самую значимую пару — переводы В. Брюсова и Н. Воронеля. Средние индексы: В. Брюсов — – 501,49, К. Бальмонт — – 655,47, Н. Воронель — – 802,77. Отрицательные значения объясняются высокой средней длиной предложения и большим числом слогов в словах, характерным для поэтического перевода. Более низкий (то есть отрицательный) индекс означает меньшую удобочитаемость. Следовательно, перевод Н. Воронеля оказался наименее легким для восприятия, а перевод В. Брюсова — наиболее доступным. Стоит отметить, что между переводами В. Брюсова и Н. Воронеля наблюдается следующая закономерность: увеличение длины предложения на 5 слов ведет к существенному падению удобочитаемости (почти на 300 единиц). Таким образом, синтаксическая сложность напрямую влияет на когнитивную нагрузку читателя. В переводческой практике выбор между краткостью и полнотой часто диктуется жанровыми ожиданиями. В. Брюсов, вероятно, ориентировался на устное исполнение и музыкальность стиха. Н. Воронель же, возможно, стремился к максимальной смысловой точности, не жертвуя второстепенными деталями ради ритма.

В отличие от длины предложения и индекса удобочитаемости, для средней глубины дерева зависимостей не выявлено значимых различий между переводами (ANOVA,). Средние значения: В. Брюсов — 3,21, К. Бальмонт — 3,30, Н. Воронель — 3,58. Различия между переводчиками не превышают 0,4 уровня глубины. Отсутствие статистической значимости указывает

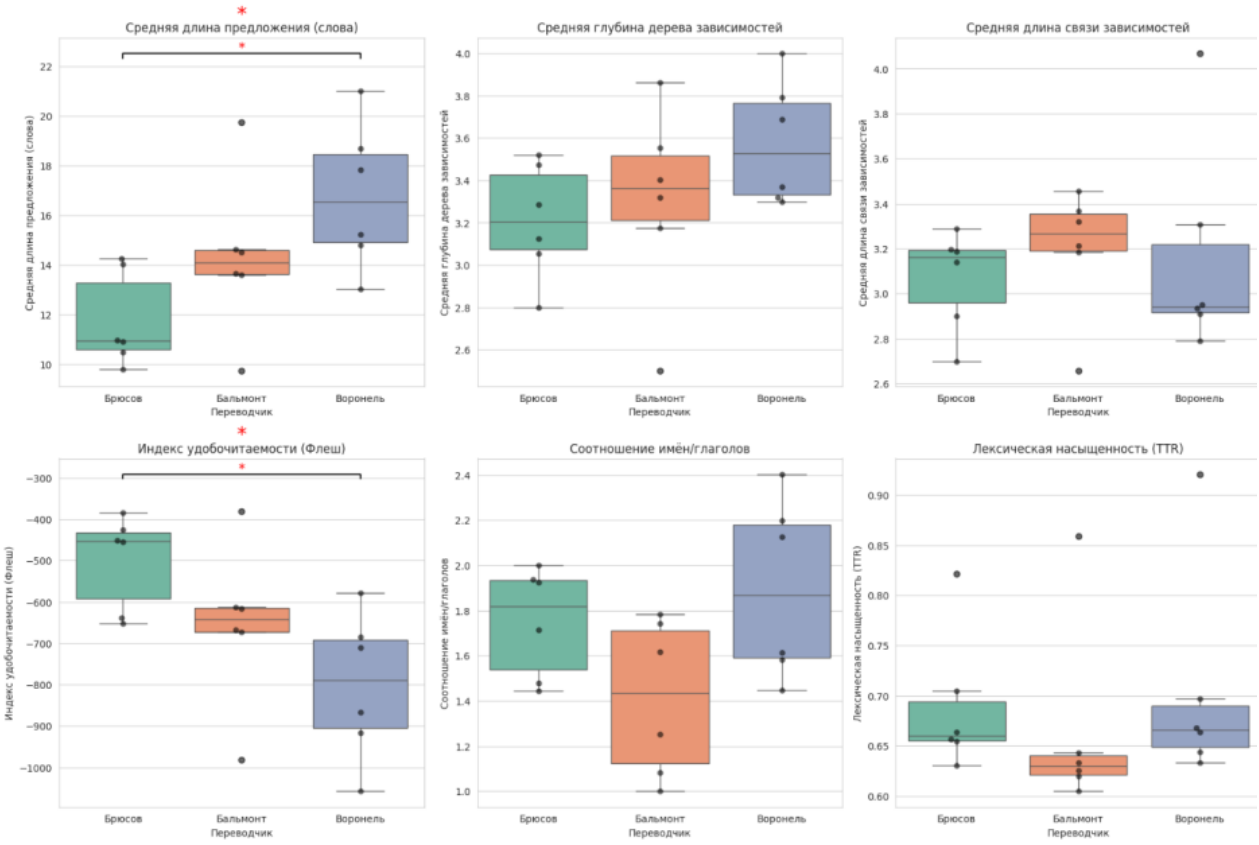


Рис. 1. Диаграммы размаха по изучаемым метрикам

Fig. 1. Box plots for the metrics under study

на сходную иерархическую организацию предложений во всех трех переводах. Переводчики продемонстрировали схожие предпочтения в использовании вложенных придаточных и обособленных оборотов (таб. 3).

Для средней длины связи зависимости также не выявлено значимых различий (Краскел — Уоллис). Средние расстояния между зависимым словом и его вершиной: В. Брюсов — 3,07, К. Бальмонт — 3,20, Н. Воронель — 3,16. Отсутствие различий свидетельствует о том, что во всех переводах слова, связанные синтаксическими отношениями, в среднем находятся на одинаковом удалении друг от друга: данный факт косвенно указывает на сходный порядок слов и сходную степень дистантизации между управляющим и зависимым элементом.

Для соотношения имен и глаголов значение близко к значимому при тесте ANOVA с показателем (предполагается, что граничное значение достигнуто из-за малого объема выборки — всего 6 глав). Средние соотношения следующие: В. Брюсов — 1,75, К. Бальмонт — 1,41, Н. Воронель — 1,90. В тексте К. Бальмонта отношение имен к глаголам заметно ниже, чем в текстах двух других переводчиков. Данный факт указывает на бóльшую динамичность текста. Напротив, в переводах Н. Воронеля и В. Брюсова превалируют имена, что создает описательную картину (табл. 4). Примечательно, что при попарном сравнении переводов с позиции уровня значимости к значимым различиям тяготеют тексты К. Бальмонта и Н. Воронеля (рис. 2), что позволяет проследить некоторую тенденцию: на морфосинтаксическом уровне произведения двух переводчиков представляют собой некоторые противоположные языковые профили, имея в своей основе один источник перевода.

Таблица 3
Table 3

Примеры различных синтаксических конструкций
Examples of various syntactic structures

Переводчик	Перевод	Тип конструкции
В. Брюсов	«Он больше не был в ярко-красном, / Но он обрызган был / Вином багряным, кровью алой, / В тот час, **когда** убил, — / Ту женщину убил в постели, / **Которую** любил...»	придаточные времени (*когда*) и определительное (*которую*)
К. Бальмонт	«Он не был больше в ярко-красном, / Вино и кровь он слил, / Рука в крови была, **когда** он / С умершей найден был, / **Кого** любил — и, ослепленный, / В постели он убил...»	придаточные времени (*когда*) и определительное (*кого*)
Н. Воронель	«Не в красном был Он в этот час / Он кровью залит был, / Да, красной кровью и вином / Он руки обагрил, / **Когда** любимую свою / В постели Он убил...»	придаточное времени (*когда*)
В. Брюсов	«В одежде серой, в сером кепи, / Меж тех, **кто** осужден, / И он гулял походкой легкой; / Казался весел он; / Но не знавал я, **кто** смотрел бы / Так жадно в небосклон...»	придаточные определительные (*кто*)
К. Бальмонт	«И вот он шел меж подсудимых, / Весь в серое одет. / Была легка его походка, / Он не был грустен, нет, / Но не видал я, **чтоб** глядели / Так пристально на свет...»	придаточное изъяснительное (*чтоб)*
Н. Воронель	«В тюремной куртке через двор / Прошел Он в первый раз, / **Легко ступая по камням,** / Шагал Он среди нас, / Но никогда я не встречал / Таких тоскливых глаз...»	деепричастный оборот (ступая)
В. Брюсов	«Да, не знавал я, **кто** вперял бы / Так пристально глаза / В клочок лазури, заменявший / В тюрьме нам небеса, / И в облака, **что** проплывали, / Поставив паруса...»	придаточные определительные (*кто*, *что*) и причастный оборот (*заменявший*)
К. Бальмонт	«Я никогда не знал, что может / Так пристальным быть взор, / Впиваясь в узкую полоску, / В тот голубой узор, / **Что**, узники, зовем мы небом / И **в чем** наш весь простор...»	придаточные изъяснительное (*что*) и определительное (*что*, *в чем*)
Н. Воронель	«Нет, не смотрел никто из нас / С такой тоской в глазах / На лоскуток голубизны / В тюремных небесах, / **Где** проплывают облака / На легких парусах...»	придаточное определительное (*где*)

Наконец, для лексической насыщенности также не выявлено значимых различий (Kruskal — Wallis), вычислены следующие средние значения: В. Брюсов — 0,688, К. Бальмонт — 0,664, Н. Воронель — 0,704. Вариации по главам у самих переводчиков, однако, существенны: например, у В. Брюсова в 6-й главе лексическая насыщенность достигает 0,82, а в 4-й — 0,63. Тем не менее статистический тест не выявил систематических расхождений: все три переводчика не прибегали к чрезмерному упрощению или обогащению лексического состава произведения.

Таблица 4
Table 4

Фрагменты переводов с разным соотношением имен и глаголов
Translation excerpts with varying ratios of nouns to verbs

Переводчик	Перевод	Количество глаголов
В. Брюсов	«Не всем палач к позорной смерти **подаст** условный знак, / Не все на шею **примут** петлю, / А на лицо колпак, / И **упадут**, вперед ногами, / Сквозь пол, в разверстый мрак...»	3 (*подаст, примут, упадут*)
К. Бальмонт	«Он не **умрет** позорной смертью, / Он не **умрет** — другой, / Не **ощутит** вкруг шеи петлю / И холст над головой, / Сквозь пол он не **уронит** ноги / Над страшной пустотой...»	4 (*умрет, умрет, ощутит, уронит*)
Н. Воронель	«Не каждый **всходит** на помост / По лестнице крутой, / Захлебываясь под мешком / Предсмертной темнотой. / Чтоб, задыхаясь, **заплясать** / В петле над пустотой...»	2 (*всходит, заплясать*)
В. Брюсов	«Доска, веревка, парень ловкий — / Вся виселица в том. / **Скользнул** постыдно (**было** видно) / Ее Герольд к нам в дом...»	2 (*скользнул, было*)
К. Бальмонт	«Не на коне, как месяц, белом, / Не в красках огневых. / Сажень веревки только **нужно**, / Чтоб человек **затих**, — / И вот она **вошла** с веревкой / Для тайных дел своих...»	3 (*нужно, затих, вошла*)
Н. Воронель	«Не в саване **явилась** Смерть / На лунном скакуне — / Палач с мешком **прошел** тайком / В зловещей тишине: / Ему веревки и доски / Достаточно вполне...»	2 (*явилась, прошел*)

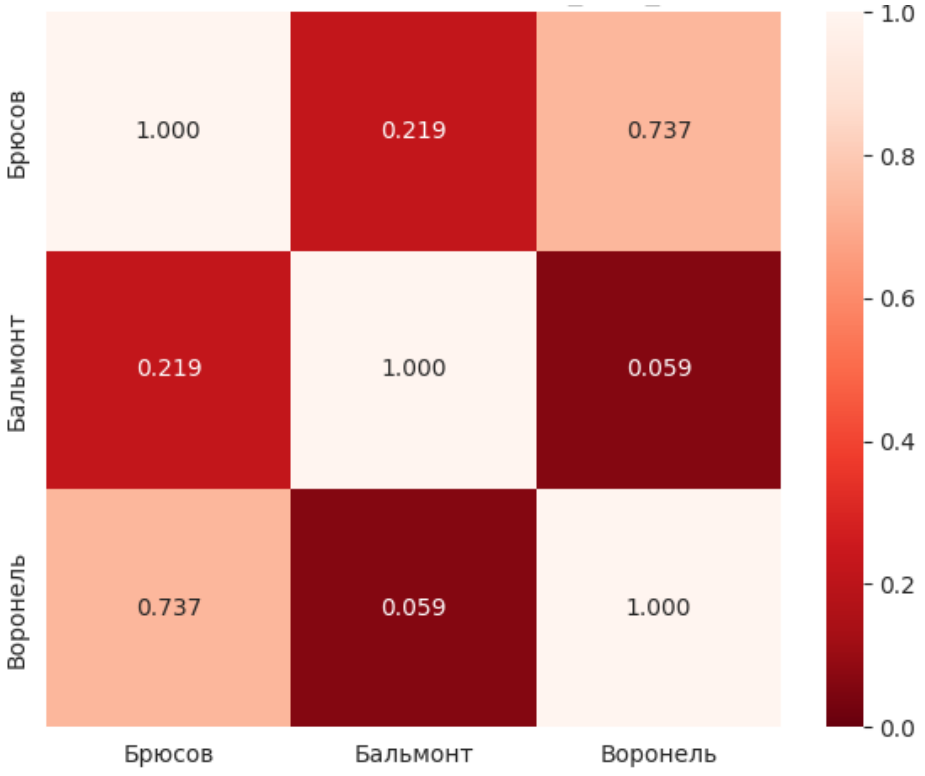


Рис. 2. Тепловая карта попарного сопоставления уровня значимости
Fig. 2. Heat map of pairwise comparisons of significance levels

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день целесообразно констатировать, что переводческие стратегии (на формальном уровне) рассматриваемых переводов дифференцируются преимущественно на макросинтаксическом и морфологическом уровнях. Отсутствие значимых различий в глубине и длине синтаксических связей позволяет сделать вывод об универсальности базовых ограничений, которые накладываются русской языковой системой на процесс перевода. В перспективе представляется целесообразным расширить корпус за счет включения иных поэтических переводов данных авторов. Также представляет интерес сопоставление количественных данных с экспертными оценками восприятия, что позволит установить взаимосвязь между формальными признаками и субъективной оценкой «поэтичности» перевода (основные способы сопряжения количественных и когнитивных данных представлены в зарубежных трудах [9–13]). Наконец, совмещение результатов одного эксперимента, который проведен на нескольких платформах, поможет создать формальный каркас для того, чтобы переосмыслить традиционное понятие адекватности перевода. Основами для проведения дальнейших стилометрических исследований могут служить, например, инструменты проекта Version Variation Visualization, которые уже были апробированы на корпусах У. Шекспира [14; 15].

Список литературы

1. Орехов Б. В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилеметрии // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 200–213.

2. Burrows J. The Englishing of Juvenal: computational stylistics and translated texts // Style. 2002. Vol. 36, № 4. P. 677–698.

3. Rybicki J., Heydel M. The stylistics and stylometry of collaborative translation: Woolf's Night and Day in Polish // Literary and Linguistic Computing. 2013. Vol. 28, № 4. P. 708–717.

4. Rybicki J. Can machine translation of literary texts fool stylometry? // Digital Scholarship in the Humanities. 2025. Vol. 40, № 1. P. 268–276.

5. Tan H. Can syntactic complexity distinguish translator style? A novel stylometric analysis of Hongloumeng with dependency grammar // SAGE Open. 2025. Vol. 15, № 3. P. 1–18.

6. Pagano A., Perini C., Cunha E., Pagano A. Authorship attribution in translated texts: a stylometric approach to translator style // Proceedings of the 16th International Conference on Computational Processing of Portuguese. 2024. Vol. 2. P. 109–117.

7. Yao X., Kang Y. B., McCosker A. Missing the human touch? A computational stylometric analysis of GPT4 translations of online Chinese literature // Translation Spaces. 2025. P. 1–17.

8. Qi P., Zhang Y., Zhang Y., Bolton J., Manning C. D. Stanza: A Python natural language processing toolkit for many human languages // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations. 2020. P. 101–108.

9. Chesnokova A., Zyngier S., Viana V., Jandre J., Rumbesht A., Ribeiro F. Cross-cultural reader response to original and translated poetry: An empirical study in four languages // Comparative Literature Studies. 2017. Vol. 54, № 4. P. 824–849.

10. Jacobs A. M. (Neuro-) Cognitive poetics and computational stylistics // Scientific Study of Literature. 2018. Vol. 8, № 1. P. 165–208.

11. Mastropierro L., Conklin K. What triggers perceptions of racism in Heart of Darkness? A reader-response analysis // Language and Literature. 2023. Vol. 32, № 4. P. 437–457.

12. Brooke J., Hammond A., Hirst G. Distinguishing voices in the waste land using computational stylistics // Linguistic Issues in Language Technology. 2015. Vol. 12. P. 1–41.

13. van Dalen-Oskam K. 'Could be the translation, of course'. Analysing the perception of literary fiction and literary translations // Digitale Literaturwissenschaft: DFG-Symposion 2017. 2023. P. 709–728.

14. Geng Z., Cheesman T., Laramee R.S., Flanagan K., Thiel S. ShakerVis: Visual analysis of segment variation of German translations of Shakespeare's Othello // Information Visualization. 2015. Vol. 14, № 4. P. 273–288.

15. Лисович И. И. «Макбет» У. Шекспира и проблема вариативности русских переводов 30-60 гг. XX века // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 6. С. 135–152.

References

1. Orekhov BV. Text and translation of Vladimir Nabokov through the prism of stylometry. *Novyy filologicheskiy vestnik = New Philological Bulletin.* 2021;(58):200-213. (In Russ.).

2. Burrows J. The Englishing of Juvenal: computational stylistics and translated texts. *Style.* 2002;36(4):677-698.

3. Rybicki J, Heydel M. The stylistics and stylometry of collaborative translation: Woolf's Night and Day in Polish. *Literary and Linguistic Computing.* 2013;28(4):708-717.

4. Rybicki J. Can machine translation of literary texts fool stylometry? *Digital Scholarship in the Humanities.* 2025;40(1):268-276.

5. Tan H. Can syntactic complexity distinguish translator style? A novel stylometric analysis of Hongloumeng with dependency grammar. *SAGE Open.* 2025;15(3):1-18.

6. Pagano A, Perini C, Cunha E, Pagano A. Authorship attribution in translated texts: a stylometric approach to translator style. *Proceedings of the 16th International Conference on Computational Processing of Portuguese.* 2024;2:109-117.

7. Yao X, Kang YB, McCosker A. Missing the human touch? A computational stylometric analysis of GPT4 translations of online Chinese literature. *Translation Spaces.* 2025:1-17.

8. Qi P, Zhang Y, Zhang Y, Bolton J, Manning CD. Stanza: A Python natural language processing toolkit for many human languages. In: Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations. 2020:101-108.

9. Chesnokova A, Zyngier S, Viana V, Jandre J, Rumbesht A, Ribeiro F. Cross-cultural reader response to original and translated poetry: An empirical study in four languages. *Comparative Literature Studies.* 2017;54(4):824-849.

10. Jacobs AM. (Neuro-) Cognitive poetics and computational stylistics. *Scientific Study of Literature.* 2018;8(1):165-208.

11. Mastropierro L, Conklin K. What triggers perceptions of racism in Heart of Darkness? A reader-response analysis. *Language and Literature.* 2023;32(4):437-457.

12. Brooke J, Hammond A, Hirst G. Distinguishing voices in the waste land using computational stylistics. *Linguistic Issues in Language Technology.* 2015;12:1-41.

13. van Dalen-Oskam K. 'Could be the translation, of course'. Analysing the perception of literary fiction and literary translations. In: Digitale Literaturwissenschaft: DFG-Symposion 2017. 2023:709-728.

14. Geng Z, Cheesman T, Laramee RS, Flanagan K, Thiel S. ShakerVis: Visual analysis of segment variation of German translations of Shakespeare's Othello. *Information Visualization.* 2015;14(4):273-288.

15. Lisovich II. Shakespeare's Macbeth and the problem of variability of Russian translations of the 1930s-1960s. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of Humanitarian Knowledge.* 2017;(6):135-152. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Д. Мамаев — кандидат филологических наук, доцент кафедры Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика».

Information about the author

I. D. Mamaev — Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 17.08.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 07.07.2026; approved after reviewing 17.08.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, СЕМИОТИКА И МЕДИАЛИНГВИСТИКА
LINGUOCULTUROLOGY, SEMIOTICS, AND MEDIA LINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 184–191.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):184-191.

Научная статья

УДК 81›22

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-184-191

ИНФОГРАФИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЦЕРКОВНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА XIX В.

Александра Анатольевна Миронова[1], Ирина Александровна Чуносова[2]

[1]Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, mironovaaa@susu.ru, 0000-0001-5910-8567

[2]Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, chunosovaia@susu.ru, 0000-0001-5618-0563

Аннотация. В статье уделяется внимание графическим способам визуализации информации в жанре церковно-приходской летописи. Показано, что выбранный подход к исследованию инфографического смыслового компонента текста перспективен. Актуальным является описание типов инфографик, применяемых писцами в регламентированных текстах, что позволяло им высказать личную позицию к происходящему. Рассматривается реализация дискурсивной симметрии «заголовок-текст» в текстах, которые выполняли функцию воздействия на потенциального читателя и при этом объективно фиксировали информацию о реальной жизни прихода. Материалом выступили два текста южноуральских церковно-приходских летописей, хранящиеся в г. Миассе. Авторами предпринимается попытка рассмотреть графические способы подачи сведений с точки зрения современного поликодового семиотического подхода. Делается обзор научных взглядов ученых на природу инфографики в ретроспективе. Авторы научной статьи аргументированно продемонстрировали, как использование того или иного типа инфографики может влиять на когнитивное и эмоциональное восприятие читателей. Выделены способы использования символики текста и цвета, пришедшие из христианской традиции и понятные летописцам, а потому приобретающие дополнительный смысл в графическом оформлении летописи и реализующие инфографическое значение. Художественность Кундравинской летописи дооформляет записи, дополняет их и становится отдельным видом визуального заголовка (живописное оформление заглавных букв красной строки разнится в зависимости от характера излагаемых в записи фактов). Сделаны попытки выявить присущие текстам этого времени и этой географической местности особенности изложения информации с использованием иллюстративных элементов текста (живописных и словесных). В результате исследования авторы приходят к выводу, что присутствие инфографики, хотя было неявным, подразумевает определенную квалификацию для прочтения элементов. Часть из них перекликается с распространёнными повсеместно, часть – со специфическими религиозными символами. Полученные итоги научного исследования вносят вклад в развитие семиотики и семасиологии с опорой на особенности восприятия информации летописного текста через инфографические элементы, дополняющие смысл.

Ключевые слова: семиотика, летописи, смысловой компонент текста, инфографика

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 25-28-03276 «Оценочно-смысловой компонент церковно-приходских летописей XIX века».

Для цитирования: Миронова А. А., Чуносова И. А. Инфографика как инструмент визуализации информации в структуре церковных летописей Южного Урала XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 184–191. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-184-191.

© Миронова А. А., Чуносова И. А., 2026

Original article

INFOGRAPHICS AS A TOOL FOR VISUALIZING INFORMATION IN THE STRUCTURE OF CHURCH CHRONICLES OF THE SOUTHERN URALS OF THE 19TH CENTURY

Alexandra A. Mironova[1], Irina A. Chunosova[2]

[1]South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, mironovaaa@susu.ru, 0000-0001-5910-8567

[2]South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, chunosovaia@susu.ru, 0000-0001-5618-0563

Abstract. This article focuses on graphic methods of visualizing information in the genre of church parish chronicles. The chosen approach to studying the infographic semantic component of the text is shown to be promising. A description of the types of infographics used by scribes in regulated texts, which allowed them to express their personal position on current events, is relevant. The implementation of discursive "title-text" symmetry in texts is examined, which served the function of influencing potential readers while objectively recording information about the real life of the parish. The material is two texts of South Ural parish chronicles, stored in the city of Miass. The authors attempt to examine graphic methods of presenting information from the perspective of a modern polycode semiotic approach. A retrospective review of scholarly views on the nature of infographics is provided. The authors of the scientific article convincingly demonstrate how the use of one or another type of infographic can influence the cognitive and emotional perception of readers. The authors identify ways in which text and color symbolism are used, drawing on the Christian tradition and understood by the chroniclers. These symbols therefore acquire additional meaning in the chronicle's graphic design, fulfilling its infographic value. The artistic quality of the Kundravinsky Chronicle enhances the entries, complements them, and becomes a distinct type of visual heading (the pictorial design of the initial letters of the indented line varies depending on the nature of the facts presented in the entry). Attempts are made to identify the specific features of information presentation inherent to texts of this period and geographic location, using illustrative textual elements (both pictorial and verbal). The authors conclude that the presence of infographics, although implicit, presupposes a certain skill for reading the elements. Some of these elements echo common symbols, while others are reminiscent of specific religious symbols. The results of the scientific research contribute to the development of semiotics and semasiology based on the peculiarities of perceiving information from chronicle texts through infographic elements that complement the meaning.

Keywords: semiotics, chronicles, semantic component of text, infographics

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the RSF project № 25-28-03276 «The evaluative and semantic component of church-parish chronicles of the 19th century».

For citation: Mironova AA, Chunosova IA. Infographics as a Tool for Visualizing Information in the Structure of Church Chronicles of the Southern Urals of the 19th Century. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):184-191. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-184-191.

Введение

Инфографика в последние годы оказывается в центре изучения многих направлений: педагогики [2], лингвистики [8], лингводидактики [7], журналистики [6; 9; 14] и др. В языкознании внимание на инфографику как самостоятельный предмет изучения обратили только в начале XXI в. Основы были заложены западными трудами о графическом представлении данных и визуальной коммуникации [4; 16], о семиологии графических изображений [12], о средстве интерпретации информации [13]. Современная же лингвистика ориентирована на описание её как особого типа текста, характеризующегося комплексной структурой и специфическими механизмами смыслообразования. Теоретические основания анализа текста как целостного и связного образования, а также описания механизмов текстовой организации разработаны в лингвистике текста (И. Р. Гальперин, Н. С. Валгина и др.).

Подходы к изучению взаимодействия вербального и визуального кодов представлены в креолингвистике и исследованиях поликодового текста [1; 10], в работах по медиатексту и визуально-вербальной организации смысла [11], в невербальной семиотике [5], в исследованиях мультимодальности и распределения смыслов между каналами коммуникации [3]. Существенный вклад в анализ визуального знака и культурной обусловленности семиотических систем внесли представители визуальной и культурной семиотики (Ю. М. Лотман, Ч. С. Пирс, Р. Барт, У. Эко и др.). Исследования языкового сознания и межкультурной интерпретации текста представлены в психолингвистике и межкультурной коммуникации (Е. Ф. Тарасов, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева,

А. А. Леонтьев, А. А. Залевская и др.). В работах В. Е. Литвинович констатируется, что «инфографика обладает внутренней организацией, задающей порядок интерпретации. Она объединяет сведения общей темой и коммуникативной задачей. Её смысловая связность обеспечивается соотнесённостью вербальных и визуальных элементов. Совокупность этих признаков позволяет рассматривать инфографику как целостное текстовое образование» [7, с. 513].

Семиотическая специфика инфографики проявляется в её принадлежности к поликодовым текстам, где иконические, индексальные и вербальные знаки функционируют во взаимной зависимости. Находит тут своё отражение и дискурсивная симметрия «заголовок-текст» [6], где визуальность, сопровождающая информацию, закрепляет оценочность этой информации, передаваемую за пределы восприятия собственно летописца. В отдельных случаях она преображается в дискурсивную асимметрию [6], частично споря с визуализацией заголовка и коннотативным оформлением статьи. Примечательно, что летописцы всех текстов используют пространство листа, формально разделённое на три графы (месяц и число, содержание летописи, замечания) для творческого разнообразия его инфографическими вставками с собственным элементом имплицитного значения. Исследование подобных элементов требует дополнительной дешифровки — с учётом призмы сознания религиозного служителя.

Таким образом, изначально инфографика трактовалась как инструмент организации и представления информации, ориентированный на повышение наглядности и когнитивной доступности сложных данных. Тем интереснее проследить, применялась ли инфографика в текстах раннего периода.

Цель исследования заключается в проведении анализа инфографики как инструмента визуализации информации в структуре двух церковно-приходских летописей, созданных разными людьми на одной территории в один хронологический период.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что научному анализу подвергается важная часть представления сведений в текстах XIX в. — графический способ подачи фактов, что вносит вклад в теорию семасиологии и семиотики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования итогов наблюдений в курсах по истории литературного русского языка, стилистике, теории текста.

Материалы и методы исследования

Материалом выступили тексты «Летописи Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897)» (три тома, общий объем листов 1197) и текст «Церковной летописи Кундравинской Параскевиевской церкви (1865–1875)» (общий объем листов 398). Публикация текстов оригиналов, сделанная благодаря студентам Миасского филиала Челябинского государственного университета (2009–2014 гг.), делает доступным памятник региональной письменности и открывает страницы истории перед учёными разных направлений.

Метод исследования — семиотический, в центре анализа знак как часть системы и его декодирование, развёртывание при чтении текста. Знаком выступает инфографический компонент текста.

Инфографический способ визуализации информации в текстах церковно-приходских летописей

В XIX в. на всей территории Российской империи активно функционирует жанр церковно-приходских летописей. Несмотря на регламентированность ведения жанра летописи Синодом, памятники письменности разных губерний имеют отличия не только в форме, но и в способах записей, языковых средствах, в соединении функциональных стилей и типов речи.

Особенностью текстов наших летописей выступает наличие специфического смыслового компонента — инфографического, особенно в тексте Кундравинской летописи. Наблюдения над включением изобразительного компонента для полноты передачи сведений о событиях показывают, что частотность и тип инфографики зависят от писца, ведущего записи.

Под **инфографикой** понимается структурированное поликодовое текстовое образование, в котором информация передаётся посредством интеграции вербальных и визуальных знаков, формирующих единую смысловую организацию, доступную для восприятия и интерпретации адресатом. В данном случае — это один из строевых компонентов разностилевого, разножанрового текста церковной летописи.

Цель включения инфографики в текст — сделать наглядной, запоминающейся, ёмкой по развертыванию данных информацию о фактах, событиях. По нашему мнению, здесь функционирует именно инфографический элемент, а не просто иллюстрация автора.

Иллюстрация — это изображение, которое сопровождает, дополняет и поясняет текст. Её

цель — вызвать эмоции, раскрыть мысль и помочь читателю представить конкретные образы. Сама по себе она не может существовать без контекста. Инфографика же — это самостоятельный инструмент. Её смысл можно понять без дополнительных объяснений. С помощью графиков, картинок и подписей она объясняет какой-то процесс, а не просто дополняет текст.

Так, дьяк Афанасий Бурдуков в Кундравинской летописи активно применяет географическую инфографику, привязывая данные к конкретному приходу, станице, точке на карте. Диакон Афанасий Бурдуков очерчивает границы станицы, отмечая, где башкирская, а где заводская земля. Наличие комментариев по времени вхождения поселков в состав станицы, переименования позволяет рассматривать данный объект именно как хронологическую инфографику, а не просто карту местности: «Отрядъ Соколовскій съ поселкомъ Мельниковымъ 1-мъ (Зауралов тожъ) до 1864 года принадлеж. къ Кундравинскому приходу, а съ того 1864 г. составился особый самостоятельный приходъ» [КЛ, Л. 3 об.]. Писец указывает точные цифры, характеристики, положение, выделяя цветом и шрифтом (рис. 1). Заголовок демонстрирует официальность данного элемента летописи, его оформление выдержано в графической строгости: вся карта очерчена в границы, прослеживается распределение текстовых и изобразительных элементов с выверенными интервалами, летописец-художник стремится сделать информацию легко считываемой, а потому использует доступные графические средства (размерность, цветовую дифференциацию, виды шрифтов, введение изъяснения и условных обозначений):

Также в тексте «Кундравинской летописи» размещены 8 планов как самой церкви, так и других зданий станицы и поселков. Личное восприятие писца передаётся через комментарии — изъяснения: «стены прикрытые тушью предполагаются къ выломке, къ северной стороне предполагается приделать алтарь вновь съ иконостасомъ ... предполагается сделать новую лестницу для хода на колокольну» [КЛ, Л. 45].

Списковая инфографика в тексте этой летописи применяется для подачи сведений об успехах школьников на годовых экзаменах, о движении сумм, сборах, урожае.

Инфографика в заголовках выступает как форма нарративной визуализации. Передача данных в такой форме предстаёт смысловым ориентиром, направляющим интерпретацию информации в новом году. Каждый год предваряется уникальным знаком (рис. 2):

Рис. 1. Карта Кундравинского прихода с изъяснениями, чертил диакон Афанасий Михайловъ Бурдуков

Fig. 1. Map of the Kundravinsky parish with explanations, drawn by Deacon Afanasy Mikhailov Burdukov

Рис. 2. Лист 171 в Кундравинской летописи открывает 1874 г.

Fig. 2. Folio 171 in the Kundravinskaya Chronicle marks the beginning of the year 1874

Окаймляющая надпись, выполненная с опорой на церковнославянские образцы торжественных текстов, гласит: «Благословиши венецъ лета благости твоея Господи!» Это строчка из тропаря (начала индикта), посвящённого церковному новолетию. Примечательно, что церковный праздник новолетия праздновался 1 сентября по старому стилю или 14 сентября по новому, однако эта надпись использована летописцем для оформления начала светского календарного года (с 1 января). Находящийся в центре символ Всевидящего Ока, вписанного в треугольник, — одно из божественных свойств (всевидение и всеведение), заключенное в фигуру, считываемую сознанием образованного христианина как символ Святой Троицы. Голубой и синий цвета, которые окружают божественный символ, трактуются в христианстве как чистота и непорочность, принадлежность к небу, тогда как золотые звёзды — напоминание о Вифлеемской звезде, которая возвестила рождение Иисуса Христа. Близость праздника Рождества Христова к календарному началу года представляется немаловажным фактором использования этой символики для открытия года с помощью инфографического вступления. Вокруг центрального круга орнамент, выполненный в манере, характерной для оформления церковных алтарных украшений, с использованием растительных мотивов, равно характерных для христианства — дубовой и виноградной ветвей, не читаемых явно, но просвечивающих в обводах. Самим цифрам наступившего 1874 г. придан вес и объём, они соединены мотивом лозы и сложными петлями с центральным узором, а красный цвет ассоциирован как с торжественностью, так и с жизнью, любовью, теплом, но и с кровью мучеников и Христа, пролитой во имя продолжения жизни.

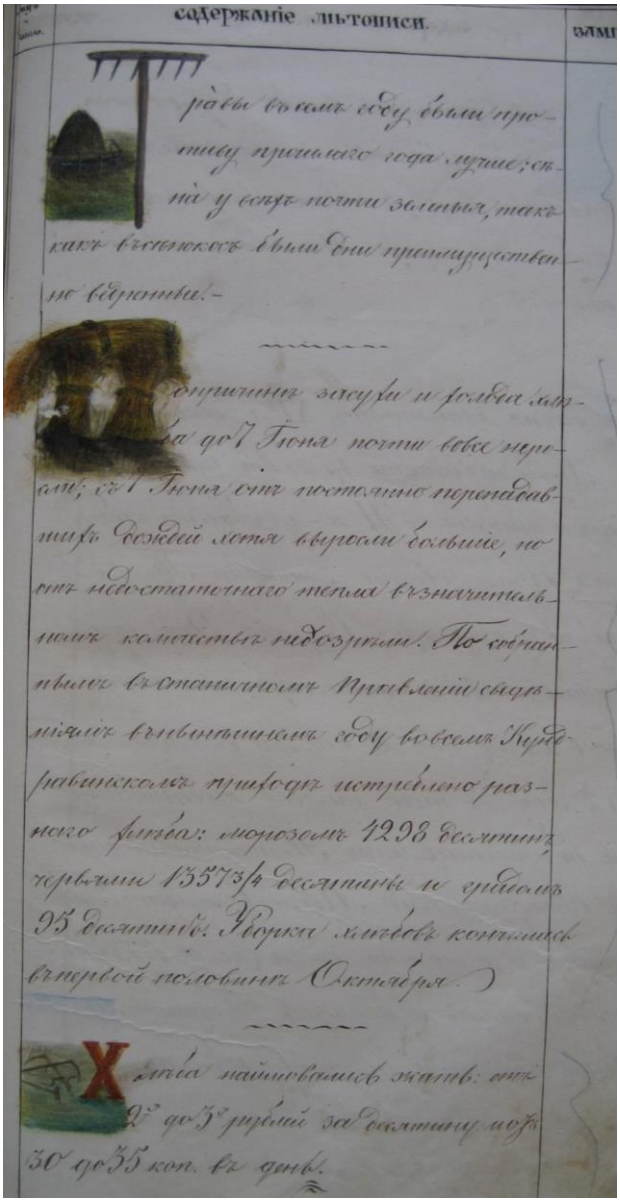


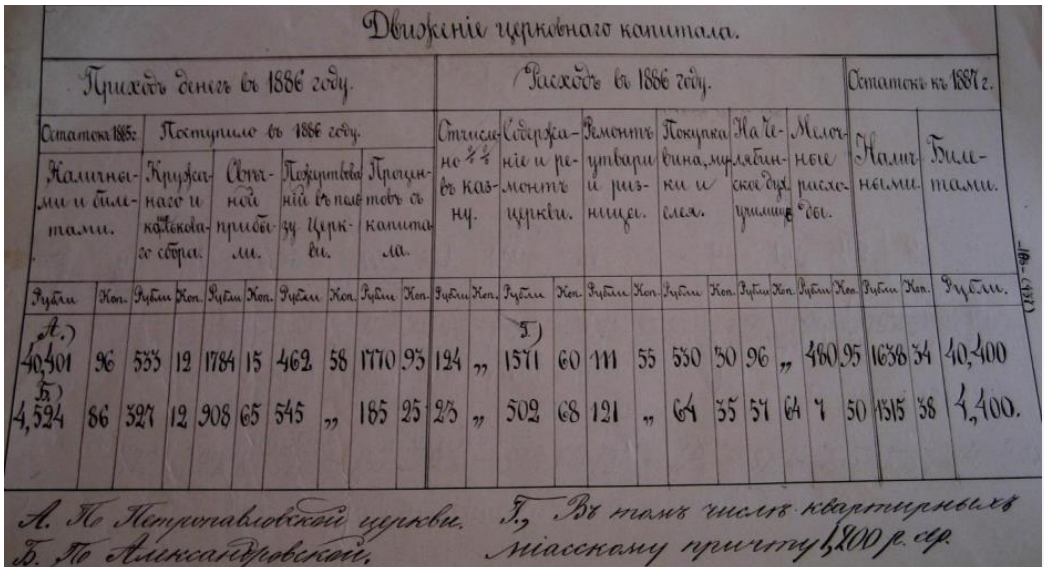
Рис. 3. Неурожайный год и недостаток зрелого хлеба по различным причинам

Fig. 3. A poor harvest year and a shortage of mature grain due to various reasons

Афанасий Бурдуков как инфографический текст подаёт данные по темам, это позволяет сразу же определить, к какой группе событий относится запись, какую оценку имеет (положительную или отрицательную для общества в целом). Заметно, что тема тревожит жителей, поэтому мы наблюдаем дискурсивную симметрию «заголовок-текст», которая демонстрирует действительное отношение местного жителя к происходящему, даёт предварительную оценку событий ещё до озвучивания собственно фактов (рис. 3).

Автор записей Миасской летописи предпочитает сравнительную инфографику для сопоставления движения денежных средств за годы, движения народонаселения и др. Такая подача информации позволяет наглядно и быстро понять, успешен ли новый год или нет, по сравнению с предыдущим. Наличие стрелок, прообраза диаграмм, переводит таблицы в иной формат. Чаще данные подаются в виде таблиц в структуре Миасской летописи (рис. 4):

Среди условных обозначений также фигурируют буквенные, которые выстроены по алфавиту — А, Б, но следом Г, что обусловлено закреплением за каждой буквой определенной статьи расходов, и ранее упоминаемой В (прибыль процентов с капитала от покупки билетов [МЛ, Т1, Л. 309 об.]), в данной таблице не представлено. Подсчёт рублей и копеек производится отдельно, а в случае, когда подсчет приходит к целым числам рублей, в графе копеек используется условное обозначение «„».



Движеніе церковнаго капитала.

Приходъ денегъ въ 1886 году.										Расходъ въ 1886 году.												Остатокъ къ 1887 г.		
Остатокъ 1885 г.		Поступило въ 1886 году.								Отчислено 2/3 въ казну.		Содержаніе и ремонтъ церкви.		Ремонтъ утвари и ризницы.		Покупка вина, муки и елея.		На церковно-приходскія училища.		Мелочные расходы.		Наличными.		Билетами.
Наличными и билетами.		Кружечнаго и кошелькового сбора.		Свѣчной прибыли.		Пожертвованій въ пользу Церкви.		Процентовъ съ капитала.																
Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли.
А.) 40,401	96	555	12	1784	15	462	58	1770	93	124	„	Б.) 1571	60	111	55	550	30	96	„	460	95	1638	34	40,400
Б.) 4,524	86	327	12	908	65	545	„	185	25	23	„	502	68	121	„	64	35	57	64	7	50	1515	38	4,400.

А. По Петропавловской церкви. Б. По Александровской. Б. Въ томъ числѣ квартирныхъ Миасскому причту 1,200 р. сер.

Рис. 4. Систематизация данных с помощью инфографического элемента (таблицы)
Fig. 4. Organizing data using an infographic element (a table)

Заключение

Если летописец в Миасской летописи в основном предпочитает табличную форму подачи информации графически, смену шрифтов, их размер, наклон букв, жирность начертаний, то автор записей в Кундравинской летописи склонен к символам, картам, ярким рисункам, стрелкам, орнаменту для структурирования данных.

Наличие не просто иллюстраций в тексте, а сочетание графики и информативности позволяет рассматривать невербальные элементы текста как инфографический способ визуализации информации. Выбор типа инфографики, преобладание того или иного варианта подачи материала зависит от языковой личности писца, от его личного восприятия события, личной оценки и значимости для социума в целом.

Список источников

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. Москва : Academia, 2003. 128 с.
2. Ермолаева Ж. Е., Лапухова О. В., Герасимова И. Н. Инфографика как способ визуализации учебной информации // Концепт. 2014. № 11. С. 26–30.
3. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. Москва : Ин-т психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 134–152.
4. Крам Р. Инфографика. Визуальное представление данных. СПб. : Питер, 2015. 383 с.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
6. Куницына О. М. Дискурсивная асимметрия «заголовок — текст» в мультимодальном новостном комплексе (на материале немецкой ежедневной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-asimmetriya-zagolovok-tekst-v-multimodalnom-novostnom-komplekse-na-materiale-nemetskoy-ezhednevnoy-pressy (дата обращения: 01.04.2026).
7. Литвинович В. Е. Научные подходы к описанию вербального компонента инфографики // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 512–514.
8. Махрова М. М. Инфографика как инструмент представления информации: лингвистический аспект // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 15–23.
9. Симакова С. И. Инфографика как особый тип визуального медиаконтента // Судьба печатной прессы в эпоху Интернета: коллект. монография / Под ред. М. В. Загидуллиной, С. И. Симаковой. Челябинск : Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 2018. С. 74–91.
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва : Наука, 1990. С. 180–186.

11. Чернявская В. Е. Тексты в медиальном пространстве. Москва : Либроком, 2013. 232 с.

12. Bertin J. Semiology of Graphics: Diagrams, Networks, Maps. Redlands : Esri Press, 2010. 460 p.

13. Cairo A. The Functional Art: An Introduction to Information Graphics and Visualization. Berkeley : New Riders, 2012. 384 p.

14. Kiuru K, Simakova S. Multimedialongread as a Type of Creolized Text. In: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Proc. of IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2018. Vol. 39. P. 710–718. DOI 10.15405/epsbs.2018.04.02.102.

15. Kress G., van Leeuwen, T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London : Routledge, 2006. 291 p.

16. Tufte Edward. Envisioning Information. Cheshire, Connecticut, 1990. 126 p. ISBN: 0-961-39211-8.

References

1. Anisimova EE. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie = Text Linguistics and Intercultural Communication: a textbook. Moscow: Academia, 2003. 128 p. (In Russ.).

2. Ermolaeva ZhE, Lapukhova OV, Gerasimova IN. Infographics as a way to visualize educational information. *Kontsept = The concept.* 2014;(11):26-30. (In Russ.).

3. Kibrik AA. Multimodal linguistics. *Kognitivnye issledovaniya= Cognitive research.* Moskva: In-t psikhologii RAN=Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2010;(4):134-152. (In Russ.)

4. Kram R. Infografika. Vizual'noe predstavlenie dannykh= Infographics. Visual representation of data. Saint-Petersburg: Piter, 2015. 383 p. (In Russ.).

5. Kreidlin GE. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk= Non-Verbal Semiotics: Body Language and Natural Language. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 581 p. (In Russ.).

6. Kunitsyna OM. Diskursivnaya asimmetriya «zagolovok — tekst» v mul'timodal'nom novostnom komplekse (na materiale nemetskoi ezhednevnoi pressy). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki= Philology. Theory & Practice.* 2026;(2):763-770. (In Russ.).

7. Litvinovich VE. Nauchnye podkhody k opisaniyu verbal'nogo komponenta infografiki. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya= The world of science, culture and education. 2025;(3(112)):512-514. (In Russ.).

8. Makhrova MM. Infografika kak instrument predstavleniya informatsii: lingvisticheskii aspect. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika=Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics.* 2017;(1):15-23. (In Russ.).

9. Simakova SI. Infografika kak osobyi tip vizual'nogo mediakontenta. Sud'ba pechatnoi pressy v epokhu Interneta: kollekt. monografiya= The Fate of the Print Media in the Internet Age: A Collective Monograph / eds. MV Zagidullina, SI Simakova. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinsk. gos. un-ta= Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State University, 2018:74-91. (In Russ.).

10. Sorokin YuA, Tarasov EF. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya. Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya= Optimization of speech impact. Moscow: Nauka, 1990. 180-186. (In Russ.).

11. Chernyavskaya VE. Teksty v medial'nom prostranstve= Texts in the medial space. Moscow: Librokom, 2013. 232 p. (In Russ.).

12. Bertin J. Semiology of Graphics: Diagrams, Networks, Maps. Redlands : Esri Press, 2010. 460 p.

13. Cairo A. The Functional Art: An Introduction to Information Graphics and Visualization. Berkeley : New Riders, 2012. 384 p.

14. Kiuru K, Simakova S. Multimedialongread as a Type of Creolized Text. In: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Proc. of IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2018. Vol. 39. P. 710-718. DOI 10.15405/epsbs.2018.04.02.102.

15. Kress G, van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London : Routledge, 2006. 291 p.

16. Tufte Edward. Envisioning Information. Cheshire, Connecticut, 1990. 126 p. ISBN: 0-961-39211-8.

Информация об авторах

А. А. Миронова — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного.

И. А. Чуносова — старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

A. A. Mironova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

I. A. Chunosova — Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 17.08.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 17.08.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 192–200.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):192-200.

Научная статья

УДК 81’42:070=111

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-192-200

КАЛАМБУР В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Анна Александровна Савченко[1*], Светлана Вячеславовна Кодрле[2]

[1*]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, bugaeva_anna@inbox.ru, 0000-0001-7671-2176, SCOPUS: 57224937582

[2]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, sv.kodrle@bk.ru, 0000-0002-6647-5610, SCOPUS: 57224931189

Аннотация. Статья посвящена использованию каламбура в заголовках медийных текстов, опубликованных в интернет-версии газеты *The Guardian* в разделе *Technology* за 2023–2025 гг. В результате проведена комплексная классификация газетных заголовков-каламбуров с точки зрения способов их создания на фонетическом, лексическом, словообразовательном уровнях, проведен источниковедческий анализ фразеологических заголовков-каламбуров и каламбуров на основе прецедентных текстов. В ходе исследования было установлено, что основным свойством данного стилистического приема является смысловая двуплановость, в результате которой достигается комический эффект. Параллельное двойственное восприятие значений может быть основано на полисемии, омонимии, антонимии, созвучии, двойной актуализации фразеологизмов, модификации прецедентных текстов, что позволяет классифицировать каламбуры, составляющие иллюстративный корпус, на лексические, фразеологические и каламбуры на основе прецедентных текстов. Лексические каламбуры (54 % от общего количества примеров) включают в себя заголовки, в которых обыгрываются омонимические отношения, антонимия, созвучия, а также каламбуры с именами собственными и авторскими неологизмами. Одним из продуктивных способов создания каламбура в заголовках является использование прецедентных текстов, среди которых трансформированные цитаты известных людей, названия ТВ-сериалов / фильмов, песен и книг. Каламбурный заголовок емко и точно передает основную мысль статьи и отражает негативное, ироничное или скептическое отношение автора к описываемым событиям. В ряде случаев прагматический эффект усиливается благодаря конвергенции нескольких языковых приемов. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые дано комплексное описание лингвокогнитивных особенностей каламбура в заголовках англоязычных медийных текстов, посвященных актуальным вопросам, касающимся современных технологий. Данная работа имеет практическую значимость, так как полученные результаты могут быть использованы в курсах по стилистике, риторике, на занятиях по практическому курсу английского языка.

Ключевые слова: каламбур, газетный заголовок, лексический каламбур, фразеологический каламбур, прецедентный текст

Для цитирования: Савченко А. А., Кодрле С. В. Каламбур в заголовках англоязычных медийных текстов, посвященных актуальным вопросам использования современных технологий // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 192–200. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-192-200.

Original article

PUN IN HEADINGS OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS RELATED TO THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES

Anna A. Savchenko[1*], Svetlana V. Kodrle[2]

[1*]Kuban State University, Krasnodar, Russia, bugaeva_anna@inbox.ru, 0000-0001-7671-2176, SCOPUS: 57224937582

[2]Kuban State University, Krasnodar, Russia, sv.kodrle@bk.ru, 0000-0002-6647-5610, SCOPUS: 57224931189

© Савченко А. А., Кодрле С. В., 2026

Abstract. The article considers pun in headlines of media texts published on the Internet site of *The Guardian* in the *Technology* section in 2023-2025. Newspaper headlines based on pun were classified depending on the ways of its creation. The sources of phraseological units and precedent texts were identified. It was found out that the main feature of pun is its twofold nature which contributes to the humorous effect. The concurrent perception of the two meanings may be due to polysemy, homonymy, antonymy, similar sounding, double actualization of idioms, modification of precedent texts. Thus, all the illustrative examples of pun were classified into lexical, phraseological and those based on precedent texts. In the analyzed newspaper headlines lexical pun prevails comprising 54 % of the total number of examples. One of the productive ways of creating pun is the use of precedent texts such as modified quotes, names of TV series/ films, book titles. In a number of examples, the humorous effect is achieved due to convergence of several linguistic devices. Newspaper headlines with pun concisely convey the main idea if the article and, in most cases, reflect the author's negative or ironic attitude to the events discussed. The scientific novelty of the study lies in the fact that it presents a comprehensive analysis of the linguistic-cognitive peculiarities of pun in English media texts related to modern technologies. This paper is of practical significance as the results can be applied in teaching stylistics, rhetoric, practical English.

Keywords: pun, newspaper heading, lexical pun, phraseological pun, precedent text

For citation: Savchenko AA, Kodrle SV. Pun in Headings of English-Language Media Texts Related to the Use of Modern Technologies. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):192-200. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-192-200.

Введение

Изучение каламбура является актуальным как с лингвистической, так и с общественно-политической точек зрения. Каламбур функционирует в текстах различной жанровой принадлежности и как проявление языкового творчества по-прежнему вызывает интерес лингвистов. Однако, по мнению многих исследователей, особую значимость каламбур приобретает именно в заголовках медийных текстов, поскольку он является одним из эффективных приемов привлечения внимания читателя, функционирующего в современном мегаинформационном пространстве, к содержанию статьи, емко и точно передает необходимую информацию о проблематике текста, а также «обеспечивает расширение смыслового потенциала сообщения, что способствует созданию многомерности изображаемой картины» [15, с. 8]. Кроме того, изучение газетных заголовков, содержащих каламбур, их структурно-семантический и стилистический анализ, а также особенности функционирования каламбура в текстах СМИ являются весьма перспективным направлением лингвистики, так как позволяют выявить механизмы формирования общественного мнения с помощью эмоционально-экспрессивных средств языка. На наш взгляд, подобные исследования особенно релевантны в отношении публикаций, касающихся таких современных реалий, как генеративный искусственный интеллект, интернет вещей, цифровизация многих сфер жизни человека и т. п., поскольку их внедрение и применение поднимают множество этических вопросов, и роль СМИ, в том числе газет, как инструмента управления настроениями в обществе неоспорима.

Проблеме изучения каламбура в заголовках посвящены работы многих исследователей, среди которых Н. В. Кормилина [8], С. Г. Михейкина [10], В. Н. Семерджиди [13], Е. Н. Соколова [14], Е. С. Шмелева [15]. Способы создания каламбура рассматриваются в сопоставительном аспекте [11], что позволяет выявить национально специфические особенности использования данного стилистического приема в медийных текстах.

Ученые отмечают многофункциональность каламбура (экспрессивная, контактоустанавливающая, коммуникативная, номинативная [8], информативная [8], рекламная [8] функции) и высокий прагматический потенциал каламбурных заголовков, в частности возможность их использования как средства манипуляции общественным мнением и формирования у читателя определенной оценки описываемых в материале событий [7].

Цель данного исследования — выявить лингвокогнитивные особенности каламбуров в заголовках англоязычных газетных текстов, посвященных современным технологиям.

Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

1. Дать определение понятию «каламбур» и проанализировать способы его классификации;
2. Сделать выборку заголовков статей, опубликованных в разделе *Technology* в интернет-версии англоязычной газеты *The Guardian*, в которых используется прием каламбура;
3. Проанализировать способы образования каламбура в иллюстративном корпусе и установить наиболее частотные модели.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, анализ научных публикаций по исследуемой теме, лингвостилистический анализ текста, контекстуальный анализ, источниковедческий анализ, метод количественного и процентного подсчета.

Материалом для исследования послужили заголовки аутентичных медиа-текстов, опубликованных в разделе *Technology* в интернет-версии британской газеты *The Guardian*[1] за 2023–2025 гг. Иллюстративный корпус составляет 46 примеров из 134 каламбурных заголовков в нашей выборке. В качестве справочного материала использовался электронный словарь: Cambridge Dictionary[2].

Результаты исследования и их обсуждение

Современная лингвистическая наука предлагает несколько подходов к определению понятия «каламбур», при этом ряд ученых отождествляют понятия «каламбур» и «игра слов». По мнению Д. Э. Розенталя, каламбур — это «фигура речи, которая состоит в юмористическом использовании многозначности одного слова или звукового сходства различных слов» [12]. Согласно И. Р. Гальперину, в основе стилистического приема каламбур — «взаимодействие двух общеизвестных значений одного слова или сочетания» [4, с. 140]. Е. С. Шмелева полагает, что «в основе формирования стилистического приема «каламбур» лежат лингвокогнитивные модели – конфигурации фреймов, продуцирующие смысловую двуплановость (многоплановость)» [15, с. 2]. Т. В. Жеребило под каламбуром понимает «игру слов, основанную на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение; остроумное высказывание, основанное на одновременной реализации в слове прямого и переносного значений» [6, с. 140]. Т. А. Гридина определяет каламбур как «любую словесную игру, создающую одновременное параллельное двойственное восприятие ассоциативно связанных значений в сознании отправителя и получателя, а также как несоответствие плана содержания и плана выражения с целью получения комического эффекта» [5, с. 25]. С. А. Мироненко полагает, что термины «игра слов» и «каламбур» могут быть использованы как синонимы только в том случае, «если обозначают явления, имеющие характеристики каламбура» [9, с. 7].

Таким образом, приходим к выводу о том, что каламбуру свойственна смысловая двуплановость, происходящая из многозначности слова, омонимии, сходном звучании лексических единиц, либо двойной актуализации фразеологизмов, в результате которой достигается комический/иронический эффект.

Далее считаем целесообразным рассмотреть различные подходы к классификации каламбуров. В своей работе С. Влахов и С. Флорин выделяют фонетические, лексические и фразеологические каламбуры [3, с. 292–293]. К лексическим каламбурам относятся «языковые единицы, построенные на основных лексических категориях: обыгрывание многозначности слов, омонимов и антонимов, каламбуры на основе терминов, имен собственных» [3, с. 294], аббревиатур [3, с. 304], а также с использованием авторских неологизмов [3, с. 296]. Фразеологические каламбуры делятся на те, что образованы путем «деформации» [3, с. 309], и те, что созданы путем «модификации» [3, с. 309]. Исследователи отмечают, что их классификация условна, поскольку зачастую один и тот же каламбур принадлежит к нескольким типам единиц [3, с. 293].

В. С. Виноградов классифицирует каламбуры на каламбуры-созвучия, созданные путем обыгрывания имен собственных, использования «омонимии, ошибок словоупотребления, «ложной» этимологизации, комического сопоставления созвучных слов и выражений» [2, с. 213], и каламбуры, основанные на полисемии, «когда в определенной языковой ситуации реализуются сразу два значения, присущие одной языковой форме» [2, с. 218], в том числе когда актуализируются буквальное и идиоматическое значения фразеологической единицы (далее — ФЕ).

В нашей работе мы будем придерживаться классификации С. Влахова и С. Флорина, при этом как отдельный вид будем рассматривать каламбуры, созданные на основе прецедентных текстов, т. е. «текстов, хорошо известных представителю того или иного национально-культурного сообщества, которые многократно воспроизводятся в речи в сжатой форме» [1].

Комплексный анализ заголовков статей, опубликованных в интернет-версии британской газеты *The Guardian* в разделе *Technology* за 2023–2025 гг., позволил выявить следующие виды каламбуров: лексические, фразеологические, каламбуры на основе прецедентных текстов.

[1] URL: https://www.theguardian.com

[2] URL: https://dictionary.cambridge.org/

Лексические каламбуры

В анализируемых текстах лексические каламбуры составляют 54 % от общего количества примеров. Определенное воздействие на читателя оказывается благодаря обыгрыванию значений полисемантических слов, омонимов, антонимов, частей слов, имен собственных, в некоторых случаях каламбур строится на созвучии семантически не связанных лексем.

1. Каламбур, основанный на омонимии

В каламбурах, основанных на омонимии, актуализируются значения, по сути, разных лексических единиц. Так в заголовке статьи, в которой даются некоторые полезные советы о том, что делать в случае потери беспроводных наушников, обыгрываются значения существительного *sound* — звук[1] и прилагательного *sound* — здравый[2]: “What to do if your wireless headphones are lost or stolen: some *sound* advice”[3]. Что делать, если ваши беспроводные наушники утеряны или украдены: несколько *здравых* советов (здесь и далее перевод наш — *А. С.*). Таким образом, автор сразу же заявляет о том, что предлагаемые им рекомендации вполне рациональны.

2. Каламбур, основанный на полисемии

В исследуемом материале нами было выявлено 8 примеров каламбуров, в которых одновременно реализуются разные значения слова. Например, статья, в которой обсуждаются возможности применения ИИ для диагностирования заболеваний, озаглавлена “If AI can provide a better *diagnosis* than a doctor, what’s the *prognosis* for medics?”[4] Если ИИ может *ставить диагноз* лучше врача, каков *прогноз* для медиков? В этом примере каламбур строится на противопоставлении двух медицинских терминов: *diagnosis* — диагноз, то есть медицинское заключение о состоянии пациента, и *prognosis* — прогноз дальнейшего течения болезни, при этом существительное *prognosis* реализует и другое свое значение: научное предсказание хода и результатов каких-либо событий, мероприятий, процессов, поскольку речь идет о научных экспериментах. Комический эффект усиливается за счет того, что существительное *prognosis* использовано применительно к врачам, а не их пациентам.

Критическое отношение автора к полету Лорен Санчес и Кэти Перри в космос отражено в заголовке “What’s more *vacuous* than an endless *vacuum*? It’s Lauren Sánchez and Katy Perry’s party in space”[5]. Что более *пустое*, чем бесконечный *вакуум*? Космическая вечеринка Лорен Санчес и Кэти Перри. Комический эффект достигается благодаря одновременной реализации значений прилагательного *vacuous:* 1) пустой, незаполненный; 2) пустой, бессмысленный, бесцельный.

3. Каламбур, основанный на обыгрывании обломков слов

Каламбур может создаваться путем обыгрывания отдельных частей слов. Например, статья, в которой говорится о крайне негативной реакции американцев на нацистское приветствие Илона Маска после инаугурации Дональда Трампа и последовавшим за этим отказом от покупки или продажи уже имеющихся у них автомобилей *Tesla*, озаглавлена “I’m selling the *Nazi mobile*’: Tesla owners offload cars after Musk’s fascist-style salutes”[6]. Я продаю *нацимобиль*: владельцы тесла избавляются от своих авто после нацистских приветствий Маска. *Nazi mobile* — это атрибутивная группа, основой которой является существительное *automobile* — автомобиль, в котором продуктивный префикс *auto* заменен на существительное *Nazi*. Здесь также есть отсылка к поп-культуре, поскольку данное существительное создано по аналогии с *Batmobile* — бэтмобиль, персональный автомобиль одного из героев комиксов.

Другими примерами подобных каламбуров в заголовках являются: “‘*Scamazon*’ — how fake emails are targeting Prime subscribers”[7] (*Scamazon* от *scam* — мошенничество и *Amazon* — название крупнейшей американской технологической компании). «Скамазон» — как мошенники атакуют премиум-подписчиков при помощи фейковых электронных сообщений. “How low will British politics go? Ask Elon, master of the *Muskoverse* — he’ll decide”[8] Как низко падет британская

[1] URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 12.08.2025).

[2] Там же (дата обращения: 12.08.2025).

[3] URL: https://www.theguardian.com/money/2025/apr/30/what-to-do-if-your-wireless-headphones-are-lost-or-stolen-advice (дата обращения: 10.05.2025).

[4] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/nov/30/if-ai-can-provide-a-better-diagnosis-than-a-doctor-whats-the-prognosis-for-medics (дата обращения: 10.05.2025).

[5] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/apr/15/lauren-sanchez-katy-perry-space-blue-origin-female-flight (дата обращения: 10.05.2025).

[6] URL: https://www.theguardian.com/technology/ng-interactive/2025/mar/02/tesla-owners-selling-musk (дата обращения: 10.05.2025).

[7] URL: https://www.theguardian.com/money/2025/jul/13/amazon-prime-scam-fake-emails-warning (дата обращения: 20.08.2025).

[8] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/jan/07/british-politics-elon-musk-women-girls (дата обращения: 20.08.2025).

политика? Спросите Илона, властелина *Мускусной вселенной*. Он решит (*Muskoverse* создано от *Musk* и *universe* по аналогии с *Metaverse*).

4. Каламбур, основанный на антонимии

Многие авторы отмечают, что антонимические отношения являются основой для создания каламбура [13]. В анализируемом материале нами было выявлено 3 подобных примера: “Can you really find *true* love online, or is it *artificia*l?”[1] Можно ли в интернете найти *настоящую* любовь? Или она вся *искусственная*? “*Big* stars, *little* shine: is anyone actually watching Apple TV+ shows?”[2] *Большие* звезды, но *мало* света: кто-нибудь на самом деле смотрит Apple TV+?; ”*More* rhythm, *less* algorithm: why Deezer’s boss is vowing to put users in control of their music”[3]. *Больше* ритмов*, меньше* алгоритмов: почему глава сервиса *Deezer* клянется передать контроль за музыкой пользователям.

5. Каламбур с именами собственными

В собранном нами иллюстративном материале в качестве основы каламбура используются имена современных и исторических политических лидеров, а также наиболее влиятельных людей в сфере технологий.

Рассмотрим пример заголовка к статье, посвященной выступлению американского медиамагната Марка Цукерберга на ежегодном мероприятии *Meta Connect*, организуемом компанией Мета, где традиционно представляются последние разработки в области технологий, в том числе виртуальной и дополненной реальности: “Hail *Zuckus Maximus*! The master of the metaverse is finally sorry ... for being sorry”. В данном случае автору удается достичь комического эффекта и выразить негативное отношение к происходящему благодаря конвергенции нескольких приемов. Во-первых, этому способствует каламбур, созданный на основе имени собственного. *Zuckus Maximus* — это отсылка к римскому императору-узурпатору Магну Максиму. Во-вторых, *The master of the metaverse* — властелин Метавселенной — это каламбур с использованием прецедентного текста, в данном случае названия фильма “The Masters Of The Universe” (1987) («Властелины Вселенной»). Как известно, компания Фейсбук была переименована в Мета именно с целью отразить ее амбиции по созданию метавселенной. Усиливает иронию автора прием обманутого ожидания за счет парадоксального окончания предложения “The master of the metaverse *is finally sorry … for being sorry*”[4]. Властелин метавселенной наконец-то *сожалеет о … своих сожалениях*.

6. Каламбур, основанный на созвучии

Обыгрывание созвучных, семантически не связанных единиц является эффективным приемом создания каламбурных заголовков. Так, статья, посвященная прекращению работы сервиса *Skype*, называется “Skype got *shouted down* by Teams and Zoom. But it revolutionised human connection”[5]. Skype *уступил* место Teams и Zoom. Но он произвел революцию в сфере человеческого общения. Очевидно, что *shouted down – перекричать, заставить молчать криком* созвучно с *shut down — закрыть*. Таким образом, в данном примере одновременно актуализируются значения обоих глаголов. Выбор глагола *shouted down* вполне обоснован, поскольку все три приложения используются преимущественно для видеоконференций, т. е. для устного общения.

Прецедентные тексты

Как показывают результаты исследований, прецедентные тексты являются одним из продуктивных способов создания каламбура в заголовках. Наш иллюстративный материал (35 % от общего количества) подтверждает данный факт. Среди выбранных нами примеров выделяются следующие группы прецедентных текстов:

1. Трансформированные цитаты известных людей

К данному виду относится заголовок “Move fast, *kill* things: the tech startups trying to reinvent defence with Silicon Valley values”[6]. Действуй быстро, *уничтожай*: технологические стартапы пытаются переосмыслить оборону, опираясь на ценности Кремниевой долины. Оригинальная фраза *Move fast and break things* (Двигайся быстро и ломай стереотипы) была создана основателем

[1] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2025/jun/21/can-you-really-find-true-love-online-or-is-it-artificial (дата обращения: 10.07.2025).

[2] URL: https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2025/mar/21/apple-show-audience (дата обращения: 10.05.2025).

[3] URL: https://www.theguardian.com/music/2025/feb/18/more-rhythm-less-algorithm-why-deezers-boss-is-vowing-to-put-users-in-control-of-their-music (дата обращения: 10.05.2025).

[4] URL: ttps://www.theguardian.com/commentisfree/2024/sep/27/mark-zuckerberg-metaverse-ai-elections-mental-health (дата обращения: 10.05.2025).

[5] URL: https://www.theguardian.com/technology/commentisfree/2025/mar/08/skype-got-shouted-down-by-teams-and-zoom-but-it-revolutionised-human-connection (дата обращения: 10.05.2025).

[6] URL: https://www.theguardian.com/world/2025/mar/29/move-fast-kill-things-the-tech-startups-trying-to-reinvent-defence-with-silicon-valley-values (дата обращения: 10.05.2025).

компании Meta Марком Цукербергом и до 2014 г. являлась девизом данной компании и призывом к быстрым инновационным изменениям. Упомянутый выше заголовок отражает суть статьи, в которой говорится о быстром внедрении новых технологий в военное производство, цель которого — создание оружия, способного буквально уничтожать противника.

Философия «Двигайся быстро и ломай стереотипы» остается весьма актуальной в сфере информационных технологий, хотя и неоднократно подвергалась критике. Данное изречение используется авторами для создания иронии. Так, статья, посвященная инаугурации президента Трампа и поддержке, оказываемой ему технологическими магнатами и иными известными лицами, озаглавлена "*Move fast, break things* — sprint to kiss Trump's ring. It's the tech bros inauguration derby"[1]. *Двигайся быстро, ломай всё* – мчись целовать перстень Трампа. Это гонка инаугурации технарей. Комический эффект усиливается за счет использования стилистически сниженной лексики (*bros*) и метафорического употребления существительного *derby* — скачки, соревнование, забег. Кроме того, в данном заголовке содержится явная отсылка к религиозной традиции целовать перстень Папы Римского, кардинала или епископа в знак уважения и послушания.

2. Название ТВ-сериалов/фильмов, кинематографические цитаты

В основе газетного заголовка может быть трансформированное название популярного ТВ-шоу или сериала, например: "*Whose Lime is it anyway*? How the green ebikes took over our streets"[2]. Так чей это *велик*? Как зеленые электровелосипеды захватили наши улицы (ср.: оригинальное название комедийного импровизационного телесериала *Whose Line is it anyway*? — Так чья это реплика?). Поясним, что *Lime* является крупнейшей компанией, предоставляющей электровелосипеды в прокат. В статье обсуждаются проблемы, связанные с использованием этого экологичного способа передвижения по городу, такие как оставление велосипедов в местах, не предназначенных для этого, и т. п.

Еще одним примером подобного каламбура является заголовок "*When Musk met Sunak*: the prime minister was more starry-eyed than a SpaceX telescope"[3]. *Когда Маск встретился с Сунаком*, глаза премьер-министра горели ярче, чем звезды в телескопе SpaceX. В основе данного заголовка название американской романтической комедии *When Harry met Sally* – Когда Гарри встретил Салли, главным героям которой потребовалось долгое время, чтобы понять, что они друг другу больше, чем друзья. В статье обсуждается интервью Илона Маска, данное британскому премьер-министру, которое получило крайне негативные отзывы, в частности в связи с излишней восторженностью Риши Сунака технологиями компании *SpaceX*.

3. Названия книг, цитаты из литературных произведений

В данную группу входят аллюзивные каламбурные заголовки, в которых содержится отсылка к литературным произведениям, библейским текстам и т. п. Так, статья о повсеместном внедрении цифровых помощников и связанных с этим явлением рядом социальных проблем, таких как утрата способности личного общения, одиночество и др., озаглавлена "*Hell is not other people* — it's being stuck in the *ninth circle* of an automated telephone service"[4]. *Ад — это не другие*, а застревание в *девятом круге* автоматизированной телефонной службы. В данном заголовке очевидна связь с двумя известными произведениями: пьесой Жана-Поля Сартра «За закрытыми дверями», в которой неизбежность постоянного пребывания с другими людьми становится адом для главных героев (ср.: «Ад — это другие»), и «Божественной комедией» Данте Алигьери, согласно которой девятый круг ада — это самый страшный круг, где в вечных муках пребывают предатели и изменники. В результате автору статьи удается передать свое отрицательное отношение к современной тенденции чрезмерного использования технологий.

Фразеологические каламбуры

Особую категорию в анализируемом материале составляют каламбурные заголовки с фразеологизмами (11 %). В нашем иллюстративном корпусе двуплановость возникает в результате изменения внутренней формы ФЕ за счет актуализации прямого и переносного значений и замены одного из компонентов. Рассмотрим некоторые примеры.

[1] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/jan/14/zuckerberg-musk-bezos-trump-inauguration (дата обращения: 10.05.2025).

[2] URL: https://www.theguardian.com/cities/2024/jan/14/lime-bikes-london-pavements-wayne-ting-ebikes-scooters (дата обращения: 10.05.2025).

[3] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/nov/03/rishi-sunak-elon-musk-prime-minister-spacex-silicon-valley (дата обращения: 10.05.2024).

[4] URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/apr/22/tuvalu-atm-automated-telephone-service-uk-self-service (дата обращения: 10.05.2025).

Как отмечалось выше, суборбитальный полет известных женщин 14 апреля 2025 г. вызвал большой общественный резонанс и в целом негативную реакцию, что нашло отражение в газетных публикациях, одна из которых озаглавлена “Katy Perry’s blast-off was *a waste of space*”[1]. Старт Кэти Перри был *пустой тратой космического пространства*. В данном случае обыгрывается значение идиомы *waste of space* — бесполезный, никчемный человек и значение существительного *space* — космическое пространство, космос. Название статьи точно передает основную мысль статьи: подобные «развлекательные» полеты, не преследующие никаких научных и исследовательских целей, совершенно не оправданы, поскольку наносят непоправимый вред окружающей среде.

В основе фразеологического заголовка может быть замена одного из компонентов ФЕ. Например, статья, посвященная применению новых технологий и возможностей в киноиндустрии для создания реалистичных спецэффектов, называется “*First, catch your (CGI) dragon*: hope that visual effects breakthrough can reanimate UK film industry”[2]. *Сначала поймайте своего (CGI) дракона*: надеемся, что прорыв в области визуальных эффектов сможет оживить британскую киноиндустрию. Начало фразы — это трансформированная английская пословица *First, catch your hare*, *then cook him,* которая буквально переводится «Сначала поймай зайца, а потом приготовь его», то есть не стоит строить планов о том, как распорядиться теми или иными ресурсами и т. п., не имея их. Кроме того, в данном заголовке есть отсылка к популярной книге “How to Train Your Dragon” («Как приручить дракона») Крессиды Коуэлл, которая многократно экранизировалась, и первая глава которой начинается со слов *First, catch your dragon*. Многоплановости способствует и то, что фраза *catch a dragon* – поймать дракона часто используется со значением «достижение трудновыполнимой цели». В китайской мифологии дракон — символ удачи, т. е. поймать его значит невероятно преуспеть в чем-то. Современные компьютерные технологии применяются в кино именно для создания изображений сказочных существ, в том числе драконов. Таким образом, в данном заголовке также реализуются прямое и переносное значения данного выражения. Очевидно, что автор статьи считает, что возрождение британского кинематографа в ближайшее время маловероятно, но надеется, что технология CGI, т. е. создание анимации с помощью компьютера, может этому значительно способствовать.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Каламбур представляет собой стилистический прием, отличительной чертой которого является смысловая двуплановость, в результате чего достигается комический/иронический эффект. В зависимости от способа создания каламбуры делятся на фонетические, лексические и фразеологические.

2) Благодаря способности емко и точно передавать основную мысль текста и высокому прагматическому потенциалу каламбур широко используется в газетных заголовках в англоязычной прессе, в том числе в статьях, посвященных актуальным вопросам использования современных технологий, и опубликованных в соответствующих тематических разделах. Иллюстративный корпус составил 46 примеров каламбуров, которые были классифицированы на лексические (54 %), фразеологические (11 %) и каламбуры, созданные на основе прецедентных текстов (35 %).

3) В исследуемом материале смысловая неоднозначность лексических каламбуров главным образом возникает за счет полисемии, антонимии, обыгрывания обломков слов и имен собственных. В меньшей степени представлены каламбуры с омонимами и созвучными лексемами, семантически не связанными друг с другом. К наиболее частотным видам прецедентных текстов, используемых в качестве основы для создания газетных заголовков статей в разделе *“Technology”*, относятся трансформированные цитаты известных людей, названия ТВ-сериалов/фильмов. Среди фразеологических выделяются каламбуры на основе изменения внутренней формы ФЕ, основными способами создания многоплановости восприятия являются замена одного из компонентов и двойная актуализация ФЕ. В ряде случаев отмечается конвергенция каламбура с другими стилистическими приемами с целью достижения определенной прагматической цели.

[1] URL: https://www.theguardian.com/science/2025/apr/15/katy-perrys-blast-off-was-a-waste-of-space (дата обращения: 10.05.2025).

[2] URL: https://www.theguardian.com/film/2025/mar/02/cgi-visual-effects-uk-film-industry-on-screen-graphics (дата обращения: 10.05.2025).

Список источников

1. Аймагамбетова М. М. Прецедентные тексты как источники газетных заголовков (на материале русскоязычных казахстанских газет) // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13). С. 119–124. URL: https://medialing.ru/precedentnye-teksty-kak-istochniki-gazetnyh-zagolovkov-na-materiale-russkoyazychnyh-kazahstanskih-gazet/ (дата обращения: 31.07.2025).

2. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы: М. : КДУ, 2007. 238 с.

3. Влахов С. И., Флорин С. К. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 342 с.

4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М. : Высшая школа, 1977. 313 с.

5. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 215 с.

6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

7. Клещина Н. Н. Языковая игра как средство манипуляции в заголовках англоязычной прессы // Власть. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-sredstvo-manipulyatsii-v-zagolovkah-angloyazychnoy-pressy (дата обращения: 17.07.2025).

8. Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю. Функциональный аспект фразеологического каламбура в заголовках англоязычных мужских журналов // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2019. № 5 (105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-aspekt-frazeologicheskogo-kalambura-v-zagolovkah-angloyazychnyh-muzhskih-zhurnalov (дата обращения: 30.07.2025).

9. Мироненко С. А. Выразительные возможности игры слов в русском и немецком языках (сопоставительный аспект). Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2006. 301 с.

10. Михейкина С. Г. Технология каламбура : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М. : 2008. 24 с.

11. Набиуллина В. Р. Каламбур в арабских и английских газетных заголовках // Арабистика Евразии. 2019. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-v-arabskih-i-angliyskih-gazetnyh-zagolovkah (дата обращения: 25.05.2025).

12. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/j.php (дата обращения: 29.08.2025).

13. Семерджиди В. Н. Каламбур как разновидность языковой игры (на материале англоязычных медиатекстов, посвященных выходу Великобритании из ЕС) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-kak-raznovidnost-yazykovoy-igry-na-materiale-angloyazychnyh-mediatekstov-posvyaschennyh-vyhodu-velikobritanii-iz-es (дата обращения: 29.07.2025).

14. Соколова Е. Н., Суханова К. В. Каламбур в газетном заголовке (на материале региональных СМИ) // Text. Literary work. Reader: materials of the VII international scientific conference, Prague, 20–21 мая 2019 года / Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»; Kazan (Volga Region) Federal University. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. С. 15–19. EDN JJECNP.

15. Шмелева Е. С. Лингвокогнитивные модели каламбура в англоязычных медийных заголовках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М. : 2019. 24 с.

References

1. Ajmagambetova MM. Precedent texts as the source of newspaper headlines (Based on the publications in Kazakhstan Russian-speaking newspapers). Media Linguistics Journal. 2016. № 3 (13). p.p. 119-124. URL: https://medialing.ru/precedentnye-teksty-kak-istochniki-gazetnyh-zagolovkov-na-materiale-russkoyazychnyh-kazahstanskih-gazet/ (accessed: 31.07.2025). (In Russ.).

2. Vinogradov VS. Translation. Roman languages: general and lexical questions. Moscow. 2007. 238 p. (In Russ.).

3. Vlakhov SI, Florin SK. The untranslatable in translation. Moscow; 1980. 342 p. (In Russ.).

4. Gal′perin IR. Stylistics. Moscow, 1977. 313 p.

5. Gridina TA. Play on words: stereotypes and creativity. Ekaterinburg; 1996. 215 p. (In Russ.).

6. Zherebilo TV. Dictionary of linguistic terms. Nazran′; 2010. 486 p. (In Russ.).

7. Kleshchina NN. Pun as a means of manipulation in headlines of the English language newspapers. Vlast′ = Power. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-sredstvo-manipulyatsii-v-zagolovkah-angloyazychnoy-pressy (accessed: 17.07.2025). (In Russ.).

8. Kormilina NV, Shugaeva NYu. Praseological pun functioning in the titles of English-language men's magazines. *Journal of Chelyabinsk State Pedagogical University named after IYa Yakovlev.* 2019;5(105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-aspekt-frazeologicheskogo-kalambura-v-zagolovkah-angloyazychnyh-muzhskih-zhurnalov (accessed: 30.07.2025). (In Russ.).

9. Mironenko SA. Expressive potential of pun in Russian and German (comparative aspect). Krasnodar; 2006. 301 p. (In Russ.).

10. Mikhejkina SG. The technology of pun. Abstract of thesis. Moscow; 2008. 25 p. (In Russ.).

11. Nabiullina VR. Pun in Arabic and English newspaper headlines. *Eurasian Arabic Studies.* 2019;(8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-v-arabskih-i-angliyskih-gazetnyh-zagolovkah (accessed: 25.05.2025). (In Russ.).

12. Rozental′ DE. Dictionary of linguistic terms. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/j.php (accessed: 29.08.2025). (In Russ.).

13. Semerdzhidi VN. Pun as a Variant of Linguistic Game (by the Material of English Media Texts Devoted to the UK Leaving the EU. Philology. *Theory and Practice.* 2021;(12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kalambur-kak-raznovidnost-yazykovoy-igry-na-materiale-angloyazychnyh-mediatekstov-posvyaschennyh-vyhodu-velikobritanii-iz-es (accessed: 29.07.2025). (In Russ.).

14. Sokolova EN, Sukhanova KV. Pun in newspaper headlines (by the material of Local mass media). Text. Literary work. Reader: materials of the VII international scientific conference, Prague, 20-21 May 2019 / Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»; Kazan (Volga Region) Federal University. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2019. P. 15-19. EDN JJECNP. (In Russ.).

15. Shmeleva ES. Linguocognitive models of pun in English language media headlines. Abstract of thesis. Moscow; 2019. 25 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Савченко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

С. В. Кодрле — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Information about the authors

A. A. Savchenko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

S. V. Kodrle — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
ANALYSIS OF A LITERARY TEXT

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 201–210.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):201-210.

Научная статья

УДК 80

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-201-210

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ «ЕДА» ГЕРТРУДЫ СТАЙН КАК МНОГОМЕРНЫЙ ТЕКСТ

Сергей Сайярович Иванов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, s.san@mail.ru, 0000-0001-6247-3717

Аннотация. В статье анализируется «Еда» (“Food”) — вторая из трёх частей сборника стихотворений в прозе Гертруды Стайн «Нежные пуговицы» (“Tender Buttons”). Поскольку большую часть XX в. произведения писательницы были недоступны в России, данная работа иллюстрирует пристальный интерес отечественных исследователей к творчеству Г. Стайн на протяжении последних двух десятилетий, что определяет актуальность статьи. Цель работы состоит в том, чтобы вскрыть особенности композиции произведения как многомерного текста, активирующие его синестетическое восприятие. Материал статьи включает само произведение, анализ работ зарубежных и отечественных филологов и представителей смежных дисциплин, и анализ собственного творчества самой американской писательницы. Стихотворение в прозе анализируется с филологической позиции, лишь местами соприкасаясь с литературоведческой, и включает комплексную методологию, содержащую как традиционное разложение на уровни, так и описание особенностей его композиции. Писательница использует ряд приёмов для оформления и подачи «Еды» как суггестивного текста: сгущение и репетитивная техника, рифмо-ритмическое оформление, игра звука и смысла, окказиональное словотворчество и многозначность. Характерный для Г. Стайн эффект *continuous present* «длящегося настоящего» реализуется не при помощи употребления времён и видовременных форм глаголов, традиционно используемых для создания хронотопа, а при помощи герундиев, причастий, номинативных и адъективных лексических единиц, «технологии их растягивания» на лексическом и «технологии блокирования» на синтаксическом уровнях. Данные приёмы позволяют создать особый фоносемантический контекст, рассчитанный как на сознательное, так и на подсознательное синестетическое восприятие многомерного текста, содержащего звуковые, визуальные и тактильные ассоциативные комплексы. Описанные в работе приёмы создания текстов используются в современной рекламе, художественная интерпретация текста произведения представляет обширное поле исследований для литературоведов и филологов.

Ключевые слова: суггестивность, синестезия, стихотворение в прозе, игра звука и смысла, фоносемантический контекст

Для цитирования: Иванов С. С. Стихотворение в прозе «Еда» Гертруды Стайн как многомерный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 201–210. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-201-210.

Original article

GERTRUDE STEIN’S PROSE POEM “FOOD” AS A MULTIDIMENSIONAL TEXT

Sergey S. Ivanov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, s.san@mail.ru, 0000-0001-6247-3717

Abstract. The article analyzes “Food” — the second part of Gertrude Stein’s triadic collection of prose poems “Tender Buttons”. As soon as the writer’s works were inaccessible in Russia during the larger half of the XX century, this article shows national researchers’ keen interest in her creativity over the last two decades, which determines

© Иванов С. С. , 2026

relevance of the paper. The research is aimed at revealing the literary work composition techniques as a multidimensional text, activating synesthetic perception. The material includes the literary work itself, the analysis of works of national and foreign philologists and associated disciplines' representatives and the American writer's own creativity analysis. The text is studied from philological point of view, only at times bordering on literary studies. It includes complex methodology comprising traditional multi-level text analysis and description of its composition. The American writer uses several techniques to mold and present "Food" as a suggestive text: condensation and repetitive technique, rhyme and rhythm, pun, occasional word creation, polysemanticism. Characteristic of G. Stein's creativity *continuous present* is realized in the current work not by the use of tenses and finite verbs, which are traditionally employed to create chronotopos, but by gerunds, participles I, nominative and adjective lexical units and "stretcher technique" at the lexical level and "shutter technique" at the syntactical one. These methods allow G. Stein to create a special phono-semantic context, aimed at both conscious and subconscious synesthetic perception of the multidimensional text, containing audio, visual and tactile association complexes. The techniques of creating texts as described in the article are used by contemporary advertisers, and literary interpretation of "Food" provides a vast research field for literary scholars and philologists.

Keywords: suggestiveness, synesthesia, prose poem, pun, phono-semantic context

For citation: Ivanov SS. Gertrude Stein's Prose Poem "Food" as a Multidimensional Text. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):201-210. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-201-210.

Введение

В работе анализируется структура второй части «Еда» трёхчастного сборника стихотворений в прозе «Нежные пуговицы» Г. Стайн, которую ряд исследователей описывают как тёмный, закрытый, герметичный текст [10; 12; 14], отдельные части которого могут казаться бессмысленными и невнятными [4]. Существует также точка зрения, что «нельзя читать "Нежные пуговицы" с традиционным интересом к содержательному, смысловому наполнению» [10, с. 77]; «попытка 'разобраться', реконструировать содержание не только утомляет читателя, но и отдаляет его от самой работы» [10, с. 81]. Несмотря на это, смысловому аспекту в статье будет уделено некоторое внимание, однако её *цель* — в том, чтобы вскрыть особенности композиции произведения как многомерного текста, активирующие его синестетическое восприятие. Согласно заявленной цели, в работе ставятся *задачи* проследить: 1) какие механизмы активируют вкусовые, звуковые, цветовые ощущения в «Еде»; 2) как данные механизмы срабатывают на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях; 3) как особенности синтаксиса способствуют созданию закрытого герметичного текста, обладающего особой притягательностью.

Актуальность работы обусловлена следующими факторами. Во-первых, слабой доступностью данного стихотворения в прозе для отечественного читателя: оригинал отсутствует во многих библиотеках, опубликованного перевода не существует. Во-вторых, недостаточной изученностью в общероссийском пространстве произведений Г. Стайн: доступ к ним был закрыт на протяжении большей части прошлого века; переводы некоторых стайновских трудов, теоретические работы отечественных литературоведов и филологов начали появляться только в последние два с половиной десятилетия. Творчество автора вызывало и вызывает неизменный интерес за рубежом, публикации современных Российских исследователей свидетельствуют об усиливающемся внимании к произведениям Г. Стайн в нашей стране, что определяет *научную новизну* данной статьи как попытку продолжить или дополнить существующее поле исследований.

Материалы и методы

Материалом является оригинал стихотворения в прозе "Food" («Еда»), которое изучается преимущественно с филологической позиции, что обусловило выбор *методов*: формальный или статистический метод, метод традиционного разложения текста на уровни — лексический, грамматический, синтаксический. Методом сплошной выборки были подобраны примеры, иллюстрирующие основные положения статьи. Неизбежное (эпизодическое) столкновение с областью литературоведения предопределило привлечение ситуативного и семантического анализа отдельных частей произведения, поддающихся интерпретации. Работа содержит анализ релевантной критической литературы, освещает точки зрения зарубежных и отечественных филологов на данное произведение, равно как и позиции представителей смежных дисциплин, применимые к анализу исследуемого текста.

Результаты и обсуждение

I. Подходы к восприятию произведения

Появление «Нежных пуговиц» в 1914 г. вызвало неоднозначную реакцию: некоторые назвали это плодом творчества душевнобольного [11], другие же — образцом модернизма и реализацией

кубизма в литературе [4; 9]. Имеющийся на сегодняшний день арсенал работ, посвящённых данному стихотворению в прозе, подтверждает — правы и те, и другие. Кажущаяся безапелляционность и ироничность данного вывода обретают серьёзный смысл при детальном рассмотрении. На первый взгляд «Еда» представляет собой во многом простое нагромождение слов, в основном существительных, прилагательных, наречий и неличных форм глаголов, никак логически между собой не связанных. У некоторых исследователей при его прочтении возникла аналогия, что оно местами напоминает записанную речь афатика [10; 13]. Это в некоторой мере объясняет негативное отношение к произведению отдельных читателей и критиков. Приведём контраргументы относительно критической позиции. Р. Якобсон выделял два типа афазии: «в области селекции и субституции; или, наоборот, — в области комбинирования и сцепления, при относительной способности к нормальной селекции и субституции» [8, с. 34]. Речь афатиков первого типа полностью зависит от контекста, они с трудом способны к монологическому высказыванию, но хорошо справляются с ответными репликами собеседнику или реакцией на реальную ситуацию. При афазии второго типа «перестают употребляться синтаксические правила, организующие слова в более сложные единства; потеря этой способности, называемая аграмматизмом, вызывает <…> вырождение предложения в простые нагромождения слов. Порядок слов становится хаотичным; узы грамматического сочинения и подчинения распадаются» [там же, с. 42]. Имитацией афазии в «Еде» могут служить многие примеры, скажем, парадоксальные риторические вопросы, ставящие читателя в тупик, на которые автор немедленно даёт такие же парадоксальные ответы:

1. “Why should ancient lambs be goats and young colts and never beef, why should they, they should because there is so much difference in age” (P. 36).[1]	Почему древние ягнята должны быть козлятиной, а молодые жеребята никогда и не говядиной, почему они должны, да потому должны, что существует такая огромная разница в возрасте.[2]

Приведём также пример аграмматизма:

2. “A type oh oh new new not no not knealer knealer of old show beefsteak, neither neither.” (P. 57).

Первым контраргументом относительно «бредового текста» будет то, что всё это Г. Стайн использовала сознательно, поскольку не страдала афазией и не записывала речь афатика. Вторым контраргументом служат слова самой писательницы, анализирующей «Нежные пуговицы»: «Я вскоре обнаружила, что не существует такой вещи, как ставить слова рядом без смысла. <…> Я сделала бесчисленные попытки записывать слова без смысла и обнаружила, что это невозможно» [16, p. 101]. И третьим — точка зрения З. Фрейда, утверждавшего, что у человека «нет возможности сознательно и произвольно сочинить бессмыслицу» [7, с. 258].

Многие исследователи характеризуют композицию «Нежных пуговиц» как кубизм. «Её письмо транслировало композиционную технику, разработанную Полем Сезанном и Пабло Пикассо, создавая вид литературного кубизма» [9, p. 204]. «Кубисты обратились от анализа данной реальности на холсте к синтезу новой реальности из художественных, картинных элементов, кубисты производили меньше портретов и больше натюрмортов» [10, p. 76]. Натюрморты, представленные на обозрение читателя в «Еде», отличаются своей необычностью, и техника их создания согласуется с кубизмом в живописи, «воссоздаёт кубистическое видение» [4, с. 189]. Продукты и блюда произвольно членятся и вновь собираются из разных частей необычным образом. Например, слово *cut* повторяется в «Еде» 19 раз (в разных вариантах: *cut, cut in, cutting, cut up, cuts*); кроме него используются *carve, dividing, division, pierce, piercing, needles*. На первый взгляд создаётся ощущение, что описываются рецепты, а поскольку в произведении используется широкий ассортимент мясных блюд, это может выглядеть как разрезание, отделение костей от мяса (многократно используется ‘bones’), его прожарка, протыкание с целью проверить готовность. Однако процесс приготовления параллельно описывает и кубистскую технику создания натюрмортов. Об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве случаев попытки установить логические или ассоциативные связи между разделами стихотворения и его фактическим содержанием заводят читателя в тупик и оказываются тщетными. Процесс готовки служит ширмой, а на самом деле — одновременно и композиционной техникой. Части разрезанных, разделённых продуктов и блюд детально рассматриваются, что «напоминает кубистическое совмещение в объекте сразу нескольких планов и ракусов» [4, с. 190]. Согласно тексту произведения,

[1] Stein G. Tender Buttons. Claire Marie. New York, 1914. P. 31–59. Далее анализируемое произведение цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

[2] Здесь и далее перевод отрывков произведения выполнен автором.

рассмотрение может быть пристальным: через *eye glass* «окуляр, лорнет»; с дальнего расстояния путём подглядывания в «глазок» *eyelet*; и путём неподвижного, неотрывного, чуть ли не насильственного принуждения реципиента к созерцанию посредством применения *eye holders* «держателей глазного яблока» (инструментов, используемых в офтальмологии для удержания глазного яблока во время хирургических процедур). Насыщение текста звуком и цветом отражено в табл. 1, где приводятся результаты статистического анализа лексического наполнения произведения:

Активация вкусовых рецепторов реципиента достигается посредством обилия названий блюд и продуктов, а также их вкусовых характеристик; количество данных лексем более полусотни в рамках сравнительно небольшого стихотворения в прозе.

Описание композиционной техники и лексического наполнения в данном разделе обеспечивает синестетическое восприятие текста, когда один рецепторный канал «чтение» активирует несколько остальных. В результате у «Еды» оказывается не только то, что Р. Барт называл «стереофонией, своим *полем прослушивания*, которое есть у письменного повествования» [1, с. 460], но и свои ракурсы рассмотрения, насыщение цветом (что характерно для синтетического кубизма), ощущение вкуса и запаха. Это согласуется и с тем, как сама Г. Стайн характеризовала своё произведение: «Я стала создавать портреты вещей и замкнутых пространств, <...> потому что мне нужно было окончательно разобраться с тем, каким образом соединить то, что видишь, с тем, что слышишь и слушаешь. <...> Я постаралась соединить цвет с движением, и то, что я сделала, все вы читали или знаете понаслышке, это книга под названием *Нежные кнопки*[1]» [5, с. 534].

Однако это лишь видимый покров текста, заметный с первого взгляда и немедленно фиксируемый сознательным восприятием. Далее в работе обсуждаются скрытые механизмы, направляющие произведение на подсознательное восприятие.

II. Суггестивность и кубизм

Американская писательница использует ряд способов создания «Еды» как суггестивного текста, т. е. рассчитанного на восприятие без критической оценки и ориентированного на область бессознательного. Многие из них были выделены З. Фрейдом: передвигание, сгущение, двусмысленность, непрямое изображение, бессмыслица» [6, с. 114–115]. Продолжая этот список, необходимо отметить особую роль ритма: «прагматическая сила суггестивного текста определяется особым типом ритмической организации, основанной на взаимосвязанном повторении лексико-семантических и фонетических единиц [2, с. 56]. «Еда» пестрит примерами, иллюстрирующими методологию создания суггестивности, приведём и охарактеризуем лишь некоторые из них.

А. Сгущение и репетитивная техника как на графическом, так и на фонетическом уровнях:

3. “*Stick stick c*all then, stick stick stick*ing*, stick*ing* with a chi*ck*en. *St*icking *in* a e*x*tra *suc*cession, *st*ick*ing in*” (P. 54).

Подобного рода настойчивая ономатопея не лишена смысла: писательница, возможно, описывает банальное выковыривание застрявшего куриного мяса из зубов при помощи зубочистки

[1] Название произведения “Tender Buttons” имеет несколько вариантов перевода: «Нежные пуговицы», «Нежные кнопки», «Нежные бутоны». В данной статье используется вариант «Нежные пуговицы» (*Прим. авт.*).

Таблица 1
Table 1

Цвето-звуковое наполнение произведения
Color-sound content of the work

Цветов (количество повторов)	Звуков
Red (9) White (14) Yellow (7) Green (8) Dark (7) Violet Satin Color (14) Shade (5) Light (6)	pealing – громкий звон колокола clatter – грохот, лязг clamor – шум-гам, шумиха slam – громкое хлопанье, хлопок scream – крик, вскрик burst – треск ting – звон, звяканье tick – тиканье piercing shouter – пронзительный крикун sound gurgle – журчание, бульканье murmur – бормотание, журчание a burst of mixed music – внезапный звуковой шквал музыки разных жанров

или предмета, используемого в качестве зубочистки (*stick in* «увязнуть, засовывать»; *stick* (сущ.) «палочка»).

Б. Использование детали, намёка, непрямого изображения:

4. “Drink is likely to stir a certain respect for an egg cup <…> A white cup means a wedding. A wet cup means a vacation” (P. 42).	Выпивка наверняка пробудит некоторое уважение к подставке для яйца. <…> Белая подставка означает свадьбу. Влажная подставка означает отпуск.

В данном примере проводится аналогия между подставкой для яйца и шляпой: действительно, белая подставка для яйца удивительно похожа на свадебную шляпу, а голова невесты на яйцо на этой подставке, мокрая шляпа ассоциируется у писательницы с отпуском, — оба этих события традиционно сопровождаются употреблением спиртных напитков (*drink*).

В. Ритмически «Еда» оформлена как суггестивный текст: отдельные предложения обладают как ритмом, так и рифмой; причём как внутренней, поскольку скомпонованы во многом из одних и тех же графических и фонетических элементов (см. пример № 3), так и традиционной:

5. “Alas a dirty *word*, alas a dirty *third,* alas a dirty *third*, alas a dirty *bird*” (P. 54).

Отдельного внимания заслуживает графическое и фонетическое оформление. По аналогии с произвольным членением продуктов на части и компоновки их в причудливых вариантах, писательница прибегает также к произвольному разделению слов, словотворчеству, игре звука и смысла и окказиональному словообразованию.

Демонстрацией технологии разрезания слов на графемы и фонемы и насыщения ими контекста служат следующие фразы: а) на графическом уровне “Apple plum, carpet steak, *seed clam*, colored wine, *calm seen* …” (P. 48); б) на графическом и фонетическом уровнях в частях “Apple” и “Tail”, следующих друг за другом, короткий отрезок текста пестрит словами “*p*ie*c*e, *pl*ea*s*e, *pla*te*s*, pai*l*s, *pla*ced, *pla*s*t*er” (P. 48).

Данная техника создаёт звуковое сопровождение текста: помимо эксплицитно присутствующих «звуковых» лексических единиц (табл. 1), процесс употребления пищи имплицитно сопровождается постоянным звоном посуды и столовых приборов:

6. “*Eat ting*, eating <...> Eating he heat eating he heat it eating” (P. 56).

Компонент *ting* «звон, звякание», получившийся в результате произвольно расщеплённого на компоненты ‘*eating = eat+ting*’, сам повторяясь 38 раз, притягивает огромное количество паронимов: ‘thing’ (36 раз), ‘thin’ (4 раза), ‘tin’ (3 раза), пронизывающих всё произведение от начала до конца.

Некоторые образования, получившиеся посредством расщепления слов с их последующим произвольным соединением, могут создавать художественные образы и быть интерпретированы в микроконтексте (табл. 2) и макроконтексте (табл. 3):

Таблица 2
Table 2

Технология членения в микроконтексте
Division technology in microcontext

Микроконтекст	Интерпретация
7. “It was *a way* a day, this made some sum” (P. 58).	Слово *away* разрезается на *a+way*, создавая в сочетании с ‘a day’ «день на выезде; день, проведённый в дороге; дорога длиною в день».
8. “Eel us *eel us with* no no *p*ea no pea cool, no pea cool cooler, no pea cooler …” (P. 56).	Дополнение ‘us’ предполагает наличие перед ним глагола в повелительном наклонении, данная синтаксическая пресуппозиция усиливается предлогом ‘with’, требующим инструментального падежа. В процессе восприятия фразы ‘eel us with’ возникает аналогия с фразой ‘peel us with’ («очисти нас от кожуры»): глагол peel «очищать, снимать кожуру» оказывается разрезанным на p+ee[i:]+l, при чём ‘*p*’ отсутствующая в первом слове ‘eel’, семантизируется фразой “no *p*ea” [nou pi:] на звуковом, графическом и собственно семантическом уровнях, и проявляется дальше в предложении уже с отрезанным ‘l’ (“pea”), вызывая в свою очередь аналогию с ‘peel*er*’ «машина для очистки от кожуры» по модели идущих за ним ‘cool cool*er*’.

Технология членения слова на графемы и фонемы, насыщение ими микроконтекста при отсутствии в этом контексте самого слова-паронима, например *'peel'* в примере № 8, используется для звукосмысловой игры, которая может охватывать б***о***льшие контекстуальные отрезки:

В качестве отступления хотелось бы отметить, что вышеописанные приёмы членения слова на графемы и фонемы, насыщение ими микро- и макроконтекста с незримо присутствующим в данном контексте паронимом — в настоящее время широко используются в рекламе. Компания Maxfactor на протяжении последних нескольких лет создаёт подобного рода неологизмы, «контекстуально их семантизируя: lovefinity, lipfinity and lasting performance foundation. Now a kiss can last forever. Слово "forever" входит в один синонимический ряд со словом "infinity", который сам не употребляется в текстах, но по его образу формируется паронимический ряд неологизмов; он помогает реципиенту понять, из компонентов каких слов они созданы, и, незримо присутствуя в тексте, придает ему определенную ауру, имплицитно активируя ассоциативные круги» [3, с. 119].

III. Лексико-синтаксический аспект

Временной план художественного произведения, а особенно хронотоп как единство пространства и времени, классически создавался при помощи видовременных форм глагола, употребления времён, т. е. всего того, что отсутствует в «Еде», а если и присутствует, то в атрофированном варианте. Создание *continuous present* «длящегося настоящего» – как его называла сама писательница [15] — осуществляется в основном при помощи Present Simple (несмотря на некоторую реминисцентность и редкие отклонения в Past Simple) и подавляющего количества номинативных и адъективных лексических единиц. Глагольные формы (там, где они присутствуют), чаще всего представлены герундиями и причастиями настоящего времени, усиливающими эффект протекания действия в настоящий момент. Большее усиление достигается многочисленными повторами, представляющими репетитивную технику, которую Г. Стайн обозначала не повторами, а словом *insistence* — «настойчивость» [15]. Репетитивная техника создаёт внутренний ритм произведения, не давая, однако, ему развиваться во времени, а постоянно оставляя реципиента с ощущением «здесь и сейчас». Механизм, растягивающий *continuous present,* можно было бы назвать «случайно» употреблённым самой писательницей в произведении словом "stretch/stretcher" «вытягивание/растягиватель» – *технологией лексического растягивания*. Речь идёт о многократном употреблении прилагательных в сравнительной степени (как в ранее приводимом примере 'cool cool*er*', при том одно и то же прилагательное часто ставится подряд друг за другом в положительной и сравнительной степенях), огромном числе повторений слова 'more' в разных контекстах (46 раз), и о грамматических девиациях, типа "*more sooner*", "*pleasanter*" (P. 38, 42). В этом свете особым образом начинают выглядеть существительные, например, "stomach*er*", образованное от 'stomach', представляющее собой то ли растянутый от еды желудок, то ли употреблённое в своём прямом значении «нагрудник, набрюшник». Дополняется этот ряд и окказионализмами "*knealer*, *intender"*. Таким образом, растягивание настоящего момента достигается сугубо лексическими механизмами удлинения прилагательных и существительных,

Таблица 3
Table 3

Технология членения в макроконтексте
Division technology in the macro context

Макроконтекст	Интерпретация
9. "Only a moon to soup her, only that in the sell never never be the *cocups* nice be, *shatter* it they lay (P. 55). <…> *Eat ting*, eating <…> Ea*ting he heat eating* he heat it eating, he heat it heat eating" (P. 56).	Окказиональное существительное 'cocups' семантизируется в этом предложении глаголом 'shatter' «поколебать, разлетаться» (из одного паронимического ряда с 'shudder' «содрогаться») и дальнейшим многократным 'he heat', что на уровне звукоподражания ассоциируется с имплицитно присутствующим здесь искомым '**hiccup'** – «икать» (he heat+cocups = hiccup). В результате создаётся картина содрогающегося от икоты человека, разогревающего еду, что сопровождается звоном посуды ('*ting'*).

даже в какой-то мере насильственными в случаях грамматических девиаций или окказиональных словообразований.

Синтаксический аспект влияет на особенности восприятия текста и усиливает эффект *continuous present*. Технологию, используемую Г. Стайн на синтаксическом уровне, можно назвать опять же подсказанным ей и употребляющимся в произведении словом "shutter" — «затвор, заслонка», или *технологией синтаксического блокирования*. В процессе прочтения любого произведения известен эффект, когда текст уводит читателя в другие тексты, ассоциации, собственные мысли. Несколько исследователей обращали внимание на эту особенность восприятия. Согласно З. Фрейду, «всякий знает, как часто при чтении вслух внимание читающего оставляет текст и обращается к собственным мыслям» [7, с. 222]. Р. Барт называл это «выходом в другие тексты <…> текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [1, с. 428], приводя такие примеры: «Читая текст, приводимый Стендалем, я вдруг обнаруживаю удивительное сходство деталей у Стендаля и у Пруста. Равным образом, когда я читаю у Флобера о нормандских яблонях в цвету, на память мне также приходит Пруст. <…> более ранний текст как бы возникает из более позднего» [там же, с. 491–492]. С целью блокирования подобного эффекта восприятия собственного произведения Г. Стайн ставит заслонки, «запирая» внимание читателя исключительно на её тексте следующими способами:

А. Неожиданным завершением предложения на предлоге:

10. "Not to be any example of an edible apple *in*" (P. 55).

Б. Завершением предложения на союзе, после которого напрашивается придаточное предложение, но оно за ним не следует:

11. "Cutting shade, cool spades and little last beds, make violet, violet *when*" (P. 54).

В. Затормаживанием темпа прочтения, когда предложение разрывается точками, что можно сравнить с приёмом 'ritardando' — плавным постепенным замедлением темпа в музыке, в сочетании со второй вышеупомянутой техникой:

12. "In a plank, in a play sole, in a heated red left tree there is shut in specs with salt be where. This makes an eddy. Necessary" (P. 54).

Блокирование синтаксических пресуппозиций, регулирование темпа прочтения, невыход в интертекстуальность фокусируют внимание реципиента на continuous present, на прочтении самого текста; пока сознание находится в поисках смысла, подсознание насыщается красками, звуками, вкусовыми и цветовыми ощущениями в условиях, когда канал восприятия «чтение» максимально очищен от помех.

Несмотря на то, что в личностном плане автор старается отстраниться от описываемых натюрмортов, процессов, происходящих при их рассмотрении путём использования неличных форм глаголов (там, где они используются), на протяжении всего текста с читателем идёт непрерывный диалог. Происходит это при помощи упомянутых в начале работы риторических вопросов и ответов, а также побудительных предложений: "So then the sound is not obtrusive. Suppose it is obtrusive suppose it is" (P. 35). "Suppose there is a pigeon, suppose there is" (P. 36). Такого рода конструкции напоминают капризы ребёнка, который хочет поиграть: «Ну давай предположим, ну давай...». Побуждение к диалогу риторическими вопросами-ответами, парадоксальными грамматическими и синтаксическими конструкциями индуцирует читателя афазией, хотя он понимает, что это лишь игра. Если правила игры приняты, то согласно им читатель в роли афатика, страдающего дефектом селекции, может дать только контекстуально обусловленный ответ. Р. Якобсон приводит такой пример речи афатика: «Я ведь тут, ну, когда я бы, я не знаю, как это, ну, когда я, а теперь это же, еще, да что Вы тут, когда я, и да ну я не знаю, как же это здесь было» [8, с. 36] (ср. примеры 2, 8). Такая реакция и ответные реплики «подсказываются» реципиенту самим контекстом произведения.

Используя приёмы игры звука и смысла, совместно с лексико-синтаксическим воздействием, писательница смещает акцент с традиционного смыслового содержания на звуко-графическое. Звуковое и графическое оформление, изменение темпа восприятия, ритмико-рифмическое оформление, значения отдельных изолированно от традиционного контекста взятых слов – всё это начинает выполнять смыслообразующую функцию изучаемого текста.

Выводы

Основываясь на результатах многоуровневого анализа текста, можно сделать следующие выводы. «Еда» — вторая часть стихотворения в прозе «Нежные пуговицы» — обладает признаками суггестивности, что делает текст направленным на подсознательное восприятие. Различные технологии способствуют тому, чтобы придать тексту суггестивный характер: это сгущение на фонетическом и графическом уровнях; многозначность

и игра звука и смысла, репетитивная техника и окказиональное словотворчество на лексическом уровне. Приковывание внимания к самому тексту и очищение канала восприятия «чтения» реализуется за счёт эффекта *continuous present* «длящегося настоящего», достигаемого не традиционным использованием времён, а приёмами растягивания и блокирования на лексическом и синтаксическом уровне соответственно. Комплексное использование данных технологий позволяет писательнице создать фоносемантический контекст, где не столько значения фраз и предложений начинают выполнять традиционную семантическую, контекстообразующую функцию, сколько ассоциативный ряд, состоящий из звуковых, визуальных, тактильных комплексов, подающихся реципиенту в рифмо-ритмическом оформлении с регулируемым, варьирующимся темпом восприятия. Многомерный текст, состоящий из видимых, на сознательном уровне улавливаемых элементов, сопровождающийся подсознательным воздействием, направлен на синестетическое восприятие.

Выводы, полученные в данной работе, не претендуют на статус абсолютных или окончательных, однако могут быть использованы в дальнейших, в том числе междисциплинарных исследованиях. В статье показано, что некоторые стайновские приёмы используются современными создателями рекламных текстов, и более пристальное изучение произведения могло бы вдохновить их на дальнейшее словотворчество в рекламной сфере. Для литературоведов может представлять интерес богатое и неоднозначное поле художественной интерпретации текста, равно как и характеристика жанровых особенностей данного стихотворения в прозе.

Отдельный интерес «Нежные пуговицы» и, в частности, «Еда» могут представлять для переводчиков. Дословный перевод кажется бесполезным, поскольку не сможет обеспечить даже минимальной доли воздействия на читателя из-за фоносемантических потерь при переложении текста на русский. Отдельные предложения в статье переведены с сиюминутной иллюстративной целью и не могут претендовать на примеры желаемого и приемлемого перевода произведения. Фоносемантический комплекс можно было бы переводить, руководствуясь принципами перевода поэтических текстов и каламбуров из-за многочисленных случаев игры звука и смысла в исходном тексте, т.е. создавая на его основе другой русскоязычный текст со звуко-смысловой игрой, выраженной средствами языка перевода. Существуют также варианты интерсемиотического перевода, интерпретирующие данное произведение не вербально, а мимикой, пластикой, музыкальными и световыми средствами [9].

В заключении хотелось бы выразить уверенность, что данное стихотворение в прозе будет пробуждать дальнейший интерес к его изучению в разных аспектах, и результаты настоящего анализа могут оказаться полезными в различных направлениях будущих исследований.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

2. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Екатеринбург, 2003. 242 с.

3. Иванов С. С., Золотова М. В. Технологии активации ассоциативных полей реципиента в процессе восприятия рекламного текста (на примере англоязычной билингвальной рекламы) // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам = Міжкультурная камунікацыя і прафесійна арыентаванае навучанне замежным мовам. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 102-й годовщине образования Белорусского государственного университета. Минск, 2023. С. 117–122.

4. Морженкова Н. В. Авангардистский эксперимент Гертруды Стайн: в поисках жанра. Изд. Стереотип. М. : ЛЕНАНД, 2023. 296 с.

5. Стайн Г. Автобиография Элис Б. Токлас. Пикассо. Лекции в Америке ; пер. с англ.; составление и послесловие Е. Петровской. М. : Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001. 607 с.

6. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Санкт-Петербург, Москва, 1998. 318 с.

7. Фрейд З. Психология бессознательного. 2-е изд. Спб. : Питер, 2010. 400 с.

8. Якобсон Р. Два вида афатических нарушений и два полюса языка // Язык и бессознательное. М. : Гнозис, 1996. С. 27–53.

9. Aguiar D., Queiroz J. From Gertrude Stein to Dance: Repetition and Time in Intersemiotic Translation // Dance Chronicle, 38:2, 2015. P. 204–232. DOI: 10.1080/01472526.2015.1043801

10. Dubnick Runda K. Two Types of Obscurity in the Writings of Gertrude Stein // Gertrude Stein Advanced: an Anthology of Criticism / edited by R. Kostelanetz. McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990. P. 63–85.

11. Gold M. Gertrude Stein: A Literary Idiot. URL: https://writing.upenn.edu/~afilreis/88/stein-per-gold.html (дата обращения 20.01.2026).

12. Kellner B. Ex Libris: The Published Writings of Gertrude Stein. A Gertrude Stein Companion: Content With The Example. New York: Greenwood Press, 1988. 368 p.

13. Lodge D. The Language of Modern Fiction: Gertrude Stein // Gertrude Stein Advanced: an Anthology of Criticism / edited by R. Kostelanetz. McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990. P. 101–104.

14. Scherr R. Tactile Erotics: Gertrude Stein and the Aesthetics of Touch // Lit: Literature Interpretation Theory, 18:3, 2007. P. 193–212. DOI: 10.1080/10436920701525570

15. Stein G. Portraits and Repetition // Stein G. Writings and Lectures 1909–1945 / Ed. P. Meyrowitz. New York: Penguin Books, 1971. P. 99–124.

16. Stein G. What are Masterpieces. Pitman Publishing Corporation, 1970. 104 p.

References

1. Barthes R. Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow; 1989. 616 p. (In Russ.).

2. Boltaeva SV. Rhythmical arrangement of a suggestive text. Candidate Dissertation in Linguistics. Ekaterinburg, 2003. 242 p. (In Russ.).

3. Ivanov SS, Zolotova MV. Techniques to activate recipients' associative fields when perceiving advertising texts (exemplified by English-language and bilingual advertisements). Mezhkulturnaya kommunikatsia i professionalno-orientirovannoe obuchenie inostrannim yazikam = Intercultural communication and professionally-oriented foreign language studies. Proceedings of XVII International scientific conference dedicated to 102nd anniversary of Belorussian State University. Minsk, 2023. P. 117-122. (In Russ.).

4. Morzhenkova NV. Gertrude Stein's avant-garde experiment: in search for the genre. Stereotip. M.: LENAND, 2023. 296 p. (In Russ.).

5. Stein G. The Autobiography of Alice B. Toklas. Picasso. Lectures in America. Translated from English, Ed. by E. Petrovskaya. M.: B.S.G. – PRESS, 2001. 607 p. (In Russ.).

6. Freud S. Wittiness and its relation to subconsciousness. St. Petersburg – Moscow, 1998. 318 p. (In Russ.).

7. Freud S. Psychology of subconsciousness. 2nd edition, Spb.: Piter, 2010. 400 p. (In Russ.).

8. Jakobson R. Two types of aphasic disorders and two language poles. Language and subconsciousness. M.: Gnosis, 1996. P. 27-53. (In Russ.).

9. Aguiar D., Queiroz J. From Gertrude Stein to Dance: Repetition and Time in Intersemiotic Translation. In: *Dance Chronicle*. 2015;(38:2):204-232. DOI: 10.1080/01472526.2015.1043801

10. Dubnick Runda K. Two Types of Obscurity in the Writings of Gertrude Stein. In: Gertrude Stein Advanced: an Anthology of Criticism. Edited by R. Kostelanetz. McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990. P. 63-85.

11. Gold M. Gertrude Stein: A Literary Idiot. Available at: https://writing.upenn.edu/~afilreis/88/stein-per-gold.html (accessed: 20.01.2026).

12. Kellner B. Ex Libris: The Published Writings of Gertrude Stein. A Gertrude Stein Companion: Content With The Example. New York: Greenwood Press, 1988. 368 p.

13. Lodge D. The Language of Modern Fiction: Gertrude Stein. In: Gertrude Stein Advanced: an Anthology of Criticism. Edited by R. Kostelanetz. McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990. P. 101-104.

14. Scherr R. Tactile Erotics: Gertrude Stein and the Aesthetics of Touch. In: *Lit: Literature Interpretation Theory*. 2007;(18:3):193-212. DOI: 10.1080/10436920701525570

15. Stein G. Portraits and Repetition. In: Stein G. Writings and Lectures 1909-1945. Ed. P. Meyrowitz. New York: Penguin Books, 1971. P. 99-124.

16. Stein G. What are Masterpieces. Pitman Publishing Corporation, 1970. 104 p.

Информация об авторе

С. С. Иванов — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики.

Information about the author

S. S. Ivanov — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Department of English for Humanities of Institute of Philology and Journalism.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 27.03.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 211–219.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):211-219.

Научная статья

УДК 811.161.1'243

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-211-219

АДАПТАЦИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ ОРИГИНАЛЬНОГО И АДАПТИРОВАННОГО РАССКАЗОВ В. Ю. ДРАГУНСКОГО)

Ольга Юрьевна Редькина[1], Лариса Константиновна Попова[2]

[1]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, filolchen@gmail.com, 0000-0002-5012-0866

[2]Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, lar.popova00@mail.ru, 0009-0005-4925-0662

Аннотация. В статье рассматривается теория и практика адаптации русскоязычных текстов для использования в работе с инофонами. Актуальность настоящего исследования обусловлена спросом на качественные разнообразные учебные материалы по русскому языку как иностранному, а также отсутствием единого алгоритма адаптации текстов в этом направлении. В теоретической части статьи авторы обращаются к уже имеющимся исследованиям в данной области, в которых содержатся авторские способы и типы адаптации учебных текстов, а также выделяют и описывают процесс адаптации аутентичных текстов, состоящий из трёх этапов: 1) выбор текста, с которым будет проводиться дальнейшая работа; 2) поиск в данном тексте слов, выражений, явлений и т. д., нуждающихся в адаптации, с опорой на каноны — государственный стандарт и лексический минимум; 3) непосредственно адаптация. В практической части статьи анализируется адаптированная версия рассказа В. Ю. Драгунского «Что любит Мишка», взятая из учебника по русскому языку как иностранному «Дорога в Россию» для базового уровня владения языком (А2), с точки зрения лексико-грамматических, стилистических и содержательных трансформаций в получившемся учебном материале с указанием цитат из оригинального и адаптированного текстов. По мнению авторов, самым глобальным изменениям подверглись содержание и стилистическая составляющая аутентичного рассказа. Результаты исследования могут быть полезны для преподавателей русского языка как иностранного при подготовке учебных материалов, а также в теоретических и практических разработках по адаптации художественных текстов для инофонов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебный текст, аутентичный текст, адаптация

Для цитирования: Редькина О. Ю., Попова Л. К. Адаптация аутентичных текстов для использования на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере оригинального и адаптированного рассказов В. Ю. Драгунского) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 211–219. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-211-219.

Original article

ADAPTATION OF AUTHENTIC TEXTS FOR USE IN CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE ORIGINAL AND ADAPTED STORIES OF V. YU. DRAGUNSKY)

Olga Yu. Redkina[1], Larisa K. Popova[2]

[1]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, filolchen@gmail.com, 0000-0002-5012-0866

[2]Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, lar.popova00@mail.ru, 0009-0005-4925-0662

Abstract. This article examines the theory and practice of adapting Russian-language texts for use with non-native speakers. The study is motivated by the demand for high-quality, diverse teaching materials for Russian as a foreign language, as well as the lack of a standardized procedure for text adaptation in this field. In the theoretical section,

© Редькина О. Ю., Попова Л. К., 2026

the authors review existing research including various methods and types of educational text adaptation and outline a three-stage process for adapting authentic texts: 1) selecting the text for adaptation; 2) identifying elements requiring adaptation (words, expressions, linguistic phenomena, etc.) based on established standards, such as the state educational standard and the required minimum vocabulary; and 3) the actual adaptation process. The practical section analyzes an adapted version of V. Yu. Dragunsky's short story „What Mishka Likes" (taken from the „Road to Russia" [Doroga v Rossiyu] textbook for the A2 proficiency level). This analysis focuses on the lexical-grammatical, stylistic, and content-related transformations found in the resulting educational material, supported by citations from both the original and adapted texts. The authors conclude that the content and stylistic elements of the authentic story underwent the most significant changes. The study's findings offer valuable insights for instructors of Russian as a foreign language when preparing teaching materials, as well as for the development of theoretical and practical approaches to adapting literary texts for non-native speakers.

Keywords: Russian as a foreign language, educational text, authentic text, adaptation

For citation: Redkina OYu, Popova LK. Adaptation of Authentic Texts for Use in Russian as a Foreign Language Classes (Using the Original and Adapted Stories of VYu. Dragunsky as an Example). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):211-219. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-211-219.

Введение

Адаптация аутентичного текста, т. е. текста, являющегося реальным продуктом речевой деятельности носителей языка и не адаптированного для нужд учащихся с учетом их уровня владения языком[1], для использования в учебных целях — это трудоемкий, но необходимый и важный процесс. Его цель состоит в том, чтобы сократить число незнакомых инофону лексических, грамматических и синтаксических единиц путем их устранения, замены аналогичными, но соответствующими уровню владения языком единицами, или же путем объяснения значения новых единиц с помощью уже изученных. В ходе адаптации следует опираться на лексический минимум того уровня, которым владеет инофон. Безусловно, чем выше уровень, тем больше словарный запас, а следовательно, и больше возможностей для адаптации.

Поскольку аутентичный текст «представляет собой «живой язык» того социального пространства, в котором инофоны живут и учатся» [13, с. 166], основная задача составителя учебного материала — не максимально упростить текст, а сделать его доступным для адекватного восприятия инофонами, сохранив при этом основную идею текста и черты индивидуального авторского стиля. Важную роль в этом играет материал, сопровождающий текст и нацеленный на знакомство с новым лексическим и грамматическим материалом на преддемонстрационном этапе занятия. С этой целью составляется лексико-грамматический комментарий.

Некоторые исследователи предлагают адаптировать художественный текст путём интерсемиотического перевода, то есть посредством визуализации — например, экранизации или иллюстрации [12]. Однако использование такого инструмента не всегда возможно, поскольку не все аутентичные тексты экранизированы, а создание авторских иллюстраций потребует дополнительных ресурсов.

Согласно исследованию С. В. Первухиной, выделяется 4 вида адаптации текста: *субъектная* (связана с тем, кто адаптирует текст), *референциальная* (связана с объектом адаптации), *адресатная* (ориентирована на того, для кого адаптируется текст) и *инструментальная* (определяет способ адаптации текста) [10, с. 98–99]. Данная классификация, по утверждению автора, основана на общей модели коммуникации Р. Якобсона и может помочь в определении дальнейших шагов в зависимости от трудностей, с которыми преподаватели и иные специалисты сталкиваются при адаптировании текста.

Существуют и способы адаптации текста, выделяющиеся специалистами в сфере РКИ. Например, В. С. Антипова называет таковыми преобразование, исключение, замену, объединение, преобразование, добавление и выделение [1, с. 130], а И. С. Григорьева — опущение, замену (генерализацию и конкретизацию), добавление, перестановку и упрощение [2, с. 200].

Адаптация аутентичного текста предполагает работу, состоящую из нескольких этапов. Например, Н. Б. Руженцева в своем исследовании выделяет «1) информационную обработку аутентичного русского текста; 2) речевую обработку текста в соответствии с лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями системы языка и текстовыми категориями; 3) редукцию текста, предусматривающую уменьшение его объема, а также трансформации высказываний, облегчающие

[1] Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий : (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. С. 25–26.

инофонам понимание смысла оригинальных русскоязычных материалов» [11, с. 169–170]. Мы, в свою очередь, предлагаем свое видение процесса адаптации, предполагающего интеграцию методического и филологического подходов. Методический подход используется при отборе текста (ключевым критерием отбора является жанрово-тематическое соответствие текста уровню языковой подготовки адресата-инофона), а филологический — в процессе анализа текста и его трансформации с учетом конкретных задач обучения.

На первом этапе важно подобрать текст, с которым в дальнейшем будет проводиться работа. Определение круга художественных произведений для поиска, бесспорно, зависит от уровня владения иностранным языком. В данном случае нас интересует базовый уровень — А2 (данный уровень предполагает «знание основных категорий системы языка и способность пользоваться языком в четырех видах речевой деятельности при лексической базе 1500 слов в пределах бытовой, социокультурной и учебной сфер общения» [15, с. 93]). Таким образом, важно учитывать жанровые, концептуальные, лексические и грамматические особенности текста, чтобы инофон смог вдумчиво и осмысленно работать с ним [5]. Ученый З. А. Шамзи в своей работе рассмотрел принципы отбора текстов именно базового уровня владения РКИ. Мы согласны с мнением исследователя, утверждающего, что «оптимальными для изучения в рамках этого уровня являются небольшие прозаические произведения или законченные по смыслу фрагменты более крупных...» [14, с. 14]. Также ученый называет более конкретные жанры — небольшие рассказы, басни, стихотворения, т. к. эти виды произведений имеют небольшой объем и завершенную литературную форму [14, с. 15]. О. В. Марьина и В. С. Антипова предлагают в качестве примера таких текстов для уровня В1 рассказы К. Г. Паустовского «Кружевница Настя» и «Корзина с еловыми шишками» [9]. Некоторые исследователи используют тексты современных авторов: например, К. В. Голубева выбрала для реализации указанных целей рассказ писательницы Елены Долгопят «Часы» (предполагаемый уровень — А2) [3].

Мы считаем, что это должен быть небольшой, интересный, завершенный и понятный вне контекста (если это отрывок, а не целое произведение) текст, соответствующий интенциям и ситуациям общения, характерным для уровня А2. Также важно, чтобы он не был перегружен фразами и конструкциями, которые нужно адаптировать: перед тем, как сделать выбор в пользу того или иного текста, необходимо проанализировать и то, что не требует адаптации, т. е. уже знакомые слова, фразы, конструкции, обратившись к лексическому минимуму. А. В. Коротышев выявил ряд трудностей, которые возможны на этапе выбора текста: **лексико-грамматические** (целевые установки автора как носителя языка расходятся с целевыми установками читателя-инофона); **концептуальные** (читатель может не знать те или иные социокультурные реалии) и **педагогические** (иностранец имеет маленький читательский опыт на родном языке, либо у него не сформированы умения переноса навыков чтения на родном языке на изучаемый иностранный) трудности [6, с. 12].

Второй этап предполагает выявление в тексте лексики и грамматических конструкций, которые не соответствуют лексическому минимуму выбранного уровня владения языком. Выделение цветом/цветами таких слов и конструкций и инструмент «Найти» в программе или браузере для чтения текстовых и PDF-файлов могут помочь лучше ориентироваться в процессе работы. Еще один рабочий инструмент, который можно и нужно использовать, работая с лексическим ярусом текста, — это «Текстометр» [4], который значительно упрощает и ускоряет данный процесс.

На третьем этапе необходимо заменить или убрать выделенные цветом (незнакомые) слова и конструкции, то есть приступить непосредственно к адаптации текста. Здесь, помимо указанных способов адаптации — замены и удаления, можно использовать также преобразование и объединение словосочетаний и конструкций.

Методы и материалы

В качестве материала исследования использовались оригинальные тексты рассказов В. Ю. Драгунского «Что любит Мишка» и «Что я люблю» из сборника «Денискины рассказы»[1], а также адаптированная версия этих рассказов, предложенная авторами учебника «Дорога в Россию» уровня А2[2], государственный стандарт по русскому языку как иностранному базового уровня [3], лексический минимум уровня А2 [8].

В ходе исследования мы применяли методы сопоставительного анализа, структурного анализа.

[1] Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2018. 320 с.

[2] Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию : учебник русского языка (базовый уровень). М.; С-Пб.: Златоуст, 2009. 256 с.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим пример уже готового адаптированного текста, который мы нашли в одном из учебников по РКИ — в «Дороге в Россию» для базового уровня. Это текст «Что я люблю»[1], в основе которого лежит рассказ В. Ю. Драгунского «Что любит Мишка»[2] из серии текстов «Денискины рассказы». Стоит отметить, что у этого же писателя существует рассказ «Что я люблю», но в нем от лица главного героя — Дениса Кораблева — рассказывается исключительно о том, что любит он сам, других персонажей там нет. Сюжет же, который мы видим в учебнике «Дорога в Россию», несомненно взят из рассказа «Что любит Мишка», однако авторы адаптированного текста назвали его иначе.

Опишем, что изменилось в тексте с точки зрения лексики и стилистики, грамматики и содержания.

1. Лексико-стилистические изменения.

С точки зрения лексики оригинальный текст наполнен большим количеством конструкций для отработки слов, которые инофоны уже изучили ранее, поскольку в высказываниях Дениса и Мишки есть множество перечислений. Однако сами слова авторы адаптированного текста совершенно оправданно заменили или вовсе убрали. Посмотрим это на конкретных примерах.

С точки зрения стилистики оригинальный текст насыщен различными разговорными словами типа *«Ишь!»*, *«Подумаешь!»* (в значении обесценивания, придания незначительности сказанному собеседником), *«бормотал»*, *«мол»*, *«так...»* (говорящий задумался), которые придают тексту простоту и живость, делают его более близким к реальности, как будто сюжет действительно взят из жизни с точностью до мелочей — интонации, возгласов, эмоций, приговорок и т. д. К ним можно отнести такие фразы, как *«из-под пальцев <...> **выскакивали** разные звуки»*, *«какие люди!»*, *«сидят, как два воробья на веточке»*, *«ты не обижайся»*, *«поведай тайну своей души»*, *«принимай эстафету»*, *«спору нет»*, *«какой дурак не любит...», «с чем попало»*, которые носителю понятны и доступны, а инофону же такие обороты необходимо объяснять или же, как и сделали авторы адаптированного текста, вовсе их не использовать, поскольку они являются лишь дополнением, украшением текста, а не его основой. Хочется отметить в этом же ключе способ придания особого смысла обычному слову, которое использовал В. Ю. Драгунский, — написание/произнесение слова по слогам: Борис Сергеевич произносит слово *«му-зы-ка»* для подчеркивания важности, ценности этого слова, ее преобладания над ценностью слова «песенка», произнесенного Денисом, а писатель передает это послоговое произнесение на письме, сохраняя тем самым стиль, вложенный говорящим. В адаптированном тексте передавать этот особый смысл не требовалось.

Выделить стоит и тематическую группу слов «продукты», которая и в оригинале, и в адаптации составляет значительную часть всего текста. В оригинальной версии Мишка перечисляет все, что любит есть, в хаотичном порядке, будто бы стихийно вспоминая весь свой кулинарный опыт: например, он может назвать сначала один продукт, а потом вспомнить его подвиды (*«пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом»*, *«яйца всмятку, вкрутую, в мешочке»*, *«творог соленый, сладкий, кислый»*); может подряд упомянуть продукты, которые как объединены чем-то общим (*«ириски, сахар, чай, джем»*, *«овсяное печенье и ванильные сухари»*), так и абсолютно ничем, кроме признака съедобности, не связаны (*«частик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку»*, *«бульон, бананы, хурму, компот, сосиски»*, *«горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки»*); и даже в эмоциональном порыве использует несуществующее, выдуманное им слово, которое он произносит вслед за подобными по способу словообразования лексемами (*«утятину, гусятину и **индятину**»* вместо *«утятину, гусятину, **индюшатину**»*). В адаптированном тексте авторы несколько упорядочили, а также значительно сократили объем перечисленных продуктов, выбрав самые популярные и знакомые инофонам слова «мороженое», «хлеб», «кекс», «торт», «колбаса», «сок», «сыр», «икра». О последней стоит сказать, что в оригинальном тексте она была баклажанная, а в адаптированной версии рассказа — красная и черная, что, конечно, не соответствует советской действительности, в которой жили герои рассказа. Советские реалии в оригинале прослеживаются не только в наименованиях продуктов, но и в их вторичных признаках, например, в стоимости: *«Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь».* Мы не видим здесь слов, обозначающих деньги (рубль, копейка),

[1] Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию : учебник русского языка (базовый уровень). М.; С-Пб.: Златоуст, 2009. С. 49.

[2] Драгунский В. Ю. Что любит Мишка // Денискины рассказы. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2018. С. 279–285.

но из данного фрагмента монолога Мишки становится ясно, что он говорит о стоимости мороженого в копейках (на то, что это именно копейки, а не рубли, указывает числительное *«двадцать две»* в женском роде). Передать разницу между видами мороженого в адаптированном тексте авторы предпочли путем характеристики вкуса (*«особенно люблю шоколадное мороженое, фруктовое мороженое, ванильное мороженое»*).

2. Грамматические изменения.

С точки зрения грамматики адаптированный текст позволяет как продемонстрировать ее многообразие на уровне А2, так и отработать отдельные формы и конструкции путем их перечисления/повторения. Здесь мы видим примеры форм всех падежей — именительного (*я*, *Шопен*, *преподаватель* и т. д.), родительного (*уроки музыки*), дательного (*по телефону*), винительного (*подарки*, *песни*, *чудесную музыку*, *минеральную воду*, *в зоопарк* и т. д.), творительного (*с ним*, *с собакой*, *музыкой* и т. д.) и предложного. Превалирующее число слов в форме винительного падежа связано с тем, что в том разделе учебника, в котором размещен текст, инофоны узнают новые основные значения винительного падежа имен существительных с местоимениями и прилагательными в единственном числе, а знакомство с текстом помогает им вспомнить уже известные значения и закрепить только что пройденные.

В оригинальной версии рассказа Денис коротко рассказывает о том, что он любит, используя разговорный вариант сочетания «*рассказать + о чем?*» — «*рассказать + про что?*», который, во-первых, не соответствует правилам грамматики русского языка, а во-вторых, будет непонятен инофонам в связи с этим несоответствием: *«и про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов...».* Именно поэтому авторы адаптированного текста решили использовать корректную с точки зрения грамматики и известную инофонам конструкцию «*люблю + что делать?*»: *«...люблю играть в шахматы, читать сказки, смотреть телевизор, люблю петь песни, играть с собакой, звонить по телефону...».*

В связи с тем, что объем текста подвергся заметному уменьшению, его основные конструкции «*люблю + что?*» и «*люблю + что делать?*» сохранились в адаптированном варианте, поэтому грамматические изменения коснулись этого текста в меньшей степени.

3. Содержательные изменения.

Значительное сокращение объема текста повлияло на его содержание, но кардинально его не изменило. В основе сюжета оригинала лежит разговор Дениса, Мишки и Бориса Сергеевича, в основе адаптированного текста мы тоже видим взаимодействие и общение этих персонажей. Поскольку рассказы о Денисе и Мишке — это целая серия рассказов В. Ю. Драгунского, читателям оригинального текста уже известно, кто такой Мишка. Но инофонам это нужно было объяснить, чтобы ввести в контекст, поэтому авторы адаптированного текста начали повествование с краткой характеристики мальчиков, включающий в себя информацию о том, что Мишка и Денис — друзья, которые вместе учатся в школе и занимаются музыкой. В оригинале рассказа этого нет, так как автор, как мы уже упоминали ранее, рассказывает об очередных приключениях мальчика Дениса.

За счет сокращения в адаптированном тексте нет вступления, где указаны более подробные обстоятельства, в которых сосуществуют персонажи, чем просто *«Однажды мы с Мишкой вошли в класс, где у нас бывают уроки музыки. Наш преподаватель Борис Сергеевич играл на пианино. Мы тихо сели и стали слушать, как он играет. Борис Сергеевич играл, а мы слушали прекрасную музыку»* (адаптированный текст). Также нет фраз *«О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?»* (реплика Бориса Сергеевича), *«Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки»* (реплика Дениса) и многих других. В адаптированном тексте дается чуть более содержательно развернутое описание того, что любит Денис, чем оно есть в оригинале, ср.:

Оригинальный текст: *«И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звезды, и про лошадиные лица, все, все…».*

Адаптированный текст: *«И я рассказал, что я очень люблю играть в шахматы, читать сказки, смотреть телевизор; люблю петь песни, играть с собакой, звонить по телефону; люблю плавать, гулять, ходить в зоопарк, очень люблю дарить подарки, люблю смеяться... Я многое люблю.».*

Здесь можно заметить, что помимо изменений в грамматическом ключе есть существенные содержательные изменения, очевидно внесенные в связи с необъяснимостью понятий как на уровне социокультурных явлений, присущих представителям времени, когда жили Денис и Мишка (мы имеем в виду такие явления, как *«красные кавалеристы»*, *«древние воины»* и *«строганье»*), так и на уровне картины мира самого мальчика

(тут мы включаем абсолютно все то, что назвал Денис), любимые вещи которого автор в оригинальном тексте описывает довольно кратко, хотя предположительно сам мальчик давал более развернутые комментарии, включающие необходимые для понимания контекста истории и действия. Именно поэтому авторы адаптированного текста решили поменять содержание высказывания Дениса.

Значительно сокращено содержание высказывания Мишки, который в оригинальном тексте перечисляет в несколько раз больше то, что он любит, — в отличие от Дениса, перечислявшего свои интересы и увлечения, Мишка называл различные продукты и блюда, что в содержательном смысле передано и в оригинальном, и в адаптированном тексте. Содержательные изменения претерпело финальное высказывание Мишки: в ответ на вопрос Бориса Сергеевича, любит ли он что-то кроме еды, любит ли он кого-то (в оригинальном тексте вопрос касался людей и животных, а в адаптированном — только людей). При этом авторы адаптированного текста внесли изменения в высказывание Мишки, добавив к одному из объектов его любви (к бабушке) еще и причину проявления этого чувства — кулинарные способности. Эти изменения повлияли, на наш взгляд, на юмористическую составляющую всего высказывания мальчика:

Оригинальный текст: *«Ой, — сказал он смущенно, — чуть не забыл! Еще — котят! И бабушку!».*

Адаптированный текст: *«Ой! Я совсем забыл! Я люблю свою бабушку! Она так вкусно готовит».*

Таким образом:

1) с точки зрения лексико-стилистических характеристик адаптированного текста можно сделать вывод о том, что лексические изменения текста были внесены путем замены или удаления сложных для понимания слов и конструкций, при этом сохранены основные лексические единицы для повторения ранее изученного материала. Стилистические изменения включают устранение разговорных элементов и эмоционально-экспрессивных средств, которые могли бы затруднить понимание текста. Тематическая группа «продукты» остается ключевой в обоих вариантах текста, однако в адаптации происходит сокращение количества упоминаемых продуктов, отбор наиболее актуальной и распространенной лексики, а также замена специфических советских реалий (например, баклажанная икра заменена на красную и черную);

2) с точки зрения грамматических изменений можно выделить следующие: в адаптированном тексте содержатся все падежные формы с преобладанием форм винительного падежа в связи с необходимостью отработки и закрепления; замена разговорной конструкции *«рассказать про что»* на стандартную и грамматически верную *«люблю + что делать»*; сохранение оригинальных конструкций *«люблю + что?» и «люблю + что делать?»* по причине соответствия базовому уровню владения РКИ;

3) основные содержательные изменения адаптированного текста заключаются в том, что добавлено вводное описание персонажей, объясняющее отношения между Денисом и Мишкой, их общие занятия (школа, музыка), т. е. та информация, которая отсутствует в оригинале; упрощено вступление и сокращены обстоятельства, в которых находятся персонажи; расширено описание увлечений Дениса для лучшего понимания контекста; заметно сокращен список любимых блюд Мишки, хотя основная идея сохранена; несколько изменен финальный вопрос Бориса Сергеевича (исключено упоминание животных); добавлена новая деталь в ответ Мишки на вопрос о том, что и кого он любит, а именно о любви к бабушке (упомянуты ее кулинарные способности, являющиеся, по словам Мишки, причиной его любви), что повлияло на юмористическое содержание всего рассказа.

Выводы

В процессе нашего исследования мы выявили, что адаптация аутентичного текста — это процесс, состоящий из 3 этапов: 1) подбор текста (текст должен быть емким, содержательным, тематически подходящим с точки зрения стандарта по РКИ, а также завершенным в контексте литературной формы); 2) выявление знакомых и незнакомых слов и конструкций; 3) непосредственно адаптация текста.

Как мы выяснили из работ ученых в области адаптации текстов, существуют различные виды и способы адаптации. Субъектный, референциальный, адресатный и инструментальный вид адаптации представила С. В. Первухина [10, с. 98–99]. Последний из видов предполагает определение способа адаптации текста, среди которых преобразование, исключение, замена, объединение, преобразование, добавление и выделение (классификация В. С. Антиповой) [1, с. 130] или же опущение, замена (генерализация и конкретизация), добавление, перестановка и упрощение (классификация И. С. Григорьевой) [2, с. 200].

Мы провели сопоставительный анализ найденного в учебнике «Дорога в Россию» для уровня А2 адаптированного текста «Что я люблю», который в оригинале называется «Что любит Мишка» (автор В. Ю. Драгунский), и непосредственного вышеупомянутого оригинала. В ходе сопоставления двух текстов мы выявили, какие изменения были внесены в текст в процессе адаптации с точки зрения лексики, стилистики, грамматики, а также содержания рассказа:

– лексико-стилистические изменения были произведены с помощью замены или удаления сложных конструкций, однако лексические единицы, на которых основывался текст, были сохранены для отработки изученного ранее материала (в данном случае речь идет о существительных на тему «Продукты»), а стилистические особенности (в частности, разговорные слова и конструкции) были убраны в адаптированном тексте;

– грамматические изменения коснулись разговорной конструкции *«рассказать про что?»*, которая была заменена на более корректную, актуальную (для данного текста) и понятную конструкцию *«люблю что делать?»*;

– наибольшим изменениям подверглось содержание: здесь авторы адаптированного текста как внесли новую информацию в текст (например, в начале рассказа были добавлены некоторые подробности биографии Мишки и Дениса), так и сократили ее часть (например, уменьшили список предпочтений Мишки в еде), а также убрали ненужную информацию, а точнее сказать, информацию, не являющуюся сюжетообразующей (например, исключены подробные обстоятельства, в которых находятся персонажи, некоторые их реплики).

Список источников

1. Антипова В. С. Организация работы с аутентичными и адаптированными текстами на занятиях по русскому языку как иностранному (уровень В1): принципы отбора и способы адаптации // Пятый этаж. 2022. № 8. С. 126–131.

2. Григорьева И. С. Способы адаптации учебного текста для иностранных студентов на занятиях по курсу «Критическое мышление и письмо» («Ядро бакалавриата» ТГУ) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов VII (XXI) международной научно-практической конференции молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.). Вып. 21. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2020. С. 198–201.

3. Голубева К. В. Адаптация художественных текстов для работы на уроках РКИ на примере рассказа Елены Долгопят «Часы» // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1 (3). С. 192–194.

4. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М.; СПб. : Златоуст, 2001. 32 с.

5. Дзюба Е. В., Ткаченко Ю. Г. Художественный текст в учебнике РКИ: объект изучения или средство обучения? // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 243–254.

6. Коротышев А. В. Технология отбора и лингводидактической адаптации художественных текстов в целях обучения русскому языку как иностранному : автореф. дисс. … канд. пед. наук. М., 2017. 27 с.

7. Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 331–345.

8. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / сост. Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова. СПб. : Златоуст, 2015. 116 с.

9. Марьина О. В., Антипова В. С. Способы адаптации аутентичных текстов при обучении русскому языку как иностранному (на примере художественных текстов К. Г. Паустовского) // Педагогическое образование на Алтае. 2021. № 2. С. 12–16.

10. Первухина С. В. Виды адаптации текста // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 97–100.

11. Руженцева Н. Б. Аутентичный текст и способы его адаптации в системе преподавания русского языка как иностранного // Лингвокультурология. 2022. № 16. С. 168–172.

12. Салахова А., Языкова А. Развитие навыков расширительного понимания художественного текста на уроке РКИ: рассказ «Каштанка» А. П. Чехова и его экранизации // Филология и культура. 2024. № 1 (75). С. 172–177.

13. Чарыева Д. Б. Художественный поэтический текст как ресурс на уроках русского языка как иностранного // Мировая наука. 2024. № 4 (85). С. 165–168.

14. Шамзи З. А. Принципы отбора художественных текстов в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) для иракской аудитории : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2013. 23 с.

15. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2018. 508 с.

References

1. Antipova VS. Organizing Work with Authentic and Adapted Texts in Russian as a Foreign Language Classes (Level B1): Selection Principles and Adaptation Methods. *Pyatyy etazh = Fifth Floor.* 2022;8:126-131. (In Russ.).

2. Grigor'eva IS. Methods for adapting educational texts for international students in the course "Critical Thinking and Writing" (Bachelor's Degree Core, TSU). Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya : sbornik materialov VII (XXI) mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (16–18 aprelya 2020 g.) = Current Issues in Linguistics and Literary Studies: Proceedings of the VII (XXI) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (April 16–18, 2020). Vyp. 21. Tomsk, 2020. P. 198–201. (In Russ.).

3. Golubeva KV. Adaptation of literary texts for work in Russian language lessons using the example of Elena Dolgopyat's story "The Clock". *Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve = Bulletin of Humanitarian Research in the Interdisciplinary Scientific Space.* 2023;1(3):192-194. (In Russ.).

4. Vladimirova TE et al. State standard of Russian as a foreign language. Basic level. Moscow; St. Petersburg, 2001. 32 p. (In Russ.).

5. Dziuba EV, Tkachenko YuG. Literary text in the RFL textbook: object of study or means of teaching? *Filologicheskiy klass = Filological Class.* 2021;26(3):243-254. (In Russ.).

6. Korotyshev AV. Technology of selection and linguodidactic adaptation of literary texts for teaching Russian as a foreign language. Abstract of thesis. Moscow, 2017. 27 p. (In Russ.).

7. Laposhina AN, Lebedeva MYu. Tekstometr: An Online Tool for Determining the Text Complexity Level for Russian as a Foreign Language. *Rusistika = Russistics.* 2021;19(3):331-345. (In Russ.).

8. Lexical minimum of Russian as a foreign language. Basic level. General knowledge. Ed by NP Andryushina, TV Kozlova. St. Petersburg, 2015. 116 p.

9. Pervukhina SV. Types of text adaptation. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika = Bulletin of SUSU. Series: Linguistics.* 2014;11(1):97-100. (In Russ.).

10. Maryina OV, Antipova VS. Methods of adapting authentic texts in teaching Russian as a foreign language (using the example of literary texts by K. G. Paustovsky). *Pedagogicheskoye obrazovaniye na Altaye = Pedagogical education in Altai.* 2021;2:12-16. (In Russ.).

11. Ruzhentseva NB. Authentic text and ways of its adaptation in the system of teaching Russian as a foreign language. *Lingvokul'turologiya = Lingvoculturology.* 2022;16:168-172. (In Russ.).

12. Salakhova A, Yazykova A. Developing Skills of Extended Understanding of a Literary Text in an RFL Class: The Story "Kashtanka" by A. P. Chekhov and Its Film Adaptations. *Filologiya i kul'tura = Filology and Culture.* 2024;1(75):172-177. (In Russ.).

13. Charyeva JB. Artistic Poetic Text as a Resource in Russian as a Foreign Language Classes. *Mirovaya nauka = World Science.* 2024;4(85):165-168. (In Russ.).

14. Shamzi ZA. Principles of selecting literary texts in the practice of teaching Russian as a foreign language (RFL) to an Iraqi audience. Abstract of thesis. M., 2013. 23 p. (In Russ.).

15. Shchukin AN. Methods of teaching Russian as a foreign language: textbook. Moscow: FLINTA; Nauka; 2018. 508 p. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Ю. Редькина — кандидат филологических наук, доцент.

Л. К. Попова — магистр филологии, редактор.

Information about the authors

O. Yu. Redkina — and. Sci. (Philology), Associate Professor.

L. K. Popova — Master Degree of Philology, Editor

Статья поступила в редакцию 27.06.2026; одобрена после рецензирования 08.10.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 27.06.2026; approved after reviewing 08.10.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 220–228.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):220-228.

УДК 81`367.522

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-220-228

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДОВ УрФО: РЕЧЕВОЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Олеся Ильясовна Шарафутдинова[1], Ядвига Леонидовна Хелал[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, sharafutdinovaoi@yandex.ru, 0009-0005-6144-5729

[2]Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, khelalil@susu.ru, 0000-0003-4625-1967

Аннотация. Статья посвящена речевой репрезентации туристических объектов Тюменской и Челябинской областей на официальных сайтах и в текстах, сгенерированных нейросетями, а также определению лингводидактического потенциала данного материала в преподавании русского языка как иностранного. Материалом исследования стали тексты официальных туристических сайтов Visit Tyumen и Chel Travel, репрезентирующие Тюменскую и Челябинскую области, а также тексты, сгенерированные нейросетями Алиса, ГигаЧат, ChatGPT, Claude и DeepSeek. В работе использованы методы сопоставительного и семантического анализа, элементы контент-анализа, а также кейс-метод в обучении. Показано, что официальные сайты и нейросети по-разному конструируют образ региона: в случае Тюменской области расхождения проявляются как в выборе знаковых объектов, так и в способах их речевой характеристики; в случае Челябинской области доминирует более устойчивое представление региона через природные объекты, хотя отдельные ИИ-тексты актуализируют промышленный туризм. Выявлены ключевые речевые средства репрезентации туристических объектов: оценочная лексика, эпитеты, метафоры, устойчивые сочетания, номинативные, безличные и побудительные конструкции, а также различия в номинации достопримечательностей, степени эмоциональности и оценочности, использовании разговорной и заимствованной лексики. На основе полученных результатов разработан комплекс заданий для иностранных учащихся, направленный на сопоставление цифровых источников, анализ языковых средств, развитие лингвострановедческой и коммуникативной компетенций и формирование навыков критической оценки информации.

Ключевые слова: речевая репрезентация, страноведческий материал, туристический объект, туристический сайт, репрезентация региона, Тюменская область, Челябинская область, нейросеть, ИИ

Для цитирования: Шарафутдинова О. И., Хелал Я. Л. Репрезентация туристических объектов городов УрФО: речевой и лингводидактический аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 220–228. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-220-228.

Original article

REPRESENTATION OF TOURIST ATTRACTIONS IN THE CITIES OF THE URAL FEDERAL DISTRICT: SPEECH AND LINGUODIDACTIC PERSPECTIVES

Olesia I. Sharafutdinova[1], Iadviga L.Khelal[2]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, sharafutdinovaoi@yandex.ru, 0009-0005-6144-5729

[2]South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, khelalil@susu.ru, 0000-0003-4625-1967

Abstract. The article examines the verbal representation of tourist attractions in the Tyumen and Chelyabinsk Regions on tourism websites and in texts generated by AI systems, as well as the linguodidactic potential of these materials for teaching Russian as a foreign language. The study draws on texts from the Visit Tyumen and Chel Travel portals and responses produced by five generative systems — ChatGPT, Claude, DeepSeek, Alice, and GigaChat. The research combines content analysis, comparative and semantic analysis, and the case-study method. The study demonstrates that official websites and neural-network-generated texts construct regional images in different ways. In the case of the Tyumen Region, the differences are evident both in the selection of emblematic sites and

© Шарафутдинова О. И., Хелал Я. Л., 2026

in the linguistic strategies used to describe them; in the case of the Chelyabinsk Region, a more stable representation centred on natural attractions prevails, although some AI-generated texts foreground industrial tourism. The study identifies the key linguistic means used to represent tourist attractions, including evaluative vocabulary, epithets, metaphors, fixed expressions, nominative, impersonal, and imperative constructions, as well as differences in the naming of attractions, the degree of emotionality and evaluation, and the use of colloquial and borrowed vocabulary. Based on these findings, a set of tasks for learners of Russian was developed to compare digital sources, analyse linguistic means, develop cultural and communicative competence, and foster critical evaluation of information.

Keywords: speech representation, country studies materials, tourist attraction, tourism website, regional representation, Tyumen Region, Chelyabinsk Region, neural network, artificial intelligence (AI)

For citation: Sharafutdinova OI, Helal IL. Representation of Tourist Sites in the Cities of the Ural Federal District: Speech and Linguodidactic Aspects. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):220-228. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-220-228.

Введение

В настоящее время наблюдается изменение способов поиска и обработки информации о туристических территориях, происходящее в условиях активного распространения генеративных систем. Официальный контент о достопримечательностях территорий доступен на сайтах, создаваемых под эгидой региональных властей; официальный сайт должен моделировать образ объекта узнаваемого и популярного, но обладающего уникальностью, чтобы вызвать желание посетить конкретное место. Однако если пользователи не занимаются поиском в сети Интернет, а предпочитают получать готовую информацию, сгенерированную нейросетями, это может приводить к искажению информации или формированию устойчивых стереотипов о туристических объектах. Подобные расхождения между первичным официальным образом и его вторичными версиями приобретают особую значимость в лингводидактическом аспекте, поскольку туристический текст позволяет соединить работу с языковыми средствами и знакомство с региональным разнообразием России, одновременно развивая у иностранных учащихся навыки критической оценки информации, получаемой из разных цифровых источников.

Цель — показать специфику речевой репрезентации области на официальных ресурсах и в ИИ, демонстрирующую региональное разнообразие России, туристическую привлекательность отдельных областей и имеющую лингводидактический потенциал для самостоятельного знакомства со страной и изучения языка на основе туристических текстов.

Для достижения этой цели рассматривается представление туристических объектов на официальных сайтах Тюменской и Челябинской областей (Visit Tyumen и Chel Travel), выделяются три ключевые достопримечательности региона, формирующие привлекательность города и области, сопоставляется список и речевая репрезентация туристических объектов, представленных на сайтах, с материалами, сгенерированными нейросетями, дается авторский комплекс заданий.

Материалы и методы

Материалом для выявления образа региона и средств его речевой репрезентации послужили тексты Chel Travel[1] и Visit Tyumen,[2] а также материалы, сгенерированные нейросетями по запросу: «Ты путешествуешь по Тюменской / Челябинской области. Выбери 3 главные достопримечательности области, ранжируй их по значимости и представь в виде списка». Генерации проводились в апреле 2026 г. в пользовательских веб-интерфейсах пяти генеративных систем: ChatGPT (GPT-5.3 Instant), Claude (Claude Sonnet 4.6), DeepSeek (DeepSeek-V3.2), «Алиса» (Alice AI LLM) и GigaChat (GigaChat 2). Для каждой системы создавался новый диалог, в который без предварительного контекста вводился идентичный текст запроса с заменой названия региона. Дополнительные инструкции и уточняющие запросы не использовались; повторная генерация ответа также не производилась. В исследовательский корпус включался первый полученный ответ, благодаря чему исключался последующий отбор вариантов, в большей степени соответствовавших ожиданиям исследователя.

Методологическую базу исследования составляют методы контент-анализа туристических текстов, сопоставительный анализ, семантический анализ, кейс-метод в обучении.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды, посвященные роли туризма в социально-экономической жизни региона (Аракчеева З. В., Мальцева Н. В., Попова Л. И., Харламова А. Ю.), речевому компоненту создания образа региона (Амирханова К. М.,

[1] chel.travel.ru

[2] visittyumen.ru

Ваганова Е. Н., Васильева Ю. А., Гуреева А. А., Зорина А. В., Митягина В. А., Паникарская Н. И., Рубан Д. А., Сидорова И. Г., Стаценко А. А., Хамдеева Д. Р., Щекунцова А. С.), работе с текстом туристической сферы на занятиях по русскому языку как иностранному (Егорова А. К., Ельцова Е., Сальмурзаева З. Р.).

Образ региона по материалам сайтов и нейросетей

Согласно Стратегии развития туризма в Российской Федерации, туристический потенциал территории зависит от наличия ресурсов, т. е. природных, исторических, социально-культурных объектов.1 При неравномерном распределении по территории страны туристические ресурсы в России используются только на 20 % [Аракчеева З. В.], хотя туризм сегодня составляет неотъемлемую часть экономики. Исследователи, отмечая высокий туристический потенциал Тюменской и Челябинской областей, указывают на слабую востребованность данных регионов у российских и зарубежных путешественников из-за ограниченности социально-экономических ресурсов [Харламова, 2010], недостаточной информированности населения [Попова, 2013; Мальцева, Попова, 2022]. Решение проблемы исследователи связывают с широкомасштабным распространением информации о регионе посредством современных интернет-технологий [Мальцева, Попова, 2022], с правильным позиционированием туристической индустрии конкретных территорий «путем оптимизации соответствующих образов в электронном пространстве» [Щекунцова, Рубан, 2016, с. 118]. В этой связи представляется важным речевой компонент создаваемого образа региона: А. А. Гуреева отводит вербальной составляющей ключевую роль в формировании туристически привлекательного образа региона [Гуреева, 2017, 2018]; В. А. Митягина, И. Г. Сидорова устанавливают роль языковых средств в брендинг-дискурсе [Митягина, Сидорова, 2018]. На материале разных языков описываются выразительные средства, не только представляющие пространство, но и воздействующие на потребителя [Ваганова, 2017]; стилистические особенности сайта [Зорина, Амирханова, Хамдеева, 2020], отдельные языковые явления — эргонимы как транслятор ы сведений о явлениях национальной культуры [Васильева, 2023]. При формировании образа региона и анализе его составляющих необходимо учитывать специфику бытования информации в интернет-среде. Отмечая проблему качества информации, исследователи прямо связывают низкое качество туристического образа региона в сетевом пространстве с его успешностью и формированием стереотипов о территории [Паникарская, Стаценко, Рубан, 2015].

Официальные сайты дают возможность познакомиться с образом региона, сознательно конструируемым региональными властями. В данном исследовании для анализа выбраны сайты: Visit Tyumen — ГАУ Тюменской области «Агентство туризма и продвижения Тюменской области»; Chel Travel — туристический портал, разработанный по инициативе агентства международного сотрудничества Челябинской области. Другой канал получения информации, зачастую более быстрый, но дающий не всегда достоверное, стереотипное представление о регионе, — это нейросети. Сравним образ региона на официальных сайтах и вторичную версию этого образа, транслируемую ИИ.

Сайт Visit Tyumen на главной странице отмечает компоненты, создающие общий образ региона, и их речевую характеристику через устойчивое сочетание (*сильные духом люди*), оценочную лексику (*лучшие термальные курорты*), эпитеты (*богатая история, уникальная архитектура, неповторимая сибирская кухня)*, а также знаковые достопримечательности и виды деятельности. Для анализа речевой репрезентации выбраны первые три объекта по версии сайта и нейросетей. Первое и второе места в списке ключевых достопримечательностей занимают горячие источники и Тобольск (сайт и Claude) или Тобольский кремль (Алиса, ChatGPT, DeepSeek), ГигаЧат предлагает туристу рассматривать города и архитектуру всей области. Третье место в списке привлекательных мест и видов деятельности по данным источников различается: природа области отмечается в трех источниках (сайт, ChatGPT, ГигаЧат), Claude делает акцент на этнотуризме; Алиса возвращает туриста к достопримечательностям города (набережная реки Туры), а DeepSeek предлагает познакомиться с гастрономическими особенностями региона.

Сопоставление ключевых достопримечательностей области по официальным данным и материалам нейросетей демонстрирует не только различия в позиционировании отдельных объектов,

[1] Стратегия развития туризма в Российской Федерации в период до 2035 года. URL: https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-vrossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda (дата обращения: 08.07.2026).

но и существенные расхождения в том, какие объекты и виды деятельности относить к знаковым для региона. Сравним речевые особенности представления и описания туристических объектов на официальном сайте и в текстах, сгенерированных ИИ, на одном примере (табл. 1).

Во-первых, различаются номинации данного объекта: только официальный сайт использует наименование *термальный курорт*, нейросети – *горячие источники* (Алиса и Claude), *термальные источники* (ChatGPT и ГигаЧат), *горячие термальные источники* (DeepSeek).

Во-вторых, на главной странице сайта дается только оценка объекта на региональном уровне – *лучшие курорты региона*, в то время как нейросети демонстрируют привлекательность природной достопримечательности в разных аспектах: 1) 3 источника отмечают ключевую роль данного туристического объекта в формировании привлекательного образа региона (*визитная карточка, главная фишка, центр термального туризма*); 2) 3 источника указывают на уникальность объекта (*уникальные комплексы, отдельный сибирский опыт, сибирская бодрость*); 3) 4 источника описывают пользу для здоровья (*идеальное место для отдыха и оздоровления, снимает усталость, даёт настоящую сибирскую бодрость*). Все три аспекта представлены только в микротексте, сгенерированном DeepSeek: главная достопримечательность (*визитная карточка региона*), уникальный опыт для туриста (*настоящая сибирская «бодрость»*) и польза для здоровья.

В-третьих, тексты, сгенерированные ИИ, различаются стилистически. Алиса, ChatGPT и ГигаЧат создают стилистически нейтральные тексты с отдельными эпитетами или оценочной лексикой: *незабываемые ощущения* (Алиса), *уникальные комплексы, отличное место* (ГигаЧат). DeepSeek использует прямое обращение к читателю с помощью императива и местоимения «вы» (*представьте, вы плаваете*), описывает живую картину посещения горячих источников, подчеркивает уникальность опыта с помощью контраста (*Представьте: на улице – 20°C или – 30°C, идет снег, а вы плаваете в бассейне под открытым небом с температурой воды + 40...+ 45°C*), эпитета (*невероятное чувство*) и прямой оценки (*Без этого Тюмень — не Тюмень!*). Текст, сгенерированный Claude, отличается эмоциональностью и наличием разговорной лексики: *главная фишка региона, вы плещетесь, вода реально снимает усталость.*

В речевой репрезентации образа Тюменской области преобладают оценочная лексика, эпитеты и устойчивые характеристики, подчеркивающие уникальность региона, пользу отдыха и особый «сибирский» опыт. При этом нейросети, в отличие от официального сайта, используют эмоциональные и разговорные средства воздействия на туриста.

Сайт Chel Travel в качестве трех наиболее привлекательных достопримечательностей указывает национальный парк «Зюраткуль», историко-культурный заповедник «Аркаим», национальный парк «Таганай», представляя объекты

Таблица 1
Table 1

Характеристика достопримечательности по данным сайта и нейросетей
Characteristics of the landmark based on data from the website and neural networks

Источник	Номинация объекта	Характеристика объекта
Visit Tyumen	Термальные курорты	Лучшие термальные курорты региона
Алиса	Горячие источники	Термальные комплексы; идеальное место для отдыха и оздоровления в любое время года
ChatGPT	Термальные источники	Один из главных российских центров термального туризма; отдельный сибирский опыт
Claude	Горячие источники	Главная фишка региона; вода богата минералами и реально снимает усталость
ГигаЧат	Термальные источники	Уникальные комплексы с горячей минеральной водой; вода богата полезными элементами; отличное место для отдыха и оздоровления
DeepSeek	Горячие термальные источники	Визитная карточка региона; невероятное чувство контраста расслабляет мышцы после долгой дороги и дает настоящую сибирскую «бодрость»

через метафоры *информационный детокс*, *визитная карточка* и эпитет *уникальный комплекс*. Данные нейросетей демонстрируют следующие результаты. ChatGPT не предлагает конкретные названия туристических объектов, указывая *природа и горы, активный отдых*. При описании промышленного и исторического туризма подчеркивается, что регион известен металлургией и историей освоения Урала: *сочетание советской индустриальной архитектуры, музеев и современных городских пространств*; при этом упоминается городское пространство, а не природное. Другие нейросети не рассматривают архитектуру города или всей области. Только DeepSeek на 3 месте указывает *индустриальное наследие и атомный след*, предлагая оценочный текст: *Урал – это ещё и заводы, тайны и трагедии; мистический Кыштым; это мрачновато, но уникально.*

Представим различия в репрезентации туристических объектов по официальным данным и материалам нейросетей на одном примере (табл. 2).

Стилистически тексты, сгенерированные ИИ и размещенные на сайте, похожи: стилистически нейтральные тексты с отдельными эпитетами или оценочной лексикой (*бескрайний лес, горные звонкие речки*) демонстрируют привлекательность природной достопримечательности: 1) отмечен функционал природного объекта *(сюда приезжают для несложных семейных прогулок и для многодневных походов, отличные места для фото природы*); 2) показана уникальная красота Таганая (*удивительной красоты природа, главное богатство региона*). Нейросети при описании используют заимствованную лексику: *отличные места для хайкинга*; *живописные вершины для трекинга*. Сайт и две нейросети, отмечая главную достопримечательность Таганая, — каменную реку (*скальные россыпи; каменные реки — курумники*), используют термин физической географии (*курумы – каменные россыпи*). Тексты DeepSeek более оценочны и эмоциональны, содержат советы туристам: *Без озера и леса — не понять природы; без хребта Таганай — не почувствовать Урал. И обязательно взять с собой репелленты и кепку.*

Таким образом, в соответствии с данными сайта и нейросетей, ключевые достопримечательности включают природные объекты, сочетающие разные виды отдыха. Челябинская область представлена памятниками природы. Речевая репрезентация туристических объектов представлена эпитетами (*уникальный, бескрайний*), устойчивыми сочетаниями и метафорами (*информационный детокс, визитная карточка*), безличными (*можно отдохнуть*) и побудительными конструкциями (*окунитесь с головой в знакомый мир детства сказов Бажова*).

При использовании материалов туристических сайтов и текстов, сгенерированных ИИ, необходимо учитывать специфику интерпретации официального образа региона во вторичных версиях, создаваемых нейросетями. Так, сопоставление материалов, представляющих Тюменскую область, демонстрирует не только содержательное расхождение, но и различия речевой характеристики туристических объектов, в т. ч. стилистические

Таблица 2
Table 2

Характеристика достопримечательности по данным сайта и нейросетей
Characteristics of the landmark based on data from the website and neural networks

Источник	Номинация объекта	Характеристика объекта
Сайт	Таганай	Удивительной красоты природа, бескрайний лес, каменные россыпи — курумы
Алиса	–	–
ChatGPT	Природа и горы	Главное богатство региона, национальные парки, горные маршруты
Claude	Национальный парк «Таганай»	Горный хребет, скальные россыпи («каменные реки»), живописные вершины для трекинга
ГигаЧат	–	–
DeepSeek	Национальный парк «Таганай» и горные хребты	Святое место для активного туриста, каменные реки (курумники), причудливые останцы, главная точка силы региона

особенности. В то же время тексты, описывающие Челябинскую область, отражают в большей степени стереотипное представление о регионе, богатом природными объектами.

Комплекс заданий для иностранных учащихся

Материалы туристической тематики обладают высоким дидактическим потенциалом, поскольку затрагивают личные интересы учащегося и повышают мотивацию к изучению языка, а также дают аутентичные тексты, приближая процесс обучения к условиям реальной коммуникации, способствуя формированию лингвострановедческой и лингвокультурной компетенций. Исследователи отмечают возможность привлечь «живой» материал и расширить рамки учебного дискурса [Ельцова, 2013]; лингвометодические достоинства рекламного текста о поездках по городам России в процессе преодоления языкового барьера и формировании страноведческих знаний [Егорова, 2024, с. 65]; потенциал аудиогидов как новой современной технологии при обучении аудированию [Сальмурзаева, 2023, с. 317]. Аутентичные тексты содержат единицы, требующие линвокультурного комментария как общего, так и локального характера для безбарьерного вхождения в русскую лингвокультуру.

При отборе дидактических материалов было получено 18 учебных текстов, из которых выбраны слова и словосочетания для предтекстовой работы, направленной на семантизацию единицы, выявление ее региональной специфики и установление соответствий с реалиями родной культуры, например: 1) *сибирское здоровье* — сильный иммунитет, невероятная физическая сила и способность легко переносить любые нагрузки или холод; 2) что вы знаете о климате и природе Сибири? Как вы думаете, почему физически крепкие, здоровые и выносливые люди ассоциируются в России с этим регионом? С чем или с кем ассоциируется здоровый и выносливый человек в вашем языке? С каким регионом?

Следующий этап работы связан с контролируемым включением нейросетей в учебный процесс, в т. ч. для демонстрации учащимся возможности самостоятельной работы по выбору региона для обучения или туризма. Первый тип заданий направлен на поиск и сопоставление информации из разных источников: 1) вы планируете поездку в Тюменскую/Челябинскую область. Посмотрите сайты Visit Tyumen/Chel Travel, выберите ключевые достопримечательности региона; 2) сформулируйте запрос в нейросети (не менее двух), чтобы определить топ-3 достопримечательностей в регионе; сравните с информацией сайта. Какой список вам нравится? Какие достопримечательности вы обычно выбираете при планировании поездки?

Второй тип заданий направлен на понимание письменного текста, выявление его содержательной и речевой специфики, а также локальных особенностей региона. Рассмотрим данный тип заданий на примере Челябинской области: прочитайте 2 текста о Таганае, сгенерированные ИИ; объясните, как вы понимаете словосочетания «живописные горные пейзажи», «каменная река»; сравните тексты, найдите общую информацию и отличия в описании места; отметьте прилагательные, описывающие красоту природы; назовите 5 причин, которые делают национальный парк Таганай привлекательным для туристов; составьте свой вариант текста; посмотрите видеоролик о Таганае: https://chel.travel/sights/na-volnakh-kamennoy-reki/; выберите прилагательные для описания красоты Таганая.

Завершающий этап работы направлен на формирование коммуникативной компетенции. Упражнения представлены в следующей последовательности: составьте план и бюджет поездки; определите, какие достопримечательности вы планируете посетить; сравните отзывы; определите время поездки, выберите место проживания; составьте список расходов; обсудите с друзьями план поездки; напишите письмо-приглашение вашему другу.

Разработанные материалы рекомендуется использовать при обучении иностранных учащихся на уровне B1-B2 как для аудиторной работы, так и для самостоятельного изучения русского языка, знакомства с Россией и отдельными регионами.

Заключение

Речевая репрезентация туристических объектов определяется как спецификой региона, так и типом источника, посредством которого формируется его образ. Официальные ресурсы транслируют целенаправленно сконструированный образ территории, тогда как нейросети перерабатывают его, акцентируя внимание на отдельных характеристиках, воспроизводя стереотипы или трансформируя значимость ключевых достопримечательностей и их речевую характеристику. Сопоставление ИИ-текстов с официальными источниками позволяет рассматривать генеративный контент как самостоятельный материал для исследования современной цифровой репрезентации пространства.

Туристические тексты обладают высоким лингводидактическим потенциалом: повышают интерес к изучению языка через получение страноведческой информации, демонстрируют реальные сферы применения языка, создают у учащихся дополнительную мотивацию. Предлагаемое в статье сопоставление официальных сайтов и ИИ-текстов следует рассматривать не только как способ отбора учебных материалов, но и как самостоятельный прием: дидактическая ценность нейросетей заключается не в замене аутентичного материала, а в создании условий для его критического анализа, верификации и речевой переработки учащимися, что дает возможность развивать коммуникативную компетенцию и формировать навыки осмысленной проверки и интерпретации цифровой информации.

Перспективы исследования связаны с расширением базы данных за счет туристических ресурсов других субъектов Российской Федерации и с проведением серийных генераций, позволяющих проследить устойчивость моделируемого образа региона. В лингводидактическом направлении дальнейшая работа предполагает уточнение схемы и этапов работы с лингвострановедческой информацией, привлечение материалов различных туристических ресурсов, расширение экспериментальной проверки эффективности заданий в группах уровней B1–B2.

Список источников

1. Аракчеева З. В. Роль туризма в социально-экономической жизни региона. С. 17–23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-turizma-v-sotsialno-ekonomicheskoy-zhizni regiona?ysclid=mr4papud3l852494491 (дата обращения: 08.07.2026).

2. Ваганова Е. Н. Языковые средства репрезентации пространства в туристическом дискурсе // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. С. 120–123.

3. Васильева Ю. А. Эргонимы как компонент регионального туристического дискурса: лингвопрагматический аспект // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 2 (14). С. 64-73.

4. Гуреева А. А. Маркетинговая функция текстов территориального брендинга // Homo Loquens: (вопросы лингвистики и транслятологии) : сборник научных статей. Вып. 11. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2018. С. 41–49.

5. Гуреева А. А. PR-функция текста туристического брендинга: лингвистические средства как способ реализации // Брендинг как коммуникативная технология XXI века : мат. III Всерос. науч.-практ. конф. 1–3 марта 2017 года ; под ред. проф. А. Д. Кривоносова. СПб., 2017. С. 128–131.

6. Егорова А. К. Система работы с рекламным туристическим текстом в обучении русскому языку как иностранному // Молодёжный филологический вестник. 2024. Вып. 4. С. 62–65.

7. Ельцова Е. Тексты туристической сферы общения на уроке РКИ: к вопросу о профессионально-ориентированном обучении РКИ будущих специалистов сферы туризма // Jazyk a kultúra. 2013. № 13. URL: https://www.ff.unipo.sk/jak/13_2013/elcova.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

8. Зорина А. В., Амирханова К. М., Хамдеева Д. Р. Стилистические особенности туристического дискурса (на примере англоязычного сайта visitlondon.com) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 216–223.

9. Мальцева Н. В., Попова Л. И. Туристский потенциал региона как фактор развития бренда Тюменской области // Актуальные вопросы брендинга: компания – отрасль – территория : монография ; отв. ред. И. А. Лиман, В. В. Маленков. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2022. С. 108–115.

10. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Лингвистический фокус брендинга территорий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 2. С. 42–51.

11. Паникарская Н. И., Стаценко А. А., Рубан Д. А. Туристический образ региона в сетевом пространстве: проблема качества информации // Ойкумена. 2015. № 1. С. 80–92.

12. Попова Л. И. Направления повышения конкурентоспособности регионального туристского продукта // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 10 (17). С. 67–68.

13. Сальмурзаева З. Р. Методический потенциал аудиогидов в преподавании русского языка как иностранного // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых (13–15 апреля 2023 г.) ; отв. ред. А. Г. Кожевникова. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2023. Вып. 24. С. 314–318.

14. Харламова А. Ю. Оценка условий развития туризма в регионе (на примере Челябинской области) // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. № 3. С. 342–246.

15. Щекунцова А. С., Рубан Д. А. Туристический образ региона в электронном пространстве: опыт комплексной оценки // Ойкумена. 2016. № 1. С. 117–127.

References

1. Arakcheeva ZV. Rol' turizma v sotsial'noekonomicheskoy zhizni regiona = The role of tourism in the socio-economic life of a region. P. 17–23. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-turizma-v-sotsialno-ekonomicheskoy-zhizni-regiona?ysclid=mr4papud3l852494491 (accessed: 08.07.2026). (In Russ.).

2. Vaganova EN. Yazykovye sredstva reprezentatsii prostranstva v turisticheskom diskurse = Linguistic means of spatial representation in tourism discourse. In: NV. Kormlina, NIu. Shugaeva (eds.) Issues of Philology and Intercultural Communication: Collection of Research Papers. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University; 2017. P. 120–123. (In Russ.).

3. Vasilyeva YuA. Ergonimy kak komponent regional'nogo turisticheskogo diskursa: lingvopragmaticheskiy aspekt = Ergonyms as a component of regional tourism discourse: linguopragmatic aspect. *Tul'skii Nauchnyi Vestnik = Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics.* 2023;2(14):64-73. (In Russ.).

4. Gureeva AA. Marketingovaya funkciya tekstov territorial'nogo brendinga = Marketing function of territorial branding texts // Homo Loquens: (Questions of Linguistics and Translation Studies): Collection of Scientific Articles. Issue 11. Volgograd: Publishing House of Volgograd State University, 2018. P. 41–49.

5. Gureeva AA. PRfunktsiya teksta turisticheskogo brendinga: lingvisticheskie sredstva kak sposob realizatsii = The PR function of tourism branding texts: linguistic means as a tool of implementation. In: AD. Krivonosov (ed.) Branding as a communicative technology of the 21st century: Proceedings of the Third All-Russian Science-to-practice Conference, 1–3 March 2017, St. Petersburg; 2017. P. 128–131. (In Russ.).

6. Egorova AK. Sistema raboty s reklamnym turisticheskim tekstom v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu = A system of working with advertising tourism texts in teaching Russian as a foreign language. *Molodezhnyi filologicheskii vestnik = Youth Philological Bulletin.* 2024;4:62-65. (In Russ.).

7. Eltsova E. Teksty turisticheskoy sfery obshcheniya na uroke RKI: k voprosu o professional'noorientirovannom obuchenii RKI budushchikh spetsialistov sfery turizma = Tourism texts in Russian as a foreign language classes: on profession-oriented teaching of Russian to future tourism specialists. *Jazyk a Kultúra = Language and Culture.* 2013;13. Available from: https://www.ff.unipo.sk/jak/13_2013/elcova.pdf (accessed: 08.07.2026). (In Russ.).

8. Zorina AV, Amirkhanova KM, Khamdeeva DR. Stilisticheskie osobennosti turisticheskogo diskursa (na primere angloyazychnogo sayta visitlondon.com) = Stylistic peculiarities of tourist discourse (by the example of the English-language website visitlondon.com). *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki = Philology. Theory and Practice.* 2020;13(9):216-223. (In Russ.).

9. Maltseva NV, Popova LI. Turistskiy potentsial regiona kak faktor razvitiya brenda Tyumenskoy oblasti = Tourism potential of a region as a factor in the development of the Tyumen Region brand. In: IA Liman, VV Malenkov (eds.) Aktual'nye Voprosy Brendinga: Kompaniya — Otrasl' — Territoriya: Monografiya = Current Issues in Branding: Company — Industry — Territory. Monography. Tyumen: University of Tyumen; 2022. P. 108–115. (In Russ.)

10. Mityagina VA, Sidorova IG. Lingvisticheskiy fokus brendinga territoriy = The linguistic focus of territorial branding. V*estnik Baltiiskogo Federal'nogo Universiteta Im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, Pedagogika, Psikhologiya = IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology.* 2018;2:42-51. (In Russ.).

11. Panikarskaya NI, Statsenko AA, Ruban DA. Turisticheskiy obraz regiona v setevom prostranstve: problema kachestva informatsii = The tourist image of a region in the online environment: the problem of information quality. *Ojkumena = Oecumene.* 2015;1:80-92. (In Russ.).

12. Popova LI. Napravleniya povysheniya konkurentosposobnosti regional'nogo turistskogo produkta = Directions for Improving the Competitiveness of the Regional Tourist Product. *International Research Journal.* 2013;10(17):67-68. (In Russ.).

13. Salmurzaeva ZR. Metodicheskiy potentsial audiogidov v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo = The methodological potential of audio guides in teaching Russian as a foreign language. In: AG. Kozhevnikova (ed.) Current issues in linguistics and literary studies: Proceedings of the 10th (24th)

International Science-to-practice Conference of Young Scholars, 13-15 April 2023. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. 2023;24:314-318. (In Russ.).

14. Kharlamova AYu. Otsenka usloviy razvitiya turizma v regione (na primere Chelyabinskoy oblasti) = Assessing the conditions for tourism development in a region: the case of the Chelyabinsk Region. *Strategiya ustoichivogo razvitiya regionov Rossii = Strategy for Sustainable Development of Russian Regions.* 2010; 3:342-346. (In Russ.).

15. Shchekuntsova AS, Ruban DA. Turisticheskiy obraz regiona v elektronnom prostranstve: opyt kompleksnoy otsenki = The tourist image of a region in the digital environment: an integrated assessment. *Ojkumena = Oecumene.* 2016;1:117-127. (In Russ.).

Информация об авторах

О. И. Шарафутдинова — кандидат филологических наук, доцент, доцент Департамента социокультурного развития.

Я. Л. Хелал — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного.

Information about the author

O. I. Sharafutdinova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Development.

I. L. Helal — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 13.07.2026; одобрена после рецензирования 24.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 13.07.2026; approved after reviewing 24.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.